

Игорь Шилов

ПОПУТЧИК, МОСКВИЧ И ВОДИТЕЛЬ

Annotation

Возможно, с кем то, из тех нескольких сотен людей, что ежедневно бесследно исчезают на просторах нашей страны, произошла именно такая история.

Последние метров четырёхста, из почти километрового забега, дались очень тяжело. Узкая тропинка, большей своей частью проходившая по лесному массиву, петляла из стороны в сторону, кидая и меня вслед за собой, при каждом своём повороте от одного препятствия к другому. Свет от полной луны был не в состоянии пробиться через всё ещё покрытые густой листвой кроны деревьев и от этого бежать приходилось в рваном темпе, беспрерывно уворачиваясь от безжалостных веток, так и норовивших оторвать клочок от ветровки или того хуже, оставить хлёсткий поцелуй на моём небритом лице. Драгоценные секунды таяли на глазах, мне даже не требовалось смотреть на светящийся в темноте циферблат чтобы понять, что нахожусь где то на грани между попаданием на последний автобус и опозданием, на него же. Собрав оставшиеся силы в икроножных мышцах, просто гудевших от усталости, ускорился и, как многоопытный стайер, всегда готовый к последнему рывку, пошёл напрямик через плотные кусты, с силой навалившись на них грудью, жадно хватавшей прохладный, осенний воздух. Финиш удался, был он красивым, мощным и наверняка понравился бы не мне одному, будь у него достойные зрители. Но в отличии от бегуна, демонстрирующего свои способности на стадионе и срывающего там аплодисменты, мне, как спортсмену любителю, в качестве награды досталось лишь невнятное урчание двигателя, удалявшегося по просёлочной дороге автобуса, и слабое подмигивание плохо работающих габаритных огней, вяло пробивавшихся сквозь темноту ночи.

— По-до-жди — выдавил я из себя, не в состоянии сказать ещё что либо, жалко махая руками вслед уходящему транспортному средству, в попытке остановить его всеми доступными способами.

Крик мой был больше похож на кашель старого курильщика и дальше трёх метров его расслышать никто бы не сумел, но на вторую попытку, более внятную, меня не хватило, да и навряд ли бы она помогла. Расстояние между мной и красными огоньками продолжало быстро увеличиваться и, как бы громко я не кричал, достучаться до водителя или счастливых пассажиров, чьи силуэты виднелись в ярко освещённых окнах автобуса, всё рано бы уже не получилось. Однако верить в необратимость произошедшего не хотелось, я так и продолжал в медленном темпе двигаться в сторону маячившей в темноте маршрутки, надеясь на чудо или хотя бы на простое везение.

Ни то, ни другое не произошло, но с поражением смирился лишь после того, как добрался до остановки, вернее до того, что от неё осталось и то только потому, что получил утешительный приз, в виде на половину разломанной скамейки, стоящей под выдавшим виды, насквозь проржавевшим навесом. Ноги мои, непривычные к таким скоростным и дальним забегам, незамедлительно потребовали принять этот подарок. Они и до этого давали понять, что находятся на пределе возможного, а сейчас так и вовсе стали подрагивать, и подгибаться. Не обращая внимания на голову, продолжавшую толкать уставшее тело вперёд, к ускользающей цели, две нижних конечности подвели меня к лавке и бережно усадили на неё. Тяжёлый вздох и последующий за ним облегчённый выдох привели мысли в равновесие и перевели их в другое, более актуальное русло, в дельте которого, вполне резонно, маячил вопрос: — А дальше то что?

Беглый взгляд на часы, довёл до сознания весь драматизм образовавшейся ситуации. Стрелки показывали время, не позволяющее сделать правильный выбор, десять часов ноль

восемь минут. На чтобы сейчас не решился, ничего хорошего оно мне не сулит. Бежать обратно я уже не в состоянии, даже под дулом пистолета. Пешком топать, до садового товарищества? Можно конечно, но с учётом моей теперешней физической формы, до участка, где стоит остывший от людского тепла дом, доберусь не раньше, чем к двенадцати, а засну и того позже. И что в таком случае остаётся на сон, с учётом того, что первый автобус отходит в шесть двадцать? Да почти ничего, какие то жалкие четыре часа, не больше. Было бы ещё в доме тепло и остались там какие нибудь продукты, тогда и раздумывать не стал, сразу бы двинул обратно, но там сейчас почти так же, как и на улице, сыро и не уютно, а в стареньком серванте, доставшемся матери от бабушки, шаром покати. Нет, ради этого нагружать свой и без того ослабленный организм я не стану, хватит на сегодня сомнительных удовольствий. Ещё раз взглянул на скамейку, когда то способную разместить на себе целую компанию усталых дачников и снова тяжело вздохнул. Два узких бруска, состояние которых даже в тёмное время суток не кажется идеальным, не лучшее место для полноценного сна.

— Вот же угораздило! — скромно выругался я, ещё раз взглянув в след уехавшему автобусу.

Обиженная скотским отношением к себе, со стороны несознательной части населения, лавка, отпускать не хотела. Просидел на ней уже минут двадцать, хотя первоначально, для принятия решения, отводил не больше пяти. По прежнему не хотелось ни возвращаться назад, ни оставаться здесь. Хотелось того же, что и раньше, в город, в тёплую квартиру, на сытный, пускай и поздний ужин, после которого даже краткий, и возможно не очень крепкий сон, слабо отразится на общем состоянии, при пробуждении. Видимо это, так никуда и не девшееся желание, и не давало возможности на что то решиться, а ещё во мне, где то очень глубоко, тлел слабый огонёк надежды, надежды на попутный транспорт. Пускай вероятность того, что по ночной дороге кто нибудь проедет и подберёт меня, неимоверна мала, но исключать её полностью я не торопился. Бывали прецеденты, люди на попутках и в более позднее время суток до города умудрялись добираться.

Не знаю, сколько ещё бы сидел на пришедшей в негодность скамейке, споря с самим собой, наверное, долго, возможно и заснул бы в таком, сидячем, положении, так ни на что и не решившись, но всё изменилось неожиданно, почти в одно мгновение, представившее на моё обозрение яркий свет от фар автомобиля, необъяснимо быстро выскочившего из-за поворота. Среагировал на него точно так же, как разъярённый бык реагирует на огромную, красную тряпку в руках опытного матадора. Забыв об усталости, стряхнув с себя нерешительность и пелену зарождающегося сна, одним рывком вскочил с насиженного места и нисколько не заботясь о собственной безопасности выбежал на середину дороги, где принял позу, не позволявшую двояко трактовать мой отчаянный поступок. Что почувствовал человек сидящий за рулём, заметив меня на своём пути, не знаю, но тормоза его автомобиля достаточно откровенно продемонстрировали своё отношение ко мне, не стесняясь ни в выражениях, ни в тональности. Юлить не стану, их душераздирающий визг и скрип напугал меня, но так и не заставил ни на сантиметр сдвинуться с места. Я словно статуя, так и продолжал стоять широко, расставив ноги, и раздвинув руки во всю их длину, будто пытаюсь поймать облако пыли, образованное стареньким «москвичом» и выброшенное порывом ветра в мою сторону. И даже после того, как в салоне появился свет, и я смог, через запывившееся лобовое стекло, разглядеть не молодого мужчину, тело моё продолжало изображать знаменитый рисунок, не менее знаменитого художника.

— Тебе чего, жить надоело!? — грозно спросила меня седая, взъерошенная голова, стоило ей только высунуться из окна автомобиля.

— Жить ещё нет. А вот сидеть здесь, в темноте, на грязной лавке, в одиночестве, очень — пытаюсь скрыть нервную дрожь, ответил я ей улыбаясь и без паузы, так жалобно на сколько мог, попросил: — Дядь, будь другом, до города подвези.

Пока ехали по неухоженной, раздолбанной грунтовке я строго соблюдал правило: «Хочешь, чтобы водитель не уснул за рулём, не спи сам». Но, как только выехали на нормальную, асфальтированную дорогу, расслабился, позволил себе на минуту прикрыть веки, дав глазам небольшой отдых, да так, видимо и отрубился, забыв о правилах, а заодно и о других предрассудках, придуманных людьми для самоуспокоения. Как долго спал на переднем сиденье, не приспособленном для людей моих габаритов, трудно сказать.

— Просыпайся! — крик, больше похожий на вопль отчаяния и сильный толчок в левое плечо, не позволили при пробуждении оценить это.

— Приехали? — не ловко дёрнувшись и сильно ударившись головой о стекло двери, выдал я дежурную фразу, открывая глаза.

Мой следующий вопрос, возможно и был менее приличным, но задавал я его более осмысленно.

— Что за хрень? — спросил я водителя резко зажмурившись и нисколько не стесняясь последнего слова.

Не дождавшись быстрого ответа от безжалостно разбудившего меня своим криком человека, осторожно приоткрыл левый глаз, меньше пострадавший от внезапно обрушившегося на органы зрения, неизвестно откуда появившегося яркого, солнечного света, перед этим предусмотрительно затенив его ладонью. Увиденное породило в моей голове такое количество новых предложений со знаком вопроса в конце, что от них сразу же стало не по себе. Пытаясь выбрать из этих вопросов самый культурный и самый животрепещущий, ещё некоторое время молчал, когда же готовность задать его была почти сто процентной, водитель, так и продолжавший молча сидеть слева, снова вступил в разговор.

— Чего перед собой видишь? — спросил он предельно серьёзно, но почему то шёпотом.

— Лобовое стекло. Грязное — так же серьёзно ответил я ему, стараясь понизить градус внезапно возникших эмоций до нормального уровня.

— А дальше?

— Дальше вижу кусты, деревья. Ещё дальше горы, трава внизу, птицы летают. Много. Вон уже капот обгадили. А у вас что, другое изображение?

— В том то и дело, что точно такое же. Только, понять не могу, откуда оно взялось? — отрешённо проговорил шофёр, так и не взглянув в мою сторону.

— Про это вам должно быть лучше известно, вы же нас сюда привезли. Чего вы меня то спрашиваете об этом? — сказал я, нервно поёжившись от кривой улыбки, больше похожей на оскал, изуродовавшей лицо этого человека до неузнаваемости.

Вообще то до этого старик выглядел вполне добродушно. Одутловатое, морщинистое, со следами двухдневной небритости, лицо. Достаточно густые, с сильной проседью, как и у начинающих расти бороды и усов, аккуратно подстриженные волосы, на крупной голове. Прямой, с еле заметной горбинкой нос, средних размеров. Пухлые губы и округлый подбородок, делающие лицо стареющего человека добрым и приветливым. Всё, как у всех в его возрасте, если бы не эта странная улыбка, исказившая рот до безобразия. Вероятно, в обычном состоянии он так не улыбается, но на почве растерянности и непонимания,

мужчина позволил себе действие, которое, на мой взгляд, впору приравнять к сумасшествию, да ещё и передающемуся воздушно капельным путём, что меня немного настораживает, а если быть до конца честным, то и пугает, не на шутку.

— Извините, не знаю, как вас по имени отчеству? — как можно ласковее спросил я, потрясённого произошедшим событием человека.

— Степан Сергеевич — ответил он, так и продолжая глядеть куда то в даль, чему то мило и непринуждённо улыбаясь.

— Очень приятно, Влад — сказал я почти машинально, не в силах оторвать взгляда от его перекошенной физиономии и задал самый важный для меня, на этот момент, вопрос: — Степан Сергеевич, не могли бы вы объяснить, где мы и, как оказались в этом месте? Если вам не трудно, конечно.

— Да легко — будто выйдя из транса, бодро ответил старик, мгновенно преобразившись. — Минут пять назад на дороге что то вспыхнуло, прямо перед машиной. Я хотя и старый, но на реакцию ещё не жалуюсь, сделал всё, как и положено, сбросил скорость, резко даванул на тормоза, но помогло это мало, если судить потому, что сейчас перед собой видим. Да и бог бы с ним, не впервой кусты на обочине ломать, я другого понять не могу. С чего это вдруг светло так стало и куда дорога подевалась? Такое впечатление, что её здесь вообще никогда не было.

Я обернулся назад, чтобы убедиться, правду ли говорит плохо знакомый мне человек. Внешний вид мужчины ещё совсем недавно вызывал у меня сомнения в его нормальности.

— Нету там ничего, я уже смотрел — заметив моё движение, с нескрываемой иронией сказал водитель.

Дороги сзади действительно не было, точно так же, как и впереди. За багажником виднелась лишь глубокая борозда от колёс, смешавшая ярко зелёную траву с неимоверно жирным чернозёмом, да примятые кусты, с частично обломанными ветками на них.

— Звонить не пробовали? — спросил я первое, что пришло на ум, после увиденного.

— Нет. А куда? — ответил водитель, с надеждой посмотрев мне в глаза.

— Да хоть куда — вытаскивая телефон из кармана, сказал я.

Попытка куда либо дозвониться, так и осталось попыткой. Связи мы не нашли ни в автомобиле, ни рядом с ним и даже на не очень высоком тополе, стоявшем в десятке метров от нашей вынужденной стоянки, куда я сумел, проявив чудеса акробатики, забраться, её не оказалось. Только после того, как не удалось дозвониться хотя бы до одного из абонентов, в огромном количестве забитых в моём, не первой свежести, гаджете, я, как по чье то команде, ощутил небывалое давление на уши, а затем и на глаза, начавшие замечать что то неладное в окружающем нас пространстве.

Нет, злобные монстры, желающие подкрепиться нашими растерянными телами, растительность, невиданная ранее в анналах родной природы, странные воздухоплавающие и парнокопытные, всё это, во всяком случае пока, отсутствовало, но вот ощущение какой то неправильности, навалилось сразу и бесповоротно. Органы слуха, зрения и даже обоняния, то тут, то там получали новые и новые доказательства необычности этого места. Воробьи, размером с мой, совсем не маленький кулак, топающие по капоту автомобиля словно по плацу и не обращающие никакого внимания ни на меня, ни на не добрые взгляды его хозяина. Комары величиной с ноготь большого пальца, так и норовившие высосать почему то именно мой правый глаз, жуки переростки, издающие резкие запахи, остатки которых пришлось стряхивать с себя после лазания по дереву, с жутко липкими листьями. Совсем не

мелкие грызуны, одетые в шкурки грязно серого цвета, абсолютно не напоминавшие трусливых мышек, смело бегающие под ногами в поисках пропитания. Уже этого вполне хватило чтобы мы посмотрели друг на друга с сожалением, вот вот перерастущим в приговор. А когда с той стороны, где стояла стена из не совсем половозрелых деревьев, послышался грозный рык, вперемешку с жалобным подвыванием и почти сразу же за этим над нашими головами пролетела огромная птица, с размахом крыльев в метра полтора, с первого взгляда мне так показалось, захотелось снова сесть в автомобиль, и уже там приступить к обсуждению увиденного, а за одно и к выдвижению версий по поводу случившегося.

— Говори первым, ты моложе. Наверняка уже имеешь какое нибудь объяснение всему этому — вытерев вспотевшее лицо рукой, предложил мне Степан Сергеевич, после того, как мы оказались в салоне старенького «москвича».

— Может вы всё таки первым начнёте, у вас возраст более подходящий — предложил я и в попытке разрядить обстановку, не ловко пошутил: — Про загробную жизнь мне мало чего известно.

— Аварии не было, это я гарантирую. Здесь что то другое — не обратив внимания на мой дешёвый подкол, серьёзно ответил старик, но ключ зажигания всё же провернул, заставив гулко затарахтеть двигатель. — Вот видишь работает, а на том свете он бы точно работать не стал, не зачем было бы.

— Вы чего же хотите сказать, что раз мы не на том свете, то значит въехали в какую то аномальную зону? — попытался я робко намекнуть на место, куда нас чёрт занёс.

— Ничего я не хочу сказать, потому что не знаю, зона это или лагерь пионерский. Одно тебе скажу парень, не нравится мне тут, как то не уютно себя чувствую на свежем воздухе, хотя почему, объяснить не могу.

— Ну и где мы тогда по вашему? — пытаюсь выжать из водителя хотя бы что то правдоподобное, спросил я.

— В лесу. Сам то чего не видишь? — получил я ответ, который меня совсем не устроил.

В дальнейшем мнений и предположений было выдвинуто достаточно, но не одно из них нас не устраивало полностью. Иногда очередное объяснение произошедшего не нравилось нам по отдельности, но всё же чаще мы совместно отвергали новую бредовую версию нашего попадания в этот странный перелесок. Не хотелось вот так, с бухты барахты, верить в то, что мы не у себя дома, а где то допустим на другой планете или в каком нибудь зазеркалье, как сказал мой собеседник, подводя черту под нашими умственными изысканиями.

— Давай остановимся на том, что мы всё таки дома, только малость заплутали. Хрен его знает, может я заснул по дороге, съехал с неё и пилил по полю незнамо сколько с закрытыми глазами, пока здесь не остановился, а вспышка мне просто приснилась. Могло же быть такое? — предложил дядя Стёпа и тут же поинтересовался моим мнением.

— Могло, наверное. Почему бы и нет? Вполне реальное предположение. Вы заснули, потом съехали на обочину, затем, прямо так, на четвёртой скорости, поднялись в воздух, заскочили в заросли и маневрировали между деревьями, словно на беспилотнике. Ну, а когда вдоволь налетались опустились на землю и резко затормозили. Следы вашего последнего действия у нас в наличии имеются. Вы, Степан Сергеевич, сами то верите в такие чудеса?

— Хорошо, давай начнём всё сначала. Объясни ты, как такое могло с нами случиться, чтобы дорога вдруг резко закончилась и мы оказались в лесу?

— Я бы с удовольствием, только видишь ли в чём дело, не довелось мне за твоими манёврами наблюдать, уважаемый! — возможно излишне резко высказался я, впервые обратившись к пожилому человеку на «ты». — Я, как тебе известно, так и продолжал спать всё это время, и делал бы это до сих пор не разбуди ты меня! А кстати, ты не в курсе, как долго я спал?

— А зачем тебе это? — удивлённо посмотрев на меня, спросил старик.

— Хороший вопрос, зачем. Узнать хочу, как долго в отключке был. Судя по солнцу, на улице сутки пролетели, а у меня такое состояние будто я и не спал вовсе. Ты обратил внимание, где оно крутится?

— Не слепой, вижу. Поэтому и предлагаю не пороть горячку раньше времени. «Утро вечера мудренее», так вроде умные люди говорят? Давай сейчас займёмся завтраком или ужином уже, разожжём костёр, поедим спокойно, придём в чувство, а завтра, на свежую голову начнём выяснять, что тут у нас имеется и где оно. Так тебя устроит?

— Договорились — не стал я возражать, устав разбираться в произошедшем с нами, тем более есть хотелось не меньше, чем спать.

— Вот и отлично — сказал Степан, поворачиваясь лицом к заднему сиденью своего автомобиля. — Ты бы чего предпочёл на перекус?

— Да мне всё равно, я не привередливый. У меня ни на завтрак, ни на ужин всё равно ничего нет. Так что буду рад всему, что предложишь — подтвердил я отсутствие каких бы то ни было продуктовых запасов в моих карманах и поинтересовался щедростью собеседника: — Угощаешь?

— Конечно, о чём разговор! Выберемся отсюда, рассчитаешься — ответил он таким тоном, как будто уже давно для себя всё решил.

Я изумлённо посмотрел в бесстыжие глаза человека по чьей милости мне посчастливилось оказаться в этом странном лесу и не увидел в них ни малейшего смущения. Напротив, вид их был таковым будто они прямо сейчас готовы подсчитать на сколько я собираюсь объесть их хозяина и тут же выставить мне счёт.

— Ты что, серьёзно? — вырвалось у меня.

— Нет, просто так ляпнул, от скуки! Ты что же думаешь, я задаром кормить буду каждого встречного поперечного? Силой, можно сказать, пробрался ко мне в машину, да ещё и жрать на халяву собирается! А вот это видал! — протянув в мою сторону живописную фигу, серьёзно проговорил Степан Сергеевич, владелец автомобиля марки «Москвич», выпуска прошлого века.

— Ну ты дядя Стёпа и куркуль! Не ожидал от тебя такого. Мы, можно сказать, попали в эту переделку из-за твоей невнимательности, а ты ещё на этом и нажиться собираешься? — возмутился я.

— Поживи с моё, да ещё с такой требовательной женой, как моя и не таким станешь — бодро ответил старик, покидая своё движимое имущество.

— А тебе сколько? — спросил я, выбираясь наружу следом за водителем, в попытке понять сколько осталось до того момента, когда мне уже не будет стыдно точно также говорить.

— Чего сколько? — переспросил меня Степан Сергеевич.

— Лет спрашиваю тебе, сколько? Узнать хочу, через какое время смогу стать таким же умным, как и ты?

— Шестьдесят два стукнуло, весной. А тебе?

— В два раза меньше — соврал я, посчитав, что сейчас не время гордиться своей молодостью.

— Странно, а по внешнему виду не скажешь, что тебе за тридцать перевалило.

— Бывает — уклонился я от не нужного разговора.

— Ну коли так, тогда давай за дровами топай. Да за одно посмотри, чего поблизости творится. Может мы рядом с жильём каким стоим и зря дурью маемся. А я пока взгляну, чего там у меня из съестного имеется.

— Нет поблизости ничего. Пусто. Я ещё с тополя осмотрелся — поставил я в известность старика об отсутствии на горизонте каких либо построек.

— Ну тогда просто сходи, набери веток и возвращайся, картошку печь будем.

Притащив целую охапку сухих коряг и веток, при помощи одной спички, легко превратил их в костёр средних размеров, после чего оставил Степана присматривать за ним и покинул, показавшееся уже обжитым и не таким страшным, место нашей мягкой посадки. Не стоит мешать хозяину картошки и консервированных кабачков готовить из них ранний завтрак, чудесным образом перешедший в поздний ужин. Мне вполне хватит времени до окончательного заката оранжевого диска за горизонт, чтобы преодолеть пару километров в направлении его движения, хотя бы в той стороне изучу местность более досконально, надо же с чего то начинать.

Шёл быстро, но вместе с тем и осмотрительно. Нет, осторожничал я не из-за боязни быть съеденным, ещё до собственного застолья, какимнибудь представителем фауны абсолютно не знакомого мне леса, а совсем по другой причине, в данном случае также не мало важной. Неотвратимо надвигающиеся сумерки заставляли оставлять в памяти ориентиры, по которым можно было бы даже в темноте найти дорогу назад. Вот и приходилось выбирать из многочисленных деревьев, растущих вперемежку с плотными кустами, самые достойные и внимательно присматриваться к ним. Кроме этого отвлекали моё внимание всё также летающие над головой птицы и прочая, относительно мелкая, живность, прогуливающаяся без боязни рядом со мной. Они также заставляли двигаться не в том темпе, в котором хотелось бы, так как их, непривычный для меня, внешний вид, не позволял относиться к ним совсем уж беспечно. Возможно по отношению ко мне у них и не было враждебных намерений, но я то об этом достоверно не знаю, а проявлять дружелюбие, лесные жители, никак не пытались, зато размеры свои демонстрировали с полной откровенностью и это настораживало. Надо заметить были они, у некоторых видов, очень внушительные, что вызывало во мне, как минимум, уважение к ним и напрочь отбивало желание приближаться к зверькам на нескромное расстояние. Особенно не понравилась мне встреча, на первый взгляд, с вполне безобидным ужигом, внешне напоминавшим малолетку удава. Пускай он и прополз тихо, и почти незаметно в трёх шагах от меня, но впечатление о себе оставил неизгладимое. Его скромная величавость заставила тут же покинуть реденькие кустики и выбраться на более открытую местность, впрочем, также не отличавшуюся полным отсутствием живых организмов, но хотя бы позволяющую держать их в поле моего зрения.

Снова забредать в кусты, а тем более в лес, желания у меня так и не появилось до самого конца прогулки, да и с возможностями тоже не всё так просто было. Трава на открытом пространстве, кое где, вымахала по пояс, земля местами, несмотря даже на то, что она основательно прогрета солнцем, имела вид вязкого ила, норовящего засосать мои кроссовки после первого же шага по ней и живности: летающей, бегающей и ползающей,

даже на этих свободных от листовенной растительности клочках, меньше не становилось. Откуда же тогда могла у меня появиться тяга к обследованию более заросших территорий, если здесь всё так не просто?

Среди прочих поразили меня пчёлы, опылявшие сиренево жёлтые цветочки и пару раз пытавшиеся попробовать на вкус цветастую надпись на моей толстовке. Это же какое количества мёда должно храниться у них в ульях, чтобы прокормить таких монстров зимой? А что будет с тем человеком, которого они, надеюсь по недоразумению, ужалят? Подумать страшно. Обнаружил и стрекоз, достаточно крупной величины, большое количество разнообразных бабочек, яркой окраски и не стандартного, в моём представлении, размера. Попались мне и самую малость разжиревшие синицы, и трясогузки, а вылетевшая прямо из под ног страшная птица, на самом деле оказалась банальной сойкой, похожей на упитанного гуся лишь своими габаритами. К моей радости ни одного крупного животного, за всё это время, рядом со мной так и не появилось. Не обнаружил я и отпечатков их лап, копыт и, что совсем уж странно, на земле полностью отсутствовали следы жизнедеятельности серьёзных представителей лесов и полей. С одной стороны, это не плохо, а с другой возникает вопрос: — «Где они?». Кто то же подвывал недалеко от автомобиля. Я, конечно, не имею огромного желания встретиться в лесу с кем нибудь крупным, да и до этого дня никогда его не имел, но в данной ситуации не мешало бы одним глазком взглянуть, лучше издалека, на какое нибудь животное из списка тех, что приводят при встрече в восторг и тихий ужас. Ну хотя бы для того, чтобы понимать, как далеко от этого представителя фауны нужно держаться и существует ли возможность, в случае чего, унести от него ноги.

Обратно повернул так же решительно, как и отправился на разведку. Стоило мне только впереди себя обнаружить целую цепочку не высоких холмов, густая растительность которых плавно спускалась в узкие проходы между ними, как я тут же понял, пора возвращаться. Преодолеть такое препятствие и в светлое время суток было бы не просто, а сейчас, когда дневное светило, спрятавшееся за кронами стоящих поодаль деревьев, окончательно ухудшило обзор и вовсе не стоит пытаться этого делать. Обходить же эти пригорки пришлось бы очень долго, так как ни начала их, ни конца мне не видно.

До костра добрался лишь в быстро вползающих и плотно оседающих на землю сумерках, которые в незнакомой и не очень приветливой местности можно с лёгкостью приравнять к полной темноте глубокой ночи.

— Ну ты где шляешься? Давно всё готово. Я даже попробовать уже успел — недовольно проскрипел Степан Сергеевич и поинтересовался: — Ну как, нашёл чего?

— Не а — ответил я ему коротко и очень правдиво. — Голяк. Ни дороги, не постройк. Только местами муть какая то под ногами. Такое впечатление, что внизу, вода плещется, как на болоте. Не доводилось по такому хаживать?

— Бог миловал — вытаскивая из углей картошку, бодро сказал повеселевший старик.

— А мне пришлось, как то раз, на севере нашей необъятной родины. Забавно, идёшь вроде бы по земле, а впечатление такое словно шагаешь по водяному матрацу. Здесь конечно не так, но ощущения очень похожие.

— А вдруг того, провалишься? Сразу засосёт? — немного забеспокоившись, спросил Степан.

— Не знаю. Там мне повезло. Когда провалился, в камни ногами упёрся и быстренько обратно вылез. А как здесь, сказать не могу, я даже не пытался сделать тут больше двух шагов, сразу на более твёрдую поверхность выходил.

Степан Сергеевич, после моего короткого рассказа, попрыгал на месте, стукнул по земле пару раз ногой и ничего не обнаружив, удовлетворённо сказал:

— А здесь вроде ничего, крепко держится.

— Правильно. Я же говорю, места есть такие, а это значит не везде.

— Да. Дела — протяжно, словно над чем то размышляя, сказал мой новый знакомый, а после почти незаметной паузы спросил: — Ну, а ещё чего необычное видел?

— Вроде нет. Всё так же, как и здесь. Хотя нет, вру. Пчёл видел. Вот такенных — разведя руки, как заядлый рыбак, показал я увиденных ранее медоносов.

— Врёшь! — не поверил мне дядя Стёпа.

— Ну не веришь, сам сходи посмотри — предложил я ему, улыбнувшись.

— А пасеки рядом не было? — заинтересованно спросил меня любитель сладкого.

— Говорю же ничего рукотворного не видел — коротко ответил ему я и попытался присесть возле затухающего огня.

— Выходит они дикие. Хм. Вот бы дупло найти, где этот рой пристроился.

— Ты чего совсем рехнулся? Оно тебе надо? Закусаят насмерть.

— Да ладно, закусаят — снисходительно сказал Степан Сергеевич, — я старый пчеловод, меня они не тронут.

— Тебе виднее — не стал я спорить и поинтересовался: — Так чего, говоришь готов ужин? А то, что то силы у меня закончились, подзаправиться бы надо.

— Готов. Садись давай ближе, кормить буду.

Спать засобирались в начале одиннадцатого, если верить моим часам, то утра. Не спорю рановато, но очень хотелось, да и на улице темно было, совсем как ночью. А до этого, за ужином, у вновь ярко разгоревшегося костра, ещё раз познакомились, уже более основательно, порадовались появлению нашей, родной луны, вселившей оптимизм в загрустившие, было по дому сердца. После еды выдвигали и обсуждали новые версии своего перемещения, в эту точку земли. В том, что это она, родимая, с появлением спутника, сомнений почти не оставалось, а когда на тёмном небе показались звёзды, многие из которых мне и моему товарищу по несчастью, хорошо знакомы, стало совсем ясно, мы всё ещё на своей планете. Затем, в более приподнятом настроении, немного поговорили о живности, увиденной в небе и на земле, списав их непривычные размеры, на аномалию места. А под конец посиделок договорились в каком направлении завтра, направим свои натруженные ноги. Когда же говорить было уже практически не о чем, заняли сидячие места в автомобиле, где я довольно быстро ощутил усталость, накопленную за странную ночь и почти сразу же почувствовал, как проваливаюсь в сон, несмотря на не совсем подходящую для него позу.

— Влад, не спишь? — заставил меня вздрогнуть вопрос, сидящего рядом человека.

— Нет — ответил я, хотя мозг уже успел за что то зацепиться в мире грёз.

— Если ты продавцом бытовой техники работаешь, то значит понимаешь в ней чего то? — спросил меня мужчина.

— Ну да. А ты почему спрашиваешь? — подтвердил я свою профессиональную принадлежность к торговле, но всё же поинтересовался с чего это, так заинтересовало Степана Сергеевича.

— У меня телевизор дома стал через раз выключаться, как думаешь, с ним что то серьёзное? — снова спросил водитель, которого явно мучила бессонница.

— Батарейки на пульте менял? — ответил я дежурным вопросом.

— Менял, не помогло.

— Ну тогда новый покупай и всё будет работать, как и прежде — нехотя ответил я, тяжело вздохнув и пытаясь поудобнее устроиться.

— Думаешь в нём дело?

— Дядя Стёпа, да откуда я знаю, в чём там у тебя дело?! Смотреть надо, чтобы реально разобраться — попробовал я защитить свой заслуженный отдых.

— Посмотришь, когда в город вернёмся? — спросил меня неугомонный так, словно мы с ним сидели, где нибудь на даче и через несколько часов собирались покидать её.

— Посмотрю, посмотрю. Как только выберемся отсюда, сразу и посмотрю — пообещал я ему, лишь бы больше не приставал с глупыми вопросами.

— Да я тебе новый телевизор куплю, если домой живыми и здоровыми отсюда выберемся. Ты сделай только так, чтобы в следующий раз, когда меня будить станешь, мы снова на нормальной дороге оказались, а за мной не заржавеет — подумал я, уже проваливаясь в сон.

Спал, как никогда до этого, скрючившись в три погибели, уперевшись головой в панель, засунув правую руку куда то за спину, но так сладко и спокойно, что даже не слышал, когда покинул автомобиль его хозяин. Правда выход наружу был немного комичен, но к моменту появления единственного зрителя, сумевшего бы по достоинству это оценить, все части моего тела уже встали на свои места.

— Сам проснулся или я разбудил? — спросил Степан, выйдя из-за кустов.

— Сам. Туалет, я так понимаю, в том направлении? — кивнув головой туда, откуда появился мой знакомый, спросил я его потирая затёкшую ногу.

— Ну, пускай будет в том — ответил он и, как это у него часто бывает, тут же перешёл к глобальным вопросам. — Планы не изменились? Собираться будем?

— Не изменились — подтвердил я свои вчерашние намерения и прихрамывая зашагал к удобствам.

Да, не оправдались мои надежды, асфальтированная дорога так и не появилась, а старенький автомобиль, приютивший меня на ночь, по прежнему продолжает стоять на крохотной полянке, в лесу. Ничего не поделаешь придётся самим отправляться на её поиски. Сидеть на месте, с теми продуктами, что обнаружили на заднем сиденье и в багажнике «москвича», конечно можно ещё долго, но вот, что делать после того, когда они закончатся, а нас ещё не найдут? Отсутствием аппетита я не страдаю, да и владелец этого продуктового богатства тоже не собирается на диету садится, вчера вон, как уминал печёную, да и от кабачков собственного изготовления тоже не очень отказывался.

Умываться было нечем, воды поблизости вчера не нашёл, а использовать ту, что налита в радиатор, нет, на такое я пока не готов. Владелец ретро автомобиля предлагал и сам даже вчера этой водой руки мыл, а я пока воздержался, буду родниковую ждать или на худой конец речную.

Невозможность получить водные процедуры позволила довольно быстро приступить к завтраку, тем более он был готов ещё вчера вечером. Картошки Степан не пожалел, напёк её много, килограмма три в огонь бросил, с горя, наверное, а кабачков у него ещё банок десять, под сиденьем стоит, открывай да ешь. С питьём тоже всё в порядке, запасливый огородник во время последней поездки из садового товарищества основательно затарился заготовками. Пять трёх литровых банок вишнёвого компота у него только в салоне стоит, между мешков с картошкой, наверняка и в багажнике, что то похожее отыщется, так что пока не бедствуем.

— Что скажешь, юный друг? Не передумал на юг идти? Смотри не ошибись с направлением, я тебе полностью доверяю — прожевав стылую картошку, поинтересовался Степан Сергеевич.

— Не передумал. А пока ты воду сцеживал из своего агрегата, я с большой долей вероятности определил, где этот самый юг находится. По остальному, вроде всё вчера обсудили или тебе моих доводов не хватило? — продолжая некультурно чавкать ответил я, а заодно и спросил.

— Не знаю, может и хватило, а может и нет. Результат покажет.

— О, как! Значит если никого не встретим я виноват буду? Нет, так дела не делаются, мой дорогой товарищ. Давай ка по новой всё прокрутим. Начнём вон хотя бы с гор. Стоят они на востоке. Так?

— Спорить не стану, вот они — усмехнувшись, ответил старик.

— Туда мы с тобой идти не собираемся? Или ты передумал? Нет, ты скажи, если тебе хочется, чтобы тебя именно там похоронили, я пойму.

— Ладно, ладно не кипятись. На юг, так на юг. Твоя взяла — подняв руки кверху, спокойно проговорил Степан.

— То то же. Ты пойми, дядя Стёпа, это направление самое перспективное. Если мы дома, то в той стороне столько городов и станиц должно быть, что хотя бы в одну из них мы с тобой при любом стечении обстоятельств попадём. Тем более городишко наш в том же направлении стоит. Ну а если богу было так угодно, что он закинул нас на чужбину — здесь я сделал скорбное лицо и сложив ладони у лица, посмотрел в почти безоблачное небо. — Тогда что же? Тогда будем рассуждать логически. Всегда и везде люди селились там, где теплее и там, где было море. Я прав?

— Прав, прав. Заканчивай балаган, собираться давай помогай.

— Щас, компотик твой великолепный допью и помогу. А ты пока складывай вещички, ты мне не мешаешь. Так вот, я продолжаю. В таком случае южное направление единственно верное. Если конечно здесь есть люди. Ну а нет их, так что же, тем более надо идти на юг, там тепло, там черешни и абрикосы растут. Ты, кстати, компот сам закатывал или супруга расстаралась?

В дорогу приспособили старую хозяйственную сумку, лежавшую в багажнике автомобиля, в который мне заглянуть даже одним глазком не дали, по не понятной для меня причине и пару обычных пакетов, из супермаркета с притягивающим названием. В сумку легло кило семь или восемь картошки, пара луковиц, три огурца и два покрасневших уже в машине помидора. В пакеты поставили три банки кабачков и банку компота из яблок, качество которого мне еще предстоит оценить, а так же туда запихали какую то грязную тряпку, на которой мой спутник собирается отдыхать ночью.

— Думаешь хватит этого? — спросил меня Степан.

— Ну ты отец даёшь! Я тебе чего, турист инструктор, всё за тебя решать? Откуда же я знаю сколько нам топать до ближайшего хутора придётся? Если три дня, тогда ещё и останется, а если десять, «то фиг вам», как говорят наши братья индейцы.

— Давай ещё картошки сыпанём тогда. Для надёжности.

— Тебе надо, ты и бери. А мне и этого за глаза. Я тебе чего верблюд одnogорбый, сумищу такую таскать?

— Ладно, не ной, так пойдём. Надеюсь не сдохнем с голода — по дружески хлопнув меня по плечу, покровительно сказал Степан Сергеевич.

— Ну вы на него посмотрите? Я же ещё и ною. Ты лучше решай под каким из кустов будешь ласточку свою прятать?

— Это то я уже давно решил. Давай вон под тот её затолкаем, там ветки по размашистей, маскировать легче будет — указав рукой на ближайшее растение, сказал старик.

— Ну под тот, так под тот. За руль садись и поехали.

Перед тем, как тронуться в путь я скинул с себя ветровку, от которой в такой жаре, что здесь установилась, толка никакого, взглянул на часы, чтобы знать, когда можно будет делать первый привал, мысленно пожелал нам счастливого пути и только после этого скомандовал:

— Ну пошли, что ли?

Теперь важно не сбиться с направления, не забрести в какиенибудь дебри, на первом же десятке километров и не нарваться на гиблое место, а с остальным справимся, даже несмотря на то, что мы с моим спутником городские жители, в третьем поколении.

Легко и непринуждённо прошли лишь первые триста метров, ну от силы четырёхста. Потом продвижение замедлилось. На нашем пути стали появляться природные барьеры, в основном в виде густых зарослей, заходить в которые я ни при каких условиях не собирался и странного вида мелких, не соединяющихся между собой, болот, серая жижа которых мало бы кому понравилась. Когда преодолели примерно километра четыре, если считать по прямой, желание и дальше продолжать кормить своей кровушкой просто озверевших комаров, у меня окончательно исчезло. Я не выдержал их издевательств над открытыми участками своего тела, на которых уже не оставалось живого места и объявил привал.

— Давай костёр Сергеич разожжём, что ли? Сил моих больше нет терпеть этих кровопийц — выбрав место посуше, предложил я своему спутнику, как мне кажется уставшему не меньше моего.

— Ну давай если считаешь, что пора. Отдохнуть я не против, а вот на счёт комаров не знаю, ко мне они не липнут чего то. Видать староват я уже для них.

— Да не в молодости дело. Ты на меня посмотри и на себя. Я чувствую, что красный, как рак, потому что существо теплокровное и во время ходьбы выделяю энергию, а ты бледный, будто бы из тебя вампиры всю кровь давно уже выпили, вот они на тебя даже и не смотрят. Кому такой нужен? А молодой или нет, это здесь ни при чём.

— Ну тебе виднее. Я что? Обычный слесарь, пятого разряда. А ты продавец бытовой техники, да ещё старший — хихикнув, высказался Степан.

Порассуждав на тему: кто из нас, неучей, умнее, стали собирать сухие дрова в изобилии валявшиеся прямо под ногами. Когда же костёр разгорелся накидали в него свеженаломанных веток, прямо с зелёными листьями, дав образовавшемуся, в следствие этого, белому дыму окутать всю ближайшую округу.

— Вот вам, сволочи! Сдохните, кровососы проклятые! — создавая вокруг себя туман и яростно рубя воздух огромным веником, орал я, выплёскивая наружу нестерпимый зуд охвативший лицо и кисти рук.

— Да сядь ты уже, успокойся. Нет никого, разлетелись все — посоветовал мне дядя Стёпа. — Лучше прикинь, километров пять оттопали?

— Если считать все повороты и обходы, то, наверное, и больше этого прошли. А по прямой четыре наберётся, так и это очень хорошо будет — приняв предложение присесть, высказал я свое мнение относительно пройденного расстояния.

— Да. Прав ты был. Точно, пошли бы в горы там бы я и остался — тяжело вздохнув сказал Степан Сергеевич.

— Устал что ли сильно? — поинтересовался я самочувствием пожилого человека.

— Да не так чтобы сильно, но скрывать не стану, тяжелоовато мне дались эти пять километров.

После обеда привалы приходилось делать чуть ли не через каждый час ходьбы. А ближе к вечеру старик совсем сдал и поэтому на окончательную стоянку стали в начале восьмого, хотя вчера планы у меня были совсем другие. Я рассчитывал встретить когонибудь из мыслящих существ ещё до обеда, а в случае возникновения с этим проблем, собирался топтать до самой ночи. Ни то, ни другое не сложилось, тем самым ещё раз подтвердив народную мудрость, в моей интерпретации звучащую примерно так: «Заранее ничего загадывать не

стоит».

— Ты слишком много сил на зарубки тратишь — сделал я выговор своему спутнику, когда мы уже сидели у тлеющего костра и с аппетитом наворачивали печёную в углях картошку. — Ну вот какого лешего ты их через каждые сто метров ставишь?

— Какого? А кто меня обратно к машине выведет? Ты что ли? Или ты думаешь я её там на вечно оставил?

— Ой, да ладно. Чего тут запоминать? Лес обошли, через поляну с молодыми берёзами протопали, четыре болота обогнули и всё. Так то в основном по ровному месту идём и направление нам известно, я его через каждый час сверяю.

— Это ты сегодня такой умный, а через десять дней забудешь всё на свете и чего тогда? Нет, как там говорить: «На товарища надейся, а сам не плошай». Ставил зарубки и буду ставить, ровно через сто пятьдесят шагов.

— Ну так взял бы тогда топор с собой. Чего его в багажнике оставил. Ножичком то своим уж сильно долго возишься. И с чего это ты вдруг решил, что мы десять дней топтать будем?

— Твою мать! — вдруг выругался Степан Сергеевич, сильно хлопнув себя по колену и наплевав на мой серьёзный вопрос.

— Ты чего? — спросил я, впервые услышав от вроде бы культурного человека, такое неприличное выражение.

— Багажник забыл на ключ закрыть! — ещё громче воскликнул он. — Чё теперь делать?! Возвращаться?!

— На хрена? — возмутился я такому вопросу, больше похожему на предложение. — У тебя чего там, золото, бриллианты спрятаны, чтобы столько пройденных километров псу под хвост кидать?

— Аппарат самогонный, у меня там лежит, в брезент, завёрнутый! Золото! Бриллианты! От него по более пользы будет, чем от твоего золота! Да был бы только он, там ещё почти восемьдесят литров чистейшего первача стоит, в канистрах и трёх литровых банках. Всё лето гнал. Ну твою же мать! А всё ты, харя любопытная! Вот чего ты хотел в багажнике моём увидеть? Чего свою морду совал туда, когда я его открыл?

— Да ладно. Не убивайся ты так. Кто его выпьет? Вон сколько протопали и ни одного человека не нашли — стал я успокаивать старика, не обращая внимания на его претензии ко мне.

Какое то время сидели молча, потом дядя Стёпа стал чего то бурчать себе под нос, не добро поглядывая в мою сторону, что повлияло и на моё самочувствие.

— А всё таки ты жмот, Степан Сергеевич — не выдержал я его косых и презрительных взглядов. — У него восемьдесят литров самогона в багажнике лежало, а он молчал. Мог же по пятьдесят капель, от стресса, налить?

Я человек не пьющий, как то не пристрастился к этому делу, но вчера бы выпил с удовольствием, был повод.

— Сам ты жмот. Не от жадности не налил, а из-за конспирации. Много вас тут шляется, а потом не знаешь, от кого полиция пришла — оправдался Степан, вполне резонными отговорками.

Утром проснулся от монотонного шарканья. Ещё с закрытыми глазами пытался определить, что это такое и откуда оно исходит. Когда же не смог с этим справиться без помощи зрения, воспользовался им, а воспользовавшись сильно удивился увиденному. Мой

старший товарищ уже не спал, не обращая внимания на темноту, через которую только начинал пробиваться рассвет. Да ладно бы просто лежал с открытыми глазами или сидел, думая о жизни, в его возрасте бессонница обычное дело, так нет, вместо этого он работал в поте лица и не просто работал, а занимался какой то ерундой, которая мне спать и не давала.

— Чего не спишь? — зло спросил я его, приняв сидячее положение.

— Ты что, ночью не слышал ничего? — задал он мне свой вопрос, вместо ответа.

— Не а. А чего ночью было? — снова спросил я, сладко потянувшись и зевнув.

— Псы замучили. Сначала были пол ночи, потом дрались с кем то, а под утро лаять начали, будто решали, кто у них лучше всех отличился.

— Псы? Это собаки, что ли? Так надо тебя понимать? — задал я очередные вопросы вставая на ноги.

— Они, чтоб им пусто было.

— А не запомнил в какой стороне они кувыркались? — спросил я Степана.

— Там — махнул он рукой на юг.

— Нормально, как раз в том направлении, куда и топаем. Может и людей в том районе вскорости услышим, и даже увидим, если повезёт. А это ты что, против них копьё готовишь? — усмехнулся я, взглянув на поделку дяди Стёпы.

— Угу — ответил он, не переставая шкрябать перочинным ножичком тонкую берёзку.

— Хорошее занятие нашёл. А спать не пробовал? Говорят, иногда помогает, от разных глупостей. Костёр бы лучше разжёл, да картошку в него кинул, вместо того чтобы в детство впадать.

— Успеем ещё нажраться — ответил старик, пытаясь приподняться и глядя в мои сонные глаза.

— А взгляд у него какой то не такой, — отметил я мысленно. — Уж часом не заболел ли?

Глаза у человека, годившегося мне в дедушки были, что у той побитой собаки, влажные, жалостливые и выражающие неопишемую печаль. Не знаю от чего, но мне стало стыдно, от предыдущего своего, не совсем корректного, выступления.

— Да ладно уж, сиди, строгой свои палочки, если так хочется — сменив тон, предложил я ему. — Сам всё сделаю. Парень я молодой, мне полезно будет с утра поработать, вместо зарядки.

— Я это, Влад — тихо промямлил старик, усаживаясь на место. — Я, наверное, дальше не пойду.

— Как это не пойду!? — возмутился я, даже не пытаясь узнать причину такого поступка. — Я тебе не пойду! Ты чего это старый удумал? Собак что ли испугался? Или решил, что им и одного меня на завтрак достаточно будет?

— Да собаки здесь не причём. Чего то спину у меня прихватило — сказал Степан и вздохнул так тяжело, как никогда до этого, во всяком случае при мне он себе такого ещё ни разу не позволял. — Видать полежал на влажной земле вот и переломило её. Ты один топай, а как найдёшь людей, сюда за мной вернёшься.

— Ты подожди, не принимай скоропалительных решений. Сейчас костёр разведу, поедем, согреемся, может и пройдёт всё. Полежишь часок и дальше снова вместе пойдём.

— Нет, не пройдёт — чему то усмехнувшись, сказал дед, — я себя знаю. Это у вас у молодых может пройти, а у нас... Если уж хворь прицепилась, так просто от неё не отделаешься.

Перестав выяснять, чего и как, я приступил к делу. Натаскал сухих веток, сложил их в кучу, поджёг, затем проверил ближайшие окрестности на наличие питьевой воды, а ничего не обнаружив вернулся обратно и сложив прогоревшие угли в отдельную кучку, кинул в них десяток картошин.

— Ну как, не полегчало? — спросил я Степана, присев рядом с больным.

— Нет — ответил он, кряхтя перевернувшись с одного бока на другой. — Ты бы мне, пока есть не сели, ещё бы веток наломал, что ли. Сыро тут, у них. Боюсь, как бы совсем не слёг.

— Так чего молчал? Давно бы сказал, что надо. Нож давай, сейчас нарежу.

Временную стоянку моего внезапно заболевшего спутника, покинул не в лучшем настроении. А с чего ему быть хорошим? Не приходилось мне ещё никогда, бросать человека, пускай и плохо знакомого, в беде, да ещё и в лежащем положении, среди болот и незнакомого леса, без воды и практически без еды. И кроме этого, одному топать дальше, незнамо куда и сколько, тоже совсем не весело. Но выбора старик мне не оставил, он и вставал то с трудом, а о том, чтобы идти на большие расстояния так вообще не заикался. Сидеть же у изголовья больного и наблюдать, как он мучается, тоже не выход.

У тлевшего костра оставил сумку, поделив по братски лежавшую в ней картошку. Так же больному отошли трёхлитровая банка, с остатками компота и обе банки консервированных кабачков, от которых пить хочется сильнее чем от сушёной рыбы. Причитающуюся мне провизию, состоящую примерно из трёх килограммов картошки, сложил в пакет, его положил в тот, что выглядел по новее, туда же поставил пустую поллитровую банку, в надежде на то, что удастся по дороге наполнить её водой и почти целый коробок спичек, один из тех двух, что старик взял в дорогу. По просьбе народного умельца прихватил с собой изготовленное им за утро копье, больше похожее на палку для размешивания разной гадости. Какой именно, об этом умолчал, хотя думаю дед и сам понимает какой.

На прощание пожал ослабевшую руку остающегося, пообещал вернуться с подмогой, как можно быстрее и пожелав скорого выздоровления ему, в котором уже и сам стал сомневаться, тронулся в путь, спиной почувствовав, как её перекрестили. Да, как говорить: «Дай бог, чтобы помогло». Хотя не известно, кому из нас помощь больше понадобится. Степану надо не только постараться встать на ноги, но ещё необходимо самостоятельно отыскать воду, без которой не то что выздороветь, а просто прожить долго, будет не реально и ещё как то продержаться на скудном рационе, совсем не похожем на лечебное питание, до тех пор, пока я не вернусь.

В отличие от дяди Стёпы никаких зарубок на деревьях я не делал и поэтому шёл относительно быстро. Зачем заниматься ерундой, моя зрительная память и не такое восстанавливала. И ещё надеюсь на то, что обратно пойду совсем скоро и местный ландшафт не успеет так измениться, чтобы я не смог вспомнить, где проходил и где останавливался до этого, делая короткие перерывы в своём продвижении к людям.

Первый длительный привал организовал ровно в два часа и то только потому, что идти под жарившим напропалую солнцем стало совсем невмоготу.

— Черти там что ли кочегарят? — выругался я, взглянув в безоблачное небо и стал искать тень, где можно было бы спрятаться от невыносимого зноя.

Разводить костёр не стал, комары почти не задирались, греться, в такую погоду, необходимости нет и есть, как бы это странно не выглядело, тоже не хочется. Просто так

посижу, отдохну минут двадцать и снова тронусь в путь. Вот водички попить, от этого я бы не отказался, пожалуй, но только не такой, которую набрал в банку в странной речушке, попавшейся мне около двух часов назад. Да и не речка это была, а так, ручей широкий, с вяло текущим безобразием в нём. Нет, с первого взгляда вода показалась очень даже приличной. На метровой глубине сквозь неё можно было всё прекрасно разглядеть, даже без микроскопа. Естественно я обрадовался такому обстоятельству и прежде чем преодолевать водную преграду в брод припал к вожденной влаге, как голодный телёнок к мамкиной сиське, и тут же поплатился за свою беспечность. Правильно говорила сестрица своему не разумному братцу: «Не пей воду из лужи...» Вот так и со мной случилось, после первых же глотков, жадно принятых внутрь, почувствовал себя полным козлом. В первый миг даже показалось, что напился какой то химии, но когда, вскочив на ноги, нашёл истинную причину странного привкуса во рту, то на столько был поражён ей, что даже позволил себе выматериться в слух, чего не делал очень давно. В реке была солёная вода! Не солонватая или с привкусом соли, а самая настоящая солёная. Нет, соли в ней находилось не так много, как допустим в морской, но не зависимо от этого пить это было всё равно невозможно. Вот это облом, так облом! Вроде бы вот оно, нашёл и на тебе, опять не всё ладно. От такого не только нецензурно выражаться начнёшь, но и залаешь, как собака, очень даже легко, а в моём случае и завывать вполне реально было. Конечно, может быть и так, что вода эта очень даже полезная или того хлеще, минеральная и какойнибудь местный барон сидит на ней, словно на нефтяной трубе, разливая это чудо по пластиковым бутылкам и позиционируя её, как панацею от всех болезней. Но вот, как по мне, так сделать больше трёх глотков этого пересоленного компота невозможно ни при каких обстоятельствах. А разве таким количеством воды, в такую жару, напьёшься? Да никогда.

В очередной раз вспомнив про воду в банке и её специфический вкус, с сожалением взглянул на мешок. Нет, не смогу, жажда ещё не на столько сильно мучает, чтобы такое пить. Пока мне хватило и того, что заглотил прямо из речки. Потерплю.

В первую половину дня, кроме широкого ручья с необыкновенно прозрачной водой, ничего особо примечательного на глаза мне не попадалось. Те же мелкие грызуны, перешедшие, скорее всего, от несоблюдения диеты в другую весовую категорию, точно такие же птицы, с увеличенным размахом крыльев и более мощной грудной клеткой, абсолютно идентичные вчерашним, комары и разная другая жужжащая, пищащая и чем то скрипящая нечисть. А вот после краткого привала, позволившего не столько отдохнуть, сколько ещё раз поразмыслить над правильностью выбранного направления, новые представители фауны на глаза так и лезли. И что характерно выглядели они очень даже привычно, поэтому встречи с ними больше радовали, чем пугали, ну разве что кроме самой первой. Она была на столько неожиданной, что мне даже не показалось зазорным нырнуть в ветвистые кустики, занимавшие всю правую часть пригорка и затаиться там, до полного успокоения и возвращения души на привычное место. Необычная картина, представшая моему взору с вершины холма, могла напугать кого угодно и в нормальной обстановке, что же тогда говорить обо мне, человеке, обнаружившем за последние два дня, огромное количество нестыкровок с размерами у разной живности. Внизу, там куда собирался спуститься без остановки на отдых, смог разглядеть внушительную стаю собак, облик которых, даже с высоты моего положения, показался неестественно большим, а количество превышающим порог моей храбрости, вот я и затаился, для детального обдумывания образовавшейся ситуации. И, как это часто бывает у меня во время кризисных явлений, правильное решение

сформировалось довольно быстро. Не сразу конечно, а после полного восстановления дыхания, сбора воли в кулак и задействования той части извилин, которые и в сложных условиях способны соображать в нужном направлении. На первый план они, отодвинув трусость, выдвинули любопытство, оно то всё и решило, погасив собой желание, как можно быстрее покинуть вершину и обойти лёжку страшных животных по дуге, километров так в пять. Тем самым серое вещество сэкономило мне силы и ещё раз подтвердило народную мудрость: «У страха глаза велики». Повторный, более внимательный, осмотр жутких монстров, показал: размеры собак, выбравших себе место для отдыха на моём пути, обычные, а их количество не превышает допустимого для стаи, живущей в пригороде любого города нашей необъятной страны. Правда некоторые члены этой команды, независимо от этого, так и продолжали выглядеть угрожающе, и своего сходства с волками не поменяли. Хотя, может быть и так, что это мне только кажется и более гладкошёрстые особи, издали выглядевшие довольно грозно, на фоне своих лохматых соплеменников, на самом деле так же состоят в клане друзей человека. Как бы там ни было, но уже только то, что эти четвероногие имели привычные размеры меня успокоило и дуга моя, при отступлении, уменьшилась в разы.

После этой встречи, примерно часа через полтора, когда я уже снова шагал в выбранном ранее направлении, шагах в пятидесяти от меня пробежала дружная семья хрюшек, папа, мама и штук двадцать их детишек, самого сопливого возраста. Обличием они были один в один с домашними поросятами, да и нравом ничем не отличались от них, пару раз миролюбиво хрюкнули, заметив мою застывшую фигуру и побежали дальше, о чём то переговариваясь между собой. Это событие навело меня на мысль о возможно скорой встрече с людьми. Не могут же домашние свиньи бегать по полю сами по себе? Ну ладно собаки, кормить дома перестали, вот они и подались на вольные хлеба, а свиньи — это совсем другое дело. Выглядели бы они, как лесные жители, тогда да, могли бы ещё вести самостоятельный образ жизни, но эти то имеют такой благородный вид, будто только час назад вышли с фермы, погулять.

В довесок к этим знакомствам, ближе к наступлению сумерек, когда о долгожданной встрече с себе подобными сегодня, можно было позабыть, наткнулся на отару самых обыкновенных овец, тупо жующих сочную траву в низине, расположившейся между двумя пригорками. Их размеры и точно такой же, как и у хрюшек, дружелюбный нрав показались мне хорошим знаком и я, в отличии от предыдущих случаев, решил, пора подать голос и обозначить своё присутствие в этом месте, а вдруг меня услышат и крикнут в ответ, прекратив тем самым мои скитания. Однако на своё неоднократное «эге-гей», получил лишь недружное блеяние давно нестриженных производителей сырья для ткацкого производства и громкие аплодисменты стаи крупных птиц, испуганно взмывших в небо с соседних деревьев.

Уже вечером жажда мучила необычайно, ядерной минералки явно не хватило на день и если бы не сладкий, сочный картофель, то наверняка бы вовсе не заснул, думая о жидкости. Но он у Сергеича оказался таким, какой в нашем случае ценится дороже золота. Только благодаря свежим клубням, забыл о воде и смог полностью отдаться борьбе с комарами, которые даже не смотря на дымный костёр, буйствовали без меры. Бой был не равный, превосходящие силы противника атаковали, не обращая внимания на огромные потери и в конце концов мне пришлось сдаться. Плюнув на всё, закидал огонь листьями, содранными с близ растущих кустов, лёг на ветки, заранее постеленные у костра, накрылся точно такими же и дал себе установку на сон.

Весь следующий день крутился вокруг двух огромных озёр, первую половину дня огибал одно, а почти всю вторую то, что было меньше по размеру, но имело более сложную береговую линию. Лёгкий завтрак и два глотка, так называемой питьевой воды, не позволяли передвигаться в ускоренном темпе, не увеличили его и обнаруженные мной природные резервуары. Вода в них оказалось солёной и в отличии от речушки ещё и мутной, пить такую не то что не хочется, а даже опасно для здоровья. Попробовал снизить жажду умыванием, но это мало помогло, на жаре омытые участки тела быстро становились липкими, покрывались невидимой соленой пленкой, что делало общее состояние ещё более удручающим. Пришлось довольствоваться картофелем, запасы которого таяли прямо на глазах, а в качестве охладителя использовать огромный лопух, сорванный мной ещё на последней стоянке и надетый на голову вместо шляпы. В этом месте даже птиц и животных было в разы меньше, почти полное отсутствие высокой растительности, потрескавшаяся на мелкие куски земля, больше похожая на прошлогоднюю грязь, жёлтая трава, кое где выгоревшая до основания, такой лунный ландшафт мало кого привлёк бы своим видом. Кроме сусликов, не замечающих моего присутствия и наплевавших на светлое время суток, да вездесущих змей разных мастей я, пожалуй, на этой территории больше никого и не видел. Зато комарам здесь нравилось, их было столько, что бороться с ними не имело никакого смысла, они так и норовили закусать меня до смерти, не обращая внимания на порывистый, знойный ветер и невыносимую жару.

Долгожданный реденький лесок, где росли кривенькие и не высокие туи, вперемежку с дохляками кипарисами, обнаруженный мной ближе к вечеру, воспринял, как избавление от мук. В нём хотя бы имелась тень и возможность разжечь костёр, что после такого тяжёлого перехода, совсем не мало.

Утро встретил с тревогой о будущем. К вчерашней жажде прибавился голод, который можно было побороть только с помощью отказа от поедания сырой картошки, хотя бы как то приглушающей желание пить. Дилемма! От чего лучше умереть, от недоедания или от обезвоживания организма? Точных данных, что быстрее сгубит моё молодое тело в голове не нашлось, мелочи в карманах, чтобы подкинуть монетку и таким образом всё свалить на божье проведение, тоже не обнаружилось. И что делать?

Время поджимало, а решение так и не приходило, я толкался у костра, не в силах на что то решиться, делая вид, что трогаться в путь ещё рано. Но, надо думать на самом верху, моё тяжёлое положение заметили и проявили сострадание, на горизонте появились тёмные, грозовые тучи, вынесшие окончательный приговор остаткам свежей картошки. Перекрестившись, хотя и не являюсь верующим человеком, бросил все овощи, лежащие на дне дырявого пакета в угли и с нетерпением стал ждать, когда же будет готов завтрак.

Дождя так и не случилось, а вот ещё одна напасть, к тем, что уже навалились и надо откровенно сказать, к которым я не был готов во время выхода в дальнюю дорогу, пришла оттуда, откуда её совсем не ждал. Одномоментно, на всём пространстве, куда только могли дотянуться мои глаза, плотной, почти непроходимой стеной встали кусты, больше похожие на искусственную изгородь. Ветви этих растений так плотно переплетались между собой, что я был вынужден прекратить продвижение по согласованном маршруту и стал искать обходные пути. Выбравшись в зону, где можно было свободно передвигаться во всех направлениях, кроме того к которому стремлюсь, повернул налево и начал двигаться вдоль зигзагообразной стены из кустов, в моём понимании не имевших какого либо конкретного названия. Протопал много, изредка продвигаясь на несколько десятков метров вперёд вместе

со стеной, а потом снова удаляясь на столько же или даже дальше в ту сторону откуда пришёл. Казалось, так и не найдя прохода в непреодолимом препятствии, придётся повернуть обратно и попытать счастья в другом направлении, но кто то невидимый снова сжалился надо мной и предоставил возможность воспользоваться узкой тропинкой, вклинившейся в дремучие заросли и имевшей, судя по приметам, рукотворное начало. Обрадовался ей, как глотку холодной воды и тут же ринулся вперёд, как трактор на готовое к вспашке поле, но вскоре засомневался в правильности поспешного решения, а затем и понял, что попался в чьи то ловко расставленные сети. Двигаться мог только туда, куда на это давала дозволение тропинка, что совсем не хорошо. В некоторых местах нельзя даже было развернуться в обратном направлении, чтобы не повредить себе чего нибудь и это серьёзно пугало, а шуршащие под ногами гады и их мелкие сородичи, грызуны, постепенно позволили поднять голову очень неприятному вопросу, в последнее время забившемуся в дальний угол сознания и сидевшему там тихо, и смирно. Звучал он так: «А туда ли я иду?».

Психоз нарастал с увеличением времени моего нахождения в природной ловушке. В голове то и дело рисовались картины неожиданного нападения злобных людоедов, выстрелов в спину, удары ножом или другим режущим предметом, от которых становилось ещё жарче, чем было на самом деле. Да пожелай меня сейчас приобнять обычный косолапый, для берлоги которого здесь самое место или появись желание отведать моего аппетитного тела у клыкастого хищника, чей рост позволяет свободно бегать в нижней части стены, не смог бы им не то что противостоять, а просто напросто не сумел бы дать дёру, так тесно в этом тоннеле, который, теперь я так считаю, создала матушка природа для таких простаков, как я. Ладно змеи, у нас с ними что то вроде пакта о ненападении, я их не трогаю палкой Степана, оказавшейся в таком месте, как нельзя к стати и они стараются меня оползать стороной, а с людоедами так легко не договоришься.

Когда сквозь кусты пробилась синева неба, растворившая в себе утренние тучи, а затем стал ощущаться слабый, но не зависимо от этого ни с чем не сравнимый, морской бриз, подумал, что всё, сбрендил окончательно. Ну откуда в лесу может быть запах моря? Сдаваться и впадать в отчаяние, всё же не стал, злости на судьбу и себя любимого ещё хватало на то, чтобы не сломаться. Твердил себе без перерыва, что пускай и выберусь отсюда с потрёпанной психикой или вовсе похожим на овощ, прошедший термообработку паром, но похоронить себя заживо в таком неприглядном месте не дам.

Последние метры шёл на зубном скрежете, не думая о последствиях и возможно скорой встрече со стоматологом. Тропинка, добежав до очередного сплетения скрученных между собой деревьев, внезапно оборвалась, предложив мне самому решать, чем дальше заниматься: идти обратно, что сделать было крайне сложно или попробовать продолжить её, при помощи и так до крайности ободранных рук, что выглядело совершенно невозможным. Вроде бы и нелёгкий выбор, но сделал я его быстро, хотя моей заслуги в этом было мало. Шум морского прибоя, вначале показавшийся галлюцинацией, сумел таки, с очередной волной, пробиться через плотные заросли до моего сознания, доказав при этом свою материальную сущность и за одно повлияв на моё решение. Сколько и, как я их проходил, эти нескончаемые метры, из памяти стёрлось. Стоило только добраться до купающейся в солнечных лучах воды, как тут же это и забыл. Разорвав в клочья куст, корнями уходивший прямо в прозрачную влагу, увидел линию горизонта, где две стихии сливались в одну и облегчённо выдохнув поступил точно так же, как и загубленное мной растение. Решительно вошёл в набежавшую, с грохотом разбившуюся о стену, волну и не обращая внимания на ил

под ногами упал в обволакивающую прохладу, да так и замер в ней, ощущая каждой клеткой своего измученного тела навалившееся на него блаженство.

Казалось готов был вечно лежать в этой, быстро ставшей мутной, прибрежной жиже, совсем не похожей на янтарно прозрачную морскую воду, с которой у меня всегда ассоциируются водоёмы такого масштаба. Но внезапно возникшее воспоминание о телефоне, так и продолжавшем занимать своё привычное место, в кармане изрядно поношенных джинсов, а в данный момент, как и его владелец, принимающего водные процедуры, заставило вновь выбраться на крохотный участок суши и произвести инвентаризацию принадлежавшего мне имущества. Влагонепроницаемые часы подтвердили своё гордое звание, а вот прибор для переговоров был, по всей видимости, безвозвратно утерян, что, впрочем, не сильно меня огорчило. На первый план вышли другие приоритеты и такая мелочь, как отказ мобильной техники, от которой в последние дни пользы всё равно никакой не было, уже не могла вывести из равновесия. Точно так же я отнёсся и промокшим до последней нитки штанам, и толстовке, и соответственно к кроссовкам с носками, давно требующим стирки. Человек прошедший через не простые испытания, становится более терпимым к таким мелочам и это правильно. Ставить жизнь в зависимость от вещей, пускай и очень дорогих, и как совсем недавно казалось незаменимых, последнее дело. Надо проще к ним относиться. Ну подумаешь, сломалось, возьми да выкинь.

— А в самом деле, чего таскать с собой это прокисшее дерьмо — подумалось мне.

Достаточно разумная мысль, привела в движение руку, она осуществила сильный замах и отправила телефон в дальний полёт, который вскоре закончился успешным приводнением.

Следом за ним избавился от одежды и обуви, не на всегда конечно, а лишь до той поры пока они снова не станут сухими. Прибрежные кусты достаточно хорошее место для быстрой просушки личных вещей, временно пришедших в негодность по вине хозяина. Заодно расстался и с часами, первое испытание они прошли успешно, а вот пойдут ли им на пользу повторные, мне не известно. Положил их в пустую банку, единственную вещь, если не считать двух пакетов и пол коробка спичек, не подвергнувшуюся воздействию влаги. Затем плотно закрыл стеклянную тару винтовой крышкой, обмотал пакетом и после этого снова зашёл в воду, прохлада которой так и манила к себе, но сделав всего несколько шагов, вернулся обратно, на берег. Показалось, что в данный момент полного слияния с природой от меня не требуется, хотя бы плавки, болтающиеся на одной из веток, есть смысл одеть. Мало ли чего, потом же самому неудобно будет.

Проплыв метров сто остановился и попытался встать, обнаружив при этом, что мелководе так никуда и не делось. Воды было чуть больше чем по пояс, а если учесть толщину ила, проглотившего мои ноги выше чем по щиколотку, то и того меньше. Ничего удивительного, наше «самое синие в мире» и не такими мелями славится, но вот грязь под ногами, это что то необычное. Хотя, после того, как водоросли опустятся на дно и там перегниют, ощущение не на много лучше, когда топчешься по этому болоту, так что пока серьёзных отклонений от привычного мне моря, ну, пожалуй, кроме береговой линии, я не замечаю. Но и кусты, растущие прямо в морской воде, я тоже в состоянии объяснить. На побережье ещё достаточно мест, куда моя нога не ступала и думается там много чего непонятного, интересного и даже загадочного можно обнаружить. Так что всё в порядке, буду и дальше наслаждаться свалившимся на меня счастьем, тем более оно не одиноко. Прохладная вода мгновенно уменьшила, казалось до этого невыносимую, жажду, да и чувство нестерпимого голода тоже куда то стало прятаться.

Вдоволь наплескавшись, почти у самого берега, сообразил, что не стоит попусту тратить и так бездарно растроченные силы. Я же легко могу прогуляться по воде вдоль зелёной стены и посмотреть, что твориться дальше, ну хотя бы за ближайшим выступом.

Чередую заплывы с пешими прогулками по пояс в воде, достиг места, где кусты клином врезались в море, пытаюсь отвоевать у него часть владений, а совсем скоро и обогнул его. Пройдя у самого берега обнаружил, что непроходимость природной стены меньше так и не становится. Морская вода не очень охотно отдаёт свою площадь под новую растительность, которой ничего не остаётся, как продолжать обживать и так перенаселённую сушу. Пожалуй, это моё излишнее любопытство, по отношению к борьбе стихий, не позволило сразу заметить возникшие изменения у береговой линии, в той её части, которая с такого расстояния недостаточно хорошо просматривалась. Даже не пытаюсь мысленно определить, какое расстояние отделяет меня от..., непоняток, в данный момент по другому и не стоит обзывать увиденное, ускорил шаг, на ходу прикидывая, что же там может быть. Понятно, что это не деревья и не мусор, прибившийся к берегу, но тогда что? Причал для лодок? Остатки фундамента дома на воде? Просто нагромождение камней? Или же... Разглядеть, что же это такое стоит прямо в море, удаляясь от кромки берега метров на двести, у меня получилось одновременно с, обратившим на себя моё пристальное внимание, движущимся предметом, совершавшим странные движения у края не менее странного сооружения.

— Люди! — выкрикнул я, широко улыбнувшись и сразу же спросил: — А изгородь то им здесь зачем?

Пока добирался до забора на воде, сооружённого из подручного материала, растущего в огромном количестве по всей округе, человек из поля моего зрения исчез. Куда он делся узнал лишь после того, как смог разглядеть, что твориться по ту сторону изгороди. Оказалось, что это не отдельно стоящая стена, а целое сооружение, отгораживающее участок моря, прилегающий к берегу, от остальной его части. По своим размерам он был не велик и напоминал прямоугольник, где то двести на триста метров, с не очень ровными сторонами. Высота забора над уровнем моря колебалась, но нигде не позволяла свободно заглянуть за него. Пришлось смотреть через зазор между ветками, намертво прикреплёнными хитрым узлом к вбитым в дно не ошкуренным деревянным столбам, сантиметров двадцати в диаметре. В странной купальне находилось человек пятнадцать полуголых мужчин, наверняка среди них, был и тот, кого увидел первым, и радость от встречи, с которым так и продолжала блуждать на моём довольном лице. Люди в этом загоне не прохлаждались, а активно работали, причём труд их был, даже на первый взгляд, не лёгким, но довольно продуктивным. Это были рыбаки, ловившие рыбу не совсем привычным для меня способом, но делавшие это также, молча и сосредоточенно, как и остальные их коллеги, использующие спиннинг или удочки. Каждый из мужчин, стоя примерно по пояс в воде, имел в своём распоряжении плетёную корзину приличных размеров, с зауженной верхней частью, при помощи которой весь процесс и осуществлялся. Сначала ей, довольно умело, из мутной воды вытаскивали рыбу и похоже на то, что не каждый раз одну, а потом, с помощью этого же не хитрого устройства, улов, так же сноровисто, доставляли на берег. Странность просматривалась не только у инвентаря, но и у его владельцев, уж больно необычен был их внешний вид. С первого взгляда мне даже показалось, что они все братья, ну или, по крайней мере, близкие родственники, на столько эти люди были похожи друг на друга. Рыбаки имели не только объединяющий их бронзовый загар, которому позавидовал бы любой из курортников отдыхающих на море в это время года, но и одинаковые, для меня так просто

невиданной длинны, чёрные бороды, а так же созданные, как под копирку неординарные причёски, чью форму критиковать просто не имело смысла, ввиду её полного отсутствия. Кроме этого делал их близнецами единственный аксессуар, из огромного списка, одежды, в который они поголовно были облачены. Кожаная юбка, по длине чуть выше колена, не всегда позволяющая во время ходьбы оставлять незамеченным, больше ничем неприкрытое, мужское достоинство, уравнивала членов рыболовецкой бригады и наверняка позволяла им становиться более близкими по духу. Ходить в такой одежде и выпячивать своё «я» на всеобщее обозрение, на такое не каждый способен, во всяком случае я на такое не согласился бы ни за какие коврижки.

Чуть позже кое какие различия всё же нашлись, хотя, чтобы с этим разобраться, мне пришлось стать более внимательным. Нет, до разглядывания основного, от размеров которого у части мужчин иногда выступают слёзы на глазах, я не опустил, но вот рассмотреть разную степень изнеможения рыбаков, наличие у некоторых кровоподтёков и синяков, отсутствие части передних зубов, а у кого то и вовсе присутствие полного безразличия во взгляде, мне удалось. Увиденное насторожило и почти сразу же наложило вето на желание, как можно быстрее заговорить о своей проблеме. Беспокоить людей с такими скорбными лицами, нет, такое даже мне не под силу, человеку вот уже почти сутки страдающему от жажды.

Решение выйти на берег и там поискать тех, кого жизнь не так сильно потрепала и уже им объяснить свою ситуацию, пришло после обнаружения небольшого прохода между природным и искусственным барьерами. Конечно не будь его, у меня просто не было бы другого выхода кроме, как заговорить с этими, так и не проронившими не единого слова за время моего наблюдения за ними, людьми. Но раз есть выбор, оставлю этот вариант на самый крайний случай.

Ещё на подходе к суше, через почти незаметный проход, разглядел широкую поляну, густо поросшую зелёной травой, правда местами сильно примятой, а кое где и вовсе вытопанной. Обратил внимание на прореженные кусты, точно такие же через которые и самому совсем недавно пришлось пробираться, оценил, уже дойдя почти до самого берега, надёжность изгороди, здесь её можно было разглядеть почти с самого низа, залитого водой буквально на сантиметры и до верха, где в качестве связующего звена мастера использовали тонкую жердь. Но когда сделал первые шаги по твёрдой земле, после нескольких часов пребывания в воде и понял на сколько устал, стало не до разглядываний и не до чужого мастерства. Отошли на второй план так никуда и не исчезнувшие страхи, по поводу диких и домашних животных, способных причинить вред моему беззащитному телу, вероятность пребывания которых в этом месте даже с первого взгляда очень высока. Стало безразличным беспощадно палящее солнце, превратившее спину в сплошное огненное пятно и даже отсутствие людей на ближайшем горизонте, не волновало. Нет новых, буду разговаривать с теми, что в море работают. А вот предмет, стоящий почти в самом центре этого участка земли, притянул к себе всё моё существо, без остатка. Деревянная бочка, непривычной формы, с крышкой, на которой лежал невзрачный, совсем небольшой, но такой соблазнительный ковшик, так и говоривший: «Возьми меня и напейся», в данный момент была для меня важнее всего на свете.

Ни сделав не единого глотка, залпом влил в себя первый ковш жидкости. Будь в нём ртуть выпил, наверное, и её, точно с таким же удовольствием. Второй принёс осознание того, что употребляю всё таки воду, обычную, пресную и такую долгожданную. И лишь к

концу третьего ощутил во рту слабую солёность, и затхлость, которые, впрочем, исчезли вместе с последней каплей влаги в ковше.

Скорее всего состояние неопишуемого блаженства, накотившее на меня вместе с выпитой водой, не позволило определить откуда появились два бегущих в моём направлении человека. Вероятно, я их видел с самого начала забега, но не обратил должного внимания или же вовсе принял за мираж. Как бы там ни было, но в качестве реальных персонажей они для меня проявились уже бегущими с приличной скоростью, на ходу что то громко говорившими и махавшими толстыми, но не очень длинными палками. Сообразить, что их крики обращены ко мне труда не составило, но вот понять, чего хотят эти люди, у меня не получалось, хотя я искренне пытался. Нет, каждое слово по отдельности я хорошо понимал, однако общего смысла длинных и резких выражений осилить так и не сумел. Возможно дай мне бегуны больше времени на размышление я бы с этим справился, но сделать этого они не пожелали. Даже несмотря на то, что один из них споткнулся по дороге и пытаюсь не упасть отстал от приятеля, шансов разгадать их речевую головоломку у меня всё равно не было. Его друг, более расторопный, не обращая внимания на отсутствие рядом товарища ещё больше ускорился и через мгновение, глядя на меня глазами полными ненависти, уже пробовал проткнуть своим деревянным инструментом мой живот, так что мне стало не до рассуждений, по этой тематике. Мозг судорожно пытался вспомнить, а руки применить на практике, хотя бы один из тех приёмов, которые я в далёком детстве постигал в секции айкидо. В самый последний момент им это удалось, но, к сожалению, всего лишь на половину. Придать нападавшему ускорение в том же самом направлении, куда был осуществлён его выпад, правая рука сумела, ловко перехватив палку и дёрнув её на себя. А вот вовремя получить подсказку, от перегретых на солнце мозгов, на вторую часть приёма, не успела и действовала, как говорится, по обстановке. Она согнулась в локте и резко ударила теряющего равновесие человека в район переносицы. На сколько сильно потряс удар нападавшего разглядеть не было возможности, подоспел второй участник забега, не менее агрессивный и всё моё внимание переключилось на него. К этому моменту краткосрочный мозговой штурм, направленный на возможность использования приёмов чужеродной борьбы, у меня уже закончился, принесся с собой хотя и неутешительный, но единственно верный вывод: «Хочешь выжить забудь про айкидо, пока вспомнишь чему учили, убить могут». Такое заключение позволило успокоиться, облегчённо выдохнуть и принять обычную стойку, не раз помогавшую в драках, количество которых, за время моего проживания в самом криминальном районе города, не поддавалось подсчёту. Левая рука чуть согнута и выдвинута вперёд, правая плотно прижата к подбородку и готова вылететь словно сжатая пружина, в нужном направлении, в любой момент. Всё просто и надёжно, без лишних выкрутасов.

Подбежавший человек, ни формой одежды, ни бородой, ни стрижкой, сильно не отличался от так и продолжавших спокойно заниматься своим делом рыбаков, и уже мирно лежащего на остатках травы напарника, но вот своей злостью превосходил их на голову. От одной гримасы на его лице, похожей на маску персонажа из фильмов про оборотней, мне стало не по себе, а когда к этому добавился ещё и громкий, гортанный крик, образовавшееся во мне желание убежать, переросло в ужас, который у меня обычно заканчивается одним, стремлением, как можно скорее расправиться с гадом, издающим его. Злобная образина не стала в меня тыкать своей дубинкой словно рапирой, этот человек поступил на много прагматичнее, он нанёс удар наотмашь, ещё громче при этом что то выкрикнув. Моей левой

руке, не раз приходилось принимать на себя удары такой силы, но этот она восприняла почему то особенно тяжело. Возможно именно поэтому её более развитая подруга и нанесла свой коронный хук в челюсть, с таким остервенение, приложив к обиде за всё, что со мной случилось в последние дни, ещё и боль, терпеть которую пришлось, сцепив зубы. Удар был такой силы, что делать второй не понадобилось.

Образовавшаяся после падения тела человекоподобной обезьяны локальная тишина, не дала возможности на долго расслабиться, не успел по массажировать ушибленную руку, как за спиной послышались быстрые, приглушённые шаги. Мне казалось, что они бьют землю ещё где то далеко от меня и я успею подготовиться к очередным неприятностям, но на этот раз чутьё, ослабленное всем, чем только можно было, дало сбой. Мой корпус повернулся лишь на несколько градусов в том направлении, откуда исходила опасность, я даже не смог боковым зрением, как следует, разглядеть бегущих. Тупая боль в районе поясницы не позволила сделать это, она ворвалась в моё сознание настолько неожиданно, а последующий за ней взрыв в голове был таким всепоглощающим, что выдвинуть какие либо предположения на тему: от чего они возникли, не было ни сил, ни возможности. Мысли оборвались мгновенно, потащив за собой ощущения и мимоходом обнулив все желания, которых, по правде говоря и до этого было не так уж и много.

Попытка поднять голову закончилась неожиданно быстро и не очень достойно. Меня стошнило. Желудок просто вывернуло наизнанку, хотя делится ему, с пыльной дорогой мелькавшей перед глазами, было почти нечем. Ничего странного и страшного конечно в произошедшем событие не было, с каждым может случиться, но со мной это произошло впервые, в столь зрелом возрасте, в такой неудобной позе и можно сказать на ходу. Одним словом, было очень противно. И ещё эти босые ноги незнакомцев, мелькающие перед глазами, идущие уж очень быстрым шагом, которые я, как не старался замарать, но всё же забрызгал. Одним словом, омерзительная ситуация, вызвавшая во мне стыд и отвращение к самому себе.

Первый раз в жизни я не только облевался, но и познакомился с чувством полной беспомощности, от которого, просто абсурд какой то, не хотелось немедленно избавиться. Два человека, чьих лиц до сих пор так и не увидел, тащили моё тело под руки, и я отчётливо понимал, что не хочу ничего менять в наших с ними взаимоотношениях. Мне было абсолютно всё равно, куда несут, зачем, что будут со мной делать в конце этого пути, хотелось лишь одного, чтобы эти крепкие мужские руки и дальше так и продолжали тащить моё почти безжизненное тело, и не клали его на землю ни в коем случае.

Скорее всего, попытаюсь я встать на ноги или даже просто заговорить с незнакомцами, ну хотя бы для того, чтобы попросить у них прощения за произошедший конфуз, у меня всё равно бы ничего не получилось. Все части повреждённого организма, включая и язык, казались мне чужими и ненужными, хотя их боль я ощущал и в этом заключался парадокс моего теперешнего состояния. Единственный орган, кстати, пострадавший не меньше других, которым я ещё могу распоряжаться в полной мере, а может быть даже ещё эффективнее, это головной мозг. Возможно, получив встряску, он ввёл в действие свои скрытые резервы, ранее законсервированные для случаев похожих на этот, и поэтому сейчас работает лучше, чем всё остальное. Или это мне только кажется, что голова соображает непривычно легко, а на самом деле в ней самая настоящая каша, а мысли мои ни что иное, как полный бред? Да какая в сущности разница, кажется мне это, померещилось или так и есть на самом деле, повлиять на события физически всё равно никак не могу, а вот попробовать мысленно привести в соответствие произошедшее, и происходящее смысл есть, пока голова ещё способно хотя бы на что то.

Начну с плюсов. Пожалуй, их немного, но они всё же присутствуют, во всяком случае один, большой и достаточно жирный, точно имеется. Люди нашлись и это огромное счастье, оспаривать которое я пока не собираюсь. О том, что их могло и не быть в этом, ещё недостаточно хорошо изученном мной месте, думалось всё последнее время, а особенно после того, как море обнаружилось на много быстрее, чем я ожидал. Да, они не совсем такие, как бы мне этого хотелось, но их параметры и внешний вид почти не отличаются от обычных, привычных мне и всему цивилизованному миру, а это уже не мало. Если комары и вся остальная живность, попадавшаяся на моём пути, выглядели довольно экстравагантно, то и люди могли бы быть если не гигантского роста, то близкого к нему. Случись это, тогда и шансы на благополучное разрешение ситуации, в которой я оказался, точно приблизились бы к нулю. Сомневаюсь, что великаны отнеслись бы ко мне, как к равному. В лучшем случае оставили бы себе на потеху, пристроили бы в зоопарк и держали там в качестве диковинной

зверушки. А могло и так произойти, что люди в этой зоне вообще не проживали бы, так как место это не простое и надо быть до конца честным самим с собой, совсем не родное. Чтобы не думать и, как не старался бы внушить себе, что я всё ещё дома, но это не так. На дом здесь совсем не похоже, как бы печально это не звучало.

Что ещё из плюсов? Пожалуй, то, что я до сих пор ещё жив. Этот плюс самый огромный и его надо было бы поставить на первое место, ну да ладно, не стану менять последовательность положительных моментов, всё равно их не так много. Хотя почему же пока, хотели бы убить, убили бы сразу, а если не сделали этого до сих пор, значит умереть в ближайшее время точно не дадут. Идём дальше. Наличие пресной воды, пускай и не идеального качества, тоже радует. Пить такую, что попалась в прозрачной речке, утром, днём и вечером, я бы не смог, моего желудка на долго бы не хватило на эту гадость.

Что ещё можно принять за настоящий плюс? Хм, а вот и нет больше ничего, что могло бы на него потянуть, дальше идут лишь мелкие бонусы, которых надо штук десять набрать, чтобы они в один большой, полноценный положительный момент сложились. За один из таких можно посчитать более менее знакомый язык, с помощью которого со мной пытались общаться люди, так и не сумевшие сообразить, что я им не враг. Пускай он мне и не очень понятен, но отдельные слова всё же могу считать за родные и значит на пальцах разговаривать с аборигенами, в будущем, на которое я не перестаю надеяться, не придётся.

Теперь посмотрим, что упадёт на другую сторону. Отчего то кажется мне, что там образуется целая гора отрицательных знаков.

Сразу перейти к складыванию минусов, к сожалению, не получилось. Нет, голова не отключилась, но вот носильщики, дышло им в глотку, зацепили мои ноги за что то твёрдое и колючие, принеся тем самым дополнительную боль моему и без того пострадавшему телу, заставив меня, своим неблаговидным поступком, непроизвольно застонать и попытаться высказать своё возмущение таким действием. Впрочем, то и другое сделать, не получилось. Это, по видимому и есть первый, и очень огромный минус в нехитрой бухгалтерии, моё ужасное физическое состояние, которое потянет за собой и все остальные отрицательные стороны моего теперешнего положения. Я не смогу не объяснить, не выразить, не потребовать, не пожаловаться и даже просто попросить не сумею ещё довольно долгое время, а это может иметь далеко идущие последствия. Не разобравшись в самом начале и посчитав меня за опасность, не знакомые мне люди, без дополнительной информации легко переведут побитого незнакомца в разряд врагов, и что за этим последует я даже предположить боюсь, так как понятия не имею, с кем имею дело.

— Да что же вы делаете, сволочи! Не дёргайте вы меня так, у меня же всё таки шея не на шарнирах! — выкрикнул я, услышав вместо привычных слов лишь нечленораздельное мычание.

Не люди, а звери какие то! И это не далеко от истины, если быть до конца объективным. Так избить человека, нужно быть действительно нелюдем. И главное за что? Я же просто хотел... Додумать о том, чего я хотел, некоторое время назад, мне не дали, кинули всё таки на землю. Правда сделали это без раскачки и с не очень большой высоты, что позволило остаться в сознании, а это значит, что в моих отношениях, с этим странными человеками, не всё ещё потеряно. Хотя, чтобы точнее разобраться с этим вопросом надо больше узнать и о них, и о месте, в котором оказался.

Лицо от липкой грязи, залепившей мне левый глаз и изученной до мелочей правым, буквально отдирает. Вроде бы и не долго мы с ней обнимались, а смотри ка, как она ко мне

привязалась. Голову удалось приподнять лишь на несколько сантиметров, но и этого хватило для того, чтобы обнаружить прямо перед собой невысокую, узкую, пускай и деревянную, но всё же клетку, изготовленную из тех же веток, что и забор в море. Догадаться кого зазывает открытая её дверца, труда не составило, а вот мыслей на тему, как я в ней смогу разместиться, не было никаких и это давало мизерную надежду на то, что возле неё оказался по недоразумению. Разглядеть ещё чего либо, кроме деревянной конструкции, во время этой попытки, мне было не суждено. Хотел, но обстоятельства не позволили этого сделать. Внезапно возникшие прямо перед глазами грязные, все в порезах и ссадинах, волосатые мужские ноги, заслонили собой всё остальное. Длилось моё изучение нижних конечностей незнакомца не долго, резким движением он сдвинул мои, широко раскинутые руки, а затем умело начал их связывать в районе запястий, окончательно развеяв своими действиями сомнения относительно помещения, больше похожего на загон для куриц, нежели на пристанище для беспомощного узника.

Как бы странно это не выглядело, но, когда меня за толстую верёвку, сильно похожую на канат среднего диаметра, втянули в плетёную камеру, а затем намертво привязали связанные руки к дальней стене, я успокоился и больше не пытался чего то разглядывать, а вскоре, прижавшись спиной к клетке и вовсе уснул. Не помешали этому ни тупая боль во всём теле, ни крепко стянутые руки, ни узкая и жёсткая постель, ни поза, в которой нормальный человек не то что спать, а просто долго лежать не может. Даже вездесущие комары, так и продолжавшие упорно сосать мою кровь, и огромные муравьи, на чьём пути оказались мои плавки не сумели повлиять на желание организма, как можно быстрее забыться. Похоже достиг я такого состояния, когда становится всё равно на каком ты находишься свете и тебя уже не интересует жив ты ещё или уже мёртв.

В чувство меня привёл не дождь, первые капли которого принял за игру пошатнувшегося воображения, а предшествующий ему раскат грома. Разбудил он меня сразу и окончательно, не позволив ещё хотя бы на какое то время отгородиться сном от кошмара в котором я оказался. В начале обрадовался природному явлению способному утолить мою, лишь на время угасшую жажду и жадно хватал разбитым ртом холодные, сладкие бусинки, с трудом пробивающиеся сквозь щели верхней части моего каземата. Но уже через несколько минут дырявая крыша не выдержала бурный напор ночного ливня, позволив ему делать с тем, чего под ней находилось всё, что заблагорассудится. Крупные, частые капли достаточно быстро сменили вялые, разрозненные ручейки, затем настало время и они объединились в самую настоящую реку, а когда от моей жажды не осталось и следа, вода хлынула в камеру бурным, горным потоком, благодаря которому я, совсем скоро, оказался лежащим в грязной, холодной жиже, начавшей меня пугать скоростью своего образования. Руки мои были крепко связаны и поэтому помочь себе не захлебнуться в ней я мог только ногами. Перебирая ими словно бегун на короткие дистанции, сумел сделать в задней части клетки небольшое углубление, куда стала стекать вода, превратившая курятник не в приют для живности, а в настоящий бассейн и этим, на какое то время, оттянул свою неминуемую гибель. От, казалось бы, довольно простых движений устал так, что сил не осталось ни на что больше, я был даже не в состоянии переваливаться с одного бока на другой с той частотой, с которой необходимо это делать, чтобы не околеть от холода. Вода, лившаяся с небес, оказалась неожиданно очень холодной, в эти минуты у меня было такое ощущение, что она ледяная. Ещё пол часа такого дождя и ослабевшие мышцы откажутся мне подчиняться, а ещё через час ливень проглотит моё тело, накрыв его жуткой грязью с ног до

головы. Я представил, как рано утром мой закоченевший, грязный труп найдёт какойнибудь бородатый мужик и брезгливо вытащив его на волю, выкинет в придорожные кусты или того хуже, скормит бродячим собакам. Картина поедания животными моего тела, вставшая перед глазами, была настолько реальной, что меня мгновенно кинуло в жар, в груди всё заклокотало, а в голове закипело. Что же это получается, по милости какого то ненормального я валяюсь в этой грязи словно дождевой червь, борюсь за свою жизнь из последних сил, а он сейчас спит гденибудь в сухом месте и в ус себе не дует?! Завтра он проснётся, как ни в чём не бывало и будет дальше топтать землю своими вонючими, и грязными ногами, а моя жизнь на этом закончится?! Где же справедливость!? Нет, кормом для собак я никогда не стану! Никогда! Зубы мои закрипели с такой силой, что мне даже показалось будто бы один из них раскрошился окончательно. Нет, я лучше выпью эту разрастающуюся подо мной лужу и съем грязь, растворившуюся в ней, но не сдохну! Я буду, как лягушка, без перерыва колотить ногами, крутится словно вентилятор и превращу эту жидкую кашу в цемент, но останусь в живых.

Небесный ад закончился также неожиданно, как и начался. К этому времени у меня уже не было никаких сомнений, что умру я не от нечеловеческих побоев или кровоизлияния в мозг и даже не от попадания этой вязкой жидкости в организм, а совсем от другого. Мне суждено сдохнуть от воспаления легких, в том случае, конечно, если от них ещё что то осталось, так как дышал я с большим трудом, иногда присвистывая и хрипя, а перепад температур моего тела и воды, по ощущению, достигал ста градусов. Ясно одно, выжить после всего, что со мной произошло этой ночью не удастся при любом раскладе, в этом я твёрдо уверен. А что, разве на это нет никаких веских причин?

В битве за жизнь, несмотря ни на что, я оказался победителем. Стихии не удалось меня ни сломать, ни довести до отчаяния, от которого иногда сходят с ума и тем более не получилось лишиться жизни, за которую я держался всеми доступными способами в течении почти целой ночи. Сморило меня, скорее всего, ближе к концу тёмного времени суток, потому что, когда первые солнечные лучи, яркой вспышкой ударили по закрытым глазам, мне казалось будто бы я не спал вовсе.

Наступающий день встретил всё в той же клетке, на том же самом, но уже практически сухом, месте. Не зависимо от того, что ночь прошла достаточно беспокойно и тело моё было покрыто толстым слоем высохшей грязи, превратившейся действительно чуть ли не в цементный раствор, чувствовал себя великолепно. Не терпимо, не хорошо, а именно великолепно. От былой боли не было и следа, и это показалось мне очень странным. Возможно такой эффект дала ночная гимнастика, делать которую приходилось под проливным дождём, а может быть грязь в этом месте лечебная и меня специально сюда поселили, чтобы побои быстрее зажили?

Размышления о том, что на самом деле повлияло на моё самочувствие, были безжалостно прерваны резким рывком за верёвку, так и продолжавшую стягивать мои затёкшие запястья. Человек сделавший это подтянул меня к самому краю стены, словно тряпичную куклу и начал распутывать тугой узел. Одновременно с этим у него получилось перевернуть моё тело с правого бока на грудь, на которой я не лежал уже очень давно. Изменив позу получил такое наслаждение, которое можно было сравнить лишь с освобождением рук от смертельного захвата, давившего на них всю ночь. Я был так благодарен незнакомцу, совершившему такой благородный поступок, что даже когда он, вытянув меня из каземата, пинками под рёбра заставил встать на ноги, не изменил своих

чувств по отношению к нему. Тем более этот странный тип, бросив мне под ноги кожаный передник с завязками по бокам, тут же покинул меня, так и не проронив ни слова. Подняв валявшийся на земле предмет, я обнаружил, что передник, при наматывании его на бёдра, легко трансформируется в юбку, точно такую же, какие видел вчера на рыбаках, умело ловивших рыбу в загоне. Уже примеривая на себя выданную одежду, машинально бросил взгляд на фигуру уходящего дарителя. Его зад туго обтягивали сильно потёртые, кожаные шорты, грубого покроя, вызвавшие у меня неподдельную улыбку и весёлые мысли. Странное всё таки существо человек, ещё несколько часов назад я собирался умирать, а сейчас смеюсь, можно сказать без повода. И было бы из-за чего. Ну подумаешь вспомнились жёлтые штаны, из старого советского фильма, которыми, при случае, можно было козырять, как пропуском в высшее общество, ну и что? Увидел бы меня сейчас ктонибудь из знакомых, вот где смеху было бы. Выгляжу то я действительно довольно комично и дело не только в юбке, закрывшей от посторонних глаз грязные плавки. Моё тело, во всяком случае там, куда достаёт ещё немного похмельный взгляд, представляет из себя нечто среднее между общипанной курицей, серо-кровавого цвета и лохматой кошкой, нечаянно искупавшейся в придорожной луже. Оно основательно покрыто слоем засохшей грязи, превратившейся в неотделимую его часть на груди и ободранных коленях. Достаточно сильно, во всяком случае внешне, покалечено, о чём свидетельствует синевато розовый оттенок, в тех местах, где земле не удалось закрепиться, а волосы на голове, представлявшие из себя до сегодняшнего дня привлекательный русый ежик, так и вовсе временно отсутствуют. По моим ощущениям на том месте, где они произрастали, сплошная корка из какого то природного материала, содрать которую даже и не стоит пытаться. Первая же попытка сделать это чуть было не оставила меня без скальпа. Лицо, надо думать, тоже не в лучшем состоянии, те крупные комья грязи, которые удалось с него соскоблить, навряд ли делали его хуже, чем оно выглядит сейчас, но ходить с кусками земли на физиономии ещё противнее, нежели с кровоподтёками и отметинами, оставленными чужими кулаками.

Сообразив, что выгляжу не очень, посмотрел чуть дальше собственного носа. Увиденное дало надежду на то, что не всё так плохо, как можно было бы себе это представить. Люди, мирно ходившие неподалёку, может и были чище, менее ободраны, поцарапаны и надо прямо сказать избиты, чем я, но от меня отличались не очень сильно. Выходит, вчерашний бой без правил и ночная борьба с трудностями природного характера, пошли мне только на пользу. Останься я в том виде, в котором был до встречи с разумными, ну или очень похожими на них, то представляю, как бы смотрела на моё, цвета парного молока с красными подпалинами, тело, эта толпа натренированных мужчин с тёмно коричневым загаром. Даже представить страшно, какие ассоциации в их явно необременённых интеллектом головах мог вызвать такой индивидуум, как я. Ржали бы надо мной без остановки или того хуже, причислили бы к касте какихнибудь меньшинств, если конечно они знают, что это такое.

Анализировать, что для меня лучше, а что хуже, долго не получилось. Тычок в спину, заставил прервать это занятие и обернуться в ту сторону, откуда он был нанесён. Злобное чудовище в шортах, с толстой, грязной палкой в мускулистых руках и одновременно с этим, с аккуратно подстриженной бородой и усами, цвета зрелого подсолнуха, предстало передо мной во всей своей красе. Бесцеремонно разглядывать себя оно долго не позволило. Стоило мне задержать взгляд на серых, без преувеличения скажу, очень умных глазах аборигена немного дольше, чем это делают в приличном обществе, как из его гортани посыпались

слова, никак не желающие складываться в предложения, в моей побитой голове. Впрочем и того, за что зацепилось моё увеличенное в размерах ухо, было достаточно, чтобы дойти до сути высказанных претензий.

— Ты!.. шлепок коровий! Чего... своё рыло! Тебе говорю... не мытое!

Чего же тут не понятного? Обидно, конечно, слышать такие слова в свой адрес, но с той частью, что до меня дошла, пожалуй, соглашусь. Не мытое, страшное и гнусно пахнущее существо, лучшего, в данный момент, по отношению к себе, наверняка не заслуживаю. Но даже несмотря на это, я всё же попытался вставить в монолог грозного мужчины пару слов в свою защиту, только помогло это мало. Возможно он не понял меня, а может его склочный характер не выносит возражений, но человек с дубиной стал орать ещё громче, а в порыве гнева даже несколько раз плюнул в мою сторону, пытаясь плевром попасть точно в лицо. К моей радости он промахнулся в обеих своих попытках, но заставить заткнуться меня, ему всё же удалось, пускай и другим действием. Человека, всю ночь балансировавшего на грани между жизнью и смертью, громким криком и слюной не очень запугаешь, да и на работе приходилось сталкиваться с более неуравновешенными людьми, и я бы без сомнений попробовал ещё разок за себя заступиться, но тут произошло такое замечательное событие, после которого все мои возражения были бессмысленны и прозвучали бы, как жалкий лепет. Из уст оравшего на меня гражданина, одетого в шикарные кожаные шорты, обрушилось такое количество родных слов, знакомых любому человеку, когда либо проживавшему на территории российского государства, что попытка чего то противопоставить им была обречена на неудачу ещё в зародыше. Слушая отборный мат, одобренный ранее не слыханными переливами, я пытался прикинуть, хотя бы приблизительно, куда же это меня занесло, в какие века и столетия? Но память, подвергшаяся, как и всё остальное, непривычным испытаниям, работала плохо. Она, то и дело, выдавала информацию о зарождении «всеми любимых слов» совсем в другое время, мало чем похожее на доставшуюся действительность. В голове выскакивало предположение о том, что русский мат вошёл в обиход лет двести или триста тому назад, в том виде, который мне известен, не раньше, а здесь явно век десятый на дворе, если судить по внешним признакам местных жителей. А если к этому прибавить странный, излишне тёплый и влажный климат, добавить к нему наличие некоторого количества крепких и увеличенных в размерах птиц, зверей и насекомых, то я даже представить боюсь какой год сейчас, на самом деле, в этом месте.

Мои научные изыскания прервал очередной тычок, нанесённый говорливым матерщинником чуть выше пупка, от которого я согнулся и почти сразу же быстро зашагал вперёд, так и не разогнувшись, получив в добавок к нему солидное ускорение ступней, размера эдак сорок шестого, в район, называемый: «немного ниже поясицы». Пройти вприпрыжку пришлось довольно много, успел даже устать, разозлиться и начать дышать, как загнанная лошадь. Скорее всего мне лишь показалось, что протопал большое расстояние. Организм всё же полностью не оклемался, после перенесённого перенапряжения, вот и преувеличивает нагрузки, и расстояния, с самого утра навалившиеся на него, в разы. Наверняка до моря, к которому меня привели, было не так далеко, как я себе представил и возможно уже обратный путь это докажет. Но будет это немного позже, потому что очередной удар дубинкой, прилетевший из-за спины, заставил меня упасть в мутную отмель, окунуться в неё с головой и снова ощутить себя, более менее, нормальным человеком, правда неизвестно на долго ли.

Прохладная влага произвела благотворное воздействие не только на моё моральное

состояние. Она тут же взялась настраивать и мой внешний вид, не заметить этого было невозможно. Проникая в раны, ссадины, синяки и кровоподтёки, солёная бестия вначале принесла боль и страдания, от которых захотелось выскочить из воды словно пробка, но уже через несколько мгновений, когда пришли облегчение и успокоение, я готов был остаться в ней навечно. Но, как известно, ничего вечного не бывает, кому как не мне об этом знать. И, как это часто случается, стоит только вспомнить какое нибудь банальное выражение, так оно тут же и подтверждается. Очередное матерное коленце, из уст моего провожатого, быстро вывело меня из ступора наслаждения, заставило подняться и покорно, словно бессловесное животное, выйти на сушу, где все философские размышления быстро закончились. Крепкий, неожиданный подзатыльник и последующее за ним клцанье зубами, моментально вернули меня на грешную землю, от которой пахло прелой травой, свежей рыбой и, как мне показалось, маринованными грибами.

Обоняние, несмотря на полученные увечья, не подвело. В столовой, куда меня привели ещё с пятью лохматыми мужиками, одетыми по такой же моде, как и я, подавали жаренную рыбу, приготовленную прямо на камнях, лежащих в костре. Запах грибов в воздухе тоже витал, но местный повар их предложить мне и моим спутникам не удосужился, сам же поинтересоваться о наличии этого блюда на кухне не осмелился. Не то чтобы я такой стеснительный или робкий, нет, не поэтому. Спрашивать о гарнире не стал от того, что впервые в жизни ощутил, что значит, по настоящему, быть белой вороной в серьёзном, мужском коллективе, мимо глаз которого ничего бесследно не проходит. Кроме меня у огромного кострища, приютившего в себе приличную кучу разнокалиберных камней, принимали пищу ещё человек двадцать, крепко сложенных и обалденно загорелых мужчин, довольно разного возраста, если судить по цвету волос растущих на их головах и лице. И все они, независимо от количества прожитых лет, с периодичностью маятника, не забывая при этом не культурно чавкать и в пол голоса переговариваться, заинтересованно поглядывали в мою сторону. Заметил это не сразу, уж больно рыба, выданная мне одним из помощников повара, пахла аппетитно и в первые минуты после того, как она оказалась в моих руках, оторваться от угощения был попросту не в состоянии. Оценить количество глаз, одновременно изучающих мою персону, сумел лишь ближе к середине, великолепно приготовленной и непривычно огромной кефали. Беглого взгляда на собственное, полуобнажѐнное тело хватило, чтобы понять, какой бледный вид оно имеет и что заинтересовало во мне сидельцев возле затухающего костра. Да, вот так и работай по десять часов в сутки без выходных и отпуска, всё лето. Рано или поздно такой график на душевном состоянии отразится. Удивлѐнные взгляды сотоварищей по завтраку доходчиво говорят мне, как я, по сравнению с ними, выгляжу. Конечно, прошлогодний загар и двухдневное приключение с обнажѐнным торсом по пересечѐнной местности, не позволяют сказать, что я бел, как молоко, но объяснить это глазающим на тебя людям навряд ли удастся. Да и хрен с ними, этот недостаток, если конечно он таковым тут является, исправиться быстро. Сейчас не о нём думать надо, а о том, за что мне такую честь оказали, позволив нажраться вдоволь. Я же не овощ, так и не понявший до поздней осени, с какой это радости с ним возились большую часть весны и всё лето. Рыбу придётся отрабатывать, это и дураку понятно. Вопрос только в том, как и где?

О том, что не стоит с кемнибудь говорить о проблеме, благодаря которой мне приходится ходить в таком виде, догадался ещё в клетке, а вот о том есть ли смысл вообще с кем то здесь разговаривать, над этим я ещё размышляю.

— Драп! Привели тебе нового напарника — поставил в известность одного из тех пяти человек, с которыми меня водили на завтрак, охранник и криво улыбнувшись добавил: — Смотри и его не скорми собакам, иначе корзину сам таскать будешь.

Примерно так я перевёл длиннющий монолог человека с дубинкой, с которым он обратился к мужику в кожаной юбке, ростом на пол головы ниже меня, но с плечами в полтора раза шире моих. Пока я отсекал всё ненужное в озвученных предложениях, остальные свидетели разговора одними губами смеялись над тем, к кому были обращены эти слова. Причина их смеха мне так и не открылась, но по глазам смеющихся, без труда можно было определить, что ничего хорошего за ним не стоит. Да и глаза у человека, названного моим напарником много о чём говорили. Были они у него серые, по цвету, с небольшим прищуром и наплывом в верхней части, но не это меня заставило задержаться на них дольше чем следовало бы. Неописуемая тоска, злость, отчаяние и одновременно с этим бегающий взгляд загнанного хищника готового порвать любого, кто встанет у него на пути, такого набора я в своей жизни ещё никогда не видел и это притягивало меня больше, чем пугало. Неужели слова про предыдущего напарника этого человека правда, а не оборот речи?

Работа, как и ожидал, нашлась быстро, не зря говорят, что она дураков любит. Вели нас к ней строим, под надзором двух охранников, присутствие которых, впрочем, не помешало мне зыркать любопытным взглядом во все стороны. Глаза мои, а к этому времени тот, для которого рассвет этого дня так на всегда и остался тайной, уже кое-что различал, успели разглядеть хаотично разбросанные, примитивные и довольно хлипкие строения, не имеющие ни окон, ни дверей, а лишь один проём для входа. Заметили они и плоские, соломенные крыши, и стены из тонких, переплетённых между собой веток, сверху обмазанных серой глиной. Не прошли мимо них и три огромных ямы, заполненные мутной водой, как мне показалось, всего лишь на половину, и длинный, убогий навес, построенный из подручного материала, под которым примостилась гора сухих дров, разного размера и несколько отдельно лежащих, толстых брёвен. Чуть поодаль заинтересованный взгляд выхватил кучу свежей лозы, с тремя копошащимися возле неё людьми, обозначившей собой конец обжитой части населённого пункта. Дальше шли всё те же плотные кусты, отдельно стоящие низкорослые деревья, между которых серой полосой бежала узкая дорога, окончательно ещё не просохшая после ночного дождя. В конце её обнаружилась широкая поляна, упиравшаяся одним своим краем в заросли кустарника, а другим в берег моря, сегодня сплошь покрытое белыми барашками. Судя по всему, где то здесь я и буду отрабатывать недавно съеденный завтрак, дальше идти некуда, впереди огромных размеров отмель и вода, в которой, если судить по отсутствию на ней деревянного забора, рыбу не ловят.

Предположение о том, что утреннюю пайку мне выдали в виде аванса, получило своё подтверждение довольно скоро. Стоило только одному из охранников громко рявкнуть, как строй сразу же остановился и моментально стал крошиться на мелкие группки, которые тут же расходились по разным направлениям, но исключительно в сторону моря, где всё же совсем без рукотворных сооружений не обошлось. Сорвался с места и человек за которого я

всю дорогу держался взглядом, он быстрым шагом потопал к кустам, потянув за собой и меня. На примятой траве, прямо под открытым небом обнаружились орудия труда, при помощи которых мне, в компании ещё с пятью крепкими мужчинами и предстоит потратить все калории, полученные во время приёма пищи. Хватило одного взгляда на эти примитивные инструменты, чтобы понять, труд мой будет физическим, умственные способности во время переноски грузов обычно мало задействованы, а именно этим меня здесь и хотят заставить заниматься. Вот только понять никак не могу, с какой это радости должен я махать плоской деревянной лопатой и таскать эти, странного вида, носилки? Разве за этим стремился сюда?

Моральное состояние моё было таковым, что я даже не пробовал возражать против прописанной мне трудовой терапии и несмотря на то, что физическое было не на много лучше, вот уже несколько часов упорно тружусь на новом рабочем месте, которое с первых же шагов показалось мне самой настоящей каторгой. За это время я так и не проронил ни слова, да и в мою сторону прилетела всего лишь пара фраз, если из них выкинуть остальное словоблудие, которым страдают все местные жители. Понять о чём они говорили было не так уж и трудно, труднее было сосредоточиться на разговоре. Чтобы справиться с грузом, по какому то ужасному недоразумению свалившемуся на мои, не такие уж и изнеженные, плечи, приходилось использовать не только все свои физические силы, но и прибегать к помощи морально волевых. А пытаться разобраться в чужеродной речи в те моменты, когда практически все твои ресурсы направлены на одну, единственную задачу: дойти до конечного пункта и не сдохнуть, совсем не просто. Если я всё правильно понял из того, что смог уловить мой ослабленный слух, то все разговоры находившихся рядом людей сводились к обсуждению моего цвета кожи, почти полного отсутствия волос на голове и здоровой, но одновременно с этим и хлипкой наружности. А мой напарник, менее разговорчивый, ещё что то проронил на тему распорядка дня и чего то пытался мне втолковать о правилах переноски. По поводу моих физических характеристик высказался каждый из членов этого маленького коллектива, кроме человека, идущего в одной связке со мной, у которого с остальными явно существует затяжной конфликт. Слова, относящиеся к методам перетаскивания грузов, на дальние расстояния и отпущенному на это администрацией времени выслушал внимательно, на остальное попросту не обращал внимания, пропуская реплики мимо ушей и делая вид будто они ко мне совсем не относятся. Опыт вживания в мужской коллектив у меня имеется и тактика молчания, хотя бы на первоначальном этапе, никогда меня ещё не подводила.

Сейчас мы идём налегке, так как груз доставлен до места и поэтому у меня есть возможность подумать о том адском котле, в котором оказался. Определили меня в бригаду носильщиков соли, с этим всё ясно и без дополнительных разъяснений, трудившихся при солеварне, для себя это место я пока так обозвал. В маленьком и не совсем дружном коллективе недавно образовался недокомплект, так что, можно сказать, пришёл я сюда вовремя. Правда моим желанием отрабатывать рыбу именно на этом рабочем месте у меня никто не интересовался, так же, как и не спрашивали моего имени, фамилии и места постоянной регистрации во время насильственного приёма на эту гиблую работу, что, на мой взгляд, не совсем правильно. Хотя о каких это я правилах тут рассуждаю, у меня вообще сложилось мнение, что теперь я чья та вещь, так по хозяйски со мной здесь обращаются. Однако выяснять, так ли это на самом деле, пока воздержался, не до этого, да и не пойму, кто бы мне на этот, казалось бы, простой вопрос, смог дать ответ. Коллеги по работе, только

посмеются, если до них дойдёт то, о чём буду спрашивать. Охрана? Они могут ответить, но навряд ли обойдутся только грубыми словами. Напарник? Он, конечно, в моих глазах, за время первого похода с грузом очень вырос, но и его бы я про это не стал спрашивать, наверняка мои проблемы этого человека интересуют меньше, чем свои собственные. Так что временно молчу словно рыба и переносу свалившиеся на меня, между прочим по собственной же глупости, испытания, с гордо поднятой головой, в которой кроме желания, как можно быстрее закончить этот безразмерный день, мало чего осталось.

Уже метров через триста после начала перетаскивания корзины, наполненной плохо похожей на соль массой, я оценил свои шансы на выживание, как самые минимальные. И если бы не напарник с глазами волка, ещё через триста метров моя оценка подтвердилась бы эмпирическим путём. Где то после полу километрового марша этот человек, точно имеющий просто звериное чутьё, ни разу не посмотрев назад, в мою сторону, почувствовал, что нести ношу доставшуюся нам с ним я больше не в состоянии и сделал мизерный перерыв, секунд на пять, позволивший мне не загнуться почти на старте. После этого он каждые шагов двести, двести пятьдесят, делал остановку на несколько секунд, за которую строгая охрана могла, в первую очередь ему, посчитать рёбра, если бы конечно заметила. Это в конечном итоге и позволило мне выдержать все, примерно пять километров, которые мы протопали до места выгрузки продукта. Почему он это делал я не знаю, но благодарность моя ему за это великая, даже несмотря на то, что внешне он выглядит не очень дружелюбно. Да и слова про прошлого напарника, скормленного им собакам, из головы не вылетают. Плевать, всё равно спасибо ему за помощь, пускай даже он мне помог только из-за того, чтобы завтра отправить мою ещё упитанную тушку на корм животным. Главное сегодня, благодаря ему, я выжил, а там посмотрим, что будет.

Полное отсутствие транспортных средств, жестокое отношение к рабсиле, отношения между людьми, спартанская обстановка и примитивная добыча полезного минерала, уже только это позволяет с уверенностью заявить, что судьбе было угодно закинуть меня так далеко или в такую параллель, в которой искать помощи или сострадания у кого либо, даже и не стоит. Мне и моему далёкому товарищу, как оказалось приболевшему очень даже вовремя, надо было надеяться только на себя. Не имело смысла сразу отправляться так далеко на поиски людей. Разумнее было бы обжигаться там, куда нас прибило магнитным штормом и постепенно, внимательно изучая окружающую среду, расширять радиус поисков себе подобных. Всё же говорило о том, что с нами произошло что то неординарное, а не обычное транспортное происшествие. Я же знай себе твердил, как попугай, за водителем заколдованного автомобиля, одно и то же: «Будем считать, что мы дома». И к чему привела моя самоуверенность, доверчивость и нежелание чуть-чуть подольше поразмыслить над возникшей проблемой, прежде чем делать резкие движения? Эх, вернуться бы на пару дней назад, а лучше бы сразу на проржавевшую до основания остановку, повёл бы себя там совсем по другому. Ладно, сейчас то чего страдать, рвать волосы на голове и посыпать её, да вон хотя бы той же солью? На это и без меня охотники найдутся. Сейчас надо за жизнь бороться. Кажется мне, что здесь она почти ничего не стоит, если людей заставляют так работать.

Прежде чем пришло время идти на ужин, мне удалось ещё три раза засыпать соль в плетёную корзину с деревянными ручками по бокам, ещё столько же раз шагать на выгрузку и обратно, ровно столько же радоваться тому, что не сдох по дороге и бесчисленное количество раз, мысленно, благодарить местного бога за то, что сподобился дать мне в напарники такого чуткого человека, как носильщик по имени Драп. Когда же всё

закончилось, даже не думал о том, что завтра, произошедшее со мной за сегодняшний день, снова повторится, я просто шёл, как телок, за спиной напарника, не в состоянии смотреть ни по сторонам, ни себе под ноги. Как и чем набивал желудок, куда, двигаясь словно зомби, пришёл на ночлег, где упал и проспал до утра, после тяжёлого пробуждения меня не интересовало, да и навряд ли бы это вспомнил, судя по состоянию, в котором сейчас нахожусь. А оно у меня таково, что я отчётливо понимаю: жить мне осталось не долго, ровно столько, сколько понадобится времени чтобы добраться до неподъёмных носилок. Сходить, что ли поесть напоследок. Умирать на голодный желудок совсем последнее дело.

Какое количество дней меня и окружающий мир соединяло лишь двести шагов, которые необходимо пройти до следующей остановки, так навсегда и осталось тайной. Возможно их было всего три, вполне вероятно, что пять, может быть десять, я так же не исключаю того, что на самом деле их было и на много больше. Время, застывавшее днём, когда меня кроме этих метров, ничего больше не интересовало и бежавшее с огромной скоростью ночью, когда мой организм пытался, но так и не успевал, восстановиться, превратило мою жизнь в винегрет и заниматься ненужными подсчётами, с такой кашей в голове, было не за чем, да и не в состоянии я был этого делать. Я даже не помню, чем меня кормили, кто пытался со мной заговорить за эти дни, так же мне было абсолютно всё равно, что находится вокруг и какие погодные условия на улице. Перед глазами лишь чужая спина, корзина и циновка, на которую каждый день падаю и с которой каждое утро, всё ещё, встаю. Мне, как простому роботу, чужды вредные эмоции, у меня нет никаких воспоминаний, а будущее продлится лишь до тех пор, пока не сядет батарейка, в моём случае заменённая на обычное сердце — видимо такую установку получил мой организм на время ходовых испытаний на выносливость, хотя лично я ему ничего не давал. Надо думать, у него сработал инстинкт самосохранения, заложенный в любом человеке с самого рождения. Кому то он может не понадобится в течении всей жизни, у кого то срабатывает только определённая его часть, а вот у меня программа включилась полностью. Видно сильнейшие перегрузки побудили её к этому. Ну что же, хорошо, что так. Лучше быть роботом, чем нейтральным овощем, у него хотя бы надежда есть, на перезагрузку или, по крайней мере, на подзарядку, а у овоща будущего однозначно нет, рано или поздно его съедят, или он бесславно сгниёт и, в лучшем случае, пойдёт на удобрение.

Кончилось моё наваждение в один миг, поздним вечером, после очередного, неизвестно какого по счёту рабочего дня, почти в полной темноте, когда по какой то не понятной причине я не отключился сразу и бесповоротно, а лежал на своей жёсткой циновке с открытыми глазами, ни о чём не думая и ни на что не обращая внимания, скорее всего, даже не понимая сплю я уже или ещё нет.

Возня и сопение, а следом за ними удары, хрипы и злобный стон, больше похожий на приглушённый вой, разразившиеся совсем рядом, заставили вздрогнуть, приподняться и почти сразу же за этим резко вскочить. Непривычные шумы доносились из того места, где устроился на ночь человек благодаря которому я ещё жив и от которого напрямую зависит, как долго эта жизнь у меня ещё продлится. Это обстоятельство, надо быть честным и заставило меня выйти из сомнамбулического состояния. Я поступил точно так же, как поступает преданная собака, почуявшая неладное с любимым хозяином, но в отличии от неё не сразу ринулся защищать его, а попытался разобраться, что с ним происходит, и возможно это спасло нам обоим жизнь. Кинься я на тёмную массу, шевелящуюся в темноте словно многорукий бог Шива, без разбора, в ней бы навсегда и остался. Один из тех, кто пытался

нанести увечья моему напарнику, в этом у меня сомнений не было с самого начала, без труда бы расправился и со мной. Идти на людей, успешно таскающих тяжести на длинные расстояния не один год подряд, равносильно тому, чтобы броситься останавливать мчащийся с бешеной скоростью поезд с перьевой подушкой в руках, сметёт и не заметит.

Удивляться чёткости мыслей и обдуманной выдержке, вновь появившимися в моём арсенале, времени не было, хотя снова ощущать себя думающим человеком было приятно. Разглядев в темноте спину одного из нападавших, мне хватило ума на то, чтобы не хватать его и не оттаскивать, а поступить достаточно просто и довольно разумно, в сложившейся ситуации. Я сделал шаг в его сторону, наклонился, отыскал тыльную часть сопящей головы, затем соединил свои, ставшие мозолистыми, ладони в замок и изо всех оставшихся сил нанёс удар по ней, нисколько не заботясь о том, что произойдёт с этим человеком после этого. Когда же тело обмякло и стало заваливаться на бок, словно переполненный пакет с продуктами, приобнял его и бережно отнёс в сторону. Чутьё подсказывало мне, что избавить ещё кого-нибудь от ночной драки таким образом у меня не получится и надо готовиться к более серьёзным действиям. Так оно и вышло, не успел я выпрямить спину, как в мою сторону посыпался град размашистых ударов, большая часть которых досталась плетёной из веток и обмазанной глиной стене, отчего она загудела и стала местами осыпаться. Я её понимаю, бьют сильно, до меня часть от этой молотилки тоже долетела, правда я вовремя успел закрыться руками и сгруппироваться, так что серьёзного вреда этому вояке мне нанести не удалось. Драться с мужчиной в полном рассвете сил, да ещё к тому же в настоящее время имеющим надо мной физическое превосходство я не собирался, моя задача на много скромнее. Мне надо отвлечь на себя внимание ещё хотя бы одного из коллег моего напарника, предоставив ему шанс самому разобраться с оставшимися двумя. Это всё, на что я сейчас способен, да и требовать большего, с его стороны, было бы не справедливо.

За завтраком я впервые услышал самую краткую речь, за время моего пребывания на солеварне. Она, что вполне естественно, также не обошлась без слов паразитов, но было их так мало и сказаны они были так жёстко, и убедительно, что повлиять на скорость моего перевода их, в более нормальную для меня последовательность, они практически не смогли.

— Молчун, — обратился ко мне мужчина с огромной шишкой на затылке, по имени, ставшим моим совсем недавно, — сегодня твоя очередь. Жди ночью гостей. И не надейся, что твой дружок тебе поможет, он помогает только в одном случае, когда надо сходить за смертью.

Я ничего не ответил на его угрозы, ещё раз таким образом подтвердив правильность данного мне, почти с первого дня пребывания на солеварне, прозвища. Человек, считающий каждый последующий день последним в своей жизни, перестаёт бояться многого, тем более угроз от которых толку на копейку. Утреннее, молчаливое рукопожатие друга, таскающего со мной мокрую, грязную кашу, называемую солью, сказало о многом и вселяло надежду на будущее.

Перелом наступивший в моём состоянии вчера вечером, активно продолжал продвигать характеристики организма в лучшую сторону. С первой же ходки количество шагов, которые был в силах сделать без краткосрочного перерыва, увеличилось в двое. Весь обратный путь, не следил за тем чтобы не выронить из рук носилки, а глазел по сторонам и удивлялся: огромному числу поворотов на затоптанной босыми ногами трассе, обилию яркой растительности по её краям, тучам комаров, отчего то игнорирующих моё обнажённое, красиво загоревшее тело и пофигизму двух охранников, беспечно шагающих в полу

километре впереди от своих подопечных. Во второй заход, что показалось совсем уж не реальным, самочувствие хуже не стало. Напротив, наш тандем умудрился закончить изнурительный забег вместе с остальными носильщиками, ни отстав от них ни на шаг, чем дал им повод отпускать в нашу сторону плоские, а порой даже и совсем не понятные мне шутки, и высказывания. И наконец, во время ужина я впервые за много дней вспомнил за чем пришёл в это место и пускай мимолётно, но всё же подумал о Степане, этом старом козле, затащившем мою задницу в такое безнадёжное дерьмо. Мысли мои о нём, возможно и похожи на воспоминания о какой то забытой и не очень нужной вещи, но всё равно, прогресс на лицо.

Очередная ночная стычка между членами бригады, питавшими друг к другу ненависть и имевшими разногласия по поводу... А вот с этим у меня полный облом, потому что я до сих пор не знаю, на почве чего эти разногласия у них возникли. Информацию об этом до меня так и не довели, однако участвовать в разборках всё же заставили. Так вот, новый мордобой был серьёзным, жестоким, но скоротечным. Когда и после пятого падения на земляной пол я поднялся на ноги, мне под них смачно плюнули, вполне понятно, но уж как то сильно затянуто, выругались и в конце концов отстали. Тоже сделали и с Драпом, занявшем оборону в дальнем углу хлипкой хибары, тем самым дав понять, что временно конфликт исчерпан, и позволив остаток ночи провести спокойно. Как не крути, а на работу завтра выходить всем надо, независимо от того, кто к кому, какие чувства питает.

Утро принесло новые впечатления. Во первых вместо рыбы в первый раз, за время моего проживание на солеварне, дали мясо, во всяком случае я не помню, чтобы мне приходилось его ещё когда то здесь есть, а во вторых мой напарник, как ни в чём не бывало, весь этот завтрак болтал со мной без умолку, что казалось совсем уж из ряда вон выходящим.

— Ну чего, как сегодня твоё самочувствие? Перерывы снова не делать или может, как и раньше, всё таки останавливаться? — проявил он интерес к состоянию моего здоровья и поинтересовался перспективами на новый рабочий день.

— Не надо. Дойду до места без отдыха, как и все — спокойно сказал я ему в ответ, пытаюсь вспомнить, как долго мы с ним разговариваем в таком дружеском тоне.

— А глаз как, видит? После ночи он у тебя ещё сильнее заплыл — снова спросил меня носильщик, чью спину, как мне до этого казалось, я знаю лучше, чем тембр его голоса.

— Нормально — коротко ответил я, всё ещё не понимая, с чего это вдруг у него проснулся такой интерес ко мне.

Разговаривать напарник продолжал со мной и во время работы, правда делал он это лишь на обратном пути, когда наши носилки были уже не такими тяжёлыми. Говорил этот человек почти постоянно и возможно от этого я даже не пытался уцепиться за хвост его бесконечного повествования. Мне не интересно было слушать о чём он там гундосит себя под нос, мне важно понять, как долго у нас с ним такие приятельские отношения и почему я их заметил только сегодня?

После второго, за сегодняшний день, возвращения к морю, прекратил копаться в себе, всё равно нарыть там ничего не удастся. Такое впечатление, что память моя отказывалась запечатлевать события, происходившие со мной здесь до позавчерашней ночи, а голова начала нормально воспринимать окружающие предметы, одушевлённые и не очень, лишь сегодня утром. Поэтому искать в ней чего то, что связывало меня и эту организацию до этого, бесполезно. Кое-что конечно всплыло и, как это обычно бывает, не совсем хорошее. Память небрежно вбросила в действительность фразу, сказанную охранником Драпу, ещё в

первый день моего пребывания на солеварне. Если я ничего не путаю, то в ней говорилось о его предыдущем напарнике и собаках, которым он якобы скормил своего товарища. Вот по этому поводу я хотел бы получить разъяснения, а остальное в его рассказах, меня пока мало волнует.

— Послушай меня, Драп — прервал я говорившего на полу слове и спросил: — А почему к тебе мужики по ночам с кулаками лезут? Чего ты с ними не поделил?

Говорить он начал сразу, но подходить к ответам на вопросы, судя по всему, решил из далека, очень из далека. Как оказалось, драки с коллегами по работе у него проходили чуть ли не каждую ночь и пару раз они даже пытались прекратить, видно уже достаточно надоевшее им, занятие, с помощью более радикальных мер. Одной такой попытке я был свидетелем, а про остальное услышал впервые, вот что значит крепкий и безмятежный сон после тяжёлой работы. Кроме этого, минут через двадцать после начала ответа на поставленный мной вопрос, напарник, пускай и витиевато, но всё же достаточно откровенно донёс до меня, как он относится к тому событию, которое предшествовало этому затянувшемуся, беспредельному мордобойу. Что сказать? Будь я на его месте, такая чехарда наверняка бы приключилась и со мной. Потому что, если парень не врёт, я бы поступил точно так же, как и он, не зависимо от того, что поговорка: «Сам погибай, а товарища выручай», для меня не пустой звук. Что толку в том, если ты бросишься на помощь к попавшему в беду другу, на жизни которого поставлен жирный, чёрный крест и составишь ему компанию в вознесении на небеса. Ему что от этого легче станет? А в случае с Драпом, как следует из его рассказа, всё так и было, только вот сотоварищи его и его бывшего напарника в это не верят, и считают, что человек, к которому у компании имеются претензии попросту струсил. От этого у них и случился затяжной конфликт.

Долгое повествование носильщика было красочным, с подробностями, а с учётом того, что все местные страдают излишней болтливостью, ещё и нереально живописным. Он в деталях поведал, как собаки рвали его друга, пытавшегося совершить ночной побег, что сгрызли в первую очередь, когда он упал на землю замертво и как долго его обглоданные кости служили всем остальным напоминание о тщетности попыток сбросить с себя ярмо рабства. Но ни это меня впечатлило в его рассказе больше всего, хотя и поедание животными человека, на глазах у остальных прямо ходящих, событие не совсем ординарное. Для меня стало откровением то, что наш спокойный сон, в посёлке для рабочих, охраняет свора волкодавов, которых на ночь выпускают из загона и которые просто дрыхнут без задних лап под кустом до тех пор, пока не почуют чужого человека, будь то местный труженик, ограниченный в правах и перемещении или просто случайно забредший на огонёк ночного костра путник. Ну а что с ним случается потом, об этом повторяться не стоит. Не очень весёлая картинка и так у меня перед глазами маячит, я очень запросто мог оказаться в числе обглоданных счастливицов, если бы вышел к морю на несколько километров левее, примерно месяц тому назад или с дуру подорвался в ночной побег, в любой день из тех, что прозябаю здесь.

Во время ужина, когда говорить надо было тише, чтобы не привлекать внимание охраны и других людей, участвующих в приёме пищи, разговор наш плавно перетёк в более плотное знакомство друг с другом. Первым, как и следовало ожидать, моими родственниками и предыдущим местом жительства поинтересовался мой собеседник. У местных с этим сложностей не существует, их красноречие позволяет без долгого хождения вокруг да около, задавать самые интимные вопросы прямо в лоб.

— Сам то откуда? Родственники есть? Сюда за что попал? — спросил меня Драп, проведя предварительную и промежуточную словесную подготовку, к которым я уже привык и почти не замечаю их.

Рано или поздно такие вопросы здесь, мне ктонибудь задал, но за прошедшее время подготовиться к ним я не успел и на сегодняшний день готового ответа у меня не было. Поэтому отвечал так, как бог положил на душу.

— Местный я, там живу — машинально махнув рукой в ту сторону, куда сидел лицом, ответил я, пытаясь при этом откашляться от куска, не кстати попавшего не в то горло.

Такой лаконичный, пускай и довольно туманный ответ, человека, ждавшего его, не удивил. Он уже привык к моей, как здесь всем кажется не разговорчивости и замкнутости, а случайно указанное мной направление предыдущего места проживания, только ещё раз подтвердило его догадку.

— Ну теперь ясно отчего ты так разговариваешь. Вы там, на новых землях, все молчуны, это общеизвестно. Я вот только одного не пойму, почему? У вас что желания нет разговаривать или язык, как то по другому устроен. Вот ты мне скажи... — завёл Драп свою долгоиграющую пластинку, без которой здесь никто не обходится во время обстоятельного разговора.

Я и сам не прочь поговорить, когда настроение есть или при необходимости, бывшая работа к этому приучила. Но болтать так долго об одном и том же, обсасывая его чуть ли не со всех сторон, на это у меня ни таланта, ни сил не хватит. Несмотря на это я очень рад, что мой собеседник свалился в рассусоливание на тему новых, для меня так абсолютно не знакомых, земель. Есть время сориентироваться и почерпнуть какую никакую информацию о них, чтобы в последующем хотя бы чему то соответствовать.

Много узнать из долгой и порой перескакивающий совсем в другое русло речи Драпа, не удалось. Так я и не понял почему земли, откуда якобы сюда попал, называются новыми, как они появились, были завоёваны местными, или получены в подарок от кого то, а может просто приросли каким то чудесным образом. Это, к сожалению, осталось для меня тайной. Зато, о трудностях, возникающих перед людьми, рискнувшими поселиться на них рассказано было достаточно, хотя и в форме предположений, слухов, а порой и открытых вопросов, обращённых ко мне. Оказалось, что в тех краях, достаточно много опасностей. Они подстерегают человека чуть ли не на каждом шагу, в прямом и переносном смысле этого слова. Там довольно просто провалиться на такую глубину, из которой тебя ничем достать не смогут, даже если рискнут это сделать, ещё легче можно захлебнуться в безобидной луже, на самом деле являющейся не проходимой трясиной, проще простого отравиться водой, во время приёма её внутрь из незнакомого водоёма, даже несмотря на то, что она не будет отличаться от уже привычной. Если с этим справишься, то будьте любезны обратить внимание на живность, так и норовящую поживиться за твой счёт. Ну и напоследок у меня поинтересовались о бардаке и неразберихе, якобы подменяющих в тех местах законы и правила проживания, а также спросили, верно ли то, что у нас можно обнаружить просто залежи ценных предметов.

— Ага. Так оно и есть — это всё, что я мог выдавить из себя, вместо ответа.

Хорошо ещё, что собеседник не пытался переспрашивать и уточняться, наверное, понимал, делать это бесполезно. Чего добьёшься у человека, получившего прозвище Молчун?

Эко меня угораздило, махнуть рукой. Хотя, если посмотреть на мой поступок с другой

стороны, сиди я лицом в другом направлении, неизвестно, как бы ещё с ним разобрался.

— А родичи у тебя есть? Или сгинули все на промысле? Чего про них то ничего не сказал? Слышал я, что в тех краях много наших одиночек пропало. А может ты сам одиночка? Так не стесняйся, прямо скажи, мне можно. Был у меня один знакомый... — начав с вопросов и снова сорвавшись в разглагольствования, продолжил разговор Драп.

Нет, всё таки хорошо, что люди здесь так много разговаривают. Есть время подумать над ответами или на худой конец попытаться уподобиться им и попросту заболтать собеседника, так ничего и не ответив.

Вечерний разговор долго не давал уснуть. Он так и не прояснил мне, где я нахожусь и даже намёка не дал, что делать дальше, но кое что из него всё равно стало известно, и хотелось ещё чего то разузнать прямо сейчас. Меня так и подмывало спросить у лежащего через полтора метра от моего спального места Драпа, чегонибудь, ну хотя бы про его родственников, но делать этого нельзя, по дороге в хижину, напарник меня об этом предупредил. Оставалось только одно, общаться с самим собой и переваривать то, о чём шёл разговор вовремя ужина и на что ни мой собеседник ни я, так и не получили ответов.

Рисуя в голове мрачные картинки, незаметно вернулся к истоку нашей задушевной беседы и мысленно улыбнулся тому, как легкомысленно поступил, махая руками, куда попало. По какой то причине этот взмах прокручивался в голове раз за разом, как будто в нём заключалось что то важное, что то такое, чего лежит на поверхности, но до чего я так и не могу додуматься. Чтобы отбиться от прилипшего изображения пришлось заставить себя всё забыть и стараться, как можно быстрее, уснуть. Сильно стараться не понадобилось, представил, как завтра буду таскать опостылевшую соль, от которой всё тело уже чешется, так сразу зевота и напала, а от неё до глубокого сна у меня расстояние не большое.

Последующие несколько дней слились в один, длинный, солнечный, праздничный и очень информативно насыщенный. Всё это время мой товарищ рассказывал о себе, своих родителях и братьях, дальних и близких родственниках, своих переживаниях о них и о своей дальнейшей судьбе, и самое главное о месте, где прошло его детство и юные годы. Больше всего меня интересовало именно это, то самое место, названное им, ни много не мало, городом. Хотя про родственников тоже было интересно послушать, ну хотя бы для того чтобы понимать все ли простые люди здесь такие же, как и мы, униженные и оскорблённые. Что касается родины, то находилась она у моего дорогого друга не очень близко, по его понятиям о расстояниях, но была очень красивой со множеством домов, что меня очень сильно удивило, с огромным количеством людей, проживающих в них и развитыми отношениями между ними. Он так и сказал: «С развитыми отношениями», и это его выражение меня основательно напрягло. Ну откуда этот, годами нестриженный парень, бегаящий без штанов, с примитивным орудием для переноса тяжестей, знает про такое. Мне ничего не оставалось делать, как попытаться наводящими вопросами узнать об этом городе, его людях и главное о времени в котором он находится, и развивается.

— Послушай, Драп — начал я из далека, — а вот этот город ваш, давно построен?

— Давно — простодушно ответил он. — Так давно, что мне даже толком неизвестно, когда. Нет, сначала он совсем не был городом и потом, когда в нём поселились мои предки, тоже не считался таковым. Городом его назвали, после того, как время пришло.

Любитель поговорить ещё долго извращался, так толком ничего и не сказав. Пришлось уйти, с другой стороны.

— Интересно рассказываешь — похвалил я кучерявого говоруна. — Вот смотрю я на

тебя и не могу понять, сколько тебе лет? Говоришь вроде, как умудрённый опытом человек, а на вид молодой парень. Ты в каком году родился?

— Так, подожди ка. Сколько лет спрашиваешь? — задумался Драп. — Если моему младшему брату было пятнадцать, когда меня на каторгу отправили, а я старше его на восемь, тогда мне сейчас?

— Ты сказал на каторгу? — прервал я его, обратив внимание на новое слово в обиходе напарника.

— Ну да на каторгу. А ты чего считаешь, что у нас здесь совсем на неё не похоже?

— Почему же не похоже, очень даже похоже — не стал я оспаривать очевидное.

— Тогда не перебивай, каторга и должна быть похожа сама на себя. А на что же ей ещё быть похожей? Так, значит ты спрашиваешь сколько мне лет? Сейчас я тебе отвечу, сколько.

Парень задумался и остановился, не обращая внимания на то, что расстояние между нами и основной группой всё увеличивается, и увеличивается, а охраны так и вовсе уже не видно, она ушла за очередной поворот, над чем то весело смеясь.

— Мне двадцать пять! — радостно выкрикнул напарник. — Моему старшему брату сейчас тридцать, а он на пять лет старше меня. Стало быть, родился я в триста сорок восьмом году. Точно в сорок восьмом, сейчас же семьдесят третий!

— Триста семьдесят третий?! — переспросил я, окончательно раздавленный действительностью.

Драп что то радостно говорил, но я его уже не слушал. Меня, как будто молотком ударили по голове. Триста семьдесят третий год — это же настоящий ужас! Я несколько раз проговорил про себя эти страшные цифры, стараясь проникнуть в их глубину, но от понимания того, куда меня занесло стало ещё противнее.

— Чего застыл? — спросил Драп, сопроводив свой вопрос ещё какими то словами. — Пошли давай. Посмотри, как отстали, нет уже никого рядом.

Дорога действительно была абсолютно пустая и это обстоятельство подействовало на меня, вкупе с услышанным от напарника, словно выстрел из пистолета на марафонца, стоящего на старте.

— И чего я ещё стою тут, как истукан и слушаю этого древнего человека? — спросил я себя и сразу ответил: — Надо бежать от них всех, как можно быстрее, прямо сейчас! Другого такого случая может больше и не представиться! Идите вы со своим триста семьдесят третьим годом, куда подальше!

Я резко дёрнул корзину на себя. Стоявший в пол оборота ко мне носильщик, не ожидавший с моей стороны такого неуважения к нему и к нашему общему инвентарю, не смог удержать поручни в своих натруженных руках, и выпустил отполированные деревянные из них.

— Ты чего, Молчун? Зачем так делаешь? Мне же... — начал он возмущаться.

— Беги! — крикнул я ему, оборвав парня на полуслове.

Пока он соображал, чего ему предлагают, корзина уже оказалась на моих плечах и я вместе с ней нырнул в густые, придорожные кусты, с трудом продираясь сквозь них.

— Бежать! Как можно дольше и, как можно дальше, от этого кошмара! — бешено стучало в моей ошалевшей голове.

Я так и делал, продолжая тащить на себе давно ставшие бесполезными носилки, от которых надо было избавиться уже в самом начале побега. Не обращая никакого внимания на ободранные руки, на лицо, исхлёстанное в кровь безжалостными ветками, наматывал

босыми, натруженными ногами метр за метром, словно пытаясь вырваться из плена этого далёкого, чужого и жуткого времени.

В моей жизни достаточно много поступков, которые были совершены, что называется по наитию. Совершал я их походя и почти всегда спонтанно, но вот в чём странность, ни один из таких поступков не приносил мне вреда, каким бы сумасбродным не казался первоначально. Оглядываясь назад, так сказать, окунаясь в глубину прожитых лет, обнаруживал там иногда такие выходы со своей стороны, о которых, по прошествии некоторого времени, даже не мог бы и помышлять. Но, в тоже самое время, не соверши я их и моя судьба повернула бы совсем в другую сторону и, как мне кажется, совсем не в ту, где обитает госпожа Удача, несбыточная мечта для очень многих.

Вот и сейчас я не понятно с чего взял, да и мотанул со своей поклажей не туда, куда должен был бы бежать нормальный человек, а совсем в обратном направлении. Мой напарник, если судить по тому, что рядом его не наблюдается, побежал туда, куда надо, отчего же тогда я продолжаю наворачивать метр за метром в сторону моря, которое вскоре превратится в тупик, в брод же его не перейдёшь.

Остановился. Дошло что ли до меня, какую ошибку совершил? Сбросил с плеч корзину, закусил нижнюю губу, пожевал её в раздумье, выдохнул и с новыми силами, но с прежней же скоростью тронулся в том же направлении. Умом понимаю, что давно надо было бы повернуть обратно, а ноги так и продолжают нести к воде, вот же наваждение какое.

На моё счастье водная гладь до самого вечера простояла почти без волнения. Это спокойствие сил природы передалось и мне. Я пролежал до сумерек, под ветвистым кустиком, опустившим свои лохматые ветви прямо в морскую пучину, словно полузатонувшее бревно. К концу моего лежания в солёной воде, если сильно не присматриваться, меня и в самом деле можно было принять за обыкновенную корягу. Кожа на всём теле покрылась мелкими, но глубокими морщинами, пальцы на руках выглядели, как кожаные перчатки после десятилетней носки, а лицо, подвергшееся ещё и воздействию солнечных лучей, наверняка можно было принять за основание корневища. Одно радовало в моём состоянии, отмылся за все дни сразу и, если даже на моём организме, случайно, поселились вредные паразиты, во время проживания в антисанитарных условиях, им точно пришёл полный кирдык, в этом можно быть уверенным даже без сдачи анализов.

Лежачее положение, вялое покачивание на почти не заметной волне, щебетание птиц, всё это способствовало умственной деятельности. Занялся ей не сразу, а лишь после того, как перестал дёргаться от каждого шороха, доносившегося со стороны берега, закончил пересчитывать листья на близ растущих ветках и бросил изучать структуру морского песка, поднятого мной на поверхность. Поразмислить было о чём, а как не задуматься о жизни, когда наконец то узнал о времени в котором нахожусь. Но не на это я потратил большую часть своего, начавшего превращаться в желе, серого вещества, как бы странно это не выглядело. Сейчас меня больше терзало совсем другое. С периодичностью синусоиды ко мне возвращался вопрос, казалось бы, лежащий на поверхности и не требующий моего особого внимания. Время шло, а я так и не смог себе толком объяснить, зачем убежал из солеварни именно сегодня? Нет, вариаций на тему: «Долой рабство» или «Свободу попугаям», было предостаточно. Я не мог себе внятно растолковать другого. Какого чёрта убежал от надоевших до смерти порядков в тот момент, когда только начал познавать местную действительность? С помощью моего товарища по несчастью, мог же досконально

разобраться со всем, что здесь происходит, выработать стратегию своего дальнейшего поведения, подготовиться в конце концов к побегу, хотя бы продуктами на день, два запастись и только после этого совершить его. А сейчас что? Даже если меня не поймают, чего делать дальше? Нет, понятно, что надо возвращаться к джинсам и пакетам, а потом пробираться обратно к Степану, где бы он ни был. Не ясно другое, чем заниматься после незабываемой встречи приятелей-неудачников? Вот совсем не понятно.

Интересно, как он там? Жив ли ещё или не дай бог... Нет, об этом лучше даже и не думать. Остаться одному, в триста семьдесят третьем году, среди этих недоразвитых монстров, только и умеющих, что таскать, копать, ловить и жрать чавкая, словно свинья? Случись такое, можно и умом тронуться. Стать одиночкой, о которых чего то там Драп заикался? На такое я не способен. С моим умением заболтать покупателя чуть ли не до смерти, лишь бы всучить ему совсем ненужную вещь, с достаточно уживчивым и компанейским характером, да в конце концов с теми знаниями, что имеются в моём багаже, которые непременно захочется на когонибудь здесь выплеснуть, это просто невозможно. Да и слово это, «одиночка», какое то ледяное, жёсткое, если не сказать мёртвое, применять к себе, мне бы совсем не хотелось. Ё моё, сказал бы ктонибудь, что со мной случиться такой казус, ещё полтора месяца назад, в морду бы дал не задумываясь. Триста семьдесят третий год! Это же надо. Да до сегодняшнего дня я даже понятия не имел, что в это время происходило на моей малой родине, а вот пойдя ка пришлось ознакомиться. Не так я себе представлял живущих тогда людей. Нет, внешний их облик, пожалуй, очень даже соответствует тому, о чём говорят учебники истории, а вот их умственные способности и в особенности речевое развитие, думаю для многих светил науки стало бы настоящим откровением. Да я и сам рисовал в своём воображении наших предков эдакими тугодумами, изъясняющимися на не знакомых наречиях и диалектах. А на самом деле, что здесь увидел? Если забыть о их невоспитанности и слабом техническом развитии, то картина складывается очень даже презабавная. Люди без умолку болтают в течении всего светлого времени суток, почти точно так же, как и мы, пользуются теми же самыми словами, оборотами и даже не цензурными выражениями. Ну подумаешь расставляют их не много не в том порядке к которому привыкли живущие в другом, страшно далёком от них веке. Ну и что? Не это главное. Главное то, что я способен понимать их, так же, как и они меня, пускай и не поголовно, разумом и даже сердцем, которое, в этом я не сомневаюсь, у меня не менее чувствительно, чем у них. Как такое объяснить? Откуда в них это, при их то чёрствой и пресной жизни? И ещё, я всегда думал, да мне об этом и не раз говорили с самых высоких трибун, что в это время люди были малограмотные, с трудом складывали три и пять. А здесь? Все поголовно знают, что такое минута и час, метр и километр, я уже не говорю о килограммах и литрах, с этим очень многие знакомы не понаслышке. А такому, как не удивляться: грань между добром и злом, справедливостью и подлостью, у них проходит точно там же, где и в моём, более цивилизованном, обществе? Мне всегда казалось, что они к таким вещам должны относиться более хладнокровно, обитая в таких тяжёлых условиях. Без сомнения, разница между нами существует, но не такая огромная, как можно было бы себе представить и, как она рисуется в воображении лиц, на самом деле совсем не правильно трактующих предмет под названием история, для своих современников. В действительности то мы внутренне, да и внешне, если судить по моему теперешнему состоянию, совсем не далеко находимся друг от друга. И что всё это значит? Запараллелило меня что ли, куда то? Может быть, конечно и так, но у кого спросишь? Ох и не легко мне чувствую жить здесь

будет, ох не легко. Назад бы вернуться, домой. Но, как это сделать?

Трение умных мыслей друг о друга, приостановили надвигающиеся сумерки. Наступает время задуматься о более прозаичных вещах. Пора определиться с направлением движения и с расстоянием, на которое необходимо будет зайти в море, чтобы меня не заметили с берега и самому не потерять его из вида, в тёмное время суток. Шагать по суше, где на каждом шагу могут ждать недоброжелатели, не лучшее решение, хотя и по морю разгуливать ночью, где «ни пса не видно», тоже не ромашки собирать в чистом поле. Но делать нечего, воспользуюсь старым, добрым, ещё дедовским методом, выберу из двух зол меньшее.

Понадеюсь на то, что если до сих пор меня не нашли, то в темноте, да ещё в море, у них с этим совсем ничего не получится. Ладно хватит слов, пришла пора подыматься, пока не растворился в солёной воде полностью, хватит изображать из себя бревно. Судя по самочувствию до него мне не так уж и много осталось. Вот ни хрена же себе, ноги то, как затекли и руки такие, будто мне их только вчера пришили. И как же в таком состоянии я буду добираться до места?

Умные всё же люди жили до нас, раз оставили будущим поколениям такие выражения. Давно же сказано: «Смелому и море по колено». Казалось бы, что тут сложного, возьми на вооружение поговорку, зайди в это самое море по колено и оно тебе таким, всё время и будет казаться. А на самом деле, что? Точно. Всё, как всегда, не легко и не просто. Не быстро разобрался с тем, каким шагом надо идти, чтобы не спотыкаться и не шуметь, совсем не сразу научился различать нижнюю кромку берега, от той полосы, что прочерчивают по тёмному небу прибрежные заросли, да и с фразой: «держат нос по ветру» не так всё просто оказалось. Столько натерпелся обучаясь на ходу этим премудростям. И огни мне мерещились, и голоса с берега доносились, и даже плеск вёсел со стороны моря мне слышался так отчётливо, что пришлось несколько раз прятаться с головой под воду, а ночью делать это ох, как не приятно. Да что там неприятно, попросту страшно, чего уж тут вилять и прикидываться. Зато сейчас, когда позади осталась и солеварня, и рыбная заводь, я могу уроки давать по перемещению в море с закрытыми глазами, используя лишь слух и обоняние, было бы только кому.

Преодолев, что то около километра, после изгороди перегородившей небольшой участок моря, приблизился к берегу. Сколько от этого места до моей одежды, надеюсь так и загорающей на солнышке, в прибрежных кустах, достоверно уже не помню. А не заметить в темноте синие штаны и толстовку чёрного цвета очень просто, даже не смотря на открывшиеся у меня таланты различать кое какие предметы в ночное время, словно кошка. Бегать же из конца в конец разыскивая их совсем не хочется. Жажда, не зависимо от того, что половину суток нахожусь в воде, знать о себе всё же даёт и питание не совсем регулярное, тоже не пошло на пользу. Надо экономить силы, сколько их понадобится до следующего приёма воды и пищи, одному богу известно, а есть ли он в этом месте или нет, я доподлинно не знаю. Местные на эту тему не говорили, а самому спрашивать не досуг было, по важнее эти вопросы имелись. Так что даже если бы очень захотел про это у него узнать, понятия не имею, как к нему обращаться и стоит ли вообще надрываться, вызывая к всевышнему. Да он бы ещё и не ответил такому богохульнику, как я, так что терпи казак, надейся на лучшее, но и сам не плошай, есть возможность отдохнуть, пользуйся ей.

Как не сопротивлялся я сну, сидя на крохотном пятачке земли, под ветвистым деревом, почти полностью занявшем его, сморил таки он меня. Не помогли ни ноги, лежащие в воде почти по самые колени, ни сгорбленная спина, скрючившаяся от недостатка пространства и

груза навалившихся на неё проблем, и даже молитва, состоящая из двух слов: «Не спать», монотонно сверлившая мозг, оказалась бесполезной. Подъём солнца, его выход на орбиту и всеобщее просветление, вызванное этим действием, не заинтересовали и прошли мимо, развалившегося в прибрежной глади, уставшего путника. Зато удача, намертво прицепившаяся ко мне ещё вчера днём, так и продолжала шляться рядом. Лишь благодаря ей моим беспомощным, исхудавшим до невозможности телом, испоганившим своим откровенно нудистским видом сине зелёное великолепие, никто так и не заинтересовался.

Правильно оценив сложившуюся ситуацию, я без колебаний, змейкой заполз в заросли и уже оттуда начал внимательно осматривать морскую гладь, попутно ликуя от счастья и наслаждаясь вновь обрётённой свободой.

Уже на подходе к знакомому месту я вспомнил один случай из своего далёкого детства, который стал стираться из памяти, но чувства, испытанные тогда, моим неокрепшим организмом, очень явственно всплыли сейчас.

Лет десять мне было тогда. Нет, ошибаюсь одиннадцать. Как раз после дня рождения родители отправили своё непослушное чадо, уже тогда с лёгкостью раздававшее синяки в чужих подворотнях, в лагерь, сразу на две смены. Как они проходили и чем запомнились, про то отдельный разговор, но вот какое чувство было у меня во время встречи с самыми близкими родственниками, после отбытия наказания, я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Радость от возможности снова увидеть родные лица мамы и отца, наверняка, десять раз пожалевших о своём опрометчивом поступке, счастье предстать перед ними повзрослевшим и, как мне тогда думалось, возмужавшим, переполняли меня и стремились выбраться наружу в виде скупых мужских слёз, одиннадцатилетнего мальчика. Разве такое забудешь? Были потом в моей жизни и встречи, и расставания, но таких чувств я больше не испытывал, и мне казалось, что им уже не суждено во мне проснуться. Каково же было моё удивление, когда всё это повторилось вновь, прямо сейчас. Выскакивающее наружу сердце, влажные глаза, улыбка на лице, я в этом твёрдо уверен, мягкая и любящая, точно такая же, как и тогда, во время моей встречи с родителями, на стареньком вокзальном перроне. Кто бы мог подумать, что это со мной проделают старые, линялые штаны, своей синевой обесценившие зелень яркой листвы и поношенная, футболка с длинным рукавом, поменявшая цвет, наверное, от горя из-за долгого расставания с любимым хозяином, с чёрного на бледно серый.

Всем мои вещи находились в целости и сохранности, ни ветер, ни дождь не нанесли им большого ущерба, напротив, если не считать выгоревшей на солнце толстовки и то только с одной стороны, то смотрелись они не хуже новых. Особенно понравились кроссовки, пахнувшие свежестью и лесными ароматами, я их даже не стал сразу одевать, положил в пакет и решил, что буду использовать лишь в крайнем случае, когда пойдёт дождь, станет холодно или во время других природных катаклизмов. Запасные взять будет негде, собственно говоря точно также, как и всё остальное. Однако отказать себе в удовольствии сменить кожаную юбку на более привычный для мужчины наряд, не смог.

Перед самым заходом в растительный лабиринт, когда мой внешний вид уже приобрёл былое «величие», надел часы, предварительно выставив на них время по солнцу, засунул в карман, несколько не отсыревшие спички, заполнил морской водой банку, взял в руки обветрившееся и не много потускневшее копье, на прощание взглянул на бирюзовую даль моря, и только после этого тронулся в путь. Жаль конечно, что телефон с дуру утопил, можно было бы обменять его на что нибудь полезное у местных дикарей, думаю совсем без встреч с ними моя дальнейшая жизнь не обойдётся. Папуасам нравились стеклянные бусы, а

эти чем хуже? Но кто же знал, что здесь всё так запущено? Хотел было задержаться немного и поискать его в воде, но потом передумал, не стоит рисковать. Для всех будет лучше если я, как можно быстрее покину этот берег, да и с питьевой водой, и с питанием чего то надо решать, не до игрушек сейчас. И не факт, что нашёл бы ту, которую сам же и выкинул так давно, что уже начинаю забывать её форму и характеристики.

Болтающиеся словно на манекене джинсы так и норовили сползти на землю, особенно они старались осуществить свой коварный замысел во время ходьбы и даже заправленная в них футболка, от которой хотелось избавиться сразу же после надевания, не мешала им этого делать. Подвязывать брюки у меня нечем, а снимать верхнюю одежду в то время, когда со всех сторон тебя окружают безжалостные ветки не стоит, также, как и не стоит экономить на кроссовках, всё же одетых мной, на чистые носки. Остается одно, всю дорогу ставить на место зарвавшиеся штаны. Одеть обувь меня заставили воспоминания о разнокалиберных змеях, ползающих в этом месте, как у себя дома. Моему исхудавшему организму достаточно одной неудачной встречи с этими ползучими гадами и всё, можно сказать жизнь прошла даром. Сейчас я конечно уже не так паникую по их поводу и по поводу узости тропинки, но пренебрегать опасной живностью всё равно не стоит, наслышан уже о странных землях в этом краю. Если местные опасаются заходить в них, то что же тогда говорить обо мне, человеке, прошедшем лишь курс молодого бойца в этом времени. А заросли, откуда пытаюсь выбраться, на мой взгляд, не на много лучше новых земель, про которые мне так много рассказали. Стоп! А куда я сидел тогда, во время нашего с Драпом разговора, лицом? Вашу же доисторическую мать! Морда моя отсвечивала, как раз в ту сторону, где мы с дядей Стёпой приземлились, на его задрипанном, межпланетном корабле. И куда я тогда спешу, с таким энтузиазмом? Прямиком в непроходимые болота, к монстрам в пасть?

Дотопал до очередного расширения лабиринта и остановился. А в самом деле, не повернуть ли обратно или на худой конец дёрнуть хотя бы влево? Какого дьявола я забыл на этих новых землях? По Степану соскучился? Так я его толком и не знаю. Кто он мне? Брат, сват, отец? Да никто, он мне даже не дед. Он человек с Марса, тот, который меня так осчастливил, что я до сих пор отойти не могу от этого счастья.

Вторую остановку, уже более долгую и осмысленную, совершил оставив позади густые и почти непроходимы заросли. Снял одежду, жарко в ней, одел на себя рабочую форму, которую предусмотрительно забрал с собой, уж больно кожа у юбки хороша и сложив дорогие сердцу вещи в пакет, основательно задумался. Жизнь штука странная, волнообразная, возможно даже и не всегда замечательная, но она, чёрт её подери, у каждого одна, если конечно ты не придерживаешься какой нибудь оригинальной веры. И расставаться с ней, ради непонятно чего, совсем не хотелось бы.

Думалось долго. Прикидывал и так, и эдак, а остановился на том, на чём и должен был бы остановиться нормальный, сознательный гражданин нашей любимой родины, если верить средствам массовой информации. Хотя, никогда не считал себя очень правильным человеком, даже наоборот, в основной массе своих поступков я совсем неправильный, но так сложилось, что есть у меня несколько «не», через которые переступить не могу, как бы не хотелось этого сделать. Никто мне их не навязывал и не прививал с раннего детства, я их сам, можно сказать, выстрадал и возможно от этого так ими дорожу. Так вот, одно из этих «не», прямо так и гласит: «Никогда не бросай в беде товарища», а второе: «Всегда помогай старикам и детям». Первым я успешно пренебрёг, его в отношении дяди Стёпы применить по нескольким причинам практически невозможно. А вот со вторым, дело обстояло

сложнее. Его подводил и туда, и сюда, пытался прицепить к, как то совсем неожиданно возросшей средней продолжительности жизни в стране, и к моложавому обаянию нового знакомого, делавшего его, несмотря на некоторую болезненность, вроде бы ещё вполне молодым человеком. Даже пытался убедить себя в том, что от границы детства он давно отошёл, а к границе старости так ещё и не добрался. Но оказалось, что иметь отличную зрительную память не всегда хорошо. Глаза Степана, запомнившиеся мне в момент нашего с ним прощания, вцепились в меня мёртвой хваткой и поединок со своей совестью я проиграл безоговорочно. Ну что же, хотя бы буду знать к кому предъявлять претензии, в случае летального исхода.

Крайний лиман я оставил позади довольно быстро. Шёл практически по тому же маршруту, что и в первую встречу с ним, и поэтому не волновался по поводу природных ловушек, о которых узнал совсем недавно, а скоростная выносливость, за время работы носильщиком, достигла такого уровня, о котором только можно мечтать, это и помогло разобраться с препятствием так быстро. А вот возле второго задержался. Не обращая внимания на нещадно палящее солнце, неимоверную жажду, всё же последний раз пил почти сутки назад, остановился в чистом поле, превращённом неблагоприятными климатическими условиями в безжизненную пустыню и стал изображать из себя дерево. Не знаю на сколько мне это удалось. Наверное, удалось, если уже минут через сорок стояния, рядом со мной валялась, порядочных размеров, тушка суслика, совсем ещё недавно беспечно бегавшего возле своей норки. Чего он забыл в том месте, где я затаился, теперь уже спросить не у кого. Жаль конечно бедолагу, но вопрос стоял так: «Либо он продолжал бы бегать по потрескавшейся от жары земле, либо я буду сегодня вечером с ужином».

Мёртвое тельце, одетое в мягкую шубку, положил в свободный пакет, радуясь тому, что и этот подвид здесь на много крупнее чем дома. Размер убитого мной животного мало чем отличался от взрослого кролика. Затем вытер крупные капли пота, выступившие на лбу от долгого стояния под солнцем, без головного убора и стал продвигаться дальше. До темноты мне надо покинуть эту не приветливую местность, если хочу развести огонь, здесь ему зародиться будет практически не на чем. Так же в этой пустыне навряд ли найдётся предмет, способный помочь мне разделать добычу, которую по уму надо было бы сразу освежевать. Деревянным копьём смог только прибить шустрого мальчика, а вот выпустить его кишки наружу, с помощью этого инструмента, навряд ли у кого то получилось бы и я не исключение. Знаю, что и дальше мне не повстречаются ни камни, ни куски арматуры, ни тем более острые железяки, но верить в то, что глазастый пушистик был мной забит напрасно не хочется. Буду надеяться, что до вечера чегонибудь придумаю и ужин у меня всё же состоится.

Положив усталые руки под голову, лежал на спине у потрескивающего костра и тупо смотрел в звёздное небо. Ни оно, ни спутник, остывающей от дневного зноя земли, меня не интересовали. Глядел на них, можно сказать, поневоле. Разглядывать прогорающие угли надоело, бегавшие по ним язычки пламени интереса из себя и до этого не представляли, а всё остальное, что окружало меня, либо плохо просматривалось, либо пряталось так, что зацепить его усталым взглядом не представлялось возможным. Да и не хотелось мне заниматься изучением внешних раздражителей, меня, как никогда до этого, интересовала внутренняя составляющая одушевлённого предмета, созерцать который, в качестве отражения, мне не доводилось без малого два месяца. Что же с ним такое произошло? Какие настройки в нём сбились? Какие новые струны заиграли на первой скрипке, заново

собранного оркестра?

— Да, дела — тихо сказал я, освободив из под головы правую руку и придирчиво осмотрев её ладонь. — Что с тобой стало, Владик? В кого ты превратился?

Ладонь была чистой, на сколько это возможно при почти полном отсутствии воды. Я не на долго закрыл глаза, надеясь на то, что картинки с вывернутыми наружу кишками, руками по локоть в крови, с отвинченной башкой бедного кролика в кустах, клочьями опалённой шерсти и лохмотьями свежесорванной шкуры, наконец то покинули мою бедную голову. Но Большая медведица лишь несколько секунд посверкала в моих прикрытых глазах своими звёздочками, а затем развратно вильнула огромной задницей и растворилась словно табачный дым выпущенный курильщиком на волю. Её же место вновь заняли кадры из фильма ужасов про животных, главную роль в котором исполнял безымянный суслик, с выпученными глазами и переломанным хребтом.

— Чтоб ты сдох зараза! — выругался я подымаясь, громко рыгнув при этом. — Чего прицепился, падла!

С раннего утра продолжаю движение, оставляя позади километр за километром и прикидывая в уме, сколько мне ещё осталось топтать до благословенного ручья с минеральной водой. Маршрут, с которого ни при каких обстоятельствах сворачивать нельзя, в моей памяти ещё не стёрся, поэтому примерное расстояние до воды мне известно, а вот когда это произойдёт по времени, трудно сказать. Надеюсь, что на много быстрее, чем ожидаю. Всё таки я сейчас в более лучшей физической форме, у меня есть определённые представления о том, чего стоит бояться, а на что можно и на плевать с высокой колокольни, и наконец меня подгоняет почти двухсуточной выдержки жажда, потрескавшиеся в кровь губы и предвкушение встречи с новоиспечённым другом, в отличном состоянии здоровья которого не сомневаюсь.

Солёной воды со вчерашнего вечера, когда последние её капли ушли на отмывание моего греха, а может быть на крещение вновь обрётённых способностей, точно не знаю, у меня нет и в помине. Банка пуста, как сейф у обанкротившегося банка. Пускай пить израсходованную на бытовые нужды влагу было нельзя и даже невозможно, но само наличие жидкости, на которую в случае полного отчаяния можно было хотя бы посмотреть, приободряло и вселяло оптимизм, впрочем, действовавший на меня в самом начале пути очень расхолаживающе. Полное же отсутствие основного компонента всего живого на земле, собрало мои силы и волю, в один мощный, всё пробивающий кулак и это должно будет придать мне дополнительное ускорение.

— Ладно, хватит рассказывать сказки. Дело обстоит так: если сегодня к вечеру до воды не доберёшься, то следующим утром можешь и не проснуться. Поэтому рви на себе волосы, растягивай до не могу мышцы на ногах, да в конце концов землю грызи, но до темноты к ручью ты обязан добраться! — сказал я себе прибавляя шаг, нисколько не заботясь о начинающем зарождаться помешательстве, на почве огромной потери организмом всё оживляющей влаги.

Бывали в моей жизни победы, большие и не очень, и радость ко мне тоже приходила, и праздник у меня был. Чем я хуже других? В этом отношении обделён не был. Точно так же, как и не был обласкан феерическими, остающимися в памяти навечно, впечатлениями, достающимися лишь счастливицам или, как их принято называть, баловням судьбы. Сегодня же я могу с полным правом считать себя принятым в отряд тех, на кого снизошло такое счастье, и кто сумел всем своим существом ощутить, что это такое, быть избранным. Объяснить словами, какие чувства тебя накрывают при понимании этого, я не в состоянии. Я в состоянии лишь погрузиться в них полностью, раствориться в них без остатка и наслаждаться ими до тех пор, пока они окончательно не исчезнут, оставив о себе только воспоминания и возникшую, от понимания того, что это с тобой уже произошло, грусть.

В ручье плескался до темноты, позабыв обо всём на свете. Его слабое течение тащило меня на несколько десятков метров вперёд, потом я, сопротивляясь ему, возвращался обратно, туда, где лежали мои вещи, снова падал в воду и снова она тянула меня за собой, словно пытаюсь увлечь в неведомый омут. Теперь мне не казалось, что кристально чистые капли имеют солоноватый привкус, напротив, сейчас они казались мне сладковатыми, даже с оттенками фруктового и, наверное, от этого я их глотал, и глотал, не в силах утолить жажду.

Покинуть безмятежную прохладу заставила ночь, спустившаяся из-за деревьев и окутавшая всё, до чего смогли дотянуться её длинные щупальца. Мои воспалённые глаза слишком поздно обратили внимание на это явление и я с трудом сумел добраться, по вдоволь накатавшему меня на своей тихой глади, ручью до места, где оставил свои пожитки. С выходом на сушу мгновенно исчезли безмятежность и эйфория, и их место тут же заняли усталость, и тревога, заставившие в срочном порядке заняться костром и поисками чегонибудь съестного.

Поймать ужин мне так и не удалось, но сутки без еды не остановили меня. Утром, не став связываться с убийством очередного грызуна, загасил остатки костра, заполнил емкость водой, напился на дорожку и отправился на поиски стоянки разлучившей нас со Степаном. Найти место, где в прошлый раз пересекал ручей, мне не удалось, но не думаю, чтобы это повлияло на мои способности в ориентировании на плохо знакомой местности.

Несмотря на уверенность, что иду в правильном направлении движение вперёд быстрым не оказалось. Сегодня я начал замечать то, на что не обращал внимания вчера и это тормозило меня основательно. Колебания почвы, правильной формы углубления, кустарники, не растущие в, казалось бы, очень пригодных для этого местах, звуки и даже комары, до этого напрочь позабывшие о моём существовании, навалились разом и заставляли быть предельно осмотрительным. Где то к обеду был вынужден переодеться в нормальную одежду, количество насекомых и мошек увеличилось, а их агрессивность приняла просто бесчеловечный характер. Ещё часа через три, когда мои наручные показывали без пятнадцати три, остановился и стал раздумывать над тем, как поступить, сожалея о потерянном времени, затраченных силах и так не сумев отыскать то место, к которому стремился. Намотанные мной километры и метры, и затраченные на него часы и минуты, отчётливо говорили, что оно должно было уже появиться, но этого не случилось, к моему большому разочарованию. Зато жуткий голод и влажность, прямо-таки висевшая в

воздухе, за это время усугубились и никуда не собирались отступать. Оглядев ещё раз внимательным взглядом окружающее меня пространство и не заметив в нём ничего знакомого понял, на сколько опрометчиво поступил, не озаботившись пищей на завтрак и был вынужден сдаться, как бы не тяжело было себе признаться в том, что сегодня я проиграл обстоятельствам. Не навсегда конечно, а лишь до завтрашнего утра, к которому постараюсь подготовиться более основательно.

Только третьи сутки принесли желаемый результат, но и его на свой счёт записать не могу. Крохотную полянку, где по всем признакам какое то время находился живой человек, обнаружил по счастливой случайности, а не благодаря своей интуиции и умению замечать невидимые обычному глазу приметы. Выскочил на неё отбиваясь от своры комаров, объединившихся в полчище безжалостных кровопийц. А удостовериться, что попал туда, куда и требовалось, смог после того, как ненароком зацепил ногой почти пустую трёхлитровую банку, стоявшую прямо по середине небольшого пятка, свободного от растительности, оставленную приятелем словно знак его пребывания здесь, на случай моего возвращения, которого он, судя по всему, так и не дождался. Прошерстил все вокруг и возле, показавшейся такой родной и уже почти забытой банки, но ничего кроме её подруги, помятой жестяной крышки и остатков костра, так и не обнаружил. Кроме этого попало на глаза углубление, без сомнения рукотворное, но и оно давно осыпалось и так же, как и всё остальное, заросло зеленью. Всё говорило о том, что мой товарищ по несчастью давно покинул это место и, скорее всего, отправился назад, к своему автомобилю, куда дорогу, за прошедшие дни и недели, я основательно забыл. В моей голове нет ни одной зацепки с помощью которой смог бы до него добраться, кроме мелких зарубок на деревьях, оставленных предусмотрительным дядей Стёпой, но и их искать могу всю оставшуюся жизнь, потому что, где конкретно стоят попорченные ножичком деревья, тоже не помню. Да и прежде, чем заниматься этими поисками, не помешало бы вернуться к единственному, известному мне, источнику с питьевой водой и уже после посещения его решать, как поступать дальше. Вода, чей запас не предусматривал такого долгого путешествия, уже на грани полного исчезновения, а топать без неё, куда либо, желания у меня нет абсолютно никакого.

На обратном пути проявил чудеса сноровки. Мне удалось одним броском обездвижить огромную птицу, чего то медленно клюющую в зарослях травы, а повторным ударом, всё того же копыя, лишить её жизни окончательно и бесповоротно. При внимательном рассмотрении трофея оказалось, что это ни кто иной, как обыкновенный глухарь, только очень отожравшийся. Повстречался он на моём пути, как нельзя кстати. Крысы, которых жрал до этого, уже порядком надоели. Не то чтобы мясо у них было совсем не вкусное или они мне в глотку не лезли без соли, нет, не поэтому. Возни с ними, даже несмотря на наличие под боком огромного количества почти пресной воды, так много, что убив животное на обед ты сможешь перекусить им лишь на ужин. Отсутствие в моём распоряжении режущих предметов делает процедуру свежевания тушки такой неприглядной и на столько нудной, а также отнимает такую кучу моральных сил, что поджаренной крысы едва хватает на их восполнение. Ну а сегодняшний улов, в плане подготовки его к жарке, намного проще. Самые длинные перья я выдерну на ходу, кровь с кишками выпущу на месте, у меня для этого имеется заострённая и обожжённая на огне палка, из твёрдых пород неизвестного мне дерева, а сам процесс доведения птицы до кондиции потребления, будет проходить в глиняном мешке, материала для его изготовления у ручья в избытке. Обмажу

курицу глиной, обложу углями, по краям костра накидаю сухих веток и через час, ну в крайнем случае через полтора, дичь будет готова украсить собой любой изысканный стол. Даже отсутствие соли на ней не скажется, если вода в ручье солоноватая, то представляю сколько соли находится в мягкой породе, залегающей рядом с ним.

Покончив с птицей, часть которой оставил на завтрак, расположился на берегу ручья и уже в более спокойной обстановке, на сытый желудок, приступил к выработке плана дальнейших действий. Вариантов у меня не много, а если быть предельно точным, то их всего два. Первый предусматривает возобновление поисков Степана, до победного конца. Для его выполнения у меня имеется почти всё: ёмкости для питьевой воды, еда, практически в неограниченном количестве, достаточно хорошего качества одежда, свободное время и даже желание, пока так никуда и не исчезнувшее. Нет только одного, инструмента с помощью которого можно было бы добывать огонь, когда кончатся спички, а их в коробке осталось совсем мало, не больше чем на пару десятков костров. И это обстоятельство перечёркивает все вышеизложенные плюсы. Но даже несмотря на это, допустим я всё таки решусь возобновить поиски и завтра же, снова отправлюсь искать Степана, и что тогда за этим последует? Да ничего хорошего и не стоит бояться такого ответа. Если не откажусь от хождения по пересеченной местности, до того, как не обнаружу нормальных людей, то уже недели через две, если конечно не случится чудо, на что не стоит сильно надеяться, свалюсь в такие дремучие дебри, выбраться из которых, навряд ли когда либо получится. Превратиться в обыкновенного, вечно голодного дикаря, заботящегося лишь об удовлетворении своих низменных инстинктов, проще простого. Я уже сейчас замечаю, что меня всё больше и больше интересует лишь возможность пожрать и вдоволь напиться, а всё остальное потихоньку отодвигается на второй план и это в то время, когда у меня на руках имеются спички и в шаговой доступности вода. Возможно, что через какое то время я и про дядю Стёпу забуду, и нечего в этом удивительного не вижу. Когда речь пойдёт о собственном выживании, чужая жизнь будет казаться не такой значимой и найдётся тысяча причин, чтобы не думать о ней вообще.

Получается так, что первый вариант для меня не очень подходит, не хочу я, с таким трудом выбравшись из плена дикарей, становиться похожим на них не только внешне, но и внутренне. С этим я всегда успею. Попробую сначала разобраться со вторым, возможно он мне больше понравится.

Вариант номер два, как выяснилось после тщательного его обдумывания, мало чем отличается от первого. Вся разница между ними лишь в промежуточной цели, которая, при определённом стечении обстоятельств, может поставить крест на конечной или же наоборот, позволит достигнуть её, как бы много времени на это не понадобилось. И что тогда получается? А всё очень просто. В этом случае мои шансы на благоприятный исход поисков практически равны тем, из-за которых наша встреча со Степаном может так никогда и не состояться, а в первом варианте шансов у меня вообще не просматривается.

Получается так, что вывод напрашивается сам собой: надо пробираться к людям и только потом, получив у них поддержку или хотя бы возможность, как то пополнить свой материальный запас, снова приступать к поискам своего современника. Нет переть на пролом, как в прошлый раз, не собираюсь, сейчас ситуация не та. Мне много чего известно, я много чего приобрёл и многим вещам научился. В данный момент я в состоянии выжить в этой пустыне достаточно большой промежуток времени без МЧС и магазина «Продукты», и могу себе позволить такую роскошь, как более долгий переход без воды. А ещё я знаю, как

выглядят не очень добрые дяденьки и в случае встречи с таковыми попросту не пойду с ними на контакт, буду искать следующих, более дружелюбных. Не все же здесь такие, как охранники на солеварне, откуда то берутся носильщики, рыбаки, обслуга. Жаль конечно, что Драп мне так и не успел рассказать, где они конкретно обитают или хотя бы направление указать, куда надо стремиться для того чтобы встретиться с ними. Но своё мнение на этот счёт у меня уже имеется и оно, если судить по косвенным признакам, не далеко от истины. Идти надо в сторону гор, туда откуда течёт мой ручей. Там должны жить люди, которым так же, как и моему напарнику, так неприятны новые земли. Хотя, чего в них такого страшного, так и не пойму? Я вот хожу здесь и пока ни на что такое не нарвался, если конечно это и есть эти страшные, почти не проходимые земли.

Что же касается старого куркуля Степана Сергеевича, то его положение на много лучше моего. У него в распоряжении автомобиль, заправленный дефицитным горючим, пол вагона картошки, почти столько же консервов собственного приготовления и целый багажник самогона. А помимо этого куча металлических предметов, из которых больше половины таких, с которыми охотится можно. Степану и надо то решить одну проблему, найти воду и можно ждать меня хоть до потопа.

На следующее же утро выдвинулся в верх по течению, вяло текущего ручья, ширина которого в некоторых местах заставила переименовать его в речку. Двигался не торопясь, внимательно просматривая заросли и стараясь не отходить от неё не дальше, чем на пару километров. В тоже самое время, если углублялся в лесной массив, то прошагав по нему определённое расстояние обязательно возвращался к водоёму, контролируя направление его русла и состояние прилегающей территории. Когда у тебя под рукой неиссякаемый источник питьевой воды, дышится спокойнее. Конечно, трёхлитровая банка позволяет увеличить моё автономное хождение в разы, но её услугами я пока так и не воспользовался, таскаю пустой в пакете. Во первых идти легче без груза, а во вторых моё предположение о том, что люди всегда селятся у воды, один раз уже подтвердилось, пускай и с определёнными последствиями для меня. Надеюсь, что и в этот встречусь с разумными, поселившимися у водоёма, от которого далеко и на долго уходить, ещё и по этой причине, пока не осмеливаюсь. Должны люди жить рядом с, постоянно трансформирующейся, водной артерией, им попросту больше деваться некуда, на этой не очень дружелюбной земле, где вода ценится дороже золота.

Во второй половине дня дорога привела меня в район расположения нескольких низкорослых холмов, стоявших на охране границы между равниной и видневшимся вдалеке серьёзным горным массивом. На один из них, абсолютно не раздумывая над тем, стоит ли это делать, взобрался. Потратив на восхождение, что то около часа своего драгоценного времени. С трудом преодолевая мощный заслон из густо растущих деревьев, упорно шёл к вершине, надеясь разглядеть сверху, что твориться вокруг неё, а вдруг где нибудь совсем рядом расположились люди, мимо которых случайно проскочил. Однако достигнув конечной точки, ничего кроме соседних возвышенностей, также плотно заросших разнообразной растительностью и тонкой полоски, которую оставлял внизу, с трудом пробивающий себе дорогу, ручей, увидеть не сумел. Возможно с соседней высоты и удалось бы что то ещё рассмотреть, так как она выше той, на которой стою, но пробираться туда, где только возможно, что обзор лучше, оценив масштабы зарослей, все же не стал. Мне хватило сложностей с подъёмом и на эту горку, снизу казавшуюся безобидной кочкой. Предоставив уставшим ногам краткосрочный отдых, крепко держась за ветки деревьев и кустов, не менее

натруженными, руками, начал спускаться обратно, вниз, доставив себе ещё несколько минут сомнительного удовольствия и крепко ободрав правую руку, почти у самого подножья холма. Конец этого незапланированного путешествия ознаменовался тем, что дал зарок: больше никогда не экспериментировать с горными образованиями и дальше идти только по дороге проложенной, извилистой, местами очень узкой и совсем не глубокой, горной речкой.

Вода, попетляв между пригорками, через несколько километров вывела меня к более высоким их собратьям, заставив ещё плотнее прижаться к своему руслу. Из-за нагромождения валунов, принесённого откуда то сверху и деревянного мусора, продвигаться в выбранном направлении, стало ещё труднее. Но несмотря на это мне всё же удалось в светлое время суток добраться до двух высоких сопок, с явно непроходимой растительностью в верхней их части. Заночевать решил, как раз между ними, выбрав для ночлега место на берегу всё того же, ставшего ещё уже и окончательно потерявшего глубину, ручья. В остальных местах чувствовать себя в безопасности, у меня навряд ли получилось бы, а здесь хотя бы с одной стороны имеется непроходимая для хищников, голоса которых уже не раз слышал, преграда, в виде небольшой заводи, образовавшейся на крутом повороте.

Об ужине позаботился ещё днем, грех было не воспользоваться беспечностью зверька пришедшего, со своими соплеменниками, на водопой и собиравшегося утолить жажду на некотором удалении от них. Знаю, что убивать животных в таких местах не очень этично, но устоять от соблазна не смог, уж больно аппетитно выглядел этот, одетый в светло серую шубку, зверёк, размером с упитанную кошку. Теперь вот сижу у костра, доедаю его, ругая себя последними словами и с аппетитом обгладываю очередную косточку. Стыдно за свой поступок, а что делать, кушать очень хочется.

Перед самым рассветом моё лицо было обильно смочено крупными каплями проливного дождя, показавшими мою абсолютную беспомощность перед силами природы. Спрятаться от них было негде, на маленьком пятачке росло всего два жиденьких кустика, способных заслонить собой, от взбесившегося водопада громогласно срывающегося с небес, лишь мою, уже основательно намокшую, голову. Пробовать, что то отыскать в ближайшей округе не позволяла темнота заканчивающейся ночи, получившая неожиданное подкрепление в виде грозowych облаков, делающих её ещё могущественнее. Тратить спички на добывание огня, тоже бессмысленно, он всё равно не разгорится во время такого ливня, а драгоценная вещь будет истрачена и хорошо если только одна. Поэтому мне ничего не оставалось кроме, как просто сидеть под дождём и мокнуть, слушая шорохи леса, шевеление камней, надумавших в такую нелётную погоду отправляться в путешествие с давно насиженных мест и ждать, когда очередной день начнёт отвоёвывать свои права, а за одно позволит и мне, отыскать клочок сухого места под этим небом без солнца.

Уже почти целый день, на который рассчитывал, ушёл в песок вместе с выпавшими на него осадками. Мне так и не удалось уйти от места ночёвки дальше, чем на сорок шагов. Ночной ливень, ближе к обеду, перешёл в морозящую взвесь, но это всё равно не сподвигло меня на очередной подвиг. Я так и продолжаю сидеть под давным-давно поваленным деревом, ствол которого почти полностью закрывает моё озябшее тело от влаги, бездарно утекающей с небес в землю. Куда то идти в такую погоду не то что не хотелось, а было абсолютно не логично. Пройдёшь мало, во время ходьбы не согреешься, а сил, чьё пополнение сегодня, если судить по погоде, не предусмотрено, потратишь много. Так стоит ли в таком случае надрываться? Вот я и не надрываюсь по чьём зря, сижу молча и думаю о том, в какую же это гадость меня занесло желание побыстрее оказаться дома.

Опоздал то всего на каких то пару секунд и всё, вся жизнь ушла коту под хвост. Знал бы, что так обернётся, за час бы до отправления последнего автобуса на остановку пришёл. Да, что там за час, вообще бы на выходные дома остался и некуда не ездил, как бы меня об этом не просили. Заперся бы в своей уютной комнате, залез бы под тёплое одеялко и нос на улицу не высовывал. Смотрел бы передачу про южные страны, где всё время тепло и не льют такие проливные дожди, и даже не предполагал бы, что с людьми бывают такие странные происшествия. Эх, знать бы за кого же я тогда, так неудачно зацепился, руки бы ему при встрече не подал, за квартал бы обошёл, вообще бы вычеркнул из списка своих знакомых. А сейчас чего же? Только и остаётся, что сидеть и гадать, кто так мне удружил? Может быть это соседская собака во всем виновата? Эта старая сволочь, пугающая своим видом всех проходящих мимо неё. Вот сколько раз мать говорила хозяевам этой лошади: «Берёте своего пса на отдых, так будьте любезны надевать ему намордник». А им хоть бы что, выпускают его за забор погулять и плевать на окружающих. Точно, она сволота! Кобелина эта меня в тот вечер притормозила! Он гад, у самого домика кинулся на мою левую ногу, вот там то я драгоценные секунды и потерял. Ну ничего, я вернусь обратно, я тебе клыки то повывёртываю. Это мне сейчас, даже без инструментов сделать, всё равно, что высморкаться. Здесь я и не такому научился.

А может это не из-за него я на автобус опоздал, чего там было? На пару секунд всего то и задержался. Может во всём Мишка виноват? Сколько я там с ним у магазина разговаривал? Минуты две, пять? Не спросил бы он меня тогда, своим пропитым голосом: «Куда это ты Владик, на ночь глядя собрался?» и прошёл бы я мимо него. Ещё бы ждал автобус на остановке. Да, пойди ка сейчас вычисли, кому я этим всем обязан по гроб жизни. Вот в том то и дело, что узнать, благодаря кому я в дерьмо это вляпался, мне уже так и не суждено.

— А холодно то как! Кончится этот ливень когданибудь или нет? — прервав свои мысленные поиски, сказал я в слух и плотнее прижался к сырому бревну.

На четвёртый день моего прерывистого пути ландшафт стал резко меняться. Деревья, растущие по обеим сторонам, так больше и не расширившегося ручья, стали выше и стройнее, место сопок заняли настоящие горы, часть из которых крутыми, каменистыми обрывами спускалась, а где то и нависала над моим водным проводником. Птицы и животные своё поведение тоже изменили, они осторожничали и перестали мозолить глаза с такой частотой, как делали это ещё позавчера, из чего я сделал напрашивающийся сам собой вывод: их количество здесь уменьшилось, что тут же отразилось на моём рационе. Мне снова пришлось ввести в него крысиное мясо. Возможно на сооружённом мной вертеле крутится и не один из представителей городских грызунов, но уж очень он похож на них. У этого экземпляра такой же длинный хвост, такое же сгорбленное тельце и точно такие же, как и у крыс глаза-пуговицы. Единственное, что отличает мою добычу, это отсутствие громадных зубов, у неё они, как я обнаружил при первичном осмотре, менее страшные. Как бы там ни было, а на большее рассчитывать в ближайшие дни не приходится. С горным козлом, замеченным ещё до обеда, мне не справиться. Олень, пробежавший мимо ближе к сумеркам, если очень захочет, сможет и сам меня своими рогами завалить, а хищников я обхожу за три версты, у них со мной разговор будет совсем короткий.

Живописная долина, в обрамлении скалистых гор с юга и более пологих с других частей света открылась мне неожиданно. Ничего не предвещало того, что мой ручеек вдруг внезапно обзаведётся небольшим водопадом, забежит в маленькое, по всей видимости искусственное, озерцо и снова выбежит из него широкой полноводной рекой. До этого он

всё так же резво бежал, не стремясь менять своего нрава, а тут вдруг раз и такие перемены. Чтобы основательно их разглядеть взобрался на пригорок, тот, что стоял с западной стороны плоскогорья и был не самого большого размера. Я не любитель разглядывать красивые пейзажи, когда обстановка обязывает думать о других, более насущных проблемах, но сегодня был вынужден это сделать. Человеческие голоса, слабо доносившиеся ветром до меня из-за зарослей кустарника, заставили этим заняться. С трудом нашёл место среди плотно растущих, по всей возвышенности, низкорослых деревьев, откуда можно было бы беспрепятственно осмотреться и не выдать себя постороннему глазу. Но старался не зря, с этой точки открылись и перемены, произошедшие с ручьём, и другие достопримечательности природного, и рукотворного характера, на отдельно взятой территории. В глаза бросилось и много такого, от чего они за время моего бродяжничества успели отвыкнуть. Первое на чём задержались мой расширившиеся зрачки была дорога, не автомобильная конечно и не такая широкая, какими они бывают дома, но всё же дорога, а не козлиная тропа или расширенный проход между деревьев. Дальше больше, причём на столько, что гримаса, самовольно выскочившая на моём лице, смогла бы без сомнения насмешить кого угодно.

— Что за... — сказал я и заткнулся, не в силах произнести ругательство.

Три деревянных сруба, сложенных по вполне знакомой мне технологии, с двумя окнами в каждом, с крытыми соломой двускатными крышами и трубами на них, аккуратными крылечками под дощатым навесом, уставились в мою сторону не менее нагло, чем я на них.

— Какого хера тут происходит? — так и не отыскав нужного слова в первом предложении, спросил я себя.

Хотел бы вот прямо сейчас посмотреть на человека, которого так же, как и меня, не переклинило бы от увиденного. Ещё вчера я числился в каторжниках, больше похожих на рабов, в триста семьдесят третьем году, а здесь чего выросло? Судя по домам, которые с моего места толком, всё же трудно рассмотреть до мелочей, но которые и тем, чего я вижу, говорят всем окружающим, что мы с ними находимся в году эдак в... Я даже привстал, чтобы посмотреть в ту сторону откуда вошёл в долину, не просматривается ли там какогонибудь мерцающего входа в пространственную дыру так изменившую время. Нет, ничего похожего не видно. Всё, как и раньше, одни природные явления и никакого надувательства.

— Не, ну я бы понял ещё если бы здесь юрты стояли или эти, как их там..., вигвамы индейские. Но деревянные дома с окнами, точно такие же, как у нашего соседа по саду, дяди Миши. Это уже совсем ни в какие ворота. Может вчерашний кролик, мне так отомстил за своё убийство? — высказался я в слух, нисколько не заботясь о конспирации.

Дома так заворожили, что мимо моего взора, как то совсем незаметно, можно сказать отдельно от общей картины, шлялись люди, долго не привлекавшие к себе внимания наблюдателя, засевшего на пригорке. А когда я всё же соизволил их заметить и на них посмотреть, оценивающе и придирчиво, словарный запас мой окончательно закончился. Вместе с матерными словами выскакивали только отдельные звуки, плевки и короткие, лишь мне одному понятные вопросы. И не стоит меня судить очень строго, уж больно зрелище несовместимое с той информацией, которую я лично выстрадал некоторое время назад.

Встреча с людьми пригвоздила меня к наблюдательному пункту и заставляла часы на пролёт следить за всем происходящим внизу. К вечеру, когда все жители закончили свои перемещения и собрались за длинным столом, мне о них и месте, где они проживали и

работали, было известно если не всё, то очень многое. Но несмотря на это я не торопился спускаться к ним, хотя и ночевать там, куда залез ещё до обеда мне тоже не хочется. Если остался без ужина, то хотя бы прохладной водички надо попить, прежде чем укладываться на боковую.

Наступившие сумерки позволили спускаться в низ без оглядки на жителей долины, а заодно и поразмышлять на ходу над тем, что увидел и чем был основательно удивлён, и даже в какой то мере раздосадован, скорее всего от непонимания происходящего.

Более пригодного места для проживания в этих краях мне ещё не попадалось. Не займи его эти люди, я бы непременно сам поселился здесь, конечно после того, как готов был бы сделать это. В меру широкая река, протекающая вдоль каменной гряды, не большая заводь, способная приютить водоплавающих, ровная, почти без изъёмов низменность, с сочной травой и судя по возделанным огородам плодородной землёй, что ещё надо человеку не развращённому техническим прогрессом. Но и это не всё, под боком строительные материалы, всех знакомых мне форм, дорога явно ведущая к другим поселенцам, лесные угодья, заполненные дичью и самое главное солнце, не позволяющее повышенной влажности низменности, быть излишне суровой к её обитателям. Одним словом, природный рай на земле. Возможно от этого, живущие в нём люди и отличаются, так разительно, от уже встреченных мной здесь. За пол дня наблюдений за ними я не услышал от них ни одного крика, не увидел ни одного резкого движения по отношению к разновозрастным собратьям, одетым поголовно в одежды светлых тонов, изготовленных из какого то лёгкого материала и, как мне показалось, вполне разумного покроя. Что это? Поселение инопланетян в мире дикарей или ещё не завоёванный варварами уголок погибающей цивилизации? Над этим продолжал думать и по дороге, и после того, как устроился на ночлег, между двух валунов, прикрывших меня от обнаруженных обитателей достаточно загадочного хутора.

К рассвету я морально был готов выйти на встречу с непознанным, но не сделал этого прямо с утра, не пожелав показаться невежливым, хотя есть хотелось страшно и возможность подкрепиться на халяву не казалась несбыточной мечтой. Просидел за внешне неприглядным кустиком около часа, а когда местные закончив с трапезой стали разбредаться по рабочим местам, пошёл в гости, но делал это осторожно, дружеские отношения в коллективе не обязательно должны распространяться на внешних обитателей.

— Смотрите! Чужой пришёл! — донёс информацию о моём появлении детский, сорвавшийся на визг голосок, естественно прибавивший к этим словам целую вереницу, на мой взгляд, совсем не нужных, исходя из чего я сообразил, что все живущие в этом мире люди, всё таки братья.

Сигнал тревоги заставил меня остановиться. На этот раз я решил вести себя в другом ключе, буду налаживать контакт постепенно, не стоит по хозяйски заглядывать на кухню, где всё ещё чем то занята одна из женщин живущих в поселении, тем более там наверняка всё уже сожрали. Перед жителями я предстал в одежде папуаса, мне показалось, что джинсы, при встрече, могут вызвать большее недоверие, нежели костюм раба, бежавшего из солеварни. Так оно и оказалось, мгновенно собравшаяся вокруг толпа с любопытством, но без напряжения, разглядывала меня, а я в свою очередь с интересом смотрел на них, чем, возможно, и растопил их сердца быстрее ожидаемого. Мужчины с аккуратно подстриженной растительностью на лице придиричиво рассматривали мои руки и ноги, взглядами пытаюсь оценить качество мышц и количество затянувшихся ран на них. Женщины больший интерес проявляли непосредственно к физиономии, а в особенности к глазам. Те, что были

помоложе прямо таки пытались заглянуть в их бездонную глубину. Дети, независимо от возраста, тыкали в меня пальцем и о чём то в пол голоса перешёптывались, и длилось это до тех пор, пока один из мужчин не решил: пришелец не представляет угрозы для поселенцев и пора бы уже прекратить затянувшееся представление.

— Хватит глазеть, а ну ка быстро все по работам — скомандовал он малолеткам и затем более серьёзно обратился к старшим: — Давайте, давайте, дел на сегодня много запланировано.

Он так же грешил излишним красноречием, но на мне оно уже почти не отражалось и я воспринимал его слова в том ключе к которому привык с детства.

— Беглый? — задал он мне прямой вопрос.

— Да — ответил я коротко, не успев удивиться его познаниям и в очередной раз подтвердив прилипшее ко мне прозвище.

— Голодный или обеда будешь дожидаться? — спросил мужчина, оценивающе оглядев мой торс.

— Поел бы, если дадите — не стал я скромничать.

— Виолетта, у нас там осталось чегонибудь — спросил он женщину, в отличии от остальных всё ещё стоявшую в двух шагах от нас.

— Найду, чем накормить — ответила обладательница имени, породившего во мне, казалось, совсем забытые воспоминания.

— Иди с ней — прервал их, говоривший со мной представитель сильного пола. — Я позже подойду, ещё поговорим.

Оставшись наедине с миловидной женщиной средних лет, ещё не обременённой заботой о лишнем весе, я с удивлением обнаружил, что смотрю на неё изучающе, но не как исследователь, познающий новый мир и его обитателей, а как, не побоюсь этого слова, изголодавшийся самец, отбившийся от стаи. Стало быть, не всё ещё потеряно и жизнь способна заиграть новыми красками, если конечно она станет более предсказуемой, и размеренной.

— Садись — предложила мне женщина, не обращавшая внимания на мой интерес к своему аппетитному телу.

Стол и стоявшие возле него лавки имели вид обычной садовой мебели, изготовленной руками хозяина участка из подручных материалов, с целью экономии средств, но здесь они смотрелись словно кресла из Лувра. Даже некромленные и плохо ошкуренные доски, не могли испортить моего восхищения ими. После того с чем столкнулся на солеварне, это было круто.

— Стол, сиденья — крутилось у меня в голове, поворачивая мозги на старые рельсы.

Но это было только началом перемен, когда мне принесли картошку с мясом, на глиняной тарелке и деревянную ложку, в качестве столового прибора, я был окончательно сражён уровнем жизни обитателей, просто великолепной, долины. Ну а последним гвоздём в крышку гроба, похоронившем моё, вроде бы уже сложившееся, мнение о приютившем меня мире, явился горячий травяной отвар, слаще которого я в жизни не пивал.

Сидя в одиночестве и переваривая съеденное, и увиденное, не переставал удивляться тому и другому. Картошка, кипяток, ложка, пускай и деревянная, но которую без помощи металлического инструмента сделать довольно сложно, а кроме этого одежда, оказавшаяся вблизи действительно очень достойного качества. Есть от чего задуматься. Ну допустим носильные вещи ещё как то можно впихнуть в это время, да и всё остальное тоже легко

списать на мою безграмотность. Но как быть с картофелем, о начале победоносного шествия которого по стране, где проживают русские, мне хорошо известно. Нет, что то всё таки здесь не так, пускай я и опустился за последние месяцы ниже плинтуса, но совсем идиота из меня делать не надо.

— Наелся или ещё чегонибудь предложить — оторвал меня от размышлений знакомый, мужской голос.

— Спасибо, наелся — ответил я, присевшему рядом, человеку.

Он изучающе посмотрел мне в глаза, затем на мои достаточно короткие, по местным меркам, русые волосы, уже прилично закрывавшие уши и спросил:

— Сам откуда будешь? Городской или чтонибудь понимаешь в крестьянском труде?

Он так и сказал: «В крестьянском», нисколько не исковеркав слово, на мой взгляд чужеродное для этих мест.

— Из новых земель, буду — применил я, уже опробованную на другом человеке, довольно действенную, тактику запудривания мозгов и самую малость помедлив, спросил: — Не подскажите, какой сейчас год?

— Хм. Давно что ли на каторге, если забыл в каком году проживаешь?

— Не помню. Вроде давно — сделался я ещё дурнее, чем выглядел на самом деле, не став вдаваться в подробности, откуда сорвался. Хочется человеку считать меня за каторжанина, пускай так и будет.

— Прямо, как граф Монте-Кристо — с усмешкой сказал, задающий вопросы, мужчина.

— Кто?! Как ты сказал?! — то ли выкрикнул, то ли спросил, я.

— Есть такой персонаж в одной очень старой книге. Я её сейчас своим детям читаю. Так вот, он тоже в тюрьме сидел и так долго, что сбился со счёта, но несмотря на это...

— Да скажи ты в конце концов, какой сейчас год! Задолбал ты меня уже со своим Монте-Кристо! — не выдержал я издевательства над собственной психикой, после десятиминутного, подробного рассказа о хорошо известном мне, вымышленном, герое.

— Да пожалуйста. Не нервничай ты так, нервные клетки не восстанавливаются, об этом, кстати, в умных книжках тоже много чего написано. Там ещё говориться, что люди...

— У-у — взвыл я и заскрипел зубами.

— Триста семьдесят третий — заметив моё, уже ничем нескрываемое, раздражение выпалил мужчина, с подозрением посмотрев на мои бешеные глаза.

Сколько помню себя, моим воспитанием занимался только отец. Не то чтобы мама уклонялась от этого занятия или была не в состоянии делать это из-за занятости на работе, отнюдь, времени у неё хватало и желание было огромное. Но вот мой батя, возможно ещё до моего рождения, на семейном совете постановил: если родиться мальчик, то он будет делать из него человека, ну а уж если девочка, тогда он смело умывает руки. Повезло всем, родился я. Так вот, прежде чем в очередной раз вправлять мне мозги, мой горячо любимый папа, из раза в раз повторял одну и ту же фразу: «Запомни Владик, для мужчины самое главное выдержка. Будет она у тебя и всё остальное приложится». С этим напутствием я и хожу по жизни вот уже двадцать пять лет, иногда рад бы от него избавиться, да не могу, так крепко оно во мне засело.

Взять себя в руки после разговора за столом, сумел довольно быстро. В мире нет неразрешимых проблем, точно так же, как и не существует вечных тайн. Не могу разобраться с ситуацией прямо сейчас, разберусь с ней завтра. Разве так важно, почему здесь так, а там совсем по другому, именно в это самое мгновение? Сегодня для меня важнее то, что я нашёл людей способных сопереживать чужому горю, готовых прийти на помощь тогда, когда она требуется и не менее важно воспользоваться этим, счастливым случаем, а уж потом разбираться в глобальных вещах и вопросах.

— Ты за что туда попал? — спросил меня человек по имени Ден про место, откуда я сбежал несколько дней тому назад, представившийся мне всего лишь минуту назад, и в тоже самое время узнавший и моё имя.

— За три ковшика воды, выпитых в знойный день — ответил я, вспомнив момент своего задержания строгими и безжалостными охранниками.

— Не врёшь? — задал мужчина вопрос, с некоторой долей недоверия.

— А смысл? — спросил его я. — Может мы с тобой уже вечером забудем об этом разговоре и больше никогда не увидимся.

— И то верно. Жизнь она такая, сегодня ты мне соврёшь, завтра я тебе и пошло, поехало... — завёл мужчина долгоиграющую пластинку.

Пока он говорил я, делая вид, что внимательно слушаю, рассматривал всё, чего находилось в поле моего зрения. Кое что уже видел, ещё с горы, а что то оттуда разглядеть не получилось, вот им и заинтересовался. В первую очередь бросил косой взгляд на загон с собаками, от вида которых сразу же внутренне собрался и вспомнил рассказ Драпа о его погибшем товарище. Затем, успокоившись, но оставив всё же пометку в голове, удивился другой постройке, точно такого же плана, которую с верхотуры не позволили разглядеть высокие и ветвистые деревья, не классифицированные мной не под один известный мне вид. В более широком загоне бегало приличное количество самых обычных, белого окраса коз и пара десятков чёрных овец, с козлятами и барашками впереमेжку. Налюбовавшись вдоволь живностью перевёл взгляд на грядки, разглядел там помидоры, огурцы, лук, кажется морковку и какие то травки, укроп среди них был точно. Колдовавшие над ними люди работали на плантации, как называл огород мой папаша, не разгибая спины. Вид некоторых из них заставил сглотнуть предательски образовавшуюся во рту слюну. Буквально приказал себе перевести свой пылающий взор ближе к столу, туда, где дымилась обычная летняя печка, сложенная из камня, над которой колдовала женщина с приятным и знакомым уху

именем.

— Ты так и собираешься дальше ходить? Слышь Влад? К тебе обращаюсь — услышал я монолог, в котором ключевыми были эти фразы.

— Не понял, ты о чём спрашиваешь? — задал я вопрос, так как действительно до меня не дошло о чём идёт речь.

— Я про твою одежду говорю — кивнув в сторону моей кожаной юбки, сказал Ден. — Уж больно она у тебя приметная. Сразу видно откуда человек к нам прибыл.

— А чего, есть какие то варианты? — заинтересованно поинтересовался я.

— Всё таки странно вы разговариваете. Это от того, что вас там мало и поэтому вы такие молчуны? — спросил мужчина, явно намекая на моё происхождение.

— Не знаю, возможно — ответил я. — Меня на каторге, кстати, все так и звали, Молчун. Им моя речь тоже была в диковинку.

— Ну, а что ты хочешь, из ваших краёв до нас мало кто доходит. А так чтобы, кто то из ваших на каторге нашей сидел, так про это я вообще никогда не слышал. Мы оттуда только с одиночками имеем дело, а спрашивать их какие вы там, нам не к чему. Так что на счёт одежды?

— Я готов её поменять, только у меня не на что — вяло усмехнувшись, ответил я.

— Тогда пошли, я с тобой поменяюсь. Кожа такой выделки нам пригодится, а тебе дам то, в чём мы сами ходим. Не новое конечно, но вполне ещё исправное. У нас этого добра много, мы сами его и ткём, и шьём, а когда в городе бываем то и меняем охотно на чтонибудь полезное. Тут такое дело...

Задушевный разговор оборвался лишь в доме, окна в котором были затянуты, я сначала даже не поверил своим глазам, обычной полиэтиленовой плёнкой, правда не очень хорошего качества, местами сшитой толстой ниткой, и с жёлтыми пятнами огромного размера по краям. Попробовать её на зуб у меня не получилось, но хотелось очень, предмет был настолько необычным, в моём понимании, для этого времени, что визуальному контакту требовалось материальное подтверждение. Однако Ден, как только мы попали в его жилище, без какого либо перехода начал свой торг, предложив мне за юбку штаны, на завязках и рубаху без рукавов.

Занятое изучение другого вопроса сознание, быстро сориентировалось и подсказало, что меня пытаются надуть, как бы приветливо это не выглядело. Две поношенные тряпки, за огромный кусок отличной, почти не потёртой кожи, это уж слишком.

Уже переодеваясь в новые одежды обратил внимание и на другие предметы, делавшие дом обжитым, и уютным. Их мои глаза, занимаясь более неотложными делами, до этого откровенно не замечали. Обнаружились в нём и книги, с потёртыми или совсем отсутствующими корешками, о наличии которых я уже в курсе, и фарфоровая посуда: тарелки, чашки, стоящие вокруг огромной супницы, различные статуэтки, искусно изготовленные из того же материала, что и блюда, и даже обычные бутылки из под вина, и водки, причем некоторые треснутые и с отколотыми горлышками. Но больше всего меня поразили не они и даже не сам стеллаж, выглядевший на фоне серо коричневой печки просто несуразно, а совсем другой предмет, плохо вписывающийся в ограниченное пространство этого дома, однако занимавший на его бревенчатой стене самое достойное место. Это была картина, как и положено творению, созданному с душой, написанная маслом. Я, возможно и не придавал бы ей особого значения, ну подумаешь балуется хозяин в свободное от работы время разной ерундой, с кем не бывает? Мало ли художников на белом

свете или там, писателей недоделанных? Рисунками на скалах ещё древние скрашивали свой досуг, а чем он хуже? Масло у него наверняка имеется, сметана же на столе во время моего завтрака присутствовала. Но вот сюжет этого эпического произведения, затмевал даже статуэтки с отломанными пальцами и поблекшими красками, вызвавшими во мне смутные воспоминания. Мужик с красным знаменем, на котором прямо таки светился серп и, чтоб я сдох, молот, на картине, служившей интерьером в доме стоящем в триста семьдесят третьем году, это уже слишком. Если бы не кожаные тапочки, со сложной шнуровкой, доставшиеся мне после долгих переговоров вместе со штанами и рубахой, я от переизбытка чувств вполне реально разразился бы гомерическим хохотом. А так они и естественно наставления отца, сформировавшие мой характер, смогли убедить в том, что не стоит этого делать, хотя бы из-за уважения к хозяину, оказавшему мне уже не одну услугу. Справившись с волнением, я лишь скромно поинтересовался у него, впервые обратившись к местному жителю на вы:

— Картина у вас откуда?

— Точно не знаю, мне от деда досталась, а где он её взял, теперь и спросить уже не у кого — не удивившись вопросу, буднично ответил мужчина, проверяя качество моего передника.

— Чего то она выглядит у вас не очень, вон краска, как на знамени облупилась — решил я проверить истинный возраст произведения и за одно узнать, знаком ли его владелец с тем, что на нём изображено.

— Ну а ты что хотел, ей же уже четыреста с лишним лет — поставил он меня в тупик своим ответом и дав понять, что сюжетная линия для него не тайна за семью печатями.

— А остальное, тарелки, чашки эти, тоже такие же старые? — не скрывая, что невероятно удивлён, спросил я.

— Конечно, новым то откуда взяться? — ответил хозяин, усмехнувшись, наверное, для него, достаточно глупому вопросу.

— Откуда это всё у вас? — повторил я ключевое слово ответа, чувствуя, что снова закипаю.

— Тебе тоже они нравятся? — восприняв мой вопрос по своему, спросил Ден.

— А кому бы не понравилось — не вполне искренне ответил я.

— Ну да, мог и не спрашивать — счастливо улыбнувшись сказал мужчина. — А где взял? Так это сразу и не вспомню. Что то в городе купил, чего то у одиночек на продукты поменял. Страсть у меня к таким вещам, ещё с детства, всё готов отдать за понравившуюся безделушку. А всё от того, что отец мой таскал их в наш дом. Потом продавал конечно, он одиночкой был, этим мы раньше и жили.

Каша, заварившаяся в голове не расхлебалась даже с выходом на свежий воздух. Что же тут происходит, чёрт его возьми? До этого всё так здорово разложилось. Триста семьдесят третий год на дворе, все одеты, как им и положено в это время, внешне выглядят ещё складнее, орудия труда и всё прочее совсем в масть ложились, а сейчас чего же? Всё неважно? Получается, что я не в нашем прошлом, а где то запараллелен? Да ещё так круто. Может спросить в лоб этого мужика, что тут у них на самом деле твориться и почему всё так коряво? Ну а чё, когда то же надо с этим окончательно разбираться, почему бы и не сейчас? Не исключено конечно, что мы с ним не поймём друг друга и он начнёт возмущаться, удивляться или того хуже, орать. Да и пускай, повторю свой вопрос ещё раз, но уже кулаком, по тому же самому месту и мотану отсюда, мне что впервой в бега подаваться.

Не знаю, кому больше повезло мне или стоящему рядом, но мой молниеносный план до

стадии выполнения не дошёл и всё благодаря человеку, которому в нём отводилась ключевая роль, вернее даже не ему, а его вопросу, своевременно заданному мне в лоб.

— Что дальше делать думаешь? — спросил Ден, явно не без интереса.

— Ещё не знаю. Надо бы назад, к себе вернуться. Но прямо сейчас, думаю, у меня это не получится, сил не хватит — ответил я, разжав сомкнутые кулаки.

— Домой это правильно, дом для человека самое главное в жизни. А ты, кстати, чем там занимался? До того, как забрали — продолжал вытягивать из меня не существующие факты биографии, мужчина.

— Всем чем придётся, я не привередливый. Работал на земле, таскал грузы, торговал, немножко — не стал я долго сочинять, сообразив по какой причине был задан вопрос.

— На земле это подходяще, это очень даже хорошо! Да и таскать у нас тоже есть чего. Работу найдём. Оставайся. Подкормишься, чего то заработаешь, а там решишь стоит ли куда то идти или может быть поймёшь, что новый дом не хуже старого. Да и забудут про тебя за это время те, кто по долгу службы должен интересоваться пропажей — поступило мне предложение, которого я ждал.

За эти дни и ночи так устал, так меня доконало одиночество, что ничего лучше, чем пожить в обществе простых, трудолюбивых людей, набраться среди них физических и моральных сил, и желать не стоит.

— Я не против, если обузой не буду — самую малость пококетничал я и согласился.

— Обузой? Да мы только рады такому парню, как ты.

Прежде, чем определить меня на работу, Ден рассказал о порядках, установленных в общине, требованиях предъявляемых её членам, о их правах и обязанностях, а кроме этого ознакомил с иерархией, установленной большинством, несмотря на родственные связи этого большинства.

Из огромного набора слов выбрал самое важное, из которого следовало, что рассказчик в долине самый главный гражданин, за ним, в табели о рангах, идут его два младших брата, вот уже как два дня торгующие в городе произведённой на ферме продукцией. Туда они увезли яйца, козий сыр, масло, творог, сметану и пару десятков литров молока. А обратно хозяин хутора ждёт от них деньги, он произнёс это слово так внятно, как будто они здесь в ходу целую вечность и товары, которые местные не в состоянии сами производить. Перечень их был такой, что я уже на пятом слове плюнул на него и весь пропустил мимо ушей. Кроме этого мне с гордостью было заявлено, что в помощниках у него состоит и жена, небезызвестная мне Виолетта, приглядывающая за женской частью поселенцев и по совместительству занимающая пост шеф повара. На семнадцати жительницах своего рая, составляющих подавляющее большинство тружеников, владелец его остановился подробнее. Перечислил всех поимённо, рассказал о своих родственных связях с каждой их женщин, девушек и девочек, указал их возраст, назвал имена и в конце нудного повествования, строго предупредил меня об ответственности за последствия в незарегистрированных отношениях. Он прямо так и сказал:

— Выбирай любую свободную и делай с ней чего душе угодно, но только после моего благословения на то. А до этого води себя смирно. Сразу тебя предупреждаю, с этим у нас строго, не то что в других местах. Если знаешь за собой слабость к женскому полу, давай лучше прямо сейчас расстанемся друзьями.

Свою слабость я знаю, но афишировать её не буду, так как уверен, что в данный момент в состоянии потерпеть.

— Какие бабы!? — картинно возмутился я. — Всё здоровье на каторге оставил, тут бы самому оклематься, а не о твоих родственницах думать.

На этом и остановились. Ден пообещал, что у них я быстро откормлюсь, оттаю душой и возможно даже прирасту к нему и его людям всем сердцем, а я заверил его, что не пожалею ни сил, ни здоровья, почти совсем не оставшегося, на общее благо и намекнул, что работника лучше, чем я, он в своей жизни ещё не видал.

Новую должность получил ещё до обеда. Старший, своим волевым решением, пристроил меня к животным, тем самым козам и овцам, которые являются основным источником дохода общины, и к которым у местных особое отношение. Работает на этом направлении больше половины списочного состава поселения и, надо так понимать, поэтому меня сюда и определили, чтобы был всегда под присмотром. Что же, я не против, тем более моим желание всё равно никто не интересовался. Надо работать с козлами, буду, мне чего, привыкать что ли.

— Вот дед, привёл тебе помощника — представил меня Ден своему самому старому родственнику, караулившему стадо, гуляющее толпой возле леса.

— И чего он умеет? — так и продолжая лежать на земле спросил пастух, внимательно осмотрев меня с ног до головы и обратно.

— Всё умеет. Он родом с новых земель, а там ты сам знаешь, каково жить — ответило ему начальство.

— Ну тогда ладно, оставляй. Погляжу, что за невидаль к нам прибило — дал добро родственник на моё вступление в должность.

После обеда, порадовавшего мой желудок первым блюдом, сытным и очень калорийным, я помогал деду скрасить его одиночество, попутно наслаждаясь воспоминаниями о недавнем, шумном застолье, где был персоной номер один, стараясь при этом не думать о том, что увидел в доме и услышал от его хозяина. Мы вместе со стариком лежали на траве, изредка, по очереди, покрикивали на отбившихся от стада баранов, травили о погоде, надоедливых мухах и комарах, как то резко переставших страдать гигантизмом, и постепенно приглядывались друг к другу, стараясь делать это незаметно и не торопясь. Не знаю на сколько я понравился старому болтуну, а он мне приглянулся сразу, после первой же его, естественно длиннющей, фразы, обращённой к могущественному светилу, доведшему полуденный зной до своей наивысшей точки. Есть у меня такая странность в характере, судить о людях по первому впечатлению, к сожалению, не всегда верно отражающему их богатый внутренний мир. Я не раз от неё уже страдал, после чего клялся себе завязать с ней навечно, но вытравить до конца её у меня так до сих пор и не получилось. Вот и сегодня моё чутьё выдало своё заключение, как обычно, быстро, нисколько не заботясь о его правильности, хотя возможно именно это и помогло мне также быстро расположить к себе умудрённого жизненным опытом человека.

К ужину, весело и споро, мы совместными усилиями, загнали нагулявшихся животных в загон, на вечернюю дойку, где их уже ждала бригада доярок, чуть ли не поголовно поглядывавшая в мою сторону откровенно зазывными взглядами. Я понимаю, что ничего в этом удивительного нет, мужиков в общине мало, да и почти все они родственники, а личную жизнь, несмотря на строгость начальства, как то устраивать надо, но всё рано чувствовал себя не уютно.

После очередного, многолюдного застолья, дед пригласил меня к себе в гости, где и пристроил на ночлег. Оказав своим благородным поступком, как он выразился, великое

доверие, предложив устраиваться под навесом, на свежескошенном сене, душистом и мягком словно перина, но лежавшем всего в десяти шагах от загона. Сопротивляться не стал, пускай запашок, доносившийся слева и располагал к этому. Впечатления и стакан парного молока, выданный на поздний ужин одной из доярок, сработали лучше любого снотворного и успокоительного, не до рассуждений стало. Только прилёг, вдохнул ароматный воздух и вот уже нет меня, сморило.

Утро ещё раз подтвердило насколько вредная привычка имеется у меня и заставило снова, не помню даже в который уже раз, дать себе слово выжечь её калёным железом, из своей тупой башки. С его наступлением и до самого завтрака, в то самое время, когда мой напарник, лёжа на боку насвистывал какую то препротивную мелодию, поглядывая на то, как его подопечные пожёвывают свежую травку, его заместитель орудовал метлой и недоделанной деревянной лопатой, стоя по уши в козлином дерьме. И было мне не до вчерашних впечатлений, не до вновь открывшихся обстоятельств этого безумного мира, не до взглядов обнимавшихся с козами девиц. Думал я лишь об одном, как всё таки похожи люди, где бы и когда бы они не проживали, стоит им только палец показать, как тут же, эти создания божие, готовы оттяпать и его, и всё на чём он крепится.

После еды занимался тем же, чем и до неё, а с обеда ворошил сено, вроде, как ставшее закисать, а после ужина, когда каждая козлиная морда снова была готова отдоиться, под руководством начальства рубил жерди предметом, имевшим такое же название, как и дома, но мало чем похожим по качеству на него.

Перед самым сном, когда действие молочных продуктов, снова выданных нам одной из девушек, начало оказывать своё действие, старый, обленившийся пастух завёл шарманку и долго полоскал мне мозги своими рассуждениями о жизни.

— Вот твои родичи ушли на новые земли и чего они там хорошего нашли? Да всё тоже самое, что и здесь. Скажешь не так? — говорил он и спрашивал одновременно, но в тоже самое время ответа от меня, не ждал. — Уж я то знаю о чём говорю, бывал в тех краях. Там так же рано надо вставать, так же много работать и так же старость к ним придёт, как и ко мне. И зачем им это тогда нужно было? Здесь что ли не жилось? Себе жизнь испортили и детям своим толком ничего не оставят. Да взять вот хотя бы тебя. От хорошей жизни ты что ли на каторгу попал? От не досмотра родительского, от того, что некогда им было тобой заниматься. Всё боролись они с природой, не до тебя им было. А против неё не попрёшь. Не хочет она там, к вам лицом поворачиваться, вот вы одним навозом и живёте.

Будь я действительно выходцем из этих, новых земель, давно бы вступился за незаслуженно оскорблённых людей. А так, говори, чего хочешь, мне море по колено. Но говорливого старика это, как раз, видимо и задевало, и он ещё больше старался обидеть моих мнимых родственников, чем только смешил меня и не давал заснуть.

— Чего молчишь? Молчун. Скажешь я не прав? — не выдержав моего молчаливого равнодушия, спросил старик, после очередного монолога.

— Послушай, дедушка. Чего тебе от меня надо? Болтаешь и болтай себе на здоровье, а я спать хочу. А родственников моих можешь обзывать столько, сколько тебе будет угодно, мне по барабану.

— Станный ты всё таки. Говор твой, слова эти, мне совсем не понятные, на родителей плюёшь. Да будь на твоём месте, кто другой из ваших, он бы мне уже давно всю бороду в клочья порвал. Паря, ты вообще кто?

— Кто, кто. Конь в пальто. Чего привязался, спать ложись, не то действительно не

посмотрю на твой преклонный возраст и как... — возмутился я, но вовремя успел сдержать свой гнев. Не красиво это, грубить старому, почти выжившему из ума, человеку.

— Вот опять говоришь не понятно. Конь в пальто? Смешно.

Весь следующий день носил воду из озерца в поилки для животных. Занятие не на столько тяжёлое и трудное, на сколько нудное. Я ещё понимаю раз десять, ну двадцать сходить туда-сюда, по одному и тому же маршруту с тяжестями в руках, а здесь. После сорок восьмой ходки перестал считать их, дошло, что толку в этом нет никакого, да ещё вёдра эти, деревянные. Каждое килограмм по восемь весом, а вмещает в себя не больше пяти литров воды и главное они не такие, к каким привык, расширение у них не кверху идёт, а совсем наоборот. Короче вымотался так, что ни обед, ни ужин не были в радость, лишь кувшин козьего молока, за которым пришёл словно за чем то само собой разумеющимся, привёл в чувство и восстановил способность здраво мыслить. А подумать есть над чем, даже после такого короткого срока нахождения в долине, в гостях у этих трудолюбивых, как на мой взгляд так уж слишком трудолюбивых, людей.

Упорный труд, которому я отдаю все свои силы и время, способствует лишь одному, процветанию общины и этому, наверное, только радоваться надо было, если бы решил связать оставшуюся жизнь с этим общественным образованием, а я этого не хочу и отчётливо это осознаю уже сейчас. Не моё это, не нравится мне заниматься сельским хозяйством с утра до ночи, пускай здесь и не сравнимо лучше, чем на солеварне. Да и не затем я людей искал, чтобы прибиться к ним и как то у них устроиться на всю оставшуюся жизнь. Для начала мне надо найти человека, которому давно было обещано, что приду к нему с подмогой, а потом решать, где и как, эту свою новую, жизнь налаживать. Нет, спорить не стану, моя физическая форма с такой кормежкой быстро достигнет, для меня так просто небывалого уровня, но это всё равно не позволит отправиться на поиски товарища по несчастью прямо отсюда. Напарника привлечь я не имею права, сразу по нескольким причинам, стало быть надеяться могу только на себя, а надеяться особо не на что, не достаточно у меня опыта хождения по незнакомым и, как говорят, неприспособленным для жизни местам. Но идти то всё равно надо, я же обещал Степану, что вернусь. И что тогда получается? А получается так, что без палатки, дождевика, фляжки под воду, ножа, топора, какого нибудь оружия для охоты, фонарика, навигатора или на худой конец компаса, снова соваться в плохо проходимые дебри не стоит. Следующий заход туда может оказаться последним. В общине мне эти вещи не выдадут точно и даже в долг, поносить немного и то не дадут, нет их здесь. А место, где можно раздобыть всё это, судя по тому чего я увидел в доме Дена, для меня так и остаётся загадкой, и лезть туда напролом, равносильно самоубийству, что то подобное я уже проходил, совсем недавно. Это мне повезло, что набрёл на общину, где проповедуют вечные ценности, а поселение с большим скоплением людей, о котором кое что знаю от Драпа, может встретить не так доброжелательно. И искать меня действительно там могут, я же не знаю, что у них тут за уголовный кодекс действует. Если всё это учитывать, то выход один: надо любыми способами больше разузнать о месте, называемом здесь не иначе, как «Город», о людях проживающий в нём, да и о мире, где оказался не по своей воле, тоже не мешало бы прояснить некоторые тонкости. У кого? Да, пожалуй, есть у меня кандидат, среди местных, на должность гида по этим вопросам. Привлеку недобитого чекиста в качестве проводника по тайнам здешней цивилизации, нечего только ему интересоваться, чего это я такой странный, пора и мне спросить его про то, что у них тут происходит.

Как решил, так и сделал. Только мой говорун рот перед сном открыл, как я тут же заткнул его своим вопросом:

— Я сильно извиняюсь, что раньше не поинтересовался, но лучше поздно, чем никогда. Так ведь?

— Продолжай — изумлённо глядя, как я стараюсь подражать ему, коротко, наверняка передразнивая меня, сказал старик.

— Не могли бы вы назвать своё имя и отчество? А то человек вы пожилой и всё время обращаться к вам старик или дед, мне воспитание не позволяет. Вам сколько лет стукнуло? Семьдесят, семьдесят пять? — сразу о многом спросил я, сидящего рядом человека.

— Пятьдесят девять. А что, неужели я уже на столько выгляжу, сколько ты назвал? — обиженно спросил старик.

— Да нет, это я так просто сказал, чтобы вас подзадорить — пошёл я на попятную, сообразив, как лопухнулся.

— Ну если так, для разговора, тогда ещё ничего. А звать меня можешь, как и остальные, Заноза — представился дед, но тут же спохватился и поправился: — Сильвио Ивановичем лучше зови, как родители называли.

Я некоторое время молчал, пытаюсь осознать, какое имя мне ближе, Заноза или Сильвио Иванович. Ни то, ни другое не впечатляло, хотя смеяться больше всё же хотелось над последним.

— Так если вам сейчас пятьдесят девять лет, Сильвио Иванович, то вы на много больше помните про то, что было раньше, чем кто бы то ни было из ваших родственников, живущих в общине? — спросил я, остановившись на имени с отчеством.

— Конечно — радостно ответил старик. — Я много чего помню, только им это без надобности. Никому не интересно знать, как мы до них мучились. Их интересует, что будет через двадцать лет, а не то, что было сорок тому назад.

— А мне вот интересно. Я не знаю, что сейчас вокруг происходит, каторга проклятая всю мою юность сгубила, а так хотелось бы про теперешнюю жизнь побольше узнать. Но прежде, чем про неё спрашивать у кого то, не мешало бы услышать, чего до этого у нас происходило.

— Хм. А ты не такой дурак, как кажешься на первый взгляд — сделал вывод, относительно меня, Сильвио Иванович.

Приятно разговаривать с человеком имеющем о тебе точно такое же мнение, как и у тебя о нём. До глубокой ночи этот доморощенный Андерсен рассказывал мне такое, во что верилось с трудом и от чего уши вяли. Не знаю до конца я дослушал его длинную историю или только часть её, но и того, что попало в меня хватило, чтобы голова утром казалась чугунной и отказывалась вообще чего то соображать. Случись так, что мне после завтрака поручили бы какую нибудь работу связанную хотя бы с маленькой долей умственной деятельности, несдобровать бы ни органу отвечающему за неё ни всему остальному организму. Но кости выпали так, как выпали, меня отправили на виноградники, растущие на склоне горы, в двух километрах от долины, где и заставили, всего то, обрывать засохшие листья, мешавшие созреть будущему урожаю. Это занятие, как нельзя лучше соответствовало моему теперешнему состоянию, а через час с мелочью, привело его в норму и позволило вспомнить ночной разговор, пускай и с небольшими пробелами.

В певучем тексте аксакала, который он вылил на меня словно ушат холодной воды, говорилось о многом, но восстанавливать его в памяти предпочёл согласно хронологической

таблицы.

Много сотен лет назад — такими словами, врезавшимися мне в память, начал Сильвио Иванович свой долгий рассказ, — землю постигло огромное несчастье. Вода в одночасье затопила почти всю сушу, не пожалев ни зверей, ни птиц, ни людей.

После такого предисловия я поудобнее улёгся на соломе и приготовился слушать очередную сказку, которыми старики обычно балуют своих внуков, посчитав, что ни о чем действительно стоящем и правдивом сегодня мне услышать не доведётся. Однако уже совсем скоро понял, как ошибался, потому что в сказке этой так живо описывался знакомый и родной мне мир, с такими подробностями и нюансами, что на сказку это, почти бесконечное, повествование очень быстро перестало походить. Говорилось в рассказе и про огромные города с домами великанами, и про железных птиц, которые небрежно обозвались самолётами и про поезда, шатающиеся по рельсам из конца в конец бескрайних материков, и даже про спутники, так и названные рассказчиком, позволявшие жизнь сделать более лёгкой и весёлой. Да много о чём говорил старик, чему можно было бы и не поверить, живи я рядом с ним всю жизнь, а не будь живым свидетелем этого. Поэтому, возможно, кое что и пропускал мимо ушей впадая в размышления, но не на долго, а выходя из них, тут же вновь с головой окунался в бесконечную болтовню о том, что было раньше. Нового за пол ночи, по большому счёту, для себя так ничего и не услышал, но открыл столько, сколько за всё то время, что живу здесь, не узнал.

И вот сейчас, пускай и не на свежую голову, пришёл к выводу, который меня своей правдивостью и реальностью, просто ошеломил. Я не в прошлом, не в параллельной реальности, я дома, только в далёком будущем, пускай и не совсем в таком, о котором все мы мечтали, но в будущем, к сожалению, опустившемся в такое далёкое прошлое, что с первого взгляда даже не поймёшь, где ты. Конечно полностью полагаться на рассказ старого, пускай и умудрённого жизненным опытом человека я не собираюсь, сегодня же вечером постараюсь проверить его слова на прочность. Во что бы то не стало, прорвусь к Дену в дом и попрошу хозяина разрешить полистать стоящие на его стеллаже книжки. Его родственник мне прямо заявлял, если я ему не верю, то могу подробную информацию, почти обо всём, чего он мне тут порассказал найти там, если конечно грамоте обучен. Возможно мой вывод и скоропалительный, и он не подтвердится научной литературой, но так хочется, чтобы это оказалось правдой. По мне так лучше быть дома, пускай и гденибудь очень далеко от него по времени, чем на какойнибудь другой планете, к чему я отношу и параллельную реальность.

Посещение жилища руководителя общины, к которой я временно примкнул, пришлось отложить, приехали из города ближайшие родственники начальства и уделить комунибудь ещё своё драгоценное время, кроме них, Ден отказался. Что же, побуду несколько часов в подвешенном состоянии, но завтра, не приму никаких отговорок и прорвусь к источнику знаний, даже если придётся при этом применить силу, сейчас он мне, как никогда необходим.

Приезд коробейников прибавил и нам с Сильвио Ивановичем работы. Прибыли на место постоянного жительства два ушастых ослика, тащившие своими маленькими ножками тяжёлые, примитивные двухколёсные телеги, гружёные разной всячиной. Вот их мы после ужина и обихаживали, сперва распрягали, я как умел, а мой знакомый вполне профессионально, затем мыли, натерая спину и все остальные части тела уставших животных жёсткими щётками, а затем поставили в стойло, к остальным его обитателям,

подкинув работягам свежей травы и налив в поилку прохладной, речной воды. Когда же с работой было покончено и я выпил давно дожидавшийся меня кувшин уже остывшего молока, дед Сильвио, присев поближе и заглянув мне, почти в полной темноте в глаза, спросил:

— Ну что парень, рассказ мне свой продолжать или надоело уже слушать?

— Продолжай дедушка, вчерашний мне очень понравился. Если и сегодня так же занимательно рассказывать будешь, так я завтра готов всю работу за тебя переделать — подлив масла и так в ярко горевший в его глазах огонь, попросил я.

— Тогда слушай. Закончилось всё, как я уже тебе говорил, очень неожиданно.

Переваривать услышанное за ночь начал лишь ближе к обеду. С утра со мной познакомились заместители, отсутствовавшие на момент моего зачисления в штат организации, затем они, удовлетворившись увиденным запрягли меня на работу, не дав даже толком позавтракать и только после того, как я снова вернулся к своим непосредственным обязанностям можно было на ходу поразмыслить. Сегодня у меня, скорее всего до самого вечера, снова таскание воды вёдрами.

Дед доходчиво объяснить не сумел из-за чего конкретно началась цепная реакция, а выдвигать свои предположения по этому поводу я не тороплюсь, версий может быть много и останавливать свой выбор на одной из них, не зная истинных причин её начала, будет неправильно. Произошло и произошло, сейчас это событие меня мало трогает, больше занимает другое, получается так, что какое то время назад мне его удалось избежать, так и непознанным до сих пор способом. Ладно об этом потом. Что там дальше старик рассказывал? Вспомнил, он говорил про то, что планету трясло, заливало, и ломало на куски, жизни людей и всего живущего на нашей матушке земле, заканчивались в одночасье такими количествами, о которых даже подумать страшно. Старый об этом в красках и со всеми подробностями поведал. Мне показалось, что он смаковал все эти ужасы, повторяя снова и снова, как гибли и мучились миллиарды. Может действительно показалось, дело то ночью происходило, а в это время суток чего только не померещится. Не важно, что об этом думает потомок переживших всё это людей, важно, что десятки миллионов гибли сразу в разных уголках взбунтовавшейся планеты, в этот факт я легко поверю, и ещё большее число после того, как им пришлось испытать на себе всю губительную силу экстремальных природных явлений. Сколько это продолжалось, об этом мне не доложили, но через какое то время, возможно через несколько десятков лет или даже больше, всё стало успокаиваться и приходить в норму, если конечно существующий климат и всё, что с ним связано, можно считать нормой для тех, кто остался в живых.

Время, отпущенное на ночь шло и в какой то момент я почувствовал, что мой собеседник устал говорить о крахе планеты, несмотря на то, что он коснулся этого человека лишь опосредованно. Его можно понять, последствия произошедшего люди до сих пор на себе ощущают. Поэтому требовать большего, чем было уже сказано, я не пытался, напротив, своими вопросами подтолкнул старика к настоящему, оно меня больше интересует. И вот тут то на меня обрушилась вся неразбериха сегодняшних дней. В них намешано всё и оно так переплетено между собой, что разорвать вновь образовавшийся организм на части, навряд ли уже когда нибудь удастся, во всяком случае мне, человеку со стороны, это так показалось. Здесь крепко срослись между собой рабство и капитализм, первобытно общинный строй и военный коммунизм, одному из них я сам являюсь свидетелем, и даже социализм, где верхушке прислуживают купленные рабы, если верить словам рассказчика, где то тоже

пытаются строить. Правда он конкретно такими словами не оперировал, возможно они ему и не известны, но суть происходящего до меня быстро дошла, всё же я дитя своего времени. А я ещё удивлялся, чтобы это всё значило, когда из темноты солеварни добрался до божественного света общины. Вот тебе и триста семьдесят третий год, новой эры.

Продвижение по местным реалиям осуществлялось у меня семимильными шагами и не беда, что пока я это делаю теоретически, с помощью моего добродетеля, согласившегося в деталях объяснить, что у них тут образовалось, после всемирного потопа, оставившего людям лишь жалкие куски суши. Каким образом, выжившим удалось узнать, что основная часть земли ушла под воду мне так и не смогли внятно объяснить. Зато очень доходчиво поведали, что такое солеварня, сожравшая двадцать кило моего веса, за месяц с небольшим, кому она принадлежит и почему так произошло, что люди, осуждённые на каторгу, отбывают её на частном предприятии, приносящем такие прибыли, которые в моё время не снились и наркобаронам. Рассказали, кто захватил власть в ближайшем от общины городе, действительно большом и стоящем здесь аж со старых времён, правда мне предстоит проверить, такой ли уж он большой на самом деле, не зря же один умный человек говорил: «Кому и кобыла невеста». Ещё дольше, но уже на следующую ночь, втирали почему горстка людей, приютивших меня после побега, была вынуждена покинуть насиженные места и как так получилось, что это благословенное место ещё никем не было занято, когда они нашли его. Много, очень много, вздыхая, кашляя и откровенно жалуясь, говорил Сильвио о болезнях, до сих пор, время от времени, косящих народ по чём зря, о небывалых урожаях, которые начали собирать всего лишь лет десять назад, да ещё и не по разу за календарный год. Не так много, но довольно жёстко и зло, почти ругаясь, ознакомил меня этот человек о местной несправедливости, коварстве и откровенном цинизме, взявшими верх над всеми остальными человеческими качествами, в отдельно взятом городе, название которого мне ни о чём не говорит. Достаточно времени затратил он и на разные мелочи, без которых не обходится жизнь обычных людей, как ни странно они сильно не отличались от того времени, где я провёл большую часть своей жизни. В общем к воскресенью, когда после обеда был объявлен всеобщий выходной, был я достаточно подкован, чтобы окончательно разобраться, с помощью библиотеки Дена, насколько мне в эти дни говорили правду, а когда и мозги полоскали, от нечего делать.

Первая попытка припасть, так сказать, к истокам, закончилась неудачей. Ден ни в какую не хотел тратить свободное время на мою прихоть, но пообещал допустить меня к своим ценностям перед ужином минут на десять, не больше. Делать нечего, как говорили ещё мои предки: «Хозяин — барин».

Распевать застольные песни, как и все остальные члены общины не стал. Прослушивание двух первых вывело меня из себя. Заунывное бление про какую то девушку, ждущую непонятно чего и дома не приводило меня в восторг, вариант с парнем упавшим со скалы и разбившимся насмерть, звучал конечно лучше, но сегодня не то настроение, чтобы скорбь разыгрывать. Стараясь не привлекать к себе внимания, делая вид, что люблюсь окрестностями, шаг за шагом приблизился к выходу из долины, к той её части, где ручей падает в низ водопадом. Возле него встал на колени, попил водички, бросил быстрый взгляд назад, вроде никого рядом нет и хор на меня тоже кажется не плянется. Встал на ноги и одним движением зашёл за огромный кипарис, а уже оттуда быстро пошагал к тому месту, где припрятал своё барахлишко. Пришло время сменить ему прописку, перенесу его ближе к дороге, ведущей в город. Сделать это не просто, надо будет пробираться через заросли плотно облепившие склоны гор и идти сквозь них желательно так, чтобы не привлекать

внимание жителей долины, не стоит отвлекать людей от радостного мероприятия, у них выходные не так часто случаются. Сложно это, спору нет, но других вариантов у меня всё равно не просматривается, не потащу же я пакет с банками, штанами и грязными кроссовками у всех на виду, не дай бог кто увидит, тогда считай всё, легенде моей каюк придёт, а что за этим последует догадаться не трудно. Другой же дороги в город нет, а бросать дорогие, в прямом смысле этого слова, вещи на произвол судьбы непозволительная роскошь, у меня на них большие виды. Даже не так, это единственная надежда на моё светлое будущее и будущее моего товарища, спасшего, можно сказать, мне жизнь и теперь ждущего от меня того же самого.

— Ну ты где шлялся? Я же ясно сказал перед самым ужином, а не вовремя его. Ты что думаешь мне заняться больше не чем? С девчонками нашими небось развлекался? Смотри Влад, я тебя предупреждал — выговаривал мне Ден, по дороге к своему дому.

— Я помню, по этому поводу ты во мне можешь не сомневаться. Пацан сказал, пацан сделал. А задержался, на работе, корм подбрасывал баранам, не могу я смотреть без содрогания, как козлы у них траву отбирают.

— Ну тогда ладно, а я думал ты...

— Нет, на работе. Точно тебе говорю. Вон хотя бы деда спроси, он свидетелем был моего благородного поступка — не дал я договорить главе общины.

— Это хорошо, даже похвально. Совсем ты нашим стал, как я погляжу. А книжки то тебе зачем? Ты читать то хотя бы умеешь?

— Читать умею. Но не для того я их посмотреть хочу, чтобы буквы в памяти освежить. Была у меня одна книжка, раньше, может и у тебя такая же есть, чем чёрт не шутит. Тут видишь ли в чём дело, по дому я очень скучаю, родных давно не видел, так хотя бы книжку повидать знакомую, глядишь и легче станет — понесло меня.

— А чего же раньше не сказал, что тебе для этого надо. Неужто я бы не понял?

— Стеснялся — решил я до конца доиграть роль.

Думаю, сам Станиславский мне бы аплодировал, случись ему присутствовать во время моего перевоплощения. Всего несколько фраз и десять обещанных минут превратились в двадцать, и вот их то мне хватило, чтобы найти то, что искал. Среди двух книг с оторванными корешками, томика Жюль Верна, без задней корки и нескольких последних страниц, «Графа Монте-Кристо», как ему и положено быть, в почти идеальном состоянии и «Трёх мушкетёров», развалившихся ровно на четыре части прямо у меня в руках, нашёл очень хорошо знакомый мне учебник истории для одиннадцатого класса, «Россия и мир», две тысячи десятого года издания. Его я даже открывать не стал дальше первой страницы. Удостоверился, что год там стоит тот, который и должен стоять, посмотрел на него внимательно, снова закрыл сильно постаревшую, изменившуюся до неузнаваемости обложку, легонько, так чтобы не повредить, погладил её и поставил книгу на место.

— Она — тихо спросил меня Ден, заметив наши с ней отношения.

— Она — ещё тише ответил я.

— Ну ты так то не убивайся. Через три дня братья в город поедут, бывают там люди из ваших мест. С ними поедешь, а вдруг кого из знакомых или родных встретишь — предложил мне хозяин этого антиквариата.

— Спасибо тебе — не ожидав такого участия в своей судьбе, вполне искренне поблагодарил я Дена и не много помолчав, добавил: — Друг.

Хозяин дома, на удивление, не торопился со мной расставаться, хотя я готов был сразу

же после выяснения интересующего меня вопроса покинуть его. Он взял с полки одну из книг и стал рассказывать о том, каким образом она оказалась в его коллекции. Затем, поставив томик на место, взял другую и вспомнил, как этот, хорошо сохранившийся экземпляр, достался ему, сетуя на его дороговизну. Слушал я, человека с горящими глазами, больше из уважения, но, когда речь зашла о деньгах мне стало интересно, сколько же может стоить обычная, в моём понимании, книжка, в этих краях и где такими вещами торгуют.

— Ты говоришь, что отдал за эту книгу большие деньги — прервал я Дена. — А большие это сколько?

— Целую тысячу заплатил — не задумываясь, ответил он и сразу же продолжил рассказывать, давно зашедшую для меня в тупик, историю о потрёпанном времени и людьми, антикварном издании, показавшемся мне до боли знакомым.

Хороший ответ, прямой и честный, только легче от него не стало, не владею я здешними ценами, так что сравнивать мне не с чем. Но запомнить эту цифру смысл есть, так как имею я огромное желание кое что из своих вещей тоже комунибудь продать, но пока не знаю кому и главное где. Последнее меня очень сильно интересует и об этом я не прочь хотя бы что то разузнать, прямо сейчас. А почему бы и нет, раз у нас такой разговор завязался?

— Тысяча — это очень большие деньги — оценив интонацию, с которой была озвучена сумма покупки, согласился я с Деном. — А где ты её оставил?

— Да, где же. В «одиночке» конечно, где же ещё — поставил он меня, своим ответом, в очередной тупик.

Слово «одиночка» слышу уже не в первый раз, но мне так и не удалось толком разобраться, что же оно из себя представляет на самом деле. Спрашивать же кого то о нём, мой новый статус не позволяет, так как новые земли и «одиночка» каким то образом связаны между собой и стало быть не знать о них, я не имею права. Что же, кое что сумел выяснить и на этом спасибо, с остальным позже разберусь. А что ещё остаётся?

Продолжение рассказов Сильвио слушал в пол уха, нового они мне ничего не открывали, лишь более яркими красками дополняли уже ранее услышанное. Зато реальное подтверждение всего случившегося, много веков назад, вызвало у меня такой приступ ностальгии, яростный и всепоглощающий, что справлялся с ним с трудом, еле сдерживаясь, чтобы не впасть в глубокое отчаяние. Одно дело, когда знаешь: твои родные и близкие живы, и здоровы, а у тебя только трудности с тем, что ты не можешь встретиться с ними и совсем другое, когда ты почти уверен, что они уже погибли или прямо в эту самую минуту страшно страдают, если использовать время, по которому я ещё совсем недавно сам жил. Это, как катастрофа междугороднего автобуса или даже воздушного лайнера, в которой ты потерял всех самых дорогих тебе людей. Справиться с таким, даже с помощью психологов, обычно помогающим пережить подобные стрессы, не каждый в состоянии.

Заглушить, так и не прошедшую к утру боль, пробовал работой. Под недоуменные взгляды Сильвио Ивановича, словно заведённый, чистил загон, выгребая из него накопившееся за несколько дней дерьмо, пытаюсь таким образом с корнем вырвать из сердца засевшую в нём огромную занозу. Но загасить переживания, от возможно ещё и не свершившейся потери, оказалось не так просто, как избавиться от нечистот. Дерьма в стойле уже почти не осталось, а сердце так и продолжает ныть. Спасибо миловидной, рыжеволосой и конопатой девчонке, от которой мне каждый вечер доставался подарок в виде пол литрового стакана молока, воспринимавшийся мной уже, как что то само собой разумеющееся. Не знаю каким она местом почувствовала, что со мной происходит чего то не

ладное, но её незатейливая фраза, брошенная в мою сторону мимоходом: «Не волнуйся так, всё образуется», подействовала на меня словно указ о помиловании, на приговорённого к смертной казни. А и в самом деле, чего это я так разволновался? Дома меня наверняка уже давно похоронили, пускай мать с отцом в это и не поверят, до конца своих дней, ну а все то остальные точно смирились с тем, что последняя их встреча со мной, действительно была последней. И чего я тогда так переживаю о погибающем мире? У меня сейчас голова о другом болеть должна, о том, как самому выжить в этих экстремальных условиях. Всё, хватит страдать, пришло время для принятия серьёзных решений, пора заканчивать с нерешительностью и с разгребанием навоза на чужом празднике жизни. Надо сделать всё, чтобы самому стать полноправным членом этого праздника, с учётом прояснившихся совсем недавно обстоятельств. Всё таки мои знания, понимание ситуации и даже возможности не в пример выше, чем у многих других здесь проживающих. У меня, где то совсем рядом, целый автомобиль стоит, с кучей полезных вещей в нём и человек, знающий про жизнь наверняка больше моего, а это может дать такую фору, такой стартовый капитал, которых не было у тех, кто в данный исторический отрезок времени правит бал на этой территории. И чего это я тогда в дерьме копаюсь? Хватит, потаскал соль на халяву, помог, чем смог, добрым людям, пора и на своё будущее поработать.

Не обращая внимания на радужные перспективы, непонятно с какого перепуга вдруг образовавшиеся в голове, работать словно заводной не переставал. После обеда закончил с чисткой и сразу же, без малейшего перерыва, стал освежать воду в поилках. Трудовая терапия от страданий вроде бы уже и не нужна, но на первый план вышло чувство благодарности к, принявшим меня в свой коллектив, людям и, как его следствие, желание оставить о себе хорошую память среди жителей общины, и особенно у одного из представителей её. Сколько бы ещё прозябал в неведении если бы не этот, на первый взгляд тихий, совсем незаметный человек, открывший мне глаза на новый мир.

— Ты чего это сегодня словно взбесился? Отдохни. Даже мухи если долго с разным дерьмом возятся и тедохнут — словно чёрт, которого стоит только помянуть, спросил меня внезапно появившийся Сильвио Иванович, оставив на время отару без присмотра.

— Ничего, я же не муха, выдержу. Через два дня в город еду. Хочу, чтобы ты моё отсутствие не сразу заметил. Ты вместо того чтобы советы умные давать посмотри, что ещё сделать надо?

— В город? И чего ты там забыл? Я же тебе рассказывал, что делать там нечего.

— Ден посоветовал съездить. Сказал, что может я там кого из родичей встречу — ответил я, одновременно с этим выливая воду из ведра.

— Вот же дурак, нашёл чего советовать. Ты же не вернёшься оттуда. Знаю я вас. Вы же на одном месте не можете долго сидеть, иначе ума хватило бы не шляться, куда попало. На новых землях все такие, вам с молоком матери передаётся желание бродяжничать.

— Почему это сразу не вернёшься? А может и вернись?

— У тебя на морде всё написано. Она у тебя так и светится от радости. Ты готов каждый день свою жизнь опасностям подвергать лишь бы ежедневно, в поте лица, не трудится.

Прав старик, надоело мне этой ерундой заниматься, до чёртиков. Пора менять образ жизни, хватит руками работать, настало время мозги включать. Я же продавец от бога, как говорил мой директор. Не получится быстро найти Степана с его машиной, так можно попробовать устроиться на работу в магазин, что то продавать там, всё интереснее чем

скотником пахать с утра до ночи. Сильвио говорил, что торговля в городе процветает и магазинов в нём достаточно. А если с этим не получится, ещё чегонибудь придумаю. В любом случае в город переселяться надо, достало меня по окраинам шляться.

Два дня пролетели быстро, тем более всю вторую половину последнего из них я занимался новым делом, помогал отъезжающим собирать, носить и укладывать произведённую на ферме продукцию. А кроме этого, в этот же день, но уже после ужина, получил причитающийся мне, за дни, проведённые на ферме, заработок, растрогавший меня, что называется до глубины души.

— Это тебе на тот случай, если мы больше не увидимся. Я же понимаю, если своих найдёшь, то к нам не вернёшься. Или я не прав? — передав мне тряпичный мешок с завязками, спросил Ден.

— Скорее всего да, чем нет — уклончиво ответил я и тоже спросил: — А чего здесь?

— Сыр козий. Две головки. Обменяешь в городе на деньги или сам съешь, потом. Решишь, чего с ним делать. Денег за него не много дадут, но всё равно, на первое время и они лишними не будут.

Сыр — это хорошо, но больше я всё же обрадовался мешку. Из головы все эти дни не выходил один нерешаемый вопрос, как тащить свои вещи, когда рядом будут люди, не знающие про них. Тем более среди моих шмоток есть такие, которые здесь и в глаза не видели, взять хотя бы часы и спички. Огонь добывают при помощи камней, высекая из них искры, а время так и вовсе определяют примерно, на глаз, по солнцу. Да и банки, кажется мне, такая диковинная штука для местных, что могут вызвать у моих спутников неоднозначную реакцию.

Выехали рано, ещё светать не начало, а мы уже были на дороге, ведущей в город и это меня очень напрягало. Место, где спрятаны мои пакеты смогу найти только в светлое время суток и то, если разгляжу отметину на валуне, валяющемся на обочине грунтовки, напротив кривого, на половину высохшего, дерева, которую оставил во время знакомства с ним.

Спасло меня от полного разорения колесо одной из телег, внезапно прекратившее проворачиваться на оси и от этого начавшее притормаживать ход всей конструкции. Быстро разобравшись с тем, что с ним произошло у братьев не получилось, они даже при свете факела, собранного, старшим из них, из старой тряпки и сухой ветки, не смогли определить причину столь странного поступка деревянного обруча. Посоветовавшись родственники решили ждать, когда рассветёт, а пока предложили мне поучаствовать в разгрузке телеги. По их мнению, колесо снимать придётся в любом случае, а чтобы время не терять попусту, надо начинать снимать груз прямо сейчас, при свете костра. Им они и занялись, мне же ничего не оставалось кроме, как приступить к переноске тяжестей.

Отметину на камне нашёл без труда, часа через два после начала вынужденной остановки, к этому времени на улице стало совсем светло и разглядеть её было довольно просто, собственно говоря также, как и припрятанные ранее, не далеко от дороги, пакеты с имуществом. Были сомнения в том, что увеличившийся в размерах заплечный мешок, после моей кратковременной отлучки в придорожные кусты, привлечёт внимание спутников, но, как показало время, им было не до него. Какое дело этим озабоченным мужикам до моей тряпки, болтающейся на спине, когда их телеги забиты продуктами, за которыми на такой дороге только успевай приглядывать. А трасса действительно не очень, не чищена лет двести, по левому краю заросла до невозможности, справа камнепады с отвесных скал сузили её, в некоторых местах, до такой степени, что приходится либо маневрировать, чуть

ли не на месте, либо останавливаться и отодвигать огромные валуны. Не для этого ли мне предложили в город прогуляться, чтобы помочь этим торгашам в дороге, без моей помощи они бы на много дольше добирались до основной магистрали?

Километров десять мы преодолели за часов пять, не быстрее, а товар ослики тянут скоропортящийся. По моим представлениям, стоит его не много дольше подержать на солнцепёке и всё, большую часть продукции можно выбрасывать. Солома и мокрые тряпки, которыми всё на телеге накрыто, конечно позволяют ей какое то время продержаться на жаре, но их на долго не хватит.

— А вы не боитесь, что ваше молоко прокиснет, пока мы его в город довезём? — спросил я одного из братьев, больше для интеллектуального развития, нежели из-за беспокойства за чужую прибыль.

— У нас его не много, а то что везём купят в любом виде — коротко ответил он.

— А всё остальное?

— Остальное доедет, мы что первый раз его возим? Нет, сначала было трудно, особенно творог портился быстро, а потом мы придумали... — раскрутился мужчина.

Ну всё, теперь не так скучно будет ехать. Смотреть стало не на что, скалистая часть плавно перешла в холмистую. Препятствий на пути почти нет, а делать отметины в голове, чтобы не заблудиться во время обратной дороги оказалось бессмысленно, на всём пути встретился один перекрёсток и тот был с дорогой ведущей в общину, а его перепутать ни с чем невозможно, примечательная каменная гряда, расположившаяся на самом повороте, не позволит этого сделать.

Шоссе, а на мой взгляд раньше это так называлось, на много шире, чем предыдущая узкая и местами совсем не проходимая поселковая дорога. Пускай оно и потеряло своё асфальтовое покрытие, но до сих пор выглядит вполне прилично. Нет, обочины на нём уже давно не существует, но проезжая часть почти полностью ровная, мелким лишайником покрыта только по краям, а ямы, образовывавшиеся после ливней, почти все заботливо кем то присыпаны мелким гравием, из которого состоят окрестные возвышенности. О том, что дорога обитаема и ей часто пользуются, стало ясно очень скоро. Первое же пересечение с тропинкой, уходящей в лесную чащу принесло попутчиков. Они, догнав нас, вежливо поздоровались и тут же стали обсуждать со знакомыми мне людьми вопросы, касающиеся общего бизнеса. Мне показалось это интересным и я, продолжая отслеживать главную дорогу, резко взявшую направление в верх, внимательно слушал о чём идёт речь. Дома наблюдать за беседой мелких торговцев у меня не было времени, посещение рынка обычно заканчивалось быстрой покупкой необходимых товаров и ещё более быстрым уходом из этого, как мне раньше казалось, не очень достойного места. А сейчас, на тот случай, если надумаю зарабатывать хлеб насущный самостоятельной торговлей, дальше рыночных рядов мне не удастся пробраться, не пустят, в этом я почти уверен. Поэтому слова касающиеся взаимоотношений продавцов между собой и их всех, вместе взятых, с покупателями, впитывал жадно, и без остатка.

— Слышали про новые торговые места, открытые в верхнем городе — спросил нас один с тех, чьи руки толкали впереди себя не большого размера деревянную тачку, с колесом, изготовленным из цельного куска дерева.

— Конечно, ещё в позапрошлый свой приезд в город об этом узнали. А в прошлый и побывать там успели. И хочу тебе сказать, что делать на них нечего, люди туда не пойдут. Да и не столько у нас товара, чтобы ещё и там торговать. Нам бы обеспечить своих старых

покупателей — ответил ему старший из братьев, шагающий рядом с уставшим ослом.

— Зря ты так. Там может и мало покупателей, но продать им всё можно гораздо дороже, чем внизу. Забыл, что ли кто живёт в этом районе? — возразил ему другой владелец точно такого же транспортного средства, что и предыдущий оратор.

— Знаю — сухо ответил брат Дена, — но нам там всё равно делать нечего. Пока до них доберёмся, пока местные проснутся, пока расторгнемся, у нас половина прокиснет, а там такого есть никто не станет. Это вам, с вашими поделками можно туда пристроиться, а мы уж какнибудь внизу торговать будем. Столько лет торгуем на одном месте, а хуже брать у нас не стали. Если бы мы жили, ну хотя бы на таком расстоянии от города, как вы, тогда другое дело, а так нет, не поедem мы туда.

— Не прав ты. Вас же двое, могли бы разделить и торговать в двух местах сразу — не согласился с ним, плохо знакомый мне человек.

— Вот откуда у тебя такая уверенность, что я не прав? Ты когданибудь торговал молочным? — спросил его начавший потихоньку заводиться, брат Дена.

— Ну не торговал и что из того? У меня чего, глаз нет или голова ничего не соображает? — дал ему отпор производитель промышленных товаров.

Спор о том, где лучше торговать быстро не закончился, с верхнего города он перекинулся на торговые точки нижнего, потом на подходы к нему и прекратился лишь тогда, когда братья начали заниматься привычным для них делом, прямо на дороге, где их ждали постоянные покупатели. Несколько женщин с глиняными ёмкостями и плетёными корзинами ждали моих знакомых, как выяснилось немного позже, на этом месте уже несколько часов к ряду, коротая время за изготовлением этих самых корзин. Здесь у торговцев из общины забрали всё молоко, без проверки его на качество, несколько килограмм творога, какое то количество сметаны и пять головок сыра, как две капли похожего на тот, что лежит у меня в мешке. Пока мои старые знакомые распаковывали одну из своих телег, новые, те с кем познакомился совсем недавно, минут пять ещё стояли рядом, а потом, сообразив, что дело затянулось на долго, попрощались со всеми и покатали свои тачки дальше, с тем же усердием и упорством. Их товар здесь не востребован, а вот продукция общины шла на ура.

— Ты свой сыр можешь тоже продать на дороге, если хочешь конечно — предложил мне младший из братьев. — Цена на него везде одинаковая.

— Ладно, подумаю — ответил я, не решив ещё, стоит ли мне продавать выданный продукт или лучше употребить его самостоятельно.

— Ну думай, думай, нам ещё долго ехать. Может чего и надумаешь.

Пока старший раздавал произведённую на ферме продукцию, младший лихо подсчитал в уме сумму за проданное и назвал её одной из покупательниц, которая, по всей видимости и должна будет произвести с ним расчёт. Женщина, поверив ему на слово, достала откуда то из широкой юбки небольшой тряпичный мешочек с завязками, вынула оттуда рыже зелёные, мелкие и тонкие, словно чешуя карпа, металлические пластинки и отсчитав от них требуемое количество, на глазах у продавца, хладнокровно пересыпала железяки в загребушую ладонь моего знакомого.

— А чего это? — спросил я у человека-калькулятора, после того, как он получил причитающуюся сумму и у него образовался перерыв.

— Где? — задал он мне свой вопрос, вместо простого, внятного ответа.

— Ну вот эти штуковины, что тебе тётка в ладонь высыпала. Это, что такое?

О существовании денег в этом обществе я уже в курсе и конечно же догадался, чем могут быть эти не очень красивые металлические огрызки, но посчитал, что есть смысл получить словесное подтверждение моим домыслам, так как с местной валютой до сегодняшнего дня мне общаться ещё не приходилось.

— Как что? Деньги! — не скрывая своего недоумения, ответил мужчина. — Ты чего, раньше никогда их не видел?

— Вроде не видел, а может просто забыл — сделав морду кирпичом, промычал я.

— Странно. Как такое возможно, чтобы человек в твоём возрасте денег никогда не видел?

— Откуда я знаю? На каторге нам денег не давали, а что до неё было я плохо помню. Дай посмотреть, может чего то и всплывёт в памяти — попросил я владельца невиданных ранее мной дензнаков.

— А чего на них смотреть, деньги, как деньги. Продай свой сыр и рассматривай их сколько душе будет угодно — в резкой форме отказал он мне и тут же начал прятать железки.

Я дождался, когда мешочек висевший на груди младшего брата пополнится мелочью и задал ему новый, более простой вопрос:

— А сколько стоит головка сыра? Ну такая, как мне дали.

— Ровно три медяка. Говорю же продавай, дороже никто в городе не даст, только протаскаешь его зря — ответил, не понятно из-за чего, покрасневшийся мужчина, лихо закинув назад прядь чёрных волос, упавших на его потное лицо.

Первая сделка в этом мире была мной благополучно проведена, практически без торга. Я поинтересовался у не очень улыбчивой женщины, владеющей средствами этого маленького коллектива, не желает ли она приобрести у меня одну, слегка пропылившуюся при транспортировке, головку сыра? Она, внимательно выслушав предложение, посмотрела мне в глаза, каким то уж очень сочувственным, всё понимающим взглядом, а затем, забрав у меня сыр, молча рассчиталась своими чешуйками, изрядно покарябанными по краям. Глядя на оказавшееся у меня на ладони недоразумение, не мог поверить, что это может называться деньгами. Если это деньги, то тогда кто я? Мессия, Шива или на худой конец апостол Павел. Не могут называться деньгами эти безликие, абсолютно пустые, корявые лепестки, которых при желании можно мешок надавить из обычной медной проволоки.

— Понравились? — спросил меня младший помощник Дена, видно обратив внимание на мой остекленелый взгляд, которым я пытался отыскать хотя бы подобие цифр на так называемых медяках.

— Угу- ответил я и сразу же спросил, так и продолжая держать на своей натруженной ладони, возмущившую меня до глубины души пародию на деньги: — А из чего их делают?

— Из меди, из чего же ещё? Сам то чего, не догадался?

— А медь эту вашу, где берут? — оставив без ответа прозвучавший в мой адрес вопрос, снова спросил я.

— Вот и я хотел бы знать, где!?! — повысив голос сказал мой собеседник, глядя вслед покинувшему место торговли довольным покупателям. — Проволока, которую двести лет тому назад нашли в каком то посёлке, должна была бы уже давно закончиться, а у них, как не год, свежие монетки появляются. Неужто они думают, что мы дураки такие, новых от старых не отличим? Открыли у себя подпольный монетный двор и сидят на нём ничего не делая. Так бы и я мог, стучи себе молоточком не торопясь, вот и вся работа. А ты поди ка вырасти,

сделай, довези, да ещё после этого продай и домой вернись. Дармоеды! Откуда только они на нашу голову взялись, сволочи?!

Поносили братья неизвестных мне фальшивомонетчиков аж до следующей остановки, состоявшейся на перекрёстке с узкой дорогой, круто поднимающейся в горы и оказавшейся не на много шире той, что вела в долину, из которой мы идём. Здесь нас ждали целых три с половиной человека женского пола, одетые в одинаковые, сильно поношенные одежды светло серого цвета. Лица их, включая и ребёнка лет десяти, были до предела серьёзны и несли на себе отпечаток просто нечеловеческой усталости. Одна из женщин ссыпала все свои трудовые сбережения в ладонь младшему из братьев, её подруги переложили в корзины причитающийся им, за эти деньги, сыр, а потом, так и не сказав ни слова, вся эта странная команда развернулась и дружно пошла наверх, по боковой дороге.

— Это кто такие? — спросил я кассира, складывающего мелочь в свой просто бездонный кошелёк.

— Они из здешней общины, а кто такие, конкретно не знаю. Берут наш сыр раз в месяц и всё. Слышал, что пару лет назад их мужики, ни с того не с сего, все разом сгинули, но подробности мне не известны. Наверное, от этого и ходят такие злющие. Ни здрасте тебе, ни до свидания. Разве нормальные бабы так себя ведут? Ты же наших видел, они тебе и улыбнуться, и глазами стрельнут, а эти?

— А чем они занимаются? — прервал я рассказчика, подозревая, что быстро он не остановится.

— Да кто же их знает? Чем то должно быть кормятся. Может по глине работают, хотя откуда ей так высоко взяться, а может ткнут чего или травки собирают. Травки горные в городе большую цену имеют, особенно лечебные. Мы сами хотели начать их собирать, только не нашлось у нас человека, который бы знал их, а так бы точно начали, дело то прибыльное — завёл говорун очередную бесконечную пластинку.

До начала сумерек останавливались ещё три раза и в каждом месте, братья с успехом расставались с частью своего товара, получая взамен лишь мелкие медные монетки. До этого мне казалось, да и Ден об этом часто говорил, что среди местных жителей очень развита такая форма торговли, как товарообмен, но ничего подобного в реале я пока не наблюдаю, присутствуют только товарно денежные отношения и это мне показалось странным.

— А почему вы у покупателей их товар не берёте, в обмен на свой? Они же наверняка делают что то такое, чего у вас нет — спросил я того из моих спутников, с кем и до этого беседовал почти всю дорогу.

— Делают — подтвердил он, — но нам от них ничего не нужно. Посуди сам. Вот эти, от которых только что ушли, уголь жгут, которые перед ними были блоки саманные мастера, а те, что до них к нам выходили, так и вовсе воду в город возят. И что нам у них брать? Нет, вода родниковая на много вкусней нашей, той что мы в речке берём, но воловь её в такую даль? А те же блоки, ты представляешь сколько их надо на маленький домик? Про уголь я даже и говорить не стану, у нас ему применения совсем не найти, поэтому берём деньгами, они за свой товар их в городе тоже не мало отгребают.

— Тогда совсем не пойму. Если у них достаточно денег, почему они у себя тех же коз не заведут или коров скажем и сами сметану, и творог не делают? — спросил я.

— Вот сразу видно, что ты чужой. Вы там у себя привыкли, что всё самим надо делать, а здесь не так. Да и пожелай ктонибудь из тех, с кем мы виделись, молоко у себя добывать, не

вышло бы у них ничего. Где они тебе столько коз наберут, а травы, я уже о коровах не говорю. Ты у нас хоть одну видел?

— Нет — подтвердил я отсутствие этих животных на ферме.

— Вот то то и оно. Мы хотели купить, готовы были любые деньги отдать. Дак негде! Не продаёт никто, потому как мало их досталось нам, от прародителей, а новый приплод весь на перечёт, за ним очередь на десять лет вперёд. Понятно тебе о чём говорю, каторжанин? — хлопнув меня по плечу, спросил торговец молочной продукцией.

— Понятно — ответил я, удивившись такому обстоятельству.

— Ну, то то. Смотри, в городе таких дурацких вопросов не задавай, не то сразу поймут, что ты из новых земель или того хуже, догадаются, что беглый. А ни тех не других в городе не любят. Первых, если до города смог добраться, за удачливость, а вторых, да и вторых, пожалуй, за тоже самое.

Оригинально всё здесь у них устроено, сами производят, сами продают. А мне вот интересно, нельзя ли вклиниться в этот процесс в качестве посредника? Чего то своё делать мне не хотелось бы, да и чего. А вот разводящим поработать у нескольких клиентов сразу, это было бы не плохо. А чё? Продам трёхлитровую банку, куплю осла с телегой и буду ездить, да хотя бы по этой дороге и брать товар на реализацию у местных производителей. Покупатели всегда найдутся, оболтать клиента мне, как два пальца об асфальт, пристроюсь какнибудь.

Половину ночи провели под открытым небом, отдыхая от долгого перехода прямо у дороги, возле небольшого костра, а вторую в пути, медленно топая в темноте, строго за ослом, знающим эту трассу с детства и такое впечатление, что идущего по ней с закрытыми глазами.

Надпись гласившая, что мы вошли в городские владения, сделанная на склоне горы огромными деревянными буквами, потемневшими от времени и от этого плохо читаемыми в предрассветной дымке, глаза отыскиали по мимо моей воли. До этого я шёл по дороге, глядя себе под ноги, пытаюсь не заснуть на ходу, а тут вдруг раз, голова подымается и сонный взгляд выхватывает надпись: «Корабельный».

— Это мы что, уже в городе? — спросил я у идущего рядом, младшего из братьев, к которому за это время успел основательно привязаться.

— Чего? — переспросил он меня, оглядываясь по сторонам.

— Надпись там, сзади была — Корабельный. Это чего значит, город уже?

— Ну если прошли её, так стало быть уже он... — заговорил сонный мужчина.

— А дома тогда где? — оборвал я его на полу слове понимая, что быстро остановиться он уже не сумеет.

— Дома? А зачем они тебе? — спросил он, всё же завершив свои рассуждения о величии незнакомого мне города.

— Так ты же говоришь, что это город. Значит и дома должны быть.

— Ты в этом смысле. Будут дома, не сомневайся. Только тебе то они ни к чему, тебе вон туда надо — ткнув пальцем в темноту, сказал младший брат.

Куда мне надо было, стало ясно минут через двадцать, когда утренний свет уже позволял разглядеть изменения, произошедшие с ландшафтом. С правой стороны от дороги, на плоской словно стол площадке, разместившейся между двух сопок и одной отвесной скалой, за двумя высокими и прямыми, как корабельные мачты столбами, державшими на себе надпись «Одиночка», выполненную полутораметровыми буквами, расположился крохотный островок, показавшийся мне павильоном из киностудии, где проводили съёмки про ковбоев. Забор средних размеров плотно примыкал к естественным ограждениям, давая возможность беспрепятственно попасть внутрь открытой территории только одним путём, через широкие ворота и это делало мини городок, ещё более картинным.

— Ну вот, ты приехал — обрадовал меня, молчавший большую часть пути старший из братьев. — Ваши только здесь могут быть, в город они редко заходят.

— Мы через два дня здесь проезжать будем, надумаешь возвращаться с нами, прямо на этом месте жди. А захочешь раньше нас домой уйти, топай сам, нагоним тебя по дороге — объяснил мне ситуацию младший.

— Хорошо, так и сделаю — ответил я ему.

— Ты учти ждать мы тебя не будем. На дороге не увидим едем дальше сами — предупредил старший и сразу же прикрикнул на осла: — Трогай, зараза!

Не будь рядом ворот с огромными буквами, запутавшими меня ещё больше, в плане выяснения, кто же такие «одиночки», я бы, скорее всего, плюнул на всё и пошёл дальше вместе с ослами. Возможно, вернулся бы к месту сбора людей, живущих на новых землях, через день или даже позже, но эта величественная надпись, идентичная тому определению,

которым меня пытался наградить ещё Драп, заставила остаться на месте.

— Одиночка — прочитал я ещё раз по слогам и пошёл в сторону ворот.

— Так это что, получается все, кто собирается в этом городке, зовутся одиночками? — задал себе мысленно вопрос, уверенно топая в выбранном направлении и тут же попытался ответить на него: — Да не может такого быть.

Люди в посёлке только начинали просыпаться, но делали они это дружно и шумно. В трёх каменных домах, стоявших почти сразу же за оградой и объединённых не менее громоздкой вывеской, чем ворота, но более понятной мне, стали открывать ставни.

— Магазин — прочитал я несоразмерно длинную надпись, от которой повеяло домом.

Тяжело вздохнув, стараясь быстрее заглушить нахлынувшие, в столь не подходящий момент, воспоминания, медленным шагом двинулся дальше, так и продолжая наблюдать за работой сотрудников магазина. Одновременно с открытием окон, они запускали внутрь тёмных помещений свежий воздух и слабый, ещё только зарождающийся солнечный свет, давая тем самым понять страждущим, толкающимся неподалёку, что пришло время образовывать очередь. Мужчины, одетые словно братья близнецы, этим предложением незамедлительно воспользовались, выстроившись в ряд возле дверей, над которыми более мелкими буквами, было написано слово «Скупка», не позволяющее сомневаться в принадлежности этой части магазина к определённому виду деятельности. Окинув их заинтересованным взглядом, становиться рядом с ними всё же не стал, с очередью я пока повременю, успею ещё в ней зарегистрироваться. Прежде чем пытаться чего то продать, стоит присмотреться к тому, что вокруг происходит и к тем, кто считает это, довольно необычное, место своим. Оставив позади людей, так и продолжавших стоять у входа в одну из дверей универсального магазина, направился туда, где под простенькими, деревянными навесами, занимавшими больше половины правой стороны огороженного пространства, недавно проснувшиеся люди лишь начали собирать свои не хитрые пожитки, позволявшие спать на свежем воздухе в более комфортных условиях. В этой же части, только в самом дальнем её конце, разглядел и разгорающиеся костры, сильно напоминавшие, своим объёмом и доносящимися оттуда запахами, кухню, кормившую меня на солеварне.

Всё говорило о том, что городок окончательно проснулся и я бы в это поверил, если бы не та часть этого мини поселения, что находилась слева от меня и плотно прижималась к лысой сопке. Глядя на неё, легко можно было понять, что здесь до пробуждения дело так и не дошло. Эта сторона отличалась от противоположной радикально, тут до сих пор всё закрыто и почти совсем не ходят люди. Создаётся такое впечатление, будто бы она их совсем не интересует. Свернул туда, и не торопясь прошёлся вдоль деревянных построек, с плотно закрытыми ставнями, у каждой из которых имела своя, отдельная надпись. Прочитав их, полностью согласился с существующим положением дел, в этой части огромного торгового развлекательного комплекса. В администрации, камере хранения, ресторане и даже в увеселительном заведении с недвусмысленным названием, в такую рань действительно должно быть ещё или уже, тихо. Пожалуй, лишь в двухэтажной гостинице, можно было бы уже начинать просыпаться постояльцам, но плотно закрытые окна заставляют меня склониться к тому, что желающих заночевать в помещении, в эту жаркую, летнюю ночь, так и не нашлось.

В этой части было более спокойнее и это сподвигло меня расположиться на отдых именно здесь, в узком проходе между рестораном и постройкой с надписью: «Камеры хранения». Прислонившись спиной к крепкому бревну, принадлежавшему зданию общепита,

развязал свой походный мешок, достал оттуда всё, что можно было бы использовать в качестве завтрака и поглядывая на праздно шатающихся людей, приступил к нему. Пространство между домами было узким и возможно от этого, не полная картина всего происходящего вокруг, чем то напоминала телевизор. На фоне статических построек, из одного конца в другой ходили исключительно лохматые и бородатые мужики, громко о чём то разговаривая и не менее страстно жестикулируя. Обычно это были группы, состоящие из трёх и более человек, очень редко цветное изображение демонстрировало двоих, а одиноко прогуливающегося человека мне так и не удалось увидеть, до конца завтрака. Внешне серьёзные мужчины были сильно похожи друг на друга и напоминали партизан последней, масштабной войны, из фильмов про них же. Выглядели они так, как будто собираются на очередное, важное и достаточно затяжное задание или вот только что возвратились из него, и ещё не успели переодеться, в домашнее. Почти у каждого за плечами мешок, кожаный или тряпичный, у кого то целых два, обычно из того и другого материала, на голове что то похожее на панаму с широким, довольно выпуклым ободом, закреплённым намертво над узкими полями. Все поголовно в самых настоящих сапогах, с коротким голенищем, в штанах грязного, серо коричневого цвета и точно таких же куртках со множеством накладных карманов, в самых разнообразных местах. У кого то на ремне закреплены кожаные ножны, с торчащей в них рукояткой, не иначе, как ножа, видеть который здесь, мне доводилось лишь в доме Дена. Кто то носит в руках палку, длиной метра под два с заострённой верхней частью и металлическим, в этом сомнений быть не может, наконечником на ней. И все, без исключения, таскают по огромному, а порой и не одному, толстому мотку верёвки, кожаного или тряпичного плетения, аккуратно пристроенному за спиной.

Людей похожих на меня, за время моего перекуса, заметить так и не довелось, что конечно же не страшно, но и не совсем хорошо. Снова оказаться белой вороной, в серьёзной стае орлов, мне не хотелось бы.

— Да, один я тут такой, как сирота казанская. Одиночка, по другому и не скажешь — сделав заключение из увиденного, высказался я вслух.

Утолившая голод местная мацарелла, попав в желудок, вызвала у него нестерпимую жажду. Закинув мешок за плечи, конечно так чтобы не расколоть находящиеся в нём стеклянные предметы, пошёл на поиски воды, стараясь не смотреть в глаза серьёзным, а порой и очень суровым мужчинам.

Возвратившись к магазину, к той его части, где висела надпись «скупка», обнаружил довольно приличную очередь, выстроившуюся к ещё так и закрытым дверям. Уперевшись в спину последнего, из числа желающих в неё попасть, спросил:

— Вы последний?

— Чего? — грубо ответил повернувшийся ко мне мужчина, по всему видно еле сдерживающий себя, чтобы не харкнуть в мою, излишне культурную, харю.

— Ты, спрашиваю крайний? Чего? — небрежно сплюнув на землю, сквозь свои белоснежные зубы, ещё не окончательно забывшие о существовании зубной пасты, снова спросил я.

— А чего не видно? — не менее агрессивно, узнали у меня.

— Раз спросил, значит не видно — жёстко ответил я, давая понять, что не намерен терпеть разное хамло, случайно оказавшееся рядом.

На этом, дружеская беседа, к моей огромной радости закончилась. Мужик отказался со мной разговаривать в таком тоне и снова повернулся лицом в сторону магазина. Хорошо, что

свершилось это до того, как к нему подошли не менее серьёзные, чем он сам, подельники. Иначе огрѣб бы я по полной, от этой многочисленной компании, полностью подтвердив своё гордое звание «одиночка», так как заступаться за меня навряд ли бы кто то захотел.

Очередь для меня точно такой же праздник, как и Новый год, но только в том случае, когда её продвижение находится в моей власти. Тратить же время попусту, находясь среди лиц, дышащих в спину друг друга ядом нетерпения, это не про меня. Предупредив стоящего за мной, низкорослого, загорелого, широкоплечего крепыша о том, что отойду минут на пять, отправился во второе отделение магазина, туда, где на стене висела короткая надпись — «Продажа». Дверь в этот отдел давно открыта и люди в неё заходят, но правда в таком количестве, что образовать очередь у них навряд ли когда получится. Ещё на подходе пытался разглядеть, сквозь пустые глазницы окон, ассортимент товара этого отдела, но плохое внутреннее освещение сделать этого так и не позволило. Не получилось заняться изучением образцов и сразу после проникновения внутрь торгового зала, какое то время глаза привыкали к помещению, в котором отсутствовало искусственное освещение. К осмотру приступил лишь после того, как вместо серых пятен перед ними показались предметы и образы. Стеллажи, полки и витрины, в которых стѣкла заменяли деревянные решѣтки, были заставлены всем чем угодно, только не тем, что ожидал здесь увидеть. Магазин был до отказа забит продукцией, носимой и таскаемой с собой людьми, стоящими рядом со мной в очереди и без дела болтающимися возле неё. Здесь было всё: одежда и обувь, головные уборы и орудия промысла, металлическое и деревянное оружие, просто дикого качества, средства для переноски и упаковки грузов, спальные принадлежности и ёмкости под жидкость. Не было только одного, вещей, которые пытаются продать в соседнем отделе, а меня сейчас интересуют именно они.

Только третий по счёту дом, какая либо надпись на котором отсутствовала вообще, оказалось тем отделом, где реализовывали приобретѣнные у, так называемых, «одинок» вещи и в нём я задержался на долго, стараясь отыскать что то похожее на свой товар, для определения его реальной, закупочной цены. Из хозяйственного стекла имелась лишь тѣмно зелёная бутылка, ёмкостью ноль семь, с отколотым горлышком, стоившая, как пятьдесят с лишним головок сыра, из обуви не было совсем ничего, а современной мне одеждой, так и вовсе в этом отделе не пахло. Зато барахла, типа того, что коллекционирует Ден навалом, но мне сейчас не до него, что толку разглядывать фарфоровые безделушки, когда тебе надо выяснить, сколько следует просить за мало ношенные джинсы.

Очередь двигалась медленно, к моему возвращению впереди, перед дверью, топталось ещё человек семь, если отсечь всех остальных членов групп, стоящих рядом. Это давало возможность спокойно подумать над самым важным вопросом из тех, которые когда либо стояли в моей жизни, возникшем, как и всё самое важное, внезапно и очень категорично. Звучал он просто: «За сколько продавать всё, что осталось при мне на данную минуту, после перемещения сюда на замечательной машине времени, принадлежавшей моему самому дорогому приятелю?» Пускай список лотов и не велик, но его неповторимость, и свежесть позволяет надеяться на многое. Я решил продать всё, кроме спичек и часов, даже банку с закручивающейся крышкой и ту оставлять себе не собираюсь, не дай бог, где поколотится и живи потом с таким горем всю оставшуюся жизнь. Нет вру, себе оставляю ещё плавки, можно было бы и их толкнуть, но снимать исподнее у всех на глазах, такой поступок мне пока не под силу. И что тогда получается? На реализацию я выставяю две стекляшки, в сумме тянущее на три с половиной литра, джинсы, толстовку, одна сторона которой приняла цвет

местного хаки, кроссовки с белыми шнурками, пару грязных, но ещё достаточно прочных носков и два, почти новых, пакета из супермаркета. Список просто ошеломляющий. С учетом моего личного обаяния, опыта продаж и цены на бутылку ноль семь, стоящую в соседнем отделе, чьё состояние и внешний вид далеки от идеального, можно просить за всё...

— Чего прилип?! — услышал я громкий вопрос, ощутив при этом не сильный толчок в спину.

Очередь резко пошла вперёд, чего я, пытаясь в уме определить ценность своих вещей в будущем, откровенно говоря не заметил. Между мной и входом, остался лишь один человек, а у меня в голове даже приблизительная сумма ещё не сформировалась. В нерешительности сделал пять шагов вперёд и начал всё заново. И так: — Сколько стоила та бутылка из под дешёвого портвейна?

Ужасный скрип двери, висевшей на качественно изготовленной деревянной коробке при помощи, ранее не виданной мной конструкции, прервал все мои размышления, а довольный голос вышедшего из помещения человека, громогласно объявившего: «Следующий!», заставил собраться и снова стать тем, кем был до этого странного происшествия, так круто изменившего мою жизнь. Я решительно вошёл в магазин, где уже высоко поднявшееся солнце позволило осмотреть всё и сразу, обратил внимание на не высокого, прилично одетого молодого человека, без бороды, с ухоженной причёской, стоявшего по ту сторону длинной прилавка и твёрдой походкой направился к нему. Сейчас этот мир перевернётся, он наконец то узнает, что действительно означает магическое слово «продавец» и возможно, после этого станет более пригодным для жизни.

Очередной возглас: — «Следующий», вырвавшийся из моего охрипшего горла словно жалобный писк, обрадовал очередь, ставшую за время моего отсутствия ещё больше, вдвойне. Он позволил ей сократиться на одного человека, а кроме этого внёс в её ряды веселье и смех, на что, за время моего стояния в ней, не было даже и намёка. С огромным удовольствием поддержал бы это праздничное настроение, внезапно возникшее у серьёзных людей, но состояние моё было таковым, что мне проще было лечь в гроб, нежели вяло улыбнуться. Время, проведённое в магазине, с, казалось бы, совсем никчёмным человечком, убило моё самолюбие наповал и показало, как легко могут разрушиться надежды излишне самонадеянного пришельца, внушившего себе, что он великий и неповторимый.

Чем одолел меня этот представитель поколения «next»? Своей болтовнёй, заставившей мой голос срываться на фальцет, холодным взглядом, сумевшим заморозить голосовые связки или знанием предмета, который я изучал на практике, сотни лет тому назад? А кто его знает, чем. Возможно чем то по отдельности, а может быть и так, что всем вместе взятым, но этот дохлак завалил меня словно только что народившегося цыплёнка, не дав выторговать у него не единой монетки, независимо от того, что вещи мои произвели на парня серьёзное впечатление. Цена, которую мне назвали при первом же взгляде на предмет, так и осталась неизменной, и через пол часа нашей беседы, и через час. Да бог с ними, с деньгами! Их конечно же жалко, но это дело наживное. Сейчас важно другое, со мной произошло то, что обычно называют «непоправимым горем», мне цинично указали на место в этом обществе, твёрдо сказав, что его для меня нет, по ту сторону прилавка. Чтобы научиться так работать, как этот молокосос, мне надо прожить в этом термоядерном котле не одну сотню лет и то не ясно будет ли из этого толк. Убил! Привёл в полный паралич! Похоронил заживо! Сволочь! И куда теперь податься, где работать и чем зарабатывать на

жизнь, снова в деревню возвращаться, баранам и козлам хвосты крутить? Денег, что выручил за наследство, хватит от силы на месяц, а потом что, вешаться?

— Да пошли вы все на...! — громко выругался я, добравшись до конца очереди, подлив тем самым масла в огонь, ещё не угасшего веселья.

В расстроенных чувствах доковылял до места, названного с моей, не знаю даже лёгкой ли руки, телевизором, уселся там на землю и продолжая думать о произошедшем, незаметно для себя, сожрал остатки сыра. Затем, переваривая его, вынул из мешка, лежащие на самом дне, так называемые деньги и стал их разглядывать, а заодно ещё раз и пересчитывать.

— Двенадцать медных монеток с надписью: «Не кури», с одной стороны и «Не пей», с другой — проговорил я для лучшего запоминания. — Это будет тысяча двести. Ещё восемь только «Не пей» и пять «Не кури», итого: тысяча четыреста десять. Восемь пустых чешуек из магазина и три за сыр, одиннадцать. Получается: одна тысяча четыреста двадцать один рубль или как их там, медяк, что ли.

Подбросив железки, вместившиеся в одну ладонь, попытался представить много это или мало. Мозги, пускай и сильно посрамлённые, всё же нашли вариант, как это можно сделать. Переведу всё в более привычные мне деньги, через цену на сыр, имеющуюся здесь и ту, которая установилась, на момент моего провала, дома.

— А сколько тогда моцарелла в магазине стоила? — спросил я себя, словно незнакомого человека и сам же ему ответил: — А хрен её знает сколько. После всеобщего подорожания мне не до моцареллы стало.

Продажи на работе резко упали, а за ними и премиальные провалились в подвал. Денег перестало хватать даже на самое необходимое. Но это вчерашний день, а сегодня просто так сдаваться я не собираюсь. Одно дело проиграть заморскому выскочке, а другое самому себе. Пускай я в торговле, по местным меркам, и числюсь в аутсайдерах, зато в арифметике со мной тут мало кто сравнится. После некоторого колебания принял за стоимость одного килограмма сыра среднюю величину, приравняв её к пятистам рублям. Сразу же после этого сильно пожалел, что так не вовремя сожрал, ещё совсем недавно отягощавший мой мешок, колобок. Теперь поди вспомни, сколько в нём было веса?

— Да, пожалуй, на килограмм потянет — сделал я прогноз, ощутив тяжесть в желудке. — Нет, не мог я килограмм сожрать за пару часов. Да ладно, какая разница кило там было или меньше, всё равно же приблизительно считаю. А если так, тогда прикинем, чего там у нас получается? Три местных копейки будут стоить, как мои пятьсот рублей. Умножаем пятьсот на тысячу четыреста двадцать один и получаем...

Вот так вот, стоит только потаскать тяжести, пожить рядом с безмозглыми животными и становишься обезьяной, для которой вершиной творчества является обыкновенная палка. Пока не нашёл её и не нарисовал на земле цифирки, так и не смог сосчитать, сколько же у меня в кармане рублей, а ещё на счёт своей гениальности в математике заикался. Да, опускаюсь прямо на глазах. Ладно, бог с ними с талантами, главное, чтобы здоровье было, а остальное куплю. И что там получилось по деньгам? На первый взгляд не мало и возможно я зря так паникую. Но чтобы окончательно разобраться с тем, сколько их на самом деле, надо изучить местный рынок, прикинуть, что там творится и по чём, а только потом делать окончательный вывод.

Ошибиться с дорогой ведущей в город при всём желании у меня не получилось бы, в том направлении был проложен только один маршрут и другого ожидать не стоит ещё, как минимум, тысячелетие. Возвышенности и каменные нагромождения не позволят его

пробить. Токая в компании с несколькими незнакомыми мне лицами, провожая взглядом людей, идущих на встречу, не переставал размышлять над тем, какой коварный удар нанесла мне злодейка судьба и что теперь с этим всем делать. Реальный шанс, позволивший бы мне, да и моему так пока и не найденному товарищу хотя бы как то устроиться в этом будущем, чёрт бы его побрал, и тот выхватили из рук, бросили в пыль, и растоптали. Как же такое могло случиться, что мои навыки в торговле здесь, где всё так убого и недоразвито, вдруг оказались на таком низком уровне? Понимаю, что торговля двигатель прогресса и на неё все обращают внимание в первую очередь, но я и дома не сидел сложа рук, да и не смог бы хладнокровно почивать на лаврах достигнув определённых высот, умные головы, стоящие во главе нашего предприятия, не позволили бы этого сделать. А смотри ка, как все обернулось. Люди, загнанные обстоятельствами в угол, умудрились в этой профессии продвинуться на много дальше, чем мы, имеющие в своём распоряжении опытных учителей, правильные книжки, да интернет в конце концов. Вот что значит страстная тяга к жизни, я бы даже не побоялся этого слова, к лучшей жизни. Весело.

Как бы смешно всё это не выглядело, но мне сейчас конкретно не до смеха. Кроме, как что то продавать, делать больше толком ничего не умею, не считая конечно уже здесь приобретённых навыков, но снова использовать их, в самое ближайшее время, совсем не хотелось бы.

— Да что ты будешь делать?! Отчего же так всё дерьмово!? — вырвался у меня стон отчаяния и следом за ним трёхэтажный, отборный мат, своей красочностью приведший в замешательство незнакомых людей, идущих рядом.

Совсем скоро мысли о прошлом, будущем, профессии, навыках и возможностях ушли на второй план. Мной овладело неотвратимое желание набить морду и не кому бы то ни было, до такой степени внутреннего кипения ещё не дошёл, а человеку с чьей подачи место, куда я так ещё и не добрался, назвали нижним городом. Если бы ктонибудь предупредил меня час назад, что до него так не близко и, что он находится на столько высоко над уровнем моря, то я бы ему в ножки поклонился. Но, видно сегодня день отрицательных неожиданностей и подтверждение этому нашлось довольно быстро, сразу же за новым поворотом, куда ушла окончательно загнавшая мои ноги дорога, круто взбирающаяся в верх все полтора километра пути.

Жилища возникли словно из ниоткуда, ещё три шага назад вдоль песчано гравийного полотна росли плотные кусты и рослые деревья, и вдруг вместо них появился одноэтажный дом, точно такой же, какие тысячами стоят по всему югу нашей страны. Невзрачный, приземистый, с облупившейся штукатуркой, с двумя окошками по фасаду, рамы в которых правда отсутствовали, но возможно лишь из-за жаркой и влажной погоды, установившейся здесь довольно давно. Была у него и черепичная крыша, и труба из обыкновенного, серого кирпича и забор, отделяющий палисадник от пыльной дороги, и даже лавочка с сидевшей на ней старушкой, присутствовали, и всё это делало нас такими родными и близкими, что мне на миг показалось, будто я снова дома. Чужими с этим городом, нас сделал следующий дом, воткнувшийся в склон горы задней стенкой и сильно похोдивший от этого на пристройку к землянке. А окончательную стену между прошлым и настоящим возвёл тот, что стоял с другой стороны улицы и одним своим краем, резко падал вниз, изображая из себя самую настоящую сторожевую башню. Дорога между постройками, между тем, так и продолжала идти под углом, градусов эдак в сорок пять, и это придавало началу населённого пункта ещё более странный вид.

С плоской поверхностью повстречаться так и не удалось, узкие переулки цеплялись за пространство корявенькими домами, проезжая часть, разделившаяся перед каменной грядой на две виляющих дороги, ползла всё выше и выше, лишь изредка ложась в горизонтальное положение и то только там, где её принудили это сделать трудолюбивые руки человека. Даже рынок, добраться до которого довелось минуте на сороковой, от начала моего пребывания в населённом пункте и тот состоял из трёх отдельных террас, куда попасть можно было по деревянным, скрипучим лесенкам, позволяющим одновременно находиться на них не более двух человек. И всё это перемежалось с крохотными огородиками, где росли знакомые мне по прошлой жизни овощи, издающими зловонный запах мини фермами на одну, две козы или маленькую тёлочку, увиденную мной здесь впервые, с курятниками, построенными точно в таком же стиле, как и всё остальное, и отхожими местами, выведенными чуть ли не к самому краю дороги. Нет, в таком городе жить я бы не хотел. Не знаю, как там у них дальше, а то, что сейчас увидел мне не нравится. Да и где здесь жить, всё что можно было занять уже занято, ставить шалаш в ущелье или проситься на постой туда, откуда доносится целый хор голосов? Узнать, есть ли места в гостинице? Так её ещё найти надо, сколько протопал по дороге, а ни одной не попалось. И что тогда остаётся? Только одно, идти на рынок, поглазеть, купить чегонибудь сладенького там и снова спускаться вниз, в «Одиночку», где мне, по всем приметам и будет самое место.

Торговые ряды, товары, горками лежащие на них, их качество и свежесть, и особенно продавщицы, молодые, глазастые и вот уж чего не ожидал здесь увидеть, пышнотелые, довели моё слюновыделение до такой степени, что пришлось у всех на виду, прямо рукавом, вытирать губы. Мне ясно, как божий день, что поживиться здесь могу лишь тем, что лежит на прилавке, но интересоваться начал совсем другим.

— Девушка, а вас как зовут? — спросил я грудастую девицу лет так восемнадцати, с длиннющей, цвета платины, косой.

— Снежана, а тебе зачем? Замуж позвать хочешь? — засмеявшись одними глазами, ответила и спросила девушка.

Хорошие вопросы и откуда только она научилась ставить их, а заодно и покупателей, в такое положение.

— Помидоры по чём? — догадавшись, что здесь мне ничего не обломиться, спросил я обладательницу холодного имени.

— Медяк за десять — ответила Снежана и снова спросила: — Так чего, знакомиться будем, или как?

— Давай десяток — попросил я, достав из мешка денежку.

Сурово здесь у них, ничего ещё не сделал, только имя спросил и сразу замуж? Осторожнее надо быть, хотя о какой осторожности может идти речь, когда такие девчонки помидорами торгуют, почти даром.

Прогуливаясь вдоль говорливых продавцов и продавщиц, закинул в мешок, в довесок к помидорам, огурцы, пучок лука, жаренную курицу, по крынке, так обозвали глиняный стакан, сметаны и мёда, ломоть сала, килограмма на полтора, пять горстей тыквенных семечек, крохотный мешочек соли, возможно той, что самому приходилось таскать и только хлеба, так и не смог не у кого найти, что подтвердило мою догадку о его полном отсутствии в этом мире. Хотя, возможно я и ошибаюсь, и гденибудь его выращивают, но как говорится: «Не в этом районе». Когда мой интерес к продуктам и девушкам почти угас, и я собрался было мотать отсюда, услышал знакомый голос, донёсшийся откуда то сверху:

— Молчун! Подымайся к нам, чего там болтаешься!?

Поднятые к небу глаза подтвердили, что обладателем трубоподобного баса был мой, будем считать уже, хороший знакомый, младший брат предводителя общины. Махнул ему в ответ рукой, подавая знак, что заметил и естественно сейчас же подойду, как только найду, каким образом это можно будет осуществить.

Стараясь сохранять внешнее спокойствие пробрался к прилавку, где мои знакомые, очаровывая своими весёлыми лицами покупателей, торговали продукцией, произведённой в долине. А встав рядом с братьями, выпустил наружу внезапно возникший в моём сердце эмоциональный пик, который образовался от неожиданной встречи с самыми близкими в этом городе людьми.

— А вот кому сыр из предгорий Кавказа! Налетай, торопись, отдаём почти даром! — громко заорал я во всю глотку.

— Ты чего? — удивился моему поступку младший брат.

— Чего, чего. Покупателей к вам завлекаю — улыбаясь ответил я и проорал тоже самое ещё раз, но уже на много громче.

Маркетинговый ход принёс ошеломительный результат. Доверчивые аборигены, хорошо расслышав лишь последние слова, в которых говорилось, что продавцы чего то там раздают «почти даром», толпой ломанулись к месту, откуда это орали и стали без разбора хватать всё, что попадалось им под руки. Таким образом минут за десять братья продали килограмм тридцать своей продукции, перевыполнив план на день, на сто восемьдесят семь процентов, наверное. Во всяком случае их довольные рожи выглядели на столько обескураженно, что этот показатель должен был составлять именно такую цифру.

— И где ты раньше был?! Стоял бы с нами с самого утра мы уже сегодня домой уехали — глядя на меня, как на бога, спросил старший из братьев.

— Так вы же меня сами с собой не взяли — ответил я и подумал, что может ещё не всё так плохо, и мне не стоит так категорично ставить себя на самую низшую ступень здешнего торгового дела. Мысль, как прилетела, так и ушла, а глотка снова выдала: — Всего один день, грандиозная распродажа. Делим цены пополам...

Вода, ветер и время, все вместе и по отдельности, сглаживают не только острые углы, но ещё и делают людей более спокойными, и приземлёнными. Наоравшись вволю и выпустив пар, через какое то время я успокоился, а ещё через не большой его отрезок, снова сник и вскоре опять вернулся в состояние неопределённости. Ну не моё это, торговать на рынке, я профессионал, а не продавец выходного дня, мне масштаб нужен, чтобы показать всем, на что способен и какие объёмы прибыли могу приносить. А на базаре кому, чего докажешь? Здесь клоуном работать нужно, чтобы успеха добиться.

— Ну вот что за характер дурацкий, у него на самом деле вопрос ребром стоит, а он снова туда же, повыпендриваться бы ему, да посмотреть, как на это отреагируют окружающие. Взрослеть пора Владик, это тебе не в магазине бытовой техники девчонкам мозги пудрить, тут всё гораздо серьёзнее — высказал я себе после окончания представления, понимая, что переборщил.

Получив за свой труд полноценный обед и пожелав братьям удачи, в их не простом деле, покинул рынок, ставший к этому времени на половину пустым. В низ шагалось куда легче и от этого при встрече с центральной, городской трассой, одним своим концом упиравшейся в бесконечность, находящуюся где то там, под облаками, я на некоторое время остановился и задумался. Куда приложить остатки своих, совсем не безграничных сил?

Направить их на изучение верхнего города, который вполне может оказаться очередной помойкой или вприпрыжку отправиться под гору, в уютный и привлекательный посёлок голливудского типа, с метким и ёмким названием, не оставляющим вариантов для неправильной трактовки рода занятий проживающих в нём лиц. Неизведанное меня всегда больше привлекало, но в этот раз я всё же надумал отступить от правил, непонятно каким образом закрепившихся во мне и придушив в зародыше, поднявшее было голову, желание посмотреть мир, быстрым и лёгким шагом отправился вниз.

За время моего отсутствия, народа в «Одиночке» прилично прибавилось. А может это мне просто так кажется, потому что он почти весь шляется без дела из одного конца в другой. Толкаться среди незнакомых и выглядевших немного заносчиво ветеранов, не хотелось, забиться в угол, к тем чья одежда также, как и моя, гарантировала прилипание неприятностей в этом обществе, тоже посчитал ниже своего достоинства. Скользнув взглядом на всё ещё работающий магазин и полное отсутствие очередей во всех его отделах, направился в тот, где утром меня вежливо поставили на место. Парень добившийся этого своей бесконечной болтовнёй, работал, а может просто делал вид, что очень занят, для меня это неважно, главное он на месте, а стало быть сможет ответить на пару вопросов.

— Слышь друг, помнишь меня? Мы сегодня утром с тобой общались — заговорил я с молодым человеком.

— Помню — сознался он в том, что наша встреча для него тоже не прошла бесследно и приятно улыбнувшись, спросил: — Ещё чего то принёс?

— Нет. Я по другому вопросу. Ты, вот это — я обвёл его лицо рукой, — где сделал?

— Это? — усмехнулся парень. — Это у нас в гостинице делают. Зайдёшь в двери, повернёшь на право, там закуток будет, на него не обращай внимания...

— Спасибо большое, понял. Найду — прервал я болтуна, словами благодарности.

Здоровенный мужик, в руках которого блестили самые настоящие, металлические, ножницы, действительно нашёлся на первом этаже гостиницы.

— Садись — без предисловия предложил он мне, когда наши взгляды встретились.

Я послушно сел на табуретку, лицом к распахнутым ставням и коротко сказал:

— Убрать везде и, как можно больше.

— Могу на голо, если не боишься? — намекнул на своё мастерство здоровяк.

А чего мне бояться, я боюсь только одного, как бы в моих зарослях насекомые не завелись, остальное меня мало волнует. Если честно, сильно удивляюсь, что они там до сих пор не появились, при такой жизни.

— Давай — согласился я. — Бояться мне нечего.

— И то верно. Сегодня ты здесь, а завтра и след твой простыл. Значит всё снимаем?

— Всё. Только когда бороду стричь будешь, поаккуратнее пожалуйста, не отрежь чегонибудь лишнего.

— До тебя ещё никто не жаловался, так что не бойся всё будет, как в лучших домах.

Слова прозвучавшие последними показались мне, знакомыми, но так ли это на самом деле, про это я домыслить не успел, процесс, что называется, пошёл и мне стало не до размышлений.

Зеркала у парикмахера не было, да и откуда ему взяться, но я и так понял, что деньги не выбросил на ветер. Стоило только показаться на улице, как десятки глаз впились в меня словно пчёлы, нашедшие виноватого в разорении их собственного улья. Полное отсутствие волос на голове и лице, только в моё время говорило о мужественности человека, не имеющего их. Здесь же... А хрен его знает, чего оно говорило этой толпе, дружно тыкавшей в меня пальцем и всем, что случайно оказалось в это самое время в руках индивидуумов составляющих её. Ну не идиоты ли?

Я человек терпеливый и выдержанный, и добраться до моих внутренних противоречий

мало кому удавалось. Не обращая внимания на взбесившихся лохматых и бородатых, медленно, можно даже сказать вразвалочку, поглаживая просто обворожительный ёжик на голове и потирая ту часть лица, которая не подвергалась воздействию солнечных лучей, довольно продолжительное время, проследовал в магазин. Отдел, где продаётся экипировка старателя, также ещё находится в рабочем состоянии, вот в нём то я, пока не стемнеет, ну или пока он не закроется на ночной перерыв и проболтаюсь. Не стоит веселить бездельников на халяву, вдруг понравится и в следующий раз снова будут требовать бесплатного представления, а благотворительностью я не занимаюсь.

Место для ночлега нашёл с большим трудом, казалось, что придётся спать либо прямо на земле или, что ещё хуже, ползти в гостиницу. Всё, что находилось под навесами было так плотно занято, что мне не удавалось даже клочка соломы отыскать, куда можно было бы прислонить свою усталую..., голову, голову, то место у меня железное и его никакая усталость не берёт. Я уже находился на грани принятия не очень достойного решения, как вдруг меня тихо окликнули:

— Эй ты! Чего отсвечиваешь? Иди сюда, подвинемся.

Жёстко ночью не было, холодно естественно тоже, но всё равно проснулся ещё затемно и не став дожидаться, когда наступит рассвет, больше из-за того, что дорога дальняя, не очень хорошо знакомая, а не по причине боязни очередных насмешек, покинул сборище одиночек и направился в сторону долины, где живут такие приветливые люди, не то что эти, обормоты.

Дорога шла, как по маслу с самого начала. Встречных пешеходов не было, попутчикам мою фору не отыграть до следующего дня, а враг всех людей, передвигающихся во время жары, на время отступил и его место заняли плотные, но отнюдь не дождевые тучи. Выбрав самый оптимальный ритм движения я, можно сказать шёл в автоматическом режиме. Голова была занята разными пустяками, вроде тех, что одолевали её вчера, руки то и дело проверяли новую и поэтому не очень привычную амуницию, и только ноги, которым, как и обычно, достаётся больше всего, занимались нужным и полезным делом. Ощупав, в очередной раз, лежащие за спиной верёвки, спровоцировал приход воспоминаний о вчерашнем, вечернем походе в магазин. Деляга, что заправлял в нём, намеревался всучить мне всё, чего у него залежалось или совсем никогда не продавалось, но усилия его оказались напрасными, купил я только то, что действительно может пригодиться в дальнем походе. Новая, стандартная для всех, кто причисляет себя к клану одиночек, одежда, облегает сейчас моё влажное тело. Летняя шляпа с дырявой тряпкой, пытающейся незаконно присвоить себе чужое имя, по ободу, хромовые, пускай будут ими, сапоги на ногах, гордо марширующие по пыльной дороге и огромное количество мелочей, в мешке, карманах, на кожаном поясе, понравившемся мне с первого взгляда и купленном практически без раздумья. Всё это выбирал я долго, с пристрастием, наслаждаясь возможностью вновь окунуться в когда то горячо любимое дело. Благодаря моей неторопливости появились у меня две кожаные фляжки с деревянными пробками, болтающиеся сейчас на ремне, огромный тесак с деревянной, обшитой кожей ручкой, лезвие у которого хотя и мало чем напоминает нормальный нож, но другого то всё равно взять негде. Из-за неё же, в кармане расположившимся подмышкой, торчит деревянная ложка, атрибут без которого просто не обойтись в походе, на плечах примостились четыре толстых кольшка, всё из того же подручного материала, способных, по словам деятеля торговли, легко входить в землю и удерживать на себе вес до ста килограмм. И тот же глиняный кувшин, плотно обёрнутый

грубой тряпкой, в котором буду хранить дополнительный запас воды, и перчатки, чьё качество просто поразило меня, и множество различных тряпичных и кожаных мешочков, один из которых принял в себя остатки моих денег, и запасные штаны, портянки, подстилка, да и верёвки, смотанные из тряпок и кожи, появились в моём багаже благодаря тому, что долго рассматривал витрины, и до самого закрытия магазина сопротивлялся назойливому продавцу.

Да, денег за всё это с меня содрали прилично, но есть ли смысл экономить на безопасности. Вот допустим эта палка, служащая мне сейчас обычным посохом, которую приобрёл после долгих уговоров нудного продавца, обошлась мне почти в сто местных тугриков и не смотря на такую цену я почти не жалею, что купил её. Она прямая, как струна, толстая и крепкая, как бейсбольная бита, с кожаной накладкой, почти по середине двухметровой длины, но не это в ней главное. Металлический наконечник, позволяющий присвоить ей звание настоящего копья, вот что меня прельстило в этой дубине, благодаря которой каждый, кто посмотрит в мою сторону с уверенностью может сказать своему ребёнку: — «Гляди сынок, вот идёт Одиночка, ему покоряются новые земли, бери пример с него и может быть, когданибудь и ты станешь таким же смелым, и отважным». Красиво, чёрт побери! Однако совсем не это тешит моё самолюбие, как не странно, да и не в самолюбии дело. Другое меня радует. В таком виде и при наличии таких «инструментов» ко мне наверняка побоится подойти разная шпана, отсутствие которой на моём пути не означает, что её совсем здесь не существует. Нож, болтающийся на ремне в кожаных ножнах, а в особенности палка-копье, делают меня несокрушимым монстром и вот это уже никакие не шутки. Я реально оцениваю свои силы. После каторги и отдыха на ферме они, в моих увеличившихся мышцах, удвоились. А сейчас, когда ко мне в руки попало оружие, пускай и плохенькое, трое охранников, как в прошлый раз, врасплох меня не возьмут. Порву гадов!

Так за оценкой собственных возможностей и копанием в своих бесконечных проблемах, добрался я до того самого места, где два брата продали сыр трём странным женщинам, пришедшим к дороге в компании с маленькой девочкой. К этому времени тучи рассеялись, а вновь появившееся солнце уже крутилось возле места своего заката и вода, взятая в дорогу, была полностью выпита, и даже частично вышла из меня наружу, всеми возможными способами. Да и слова, засевшие в моей, перегретой за день, башке про то, что в этом горном селении полностью отсутствуют мужики, большую часть пути не давали покоя. Это нож и копье железные, пускай и частично, а я полностью сделан из плоти и крови, и поэтому некоторые части моего молодого организма уже очень давно стонут и жалобно просят чегонибудь повеселее, нежели постоянная пахота, и бесконечное разрешение дурацких вопросов. Да чего там ходить кругами. Где то в горах бабы кукуют в одиночестве не один год и что, пропадать им теперь из-за этого? Нет, не такой я человек, чтобы оставлять людей в беде. Вот если знаю, что могу им помочь, хотя бы чем то, обязательно помогу. Ну вот таким я уродился. Да и водой запастись надо, у них то она наверняка имеется и на ночлег, нормальный, пристроиться тоже бы не помешало. В общем причин для того чтобы свернуть в сторону у меня накопилось предостаточно.

Что то около километра петлял на горушке, по начинавшему сереть лесу, пока тропинка внезапно свалившаяся в низ не привела меня в крохотную, чем то похожую на уже виденную мной, долину. Даже не долину, а огромных размеров поляну, ухитрившуюся отвоевать себе кусок плоской земли, рядом с горным источником, тонкой линией струившимся между камней. Было всё на ней, как на ладони, открыто и понятно, если не пытаться читать линии

судьбы и прочие премудрости. Три крохотных домика, поставленные по образцу и подобию всех остальных построек этих мест, небольшой, почти пустующий навес, абсолютно пустой загон для животных, длинные грядки с какими то хилыми растениями и курятник без птицы, после посещения города точно знаю, что это он. Сразу бросилось в глаза отсутствие людей во дворах домов, отсутствие мужчин заметил ещё раньше, по косвенным, но довольно характерным приметам. Ну ладно мужики пропали, а остальные то где? Почему гостей не встречают или хотя бы не попытаются выяснить не враг ли зашёл на огонёк еле живого костра.

Прежде, чем подавать голос, набрал воды во все свободные ёмкости, что такое здесь вода я хорошо знаю. Потом напился её вдоволь и только после этого пошёл знакомиться, если найду с кем.

Приблизиться вплотную к домам мне не дали, на пороге одного из них внезапно появилась высокая женщина с палкой в руках, не меньше чем моя и грозно, необычно коротко для этих мест, спросила:

— Чего надо?

Хотел было ответить также, коротко и просто: — «Шоколада», но присмотревшись к владелице дубины, не осмелился этого сделать. Глаза, на её худющем лице, выплеснули на меня такую безысходность и тоску, что мне не по себе стало от её пронзительного взгляда.

— Водички набрать пришёл — миролюбиво сказал я. — Кончилась. Из города иду, домой. Да вы не бойтесь, мы с вами знакомы. Не помните меня? Мы ещё сыр вам недавно продавали.

— Общинский что ли? — опутив своё грозное оружие на землю, спросила женщина.

— Да вроде того. На подработке я у них. Братя в городе всё ещё торгуют, а я домой пошёл. Дела свои сделал и пошёл, а чего я в этом городе не видел? — что то невнятное залепетал я, но потом взял себя в руки и спросил более уверенно: — А у вас тут как, всё в порядке? Что то тихо совсем. Вроде не ночь ещё, а вы уже спите.

— В порядке — тихо сказала женщина, — если не считать того, что полгода впроголодь живём.

На такое заявление я даже не сразу нашёлся чего ответить. Что такое голодать мне хорошо известно, но чем я то могу им помочь? Самое простое в данной ситуации было бы быстренько попрощаться с не очень гостеприимной хозяйкой и выйти обратно на дорогу, но что то меня удержало от этого.

— А ты чего такой? — продолжила разговор местная жительница, с интересом разглядывая меня.

— Какой, такой? — совсем не понимая о чём идёт речь, спросил я.

— Ну, лицо твоё и голова. Волосы то с них куда подевались? Больной что ли?

— А, вы про это — как и положено, продолжая общаться с незнакомой женщиной на вы, сказал я. — С этим всё нормально. Не бойтесь, я не заразный. Только вчера всю растительность, специально сбрил.

— И зачем тебе это? Ты и так не красавец, а без волос на тебя вообще смотреть страшно — откровенна высказалась женщина о том, что я совсем не в её вкусе.

— Ну, по поводу того, красавец или нет, с этим я бы ещё поспорил — обиженно промямлил себе под нос и сразу же стал оправдываться я: — А от волос избавился потому, что ходить долго приходится без воды. Я же сам родом из новых земель, а там не то что помыться негде, а порой даже попить сутками не получается.

— Так ты что же, не местный? А почему тогда сказал, что из общины этих, которые сыром торгуют.

— Я же вам говорил, что на подработке у них. А это значит, что временно там проживаю, пока жильё себе не найду, ну или снова домой не вернусь.

— Ах да, вспомнила. Говорил вроде, что то про это, в самом начале — кивнув головой, сказала женщина. — Ты не обижайся, что я забыла. Питаемся плохо, вот голова нормально и не работает. Так значит ты из новых земель, к нам сюда, пришёл?

— Ну да, оттуда я...

— И как там у вас, лучше, чем здесь или тоже маетесь? — не дав мне договорить спросила незнакомка.

— Смотря с чем сравнивать. Если с общиной Дена, тогда хуже. А если с вашей, то, наверное, всё таки получше будет. У вас здесь совсем уж, как то не очень.

— Твоя правда. У нас не очень. Туговато с едой, да и вообще, не весело.

— Так вы в прошлый раз у братьев вроде сыра много купили? Чего, съели его уже? — не зная, с чего это вдруг, задал я такой нескромный вопрос.

— Много? — криво усмехнулась женщина. — У нас три десятка голодных ртов, из которых двадцать ребятишки. Чего им докажешь?

После таких, действительно не весёлых слов, я снял свою новую шляпу, вытер ей влажное лицо, провёл по стриженной под ноль и возможно от этого немного притормаживающей голове, и принял совсем не простое для меня решение, впрочем, альтернативы которому не было всё равно. Отправив головной убор на его законное место, скинул с плеч свой полу пустой мешок, поставил его на землю и уже развязывая тугой узел, тихо проговорил:

— У меня есть тут кое что, но очень мало. На всех конечно не хватит, но может хотя бы детей утром накормите.

Быстро высыпав всё своё барахло на землю, отделил от него имевшиеся в моём распоряжении продукты, хлам быстро закинул обратно, а остальное так и оставил лежать на траве.

— Вот всё, что есть. Простите, если бы я знал, что у вас тут так плохо, купил бы больше — не понятно за что оправдываясь, сказал я.

Женщина молча, удивлёнными глазами смотрела то на меня, то на не совсем свежую еду, вызывая своим поведением во мне очень противоречивые и, как мне показалось, совсем незнакомые ранее, чувства.

— Ну ладно, тогда. Пойду я, пожалуй. Воды набрал, познакомился, пора и домой топать — сказал я, не зная, как себя дальше вести в не совсем привычной ситуации.

А дальше произошло, что то совсем не понятное. Шагов через десять, после начала моего поспешного ухода, многофункциональное копье за чего то зацепилось и со всего размаха врезало мне по башке. Да так сильно, что был вынужден остановиться и нецензурно выругаться, благо, что только про себя. Потирая ушибленное место, я вдруг ощутил какой то внутренний дискомфорт, который почти тут же заставил меня скинуть с плеч, ставший совсем лёгким, мешок и развязать его. Нащупать внутри кожаный кошелек, труда не составило, высыпать на ладонь оттуда деньги, также было совсем просто, оставалось их там не так много, как хотелось бы. Выбрав все мелкие монетки, крупные снова закинул внутрь и зашагал обратно, в ту сторону, где так и продолжала стоять, возле лежащих на земле продуктов, женщина. Не дойдя до неё несколько шагов положил всё, что у меня осталось от

вчерашних покупок, на землю, рядом с помятыми помидорами и резко повернул на выход. Когда ноги, включив реактивную скорость, уже втаскивали меня на узкую, горную тропинку, я услышал громкий вопрос, брошенный мне вслед:

— Звать то тебя, как?!

— Молчун! — выкрикнул я своё здешнее прозвище, повернув голову на пол оборота, но так и не замедлив при этом шаг.

Выбравшись на дорогу, прошёл ещё километр или два, пока окончательно не стемнело. Затем забрался в кусты и лёг на траву, стараясь, как можно быстрее заснуть, чтобы забыть эти жуткие глаза, вывернувшие мне душу наизнанку.

— Называется, сходил в магазин за хлебом — сказал тихо в слух, закрыв лицо шапкой и почти сразу же провалился в сон.

Разбудил меня шальной солнечный луч, каким то непостижимым образом пробившийся так рано через густые заросли охранявшие мой крепкий сон. Стрельнув по глазам не яркой вспышкой, он почти сразу же унёсся прочь, сделав вид, что ничего у нас с ним не было. Подыматься не хотелось, примятые ветки старого, ветвистого куста, смирившись со своей участью, приняли форму моего тела и лежать на них было одно удовольствие. Глядя на дорогу и не замечая её подумал о том, как же всё таки странно устроен мир. Ещё несколько дней назад я хотел вырваться из общины и никогда больше не возвращаться к людям, состоящим в ней, а сегодня одно воспоминание о них делает меня счастливее, заставляет сердце биться сильнее и подымает быстрее любого будильника.

Сладковатый вкус родниковой воды, набранной мной поздним вечером, не смог испортить даже так никуда и не девшийся привкус от кожаной ёмкости, в которой она пробыла всю ночь. Осушил фляжку почти полностью, прежде чем окончательно напился и заглушил внезапно возникший голод, не обнаружив при этом ни грамма соли во влаге из горного источника.

— И почему владеющие таким богатством люди, не продают её в городе? — подумал я, прикрепляя кожаное изделие обратно, отчего то вспомнив глаза женщины, так и не назвавшей мне своего имени.

Настроение моментально поменялось: розовое покраснело, а серое почернело, но я вовремя успел отогнать прочь не приятные воспоминания и представил себе, как будет радоваться моему возвращению старый пастух, как счастливо улыбнётся, при встрече, рыжеволосая девушка, почти реально ощутил дружеское похлопывание по спине крепкой руки Дена. Всё это меня так вдохновило, что я почти тут же забыл о беде плохо знакомых людей, подхватил лежащий на земле мешок и бодрым шагом направился в сторону, пускай и чужого, но ставшего мне таким близким, дома.

Показавшаяся за каменным выступом долина, заставила прибавить шаг и вошёл я в неё почти бегом. Но то, что произошло в следующую минуту заставило резко сбавить обороты, собраться и продвигаться вперёд более сдержанно, и осмотрительно. Я физически ощутил на себе недружелюбные взгляды людей в поте лица работающих под жарким солнцем, глаза их с нескрываемой злобой говорили, что мне здесь не рады и самое лучшее для меня будет повернуть обратно и, как можно быстрее уйти туда, откуда пришёл. Не понимая, отчего вдруг так переменялось отношение ко мне людей, казавшихся ещё час назад родными, свернул с выбранного ранее маршрута и зашагал в сторону сыроварни, где обычно, в это время, находится глава общины. Самое простое, в сложившейся ситуации, выяснить у него, чем я так провинился перед трудовым коллективом и почему на меня все смотрят с таким

недоверием.

Ден сам вышел ко мне на встречу, скорее всего его уже кто то предупредил о моём возвращении.

— Чего тебе? — строго спросил он меня, когда расстояние между нами сократилось шагов до пяти.

— Ничего. Вот, обратно вернулся — ответил я, не зная, как реагировать на такой холодный приём.

— Эта наша земля и чужакам мы здесь не рады — ещё более ледяным тоном сказал предводитель, возле которого стала выстраиваться плотная стена из людских тел.

Вот значит, как, когда надо было дерьмо вытаскивать из козлятника, так вы мне рады были, а сейчас значит, вон пошёл.

— Ладно, уйду — спокойно ответил я, — но ты мне хотя бы объясни, что тут у вас за время моего отсутствия произошло?

Образовавшееся на секунду всеобщее молчание, нарушил тихий и чувствовалось, что недоверчивый, вопрос:

— Молчун?

Я повернулся в ту сторону откуда он прозвучал и увидев круглые глаза Сильвио, взволновано, не обращая внимания на то, что меня могут не понять, ответил:

— Нет, жираф из соседнего зоопарка. Сам то что, не видишь?

— Влад, это ты что ли? — спросил меня Ден и после этого до меня наконец то дошло, что в этой лысой, чисто выбритой и разодетой в странную одежду, образине, никто не узнал того помощника пастуха, который пару дней назад ушёл с двумя уважаемыми мужчинами в город, продавать сыр и сметану.

— Конечно — сняв панамку и вытерев ей вспотевшее лицо, ответил я, под начавший только зарождаться, всеобщий хохот. — А кто же ещё?

Кто бы разъяснил мне, отчего местным так нравятся гладко выбритые и коротко стриженные мужчины? Вот откуда у них такая любовь к ним?

Следующим утром вышел на новый виток своих поисков моего товарища, так до сих пор и продолжающего, в этом я почти не сомневаюсь, прятаться где то в лесу. В напарники ко мне увязался нудный и абсолютно не нужный, мелкий, морозящий дождь. Его никто не звал, он решил составить мне компанию по личной инициативе. Может быть дней через пять, когда придётся покинуть хорошо изученный ручей, я и не возражал против его присутствия рядом, но сейчас был бы только рад если бы он сидел тихо, у себя дома, за облаками и не высовывал носа на улицу, в такую мерзкую погоду. Провожал нас лишь старый ворчун Сильвио, обрадовавшийся моему возвращению сильнее всех остальных. Вчера он долго сам не мог уснуть и мне не давал возможности полноценно выспаться перед дальним походом. Я сразу же, после завершения незапланированного концерта, поставил в известность его и Дена, что завтра же пойду на поиски своей родни, информации о которой, никто из встреченных в городе знакомых, давно уже не имеет. Кстати, на них же списал и все свои обновления, купленные на средства, выданные ими в долг, под небольшой процент, что было принято окружающими, как что то само собой разумеющееся.

— Если вернулся значит всё, так к нам и прилипнешь, не зависимо от того найдёшь своих или нет. Ты мне сейчас можешь, что угодно говорить, а я всё равно знаю, никуда ты из нашей общины не денешься. Всё парень, наш ты теперь — гнусаво хихикнув, завёл старый, перед сном, свою длинную песню про жизнь.

Он много чего умного говорил до глубокой ночи. Учил меня уму разуму, объяснял почему происходят те или иные события, давал советы, как поступить в том или ином случае и ещё знакомил с разными тонкостями, возникающими во время долгих взаимоотношений между людьми. Слушал его плохо, вчера не до этого было. В голове у меня выстраивался маршрут движения совсем не простого и многодневного пути, там же проверялся и перепроверялся список вещей, и продуктов, сложенных в новый мешок, купленный у Дена вчера же вечером. Старый не вместил в себя всего, что появилось в моём распоряжении за последние дни и его пришлось отправить внутрь более объёмного представителя местных рюкзаков. Ещё думал о том, как буду жить дальше, в том случае, если по каким либо причинам наша встреча со Степаном вновь не состоится. На оставшиеся семь копеек сильно не пощикуешь, а на ферме работать, вечно, мне так до сих пор и не хочется, даже несмотря на радостный приём местных жителей, всех без исключения. Конечно, у меня ещё часы остались и за них, наверняка, можно будет выручить не малые деньги, но расставаться с памятью о доме не хотелось бы, как не крути, а это последняя ниточка, соединяющая меня с ним, если конечно не считать плавок, но они уже дошли до такой кондиции, что с этим аксессуаром придётся распрощаться на много раньше, чем он того заслуживает.

— Ты смотри там, аккуратнее, знаю я вас, одиночек — в очередной раз наставлял меня Сильвио Иванович, уже сегодня, ещё темным, ранним утром. — Не суйся, куда не надо, обходи стороной непонятные болота и грязевые лужи, а особенно братьев своих опасайся, тех, что как и ты в тех местах шляются. Не знаю, известно ли тебе, но все остальные про это хорошо знают, одиночки друг другу не товарищи, за чужое барахло убьют запросто. Так что их опасайся пуще всяких земных хитростей. Волк или та же дикая собака почуют, что ты их не боишься и в сторону уйдут, а человек никогда. Он караулить тебя станет, будет ждать момента, когда ты расслабишься или окончательно из сил выбьешься и ударит, из-за спины, исподтишка. Человек самое хитрое животное и если он не на твоей стороне, всегда жди от него какой нибудь пакости. Ты меня слушаешь или нет?! Я для кого тут распинаюсь?!

— Да слышу я, слышу. Чего разорался? Разбудишь всех. Иди давай уже к себе под навес, промокнешь.

Старик неожиданно обнял меня, крепко сжав в своих ещё совсем не хилых объятьях и не сказав больше ни слова развернулся, и засеменял туда, откуда мы вместе с ним пришли к кромке леса. А я не став разглядывать его спину в темноте, отодвинул уже изрядно промокшие ветки и стараясь не терять из вида путеводный ручей неторопливо пошёл на встречу старым, новым опасностям, от которых меня старался уберечь хороший человек, годившийся мне одновременно в отцы и в какие то там праправнуки.

Лесной воздух, влажный и отдающий прелыми, прошлогодними листьями навёл меня на мысль о том, что я до сих пор так и не выяснил, какой сейчас месяц на этой территории. Бог с ним с числом и днём недели, но про это то мог узнать, хотя бы у того же Сильвио. Может быть совсем скоро начнётся сезон дождей или выпадет снег, если есть прошлогодние листья, то и смена времён года должна быть тоже, доказывал я себе в общем то прописные истины. Размышляя об этом и том, какой же я в сущности раздолбай, а ещё и о не совсем комфортной погоде, о внезапно исчезнувшем за плотными тучами солнце, незаметно для себя оказался на хорошо просматриваемой полянке, где сумел приблизительно определить время суток. Мои часы показывали бы сейчас, заведи я их вовремя и выстави по светилу, что то между восемью и десятью часами утра, серость и блеклые краски всего окружающего, точнее замера сделать не позволили. Стало быть, топаю всего то часа четыре, не больше, а

впечатление такое будто бы обед уже давно прошёл. Вот, что значит отвык ходить по лесным дебрям, образующим иногда самый настоящий бурелом.

Дождь так и сопровождал меня до самых сумерек, не попрощался надоедливый приятель и ночью, пытаюсь залезть под накидку и отобрать часть тепла, которое с трудом доставалось мне от сильно дымящего костра. Его отсутствие обнаружил лишь ранним утром, когда через вымокшую насквозь тряпку, служившую мне зонтом и одеялом, пробился крохотный лучик солнца, а маленькая капля, забравшаяся не известно откуда ко мне на спину, передала от старшего брата наилучшие пожелания и ледяной, переходящий в пламенный, привет. Ну что же, с напарником шагать конечно веселее, но кажется мне, что и без него скучать в этот раз не придётся. Прямо сейчас надо искать открытое место, разводить там новый костёр, раздеться, просушить вещи и всё то, что находится в огромном мешке, не сумевшим оградить от влаги своё содержимое, а заодно и плотно перекусить, об обеде сегодня даже и помышлять не стоит.

Подходящее место нашлось не быстро. За прошлый день мне не удалось вырваться из густо поросшего вековыми деревьями горного массива, который не баловал меня и в первую встречу с ним, и сейчас относится не очень лояльно, стараясь всеми возможными способами затормозить продвижение к освободившейся от воды, несколько десятков лет назад, равнине. Светлое, успевшее высохнуть от закончившегося поздней ночью дождя пятно, зелёной и сочной травы, попало на глаза минут через сорок, находилось оно на склоне небольшой возвышенности, в паре километров от русла ручья, чьё монотонное движение было скрыто от меня плотной стеной, состоящей из кустов, растущих чересчур близко друг к другу и деревьев, возвышающихся над ними острыми пиками.

С самого начала этого похода знал, что легко не будет, но время, проведённое в почти домашних условиях, сыграло со мной злую шутку, я расслабился, почувствовал вкус примитивного комфорта, увидел, что и здесь можно жить в человеческих условиях, и теперь всё это давило на меня с такой силой, что дальнейшее продвижение становилось невыносимой мукой. В голову то и дело прокрадывались мысли, объединённые одной тематикой: «А не вернуться ли мне обратно?»

Приходилось применять запрещённые, в долгом одиночном плавании, приёмы, сдабривать сникший моральный дух лишним глотком воды, пряником, в виде заячьей ножки, отложенной на следующий день и даже снижением темпа движения, что совсем уже было не позволительно. Сегодня, с обнаружением сухого места для стоянки, я твёрдо решил покончить с этим проявлением малодушия и строго соблюдать все правила, не мной придуманные, и доказанные самой жизнью. Приведу в порядок всё, что пострадало во время слякоти, включая и состояние души, и начну набирать обороты, дальше легче не будет, если с хандрой не справлюсь. А о скором возвращении в долину лучше и не мечтать, наверняка какая нибудь смертельная зараза прилипнет от таких мыслей. Она любит прибираться к себе таких слабаков, каким сделал меня хныкающий до недавнего времени дождь.

Первую продуктовую закладку, предназначенную обеспечить мне сытое возвращение, сделал в месте стыка горного образования с низменностью, раскинувшейся у его подножия, на высокой, много чего повидавшей на своём веку, ели. В её ветвях, метрах в трёх от земли закрепил кожаный мешок с набором сырых овощей, способных пролежать не менее десяти дней, столько я отпустил себе на поиски Степана, в этих жарких условиях. С водой в этом месте трудностей не бывает, а вот с продуктами плохо, по прошлому походу помню, какие здесь звери и птицы пугливые, и как с ними трудно договориться хотя бы об ужине.

Оставив несколько килограммов груза на попечении дерева, сразу ощутил на сколько стал легче заплечный мешок. Возможно я и перегрузил его, запихав туда всё принадлежавшее мне барахло, но выяснить правильно поступил или нет смогу только после окончания первого выхода в качестве одиночного поисковика. Советоваться на тему, что может пригодиться в дороге, было не с кем, а опыт у меня только сейчас начинает появляться.

Передвижение по горизонтали, вдоль ручья, где уже один раз моя нога побывала, дало возможность так ускориться, что полянку у водоёма, с неоднократно разводимым на ней костром я достиг на много раньше намеченного срока, всего лишь, через три дня после начала новых поисков. Такое обстоятельство позволило сегодня, ещё перед обедом, начать обживать на ней, делать её базовым лагерем, а это значит, что завтра, рано утром, я смогу отправиться к месту, где была мной найдена трёх литровая банка и уже оттуда вновь пробовать отыскать зарубки, по которым Степан должен был вернуться к своей машине. Мой внутренний голос настойчиво говорил, что в этот раз я непременно найду своего товарища или по крайней мере то место, где мы впервые встали на землю, начавшую понемногу отходить от катастрофы, произошедшей с ней много веков назад.

К вечеру в моём распоряжении был шалаш, на одно спальное место, мешок с набором продуктов, из расчёта на неделю, три ёмкости с водой, под завязку наполненные соленой жидкостью и желание, как можно быстрее отправиться в дорогу, что на мой взгляд, являлось самым важным в сложившейся ситуации. Уверенность в себе и в своих силах, значат не меньше, чем глоток свежей воды и кусок жирного мяса, когда надеяться тебе кроме, как на себя больше не на кого.

Уже лежа в, получившемся очень уютным, шалаше припомнил частично стёртую в памяти картинку своего прощания со Степаном, его благословение моей спины и возможно впервые за всё это время ясно ощутил, как много он для меня значит, этот мало знакомый мне человек, из нашего с ним общего прошлого. За время, что разделило нас, мне довелось общаться со многими людьми, некоторые из которых находились рядом дольше, чем этот водитель колымаги, прозванной в народе «ведро с болтами», завёзший меня чёрти куда и по существу, тем самым, спасший мою драгоценную жизнь. Были среди этих людей и приятные собеседники, и отличные профессионалы, в различных областях деятельности, и хитрецы, как говорить «себе на уме», и даже те, кто почувствовал во мне родственную душу. Но не было среди них ни одного человека, кому бы я мог пропеть три слова из песни, назвать кусок фразы, лишь намекнуть жестом на обстоятельства, и он бы тут же понял, о чём идёт речь. А это, должен заметить, только кажется мелочью и пустяком, а на самом деле, когда вокруг тебя одни болтуны, ставящие слова задом наперёд и не понимающие о чём ты им говоришь

мимоходом, много чего значит. Образовавшуюся пропасть между поколениями, за неделю не преодолеть и за месяц она тоже на много меньше не станет, мост через неё строить надо годами и то неизвестно, не рухнет ли он, когда ты полноценно начнёшь по нему ходить.

Двигаться вперёд начал совсем не потому маршруту, которым шёл в прошлый раз. Ощувив себя, после быстрого перекуса, полноценным «одиночкой», двинулся по обратной дуге той, что выстроилась между двумя конечными точками во время прошлых поисков. Чем больше территории будет мной изучено, тем спокойнее я по ней смогу передвигаться впоследствии. Возможно, что мне придётся возвращаться сюда со Степаном и с грузом, и, допустим, как раз в это самое время, возникнет необходимость изменить маршрут, скажем понадобится оторваться от преследователей или злобных животных, в этих местах, снова принявших просто угрожающие размеры. Кто его знает, как там дальше всё сложится? А как известно передвигаться спокойнее там, где уже ходил, хотя бы один раз. Вот поэтому и решил, пока есть силы, и желание, прогуляться по новым местам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Находиться одному на совсем не изученной и таящей в себе множество тайн, и опасностей земле, всегда на много проще с другом или просто с хорошим знакомым. Да будь рядом со мной хотя бы собака, я, наверняка, чувствовал себя увереннее и моё передвижение по пересечённой местности осуществлялось бы быстрее, чем сейчас. Мне не приходилось бы беспрерывно оглядываться, осматриваться, проверять толстой палкой, служившей мне и слегой, и копьём одновременно, шаткие, в прямом смысле этого слова, места. Друг, если что случилось, всегда бы пришёл на помощь, на то он и друг, а собака, да у неё нюх на неприятности, и она сама не полезет, куда не стоит, и человека, идущего за ней не пустит в гиблое место, не зря же их называют «другом человека». Но, как бы странно это не звучало и у одиночного хождения, по территории с плохой репутацией, тоже есть своё преимущество, пускай всего лишь и одно. Тебя никто не сможет отговорить совершить безрассудный поступок, который впоследствии может оказаться поворотным моментом, в жизни любого человека, даже такого везучего, как я. Так произошло и со мной, некому было дать мне правильный совет и я хладнокровно вписался в очередную авантюру.

Проходя мимо огромной лужи, с лёгкой руки Сильвио Ивановича названной грязевой, обратил внимание на крохотный солнечный зайчик выпрыгивающий, время от времени, из неё и заигрывающий, по очереди, с моими глазами. Приблизительно определив место, откуда он появляется, остановился. Будь рядом тот же дядя Стёпа, в чьём прагматизме я успел убедиться даже за столь короткое время нашего с ним общения, он бы наверняка уговорил меня не тратить время на это явление, и мы бы прошагали мимо грязи, посвятив драгоценные минуты на более правильные дела. Но его рядом со мной нет, поэтому посоветовать не заниматься глупостями было некому. Минут десять я не приближался к луже и не менял угол осмотра, пытаюсь разобраться с тем, что же даёт такие яркие блики, но сделать этого у меня так и не получалось. Вода, густо перемешанная с грязью, словно замерла. Несмотря на порывистый ветер, гуляющий по поверхности не виданного ранее образования, предмет, отражающий солнечный луч, сигнализировал лишь во время движения и почти никак не проявлялся при моём упорном стоянии на одном месте. Но не зря говорят: «Если Магомет не идёт к горе, тогда...». Я дождался этого, «тогда». Пришло время и одна из планет сдвинулась относительно другой, потащив за собой всё подряд, и яркая вспышка снова ослепила мой самый счастливый, левый глаз.

— Мама дорогая, да это же горлышко от бутылки по грязи плавает! — радостно

выкрикнул я, тут же вспомнив ценник в магазине торгового центра «Одиночка», на стеклотару подобного типа.

И вот здесь у меня чуть было не случился припадок полнейшего идиотизма. Скинув с плеч рюкзак местного производства, я словно та мартышка, в глаза которой заглянул удав, пошёл на встречу с солнечным зайчиком. Если бы не мой аккуратизм, возведённый за годы, нашего с ним совместного сосуществования, в религию, здесь бы и закончился мой бесславный путь первопроходца по новым землям, так и не успев, как следует, начаться. Чувство, которое ни выработать, ни воспитать в себе в процессе жизни невозможно, а которое, по моему глубокому убеждению, даётся человеку в момент его зачатия и здесь меня не подвело. Оно заставило опустить голову в низ, направило глаза в нужном направлении, а там!

— Какого хрена?! Откуда столько грязи на моих новых сапогах?! Я их только неделю назад, как купил, за бешеные бабки! А здесь такое! — вырвалось у меня откуда то из груди.

Четыре шага сделанных мной тут же назад, скорее всего и были теми шагами, о которых поётся в одной очень чувственной песне про войну и любовь. Следующий был бы для меня роковым. Куда я попёрся в новой одежде, сапогах, в панамке в конце то концов, самодельную москитную сетку которой я так до сих пор ещё и не испытал в деле? Ну а страховаться верёвками, кто за тебя будет? Ладно они болтаются сзади и не очень на нервы действуют во время ходьбы, а эти долбанные колышки, бьющие почти каждый шаг по коленям, на кой чёрт ты тащил их в такую даль? Растяпа!

Следующий заход в лужу был мной предпринят лишь после полного обнажения и обвязывания торса сразу двумя верёвками, одна из которых тут же начала резать подмышки. Оба моих страховочных троса, к этому времени, были накрепко привязаны к пригодившимся таки колышкам, вбитыми под углом к грязному водоёму, почти по самую шляпку.

— Ну, с богом! — сделав шаг на встречу неизвестному, сказал я и ступил в горячую жижу, пахнувшую так отвратительно, что хотелось проблеваться перед тем, как залазить в неё.

Грязь оказалась вполне нормальной. Найди я её дома, смело можно было открывать фирму по лечению всех подряд болезней. Она практически ни чем не отличалась от той, в которой купаются отдыхающие на побережье Азовского моря и что самое странное, вела себя точно также, не давала утонуть, но и достать то, что пряталось под ногами, также почти не позволяла.

Бутылка в луже оказалась не одна, после двенадцатого захода я практически не сомневался, что нашёл, как минимум, винный отдел в крупном супермаркете. Ощущение было такое, что внизу их, как грязи, но достать сумел лишь пятьдесят семь. Пробовал ещё, но не вышло. Грязь не позволяла поднырнуть на столько, чтобы хотя бы ещё что то зацепить, но я не расстроился. У меня на берегу лежит целое состояние, причём никем не открытое, в том смысле, что бутылки были наглухо закупорены пробками. А кроме этого абсолютно уверен, что со временем это винное месторождение, возможно единственное на весь этот закуток, я отработаю по полной программе, чего бы это мне не стоило.

Гордо обсыхая на солнышке после грязевых ванн, я словно обколовшийся сомелье лежал среди разнокалиберных бутылок, улыбаясь свершившемуся чуду. Кто себе из живущих ранее, я уже не говорю о здравствующих сегодня, смог бы ещё такое позволить? Пойло, четырёхсотлетней выдержки, валяется под ногами, а мне на него наплевать. Могу прямо сейчас открыть любую из бутылок и осушить её до доньшка. Впервые такое в моей жизни.

Внутреннее содержание ничто, по сравнению с внешним. Вот парадокс, так парадокс.

Взгляд моих воспалённых глаз упал на одну, знакомого вида, бутылку. Отсутствие этикетки на ней и плохо сохранившаяся плёнка на пробке, изготовленной из одноимённого материала, не могли ввести меня в заблуждение.

— Коньяк, что ли? — высказал я свои предположения, еле разомкнув высохшие на солнце губы.

Пробовать прямо сейчас содержимое покрытой грязью бутылки, было равносильно самоубийству. Нет, я нисколько не сомневался в качестве продукта, у меня были сомнения относительно того, как выпитое отразится на моём самочувствии в дальнейшем, во время перетаскивания обнаруженных раритетов в лагерь. Оставлять их возле лужи? Кто же будет прятать самородок возле рудника или прямо на берегу речки, с валяющимся на нём лотком для промывания породы? Всё это надо тащить в сторону шалаша и там где то закапывать, а как дальше сложится, смогу за сегодня допереть всё или только часть, время покажет. Но вот чего не смогу сделать точно, так это нормально идти после подпития. Никуда этот выдержанный алкоголь не денется, будет возможность ещё нажраться, подожду до лучших времён, не может же быть всегда хреново. Достаточно того, что уже прямо сейчас выгляжу словно свинья, на этом пока и остановимся.

На умывание потратил большую часть имеющейся у меня воды, но помыться, как следует, всё равно не вышло.

— Не страшно, главное голову отмыл — подбодрил я себя. — Пойду голым. А чего такого? Кто меня тут знает?

Последний переход от лужи наглядно показал, что времени на то, чтобы добраться к ручью до темноты, со всем имеющимся у меня имуществом, практически не остаётся. Ничего не оставалось делать кроме, как начать рыть яму на промежуточной стоянке, куда к началу сумерек было доставлено всё, чего выловил за сегодняшний день. Закончил с ней возиться в полной темноте, под яркий свет костра, полыхающего рядом. Придал земле все пятьдесят шесть бутылок примерно в километре от шалаша, себе оставил лишь ту, что больше остальных понравилась своей изящной формой. Копаться даже в рыхлом грунте одним ножом оказалось не очень удобно, вот и задержался. Схрон готовил основательно, некоторому количеству выловленной из грязи посуды, придётся в нём находиться на много дольше, чем этого бы мне хотелось. Но моё передвижение с ней по просторам плохо изученной местности показало, что больше двадцати бутылок одновременно тащить на себе не реально, попросту некуда их рассовать.

Спать улёгся здесь же, бродить в поисках основной своей стоянки в темноте, когда силы твои на исходе и там, где тебя на каждом шагу подстерегают неприятности, не лучшее из занятий.

Такой беспокойной ночи, как эта, не было у меня ещё никогда в жизни, даже первая ночёвка на солеварне показалась мне не на столько противной, как эта. Тело моё, почти полностью покрытое тонким слоем засохшей грязи чесалось и зудело, отсутствующие на голове волосы, казалось всё время шевелились, глаза слезились, а во рту было так противно, что постоянно хотелось отплеваться.

Утро облегчения не принесло до тех пор, пока не добрался до воды, а принятая прямо в ручье расслабляющая ванна, дала основание думать о том, что сегодня куда либо идти не стоит, так как в тёмное время суток я практически не спал. А кроме этого, возникшие на почве соприкосновения с грязью нарушения в органах зрения и обоняния, могут завести

потерявшего их, пускай и на короткое время, путника, совсем не в ту сторону, а здесь это очень чревато.

Уже лёжа в шалаше и ощущая его, оставшуюся ещё с ночи, прохладу я размышлял над тем, как мне чертовски вчера повезло. За один день смог обеспечить себя на несколько месяцев безбедного проживания в этом обществе. Если бы не Степан, то уже сегодня днём, после отдыха, я мог бы топать обратно и жить спокойно, до тех пор, пока не проел бы все бутылки, которые сумел бы унести за один раз, а потом снова вернуться сюда, вытащить оставшиеся и питаться ещё пару месяцев на них.

— А может действительно податься в одиночки и не придумывать больше ничего? — спросил я себя, уже закрывая глаза.

Отоспавшись, оставшееся после фиесты время посвятил охоте, приготовлению пойманной дичи и сортировке ставшего просто неподъёмным, основного мешка. Хождение с ним и найденными бутылками побудило меня часть шмоток, находящихся внутри этого гиганта оставить в лагере, рядом с припасами, отложенными ранее. В старый мешок ушли вещи, полученные на ферме, неприкосновенный запас спичек, часы, часть кожаных и тряпичных мешочков, в одном из которых лежали все имеющиеся у меня в наличии местные деньги, а так же тапочки, доставшиеся мне в подарок от Дена, обойдусь пока без сменной обуви.

Вечер провёл за рюмкой коньяка, при свечах, под заунывное завывание плохо владеющего языком певца. Ну, а как прошла очередная ночь, для меня на всегда так и останется загадкой, четырёхсот звёздочный, элитный алкоголь сделал своё дело.

Вот, что значит хороший напиток, это вам не палёная водка из круглосуточного магазина. Утром не ощутил даже следа похмелья. Наоборот, во мне всё кипело и клокотало, и я готов был к новым свершения и даже подвигам, ну естественно после одиннадцати.

Ещё до обеда оставил позади и старую грязную лужу, и две новых, тратить время на изучение которых сегодня, желания у меня, во время знакомства с ними, отчего то так и не появилось. Возможно позже займусь этими кладовыми, много позже. Сейчас передо мной стоит другая задача, надо выйти на точку, откуда начну вести поиски Степана, вдвоём таскать тяжести проще, да и страхующий на берегу мне бы тоже не помешал. Воспоминания о прошлых подныриваниях, вызывали в организме непроизвольную дрожь и смятение чувств. Кто может гарантировать, что в следующий раз из грязи я вытащу не бутылку, а скажем частично разложившуюся мумию? Вот то то и оно. Разрыва сердца у меня, возможно и не случиться, но заикаться, после такой встречи, можно начать в лёгкую.

Доля замешательства на моём лице, во время выхода на поляну, где оставил своего заболевшего товарища, составляла, что то среднее между семьюдесятью и девяносто восемью процентами. На том же самом месте, откуда я уволок в прошлый раз трёхлитровую банку, стояла точно такая же. Всё её отличие от прошлой заключалось лишь в том, что она была на половину заполнена мутной водой.

— Вот же сукины дети! — выругался я. — Такой коньяк и тот забодяжили.

Присев на зелёную, с не яркой желтизной травку, метрах в трёх, наверное, от банки, сейчас я ни в чём не уверен, долго смотрел на неё. За это время тара ни разу не шевельнулась, вода в ней не исчезла, не поменяла цвет и черти из ёмкости, чего я боялся больше всего, тоже не полезли.

— И чё тогда это такое? — спросил я себя, стараясь сильно не раздваиваться.

— Стёпа что ли, падла, решил надо мной поиздеваться? Или кроме нас, тут ещё какие

то मुदाки объявились? — сделал я, несколько ответственных предположений.

Ответ сразу не пришёл, а стало быть ждать его дальше и вовсе не стоит. Самым правильным и верным решением в сложившейся ситуации, будет то, что лежит на поверхности. Надо хватать банку, пока не исчезла и топать дальше, не стоит тормозить поиски человека, возможно, оставившего её. Только он сможет дать внятные ответы на животрепещущие вопросы бытия и сознания.

Двое суток и ещё пол дня потратил на поиски зазубрин на деревьях, и они мне, таки то, показались. Не все сразу конечно, но и те, что нашёл, радость принесли великую. Достаточно было найти хотя бы три из них, а уж прямую провести между трёх точек какнибудь сумею. У меня же в распоряжении оказалось сразу пять отметин и сейчас я практически уверен в том, что завтра, ну в крайнем случае после завтра, найду и «москвич», и тяпку с граблями, и Степана, а куда он от них денется, со своим самогонным аппаратом.

Проявив исключительную выдержку, я не побежал сломя голову на встречу своему счастью. Выбрал место для ночлега, обустроил его, поймал на ужин мелкого цыплёнка и вечером, отдохнувший, и гордый за правильно принятое решение, наслаждался звёздами, начинавшими осыпать темнеющее небо. Если Степан Сергеевич на месте, то несколько часов разлуки с ним, ничего для нас обоих не изменят, а если его там нет, то я без лишнего промедления, сразу же смогу продолжить свои поиски. Дополнительный отдых очень хорошо поспособствуют этому. Далеко уехать от места нашей высадки он не сможет и мне должно будет хватить сил в тот же день найти его новую стоянку. Да, грамотный подход к делу великая вещь.

Ещё вчера вечером я точно знал, что спешка хороша только в одном случае, а сегодня, ближе к полудню, напрочь забыл об этом. Получив направление движения, передвигался от одной контрольной точки до другой, не обращая внимания абсолютно ни на что. А какой смысл смотреть по сторонам? Один раз мы здесь уже прошли, стало быть и в этот я спокойно преодолею не такое уж и большое расстояние между двух стоянок моего приятеля.

Судьба, решившая наказать меня за беспечность, привела в действие свой коварный план решительно и без всяких скидок на мою молодость, и добродушный характер. Она позволила сделать мне лишь один не верный шаг, второй был уже в пустоту, мгновенно затащившую меня в свою жадную, всепоглощающую пасть. Мне не оставили времени ни на принятие грамотного решения, ни на возможность оглядеться и даже испугаться, как следует, тоже не дали. Миг и я по уши в вязкой жиже, дна у которой, как говорят знающие люди, не существует, а края, словно мягкая губка, если их не трогаешь, то выглядят словно обычная земля, а стоит только задеть проседают, при малейшем давлении на них. Моего, автоматически работающего, сознания хватило лишь на то, чтобы схватить глоток воздуха и закрыть глаза, при полном погружении, и всё, в таком состоянии я быстро начал опускаться в бездну, не понимая, отчётливо, на каком ещё свете нахожусь.

Вся жизнь соткана из противоречий, больших, средних и совсем маленьких. Вот одно такое, мизерное и, казалось бы, совсем незначительное, оказалось решающим в моей борьбе за возможность смотреть в голубое небо, радоваться пению птиц и огромному желанию ещё хотя бы раз ощутить под ногами твёрдую землю. Не поддайся я на уговоры продавца, несколько дней тому назад, этого достойного и очень симпатичного юноши, представителя самой важной профессии на земле, встань на защиту своих кровных, жёстко и бескомпромиссно, и чтобы из этого вышло? Да, пожалуй, для меня бы ничего хорошего. Но я предпочёл сдаться его напору, вежливым уговором и безграничному обаянию. Не помню,

что из этих его качеств стало решающим, на чём конкретно я сломался, однако копьё, приобретённое мной по его настоятельной просьбе, за немалые деньги, оказалось в тот день у меня в руках, точно так же, как и сейчас, и благодаря ему, моя жизнь получила пуск и призрачный, возможно и не сбыточный, но шанс. Шанс на спасение. Толстая палка, за которую в момент падения держался обеими руками, зацепилась за что то твёрдое, там наверху и не позволила ступням провалиться глубже, чем на два с половиной метра. Ещё даже не понимая, что произошло, но ощутив внешнюю поддержку, резко рванул вверх и вытянув голову на поверхность, жадно схватил ртом, показавшийся горячим словно пар, висевший над бездной в огромных количествах, воздух.

Какое то время моя, покрывшаяся слизью и травой голова так и торчала, словно поплавок над грязным водоёмом. Но совсем скоро согнутые в локтях руки стали подрагивать, намокшая одежда, а особенно всё, что лежало за спиной, в огромном мешке, снова предприняли попытку утянуть меня обратно, в низ, просто с нечеловеческой силой. И вот тут то мне стало страшно, даже не страшно, меня охватил самый настоящий ужас. Помощи ждать неоткуда, силы на исходе, а умирать ох, как не хочется. Решение снова окунуться с головой в грязную воду, пришло само собой. А что мне оставалось делать? Надо было избавляться хотя бы от мешка, но для этого руки необходимо по очереди отцепить от палки. Делать такой трюк в положении сгиба? Не знаю? Лично я не решился на такой шаг. Всё моё существо подсказывало, что проще и легче будет осуществить это в другом положении. Сделав два глубоких выдоха и вдоха, выпрямил руки и тут же оказался в мрачной тишине, забившей уши, и глаза. Сначала оторвал левую кисть от копья и быстро снял с плеча лямку, плотно прилипшую к рубаше со стороны груди, затем тоже самое проделал с правой рукой и такой же точно лямкой, резко надавившей на плечо с удвоенной силой. Облегчение наступило сразу же и не только от того, что вынырнул, ушедший искать дно мешок сбросил с моих плеч килограмм пятьдесят, а может и все сто, ощущение у меня, после его ухода, возникло именно такое.

Выход силой сделал так виртуозно, что палка, примявшая своими краями жирный чернозём даже, не провернулась в нём, ну а кувырок мордой в грязь у меня всегда хорошо получается, с его исполнением проблем и быть не могло. Последние силы оставил во время ползания по пластунски, возможно я и переборщил с расстоянием, но не зря говорят, что для бешеной собаки семь вёрст не крюк, а моё состояние сейчас можно спокойно приравнять к пограничному с таким.

Минут десять, после окончания эпопеи выхода из грязевого проруби, лежал на спине и не двигался. Потом, перевернувшись на бок, столько же, примерно, молча смотрел на копьё, всё ещё лежащее поперёк ловушки, а остальное время из полу часового незапланированного отдыха, клялся этому неодушевлённому предмету в вечной верности и обещал ему, при первой же возможности, улучшить его боевые характеристики. Не забыл и продавца из магазина, в присутствии товара, проданного мне этим человеком, дал слово отблагодарить душевного парня, какимнибудь антикварным алкоголем из своей новой коллекции.

Движение продолжил сразу же, как только пришёл в себя от экстраординарного события, ровно через пол часа после выхода на сушу. Засиживаться на одном месте теперь для меня большая роскошь. Ревизия карманов и навесного имущества показала, что в моём распоряжении совсем не осталось продуктов, правда в наличии копьё и нож, ложка и два камня, с помощью которых я давно научился разжигать костёр, две кожаных фляги с питьевой водой, на которую погружение не оказало никакого вредного воздействия и три

метра тонкого шнура, вещь, которую и утопить было бы не жалко. С голода я конечно не помру, разной шантрапы под ногами шляется немерено, да и от холода тоже хворь со мной не приключиться, но вот шагать в одежде, прошедшей грязевую обработку и в сапогах, пускай и избавившихся от основной жижи, но имеющих внутренний, и внешний вид не очень достойный, долго мне будет не под силу. В связи с этим, все оставшиеся надо в срочном порядке направить на преодоление расстояния, разделяющего меня и места приземления нашего спускаемого аппарата, а уж там действовать по обстановке, либо гулять на радостях, либо долго думать с горя, но у костра и желательно с куском мяса в руке.

Я всю жизнь был очень способным учеником, не всегда усидчивым, не каждый раз исполнительным, но таким понятливым, что все вокруг только диву давались. Мне никогда не надо было разъяснять по два раза то, что другим не давалось и за десять, вот и сейчас, я так хорошо, а главное так быстро всё понял, что теперь иду и глаза от земли не отрываю. Ноги ставлю аккуратно, первый шаг на подозрительное место делаю без нажима, второй наоборот давлю так сильно, на сколько сил хватает и постоянно пускаю впереди себя проверенного товарища, копьё, прошедшее со мной пускай только воду, но зато, как зарекомендовавшее в ней себя.

Бесследно такая затяжка в движении пройти не могла, времени на то, чтобы добраться к нашему входу в этот мир потратил почти столько же, сколько и в тот злополучный, первый день своего, такого долгого, похода. А сейчас я совсем не похож на мальчика из магазина, и силы во мне раза в два больше и веса, килограмм на двадцать меньше. А где результат, спрашиваю я вас? Нет его. Вот, что с нами делает страх, перешедший в кошмар, а затем и в леденящий душу ужас.

Место узнал сразу. Оно, и всё, что росло на нём, почти не изменились с момента нашего с ними расставания, но остальное выглядело по другому, совсем по другому. Ни Степана, ни его чудо автомобиля, ни даже следов от колёс, выворотивших комья жирной земли наружу, на месте этом не оказалось. Не было их и рядом, и за кустами, проверенными мной в первую очередь. Не нашлось следов от деятельности моего приятеля и его техники, и в ближайшем обозримом пространстве, содержащем в себе много чего кроме того, что могло бы напоминать о них. Кроме одной вещи, конечно, не заметить которую, даже при огромном желании, не удалось бы. Её я увидел сразу, но подходить близко к ней, окружённой с трёх сторон плотными кустами и редкими деревьями, не решался пока не осмотрел все окрестности и всё, что творилось вокруг этого заповедника.

Выглядела она одиноко и эксцентрично, среди зелёного хаоса названного кем то очень рассудительным природой, и от этого смотрелась ещё симпатичнее, чем это было бы в паре с каким нибудь другим неодушевлённым предметом из той же обоймы. Не портила её совсем не много завышенная высота. И небольшие рыжие вкрапления, образовавшиеся там, где их не должно было быть и в помине, не шли ей во вред. И самое удивительное, что хуже она не становилась даже при отсутствии совсем крохотной детали, предназначенной не только для улучшения конструктивных особенностей, но и для придания изделию определённого шарма и эстетичности. Вот уже, что то около часа, глаза мне мозолит самая обыкновенная коса, которой у меня дома косят обычную, такую же, как и здесь, зелёную траву, и о которой в этих местах мало кто знает, что не способствует ни производительности труда, ни, в конечном итоге, благосостоянию местных фермеров. Но это всё мелочи, по сравнению с тем ребусом, который загадал мне человек оставивший этот инструмент там, где мы с ним были бодры, в меру веселы и не ведали того, что уже относительно не молоды.

Чего он своей странной выходкой хотел мне сказать? Мол ходи и оглядывайся? Или: «Жди, не долго и тебе осталось, скоро и за тобой придут». Вариантов в голове, пока собирал ветки для костра и даже в то время, когда забивал пробежавшего мимо кота-кролика, и вешал на просушку одежду, прокрутилось довольно много. Но ни один из них не давал прямого ответа, на такой же ровный вопрос: «Для чего?» Для чего он это сделал? Я бы ещё понял оставь мне на память живший здесь человек очередную банку, не удивился если бы обнаружил её и с компотом внутри. Но косу то на кой чёрт выставил на всеобщее обозрение? Зачем надо было всё так усложнять? Ну не дождался ты меня и смылся в неизвестном направлении или того хуже, домой переметнулся, так поступи, как мужчина, как простой интеллигент в конце то концов. Оставь записку, так мол и так Владик, уезжаю, прости, не держи зла и не поминай лихом. Я бы всё понял и смело потопал обратно, перестал бы тратить время на твои поиски, и не подвергал бы свою юную жизнь опасностям, вырастающим здесь прямо из под земли. Так нет, надо было железяку с подтекстом оставить. Вот тебе, вспоминай и не кашляй, и думай всё, что заблагорассудится, а самое главное поступай так, как тебе совесть позволит. Можешь прекратить поиски старого, больного человека, годящегося тебе в отцы, единственного, кто остался у тебя от прошлой жизни, если ты такой гад.

— А сам то ты кто, после этого?! — выкрикнул я в темнеющую пустоту, доведя себя до полного отчаяния.

Ночь провёл среди трёх костров, маясь от жары, но зато забыв об атаках комаров, так и продолжавших процветать на земле обетованной. Проклятушая палка с острой железкой на конце заставила заночевать в огненном кругу. Её магическая сила проникла в меня так основательно, что не смог от неё отделаться даже после сытного ужина. Что то же это послание обозначает, не мог же старик и в самом то деле от нечего делать или из-за вредности, воткнуть её в землю?

Поиски прекращать я не собирался. Степан хотя и старый козёл, но мне его жалко, да и автомобиль, марки «Москвич», в наших с ним взаимоотношениях не при чём. Поэтому на спиралевидную тропу вышел сразу же после завтрака, с огромной осторожностью прокрался в западном направлении, километра на три и начал оттуда наматывать круги, постепенно сужая их радиус. С первых же шагов стало ясно, что родился я в рубашке. В этом районе было столько трясин, всевозможных луж и просто провалов, что окажись в прошлый раз менее удачливым, быть мне погребённым в одной из этих смертоносных ловушек, так и не узнав, куда занесла меня судьба. Участок, если выражаться словами геологов, был очень перспективным и я, возможно, прямо сегодня попытал бы счастье в одной, наиболее заманчивой грязюке, но отсутствие страховки и свежие воспоминания от пережитого, останавливали меня, хотя глаз прямо таки цеплялся за что то стеклянное.

Ближе к полудню сделал отметку пройденного пути, разжился провизией и отправился готовить обед. По дороге наорался столько, что будь ктонибудь рядом давно бы услышал меня. Пообедаю, перекурю, а вдруг за это время и Степан объявится, а нет так отмотаю оставшиеся километры и завтра расширю зону поисков, дня два у меня в запасе имеется, воды ещё достаточно.

Послеобеденный променад принёс мне неожиданную, но очень радостную находку, отобравшую у моего бестолкового хождения примерно часа два. Я обнаружил, не знаю случайно ли или вполне закономерно, целую поляну лесной земляники, своим красным цветом перебившей все другие оттенки и расцветки. Её оказалось так много, что будь в моём

распоряжении ведро, его, за это время, наполнил бы полностью. Но, ведра не было, зато был внутренний резервуар, утрамбовавшийся за время хождения больше, чем на половину и вот его то я, и ублажал все два часа без перерыва. Есть всё таки в местных лесах, что есть, было бы воды вдоволь остался бы жить здесь до тех пор, пока не отыскал своего приятеля.

Наступил момент, когда состояние моего желудка стало таковым, что я был не в силах запихать в себя хотя бы ещё одну сочную и невероятно сладкую ягоду, тем не менее покидать это славное место, сразу после этого, мне не хотелось. Какое то время, стоя на коленях, разглядывал узоры, сотканые ими же на цветастом, земляничном ковре. Сколько то десятков минут потратил на синее, местами с проседью перистых облаков, высокое небо, любуясь им лёжа на спине и положив руки под голову. Пять или семь из них, отдал борьбе с дрёмой, навалившейся внезапно и всепоглощающие, и только после того, как победил её, устало поднялся на ноги, оглядел свои художества, сладко потянулся и сожалея о невозможности ещё немного подкрепиться, пошагал дальше.

Сытость и, как её следствие, полная расслабленность, порой могут сыграть злую шутку с кем угодно, даже с таким осторожным человеком, каким в последнее время стал я. А если к ней добавить лирическое настроение, вызванное общением с прекрасным, то можно считать, что неприятности тебе обеспечены почти наверняка.

Мышечная память, несмотря на всё выше перечисленное, у меня так и продолжала работать без изменений. Ноги самостоятельно, осторожно, двигались в нужном направлении, руки, как и раньше, проверяли дорогу впереди, копьём, на время перехода ставшим шестом и палкой для замера глубины. А вот голова была забита чем угодно: розово-голубыми мечтами о прекрасном будущем, далёком и близком, воспоминаниями о не кстати всплывших, почти из неоткуда, близких подругах, словами из популярных, но ставшими уже забываться, песен, а ей надо было бы думать совсем о другом. И ничто, находящееся на ней, и по долгу своей службы имеющее определённые обязательства перед остальными частями тела, не смогло уловить опасность, надвигавшуюся на меня с быстротой моего перемещения по недружелюбной поверхности. Уши слушали чужие голоса, но не те, что надо, глаза ловили бабочек и любовались растениями, над которыми они летали, ну а нос... А чего с него взять? После такого количества переделок, в которых он оказался за всё то время, что работает со мной, предъявлять претензии к нему было бы великой наглостью, с моей стороны.

Сработали все поздно, почти одновременно и настолько нерешительно, что догадаться об опасности я сумел лишь в то самое мгновение, когда между мной и ей, материализовавшейся во что то лохматое, рычащее и передвигающееся с бешеной скоростью, оставалось метров тридцать или что то возле того. Первыми вышли из охватившего всё тело оцепенения руки, правая согнулась в локте и яростно швырнула вперёд моего лучшего друга, снова ставшего смертоносным оружием. Затем пришли в сознание ноги, они повернули корпус в нужном направлении и мощными толчками понесли его прочь, как можно дальше от опасности. Последней в работу включилась голова, как всегда с опозданием, но, что для неё тоже характерно, с готовым решением и точным маршрутом дальнейшего движения, который тут же был передан по инстанциям.

Мне доподлинно не известно, каким образом организм человека, за такие мизерные промежутки времени, умудряется так мобилизоваться и превращаться из бесформенной желейной массы в металлическую пулю, способную на своём пути пробивать любую преграду. Но о том, что это возможно я знаю определённо и наверняка. Брешь, проделанная

мной в, ещё вчера непроходимой, стене из растений, свидетельствует об этом. А шестиметровый прыжок в длину, в конце спринтерского забега, призом в котором была моя собственная жизнь, доказывает наличие безграничных возможностей у любого индивидуума, имеющего такое же, как и у меня, желание его заполучить.

Прыжок гнавшегося за мной охотника был не менее длинным и возможно даже более мощным, но чувство голода не способно подмять под себя чувство самосохранения, ни при каких обстоятельствах. Во время полёта я ещё успел выдернуть торчащую из земли косу, перевернуться на бок, замахнуться ей и со всей, образовавшейся за время моего преследования чудовищем, злостью, нанести ему смертельный удар в бок. Оно же только лязгнуло разок другой зубами, в попытке ублажить свою внутреннюю потребность, а этого несомненно мало, чтобы одержать победу в такой схватке, как эта.

Огромная голова собаки с высунутым из полу раскрытой пасти языком, лежала у меня на коленях. Часть черенка от косы я так и продолжал держать в правой руке, вторая его часть, вкупе с той, что прошила брюхо лохматого на вылет, какое то время ещё дергалась, а затем замерла на траве, окрашенной ярко вишнёвыми струйками крови.

— Вот значит для чего ты мне её оставил, Степан Сергеевич — пытаюсь освободиться от мёртвого тела, с дрожью в голосе, проговорил я.

Да, не рассчитаться мне со стариком до конца жизни, второй раз достал он меня, можно сказать, с того света, а я всё никак отыскать его не могу.

— Ты хотя бы направление показал, куда укатил. Мне что же, всё так вокруг и прочёсывать? — снимая фляжку с ремня, снова передал я привет своему самому дорогому другу.

Действительно, дядя Стёпа, ну что трудно было стрелку прибить на дерево. Топор у тебя имелся и гвозди я видел в бардачке. Косу же не забыл оставить.

Глоток воды, оказал на меня успокаивающее действие. Рассмотрев во всех подробностях трофей пришёл к выводу, что сожрать меня пыталась обыкновенная собака, невиданных мной ранее размеров. Отчего она стала кидаться на людей? Да, наверное, от жизни такой. Проживи я здесь, столько же, сколько эта псина, возможно тоже стал бы кидаться на всех подряд. Хотя, по большому счёту, тебе чего, мелочи мало было? Ну на хрена я тебе сдался, посмотри сколько живности вокруг бегают? Жрал бы её спокойно, не трогал злых дядек и жил бы себе сейчас припеваючи. Не стоит добра, от добра искать. Сколько было сказано по этому поводу, а вам всё неймётся. Эх ты, волкодав.

Выдернув косу из животного, к которому, после всего пережитого, отчего то проснулось сочувствие, внимательно посмотрел на острое лезвие.

— А в какую сторону оно торчало, когда я впервые с ним повстречался? — спросил я себя, пытаюсь выстроить логическую цепочку. — Точно, в сторону гор оно было повёрнуто! Ну и хитёр же ты, Степан Сергеевич!

А чему я удивляюсь, столько лет гнать самогон, можно сказать у всех на виду и не попасться, это же суметь надо.

Последняя ночь, довела меня до полного расстройств. Половину её я доказывал себе, что нужно продолжать поиски товарища в новом направлении прямо с завтрашнего утра, а вторую успешно опровергал доказанное. Плюсов и минусов было достаточно и в том, и в другом случае, их сложение и вычитание результата не дало, и в очередной раз, надо было принимать решение полагаясь лишь на интуицию, без использования цифр и доказательной базы, которая упорно молчала в темноте, скорее всего, продолжая восстанавливаться после пережитого вечером стресса.

Всё решил бешеный взгляд, который, как оказалось, зафиксировала моя память и о котором я, до определённого момента, не вспоминал. Вновь появился он внезапно, перед рассветом, после очередной, неудачной попытки на чёмнибудь остановиться и поначалу я не придал значения всплывшей в голове картинке с красными, глубоко посаженными глазами, принадлежавшими громадной, собачьей морде. Но потом они снова и снова, эти два злобных и расчётливых зрачка донимали меня на протяжении нескольких часов, и это стало раздражать, и где то даже настораживать.

Что послужило причиной выхода негатива из периферийных участков мозга на первый план, для меня такая же тайна, как и вопрос о моём перемещении во времени, да и не это самое важное в это зарождающееся утро, сейчас принципиально другое, какого чёрта они хотят мне сказать, эти глаза напротив? Неспроста же взгляд хищника, в последнем прыжке пытающегося достать свою жертву, моя память раз за разом прокручивает мне, словно заезженную пластинку, что то же она хочет мне сказать таким своим поведением?

Состояние при пробуждении от так и несостоявшегося сна, было, как у той побитой собаки. Всё тело моё ныло, стонало и скрипело, чего до этого с ним почти никогда не происходило, разве, что во время простудных заболеваний при очень высокой температуре, ещё в далёком детстве, были у меня похожие ощущения. Но сейчас то я абсолютно здоров и градус моего тела в норме. Однако предметы валились из рук беспричинно, ноги цеплялись за всё, что попадалось им на пути, охота завершилась ничем и повторять её не было никакого желания. Даже вода, выданная организму в больших количествах, чем могу себе позволить и та не помогла прийти в чувство, и это стало последней каплей в принятии решения о возвращении на базу, к ручью. Прости меня, дядя Стёпа, но нашей долгожданной встрече и в этот раз не суждено состояться, какая то непреодолимая преграда, неестественного характера встаёт между нами из раза в раз и справиться с ней я не в силах, как бы не хотелось мне этого сделать.

Обратная дорога была самым настоящим сумасшествием и издевательством. Против меня взбунтовалось всё, что могло это сделать. Дикая гроза, разразившаяся в первый же полдень этого беспримерного перехода, прохудившаяся кожаная фляга, из которой незаметно выбежали остатки пускай и противной, но всё же живительной влаги, оставившая меня один на один с несколькими глотками в той, что ещё держалась. Группа озабоченных старателей, замеченных за секунды до нашей с ними, так и несостоявшейся встречи, заставившая меня выйти на маршрут, по которому до этого не доводилось передвигаться. Воспалившаяся десна, отреагировавшая таким образом на столкновение с острой костью, недоеденной на ужин крысы, нывшая большую часть пути и не позволявшая, как следует, подкрепиться. Соринка, доведшая правый глаз до истерики, коса, пытавшаяся отрезать мне

часть ноги, с наполовину сломанным черенком, который я не рискнул вынимать из лезвия подразумевая, что с ним моё новое оружие будет только грознее и ещё много разных других мелочей, сделавших из меня полную развалину к концу этого похода. Всё это по отдельности и вместе взятое, вымотало до такой степени, что ручей, так и продолжавший безмятежно бежать в тени согнувшихся низкорослых ив, встретил словно близкого родственника, способного понять и разделить. Не в силах стоять на ногах упал на траву, плотно покрывавшую его пологие берега и припал к нему, в попытке поделиться, хотя бы с кем то, накопившейся горечью своих последних воспоминаний и болью распухших, потрескавшихся словно земля на солнцепёке, губ.

Вышел к источнику силы, намного выше того места, где всего несколько дней тому назад построил шалаш и куда мне в любом случае надо будет спускаться. Но с некоторых пор, прежде чем куда то отправляться, мне то и дело хочется побольше отдохнуть. Не знаю откуда у меня появилась такая вредная привычка и, как с ней бороться в будущем, но сегодня я поддался ей с огромным наслаждением, и провалялся в ручье, прямо так не раздеваясь, скинув лишь сбитые в хлам сапоги, часа два, впрочем, показавшиеся мне одним мгновением. За это отмокание у меня и мысль то в голове смогла образоваться только одна и та была с родни предательству. Стучавшая в виски кровь, тарабанила одну и ту же фразу до тех пор, пока не вышел на берег.

— Не хочу больше никуда ходить — ретранслировала нестерпимо болевшая голова, стон сердца.

И я могу их понять, потому что с ними соглашались и все остальные части моего измученного тела, вплоть до самой последней клетки, расположившейся, где нибудь в районе мизинца левой руки. Так сильно я ещё не уставал никогда, за всю историю своего существования на этой грешной земле и удивляться желанию, как можно быстрее добраться до фермы с баранами, и остаться там до скончания века, не стоит.

Раздеваться и отжиматься после выхода из воды не стал. Закинул постиранные портянки на плечо, взял подмышку сапоги, в правую руку копьё, в левую укороченную косу и в медленном темпе, перепрыгивая с левого берега на правый, потопал в сторону временного дома. Возможно от того, что вид мой, с этим дурацким предметом в руке, когда то назвавшимся ручной сенокосилкой, всем животным в округе напоминал чего то, при встрече они и шарахались от меня словно от вырвавшегося на волю бесконтрольного огня. Соответственно добыть что то мясное на ужин не довелось. Да и плевать. Слюни всё равно больше текли от воспоминаний о картошке, вот уже несколько дней одиноко висевшей на дереве. Как представляю её печёной, с лучком, хоть бери, да из последних сил и беги к ней на встречу, не обращая внимания на заплетающиеся ноги.

Шалаш стоял на месте, сомнения мучившие некоторую часть пути оказались беспочвенными. Люди, увиденные мной в нескольких днях пути отсюда, добирались до точки нашей встречи другим путём и это очень хорошо. Не нужны мне не званые гости, по всем приметам ничего доброго от них ожидать не стоит.

Рассиживаться в лагере долго не вышло, голод и неподобающий внешний вид, не позволяли этого делать. Передохнул минут десять и приступил к выполнению первоочередных задач. Для начала, пока ещё силы дают возможность сделать это, залез на дерево и снял оттуда мешок с вещами, и продуктами. Затем переоделся в чистое и сухое, собрал веток и распалил костёр, а после этого, почти без перекура, отправился за бутылками, надеюсь так и продолжающими лежать под слоем твёрдой земли. Сколько их

сможет влезть в оставшийся у меня, старый рюкзак, не знаю, кроме стекла в него надо будет толкать какие то вещи и продукты, а их тоже не мало. Да, возможно и нет смысла тащить с собой сразу много этих ценных предметов? Всё равно в городе больше пяти, ну от силы десяти, сдавать одномоментно не стоит. Могут ненужные вопросы возникнуть и такой параметр, как цена приёмки, упасть, а мне ни того, ни другого совсем не хотелось бы.

Яму, вырытую ночью и впопыхах, даже с двух шагов незнакомому с ней лично человеку, разглядеть не удалось бы ни при каких обстоятельствах. Я и сам её обнаружил, по прошествии нескольких дней, только по характерным приметам, оставленным заранее. Думаю, можно будет на неё и дальше положиться, не подведёт. Прежде чем решать, что конкретно брать с собой, захотел попробовать на вкус, какое оно, вино, такой большой выдержки. Аккуратно вскрыл пробочку, используя для этого острую палку, железо применять к такому дорогому и хрупкому предмету не рискнул, затем, предвкушая небывалый вкус и аромат, поднёс горлышко к носу, уже пришедшему в нормальное состояние и ощутил необычайно, просто не бывало противный, запах перезрелого, отдающего болотной гнилью, уксуса.

— Что за... — выругался я, дёрнувшись от неожиданности.

Вылил несколько капель из бутылки на ладонь, чтобы попробовать содержимое на вкус и тут же пожалел об этом. Гадость оказалась ещё та.

— И это я собирался тащить на своём горбу за тридевять земель? Да видал я это пойло в гробу — выливая вязкую, мутную жидкость на траву, посылал я ей привет вдогонку. — Не хватало мне ещё пить такое. Мало того, что у них тут вода, словно рассол огуречный, так ещё вино подсовывают отравленное.

Из десяти вскрытых мной бутылок только одна, та которая раньше содержала в себе продукцию крепостью не менее сорока градусов, была достойна того, чтобы так и остаться полной. Остальные были мной безжалостно освобождены от вонючей жидкости, чей мерзкий запах мне ещё предстоит удалить в ручье. Драить тару придётся долго, налёт, оставшийся на дне, так просто оттуда не вытащишь.

И что же тогда получается? Да, в принципе, довольно приемлемая картина вырисовывается. Я запросто смогу унести с собой не менее десяти стеклянных ёмкостей, сильно при этом не напрягаясь. Ну а сколько их сдавать, а какое количество припрятать возле временного дома, решу позже.

Пить за ужином не стал, хотя можно было и с горя, и от усталости. Но то и другое поправимо, ну подумаешь большей части снаряжения лишился и друга не нашёл, зато на новые шмотки уже, можно сказать, заработал, и направление, где стоит продолжать поиски, тоже получил. Что же касается усталости, так кому на этом острове легко? Я один, что ли с утра до ночи в этой действительности кувыркаюсь? Здесь все работают на износ, и пора было бы уже к этому давно привыкнуть. Да и обещан оставленный в бутылке коньяк, знакомому продавцу, а новый искать среди тех, которые прикопаны, уже не хочется. Это же надо снова всё выкапывать, дегустировать, а затем с не меньшим усердием приводить в порядок. И если честно, то пора завязывать с частым приёмом на грудь, в одиночку, так и до стадии хронического алкоголизма докатиться можно. А оно мне надо?

Подъем в гористую часть уже достаточно хорошо изученной местности, поднял моё настроение на относительно высокий уровень. Нет, он не привёл его в идеальное состояние, но от края былого кризиса отодвинул прилично. На смену мрачным мыслям пришло понимание неизбежности тяжёлого труда, во время дальних походов, ощущение того, что он

всё же не пропал даром и кроме этого положительный эффект дало предвкушение скорой встречи с людьми, чьё тепло осталось со мной вплоть до сегодняшнего дня. Не знаю, что поднимало настроение сильнее всего, но оно постаралось на славу, последний отрезок пути прошагал необычайно резво и к знакомому проходу между возвышенностями, через который можно было бы попасть на общинные земли, добрался ещё засветло, хотя на это почти не рассчитывал. До предвкушаемого ужина успел пристроить на ветвистую ёлку косу, обмотав её в старые штаны и привязав к стволу дерева тонким шнурком, оказавшимся в одном из моих карманов в момент падения в яму с грязью. Кроме этого, спрятал четыре бутылки, оставленные для более поздней продажи в городской скупке. Их прикопал под тем же колючим великаном, чья могучая основа приняла на себя охрану переместившегося вместе с нами инвентаря, пришлось конечно постараться, чтобы найти место между многочисленных корней дерева, но в конечном итоге справился и с этим. Затем спустился к водоёму, привёл свой внешний вид в порядок, ещё раз переупаковал стеклянные предметы и в приподнятом настроении отправился на встречу с многочисленными знакомыми, некоторых из которых мой приход обрадует, а кого то просто развеселит.

Не в первый раз сталкиваюсь я с этим явлением, но после каждого из них, где бы оно не происходило, у меня возникает чувство непонимания. Да, мне не понятно, отчего люди, когда разговор заходит о финансовых взаимоотношениях между ними, так кардинально меняются. Они забывают и о былой дружбе, и о только что сказанных словах вечной любви, а глаза их мгновенно перестают дарить тебе своё безграничное тепло и лишь с холодной расчётливостью изучают твою состоятельность. Подобный разговор прямо сейчас происходит у меня с главой общины, у него в доме, внутреннее убранство которого освещается одинокой свечой и от этого очень плохо различимо.

— Если ты собираешься жить среди нас обособленно, то и все взаимоотношения между нами должны стать абсолютно другими — безапелляционно заявил Ден, выслушав моё немного путанное объяснение про то, почему я не могу остаться полноценным тружеником в их дружном коллективе.

— Согласен. С этим не поспоришь. Вот я и хотел бы с тобой договориться, как говорят у меня дома, «на берегу» — не стал я отрицать очевидное.

— А чего бы ты мог мне предложить? — критически осмотрев мой непрезентабельный внешний вид и бросив беглый взгляд на распухший мешок, спросил вожак поселения.

— Я хотел бы от тебя услышать, на каких условиях мог бы проживать рядом с вами и если это вас не затруднит, кормиться за одним столом со всеми остальными, в те дни, когда буду находиться здесь.

— Хм. Надо подумать, дело для меня новое и поэтом так сразу на этот вопрос не ответишь. Никто же не подсчитывал, во сколько обходится завтрак, обед и ужин, каждому из нас. Тем более я не могу знать, сколько это будет стоить тебе. Парень ты молодой, можно сказать в самом соку и, как я сегодня заметил, кушаешь с большим аппетитом.

— Что есть, то есть, скромничать не стану. Покушать я люблю, но могу ограничиваться и тем, что будут есть все остальные.

— Остальные. Остальные — свои, а ты чужой — расставил Ден приоритеты.

Мы замолчали. Я не знаю, что ещё можно добавить к своим предыдущим вопросам и высказываниям на данную тему, а Ден, похоже, пытается прямо сейчас провести калькуляцию блюд, только с этим ему так быстро не справиться, опыта не достаёт. Пока хозяин, напрягая умственные способности, продолжал складывать и умножать, а может быть

и делить, кто же его знает какую методику этот парень использует при подсчётах, я, привыкшими к полумраку глазами, осматривал ещё недостаточно хорошо мной изученную витрину страстного хобби, владельца дома.

Никогда не понимал людей способных отдавать огромные суммы, за клочок бумажки подписанной какойнибудь важной персоной, или за обветрившийся свиток, где описывалось малозначимое для человечества событие. Ещё куда не шло заплатить за картину или изваяние из бронзы, или из того же фарфора, на них хотя бы посмотреть можно, если свет отключили и телевизор не работает, а бумажки то на кой чёрт сдались, они же за минуты в прах превратятся, если не дай бог в огонь попадут. И что тогда делать? Локти кусать, из-за улетевших на ветер миллионов или новые весёлые картинки собирать, чтобы потешить своё пострадавшее самолюбие и с их помощью заглушить горечь от старых потерь. Нет, такой образ жизни не по мне, я готов тратить свои деньги только на то, что не подвергается постоянной опасности и не может в одночасье превратиться в пыль, а иначе какой смысл на это тратить кровно заработанное. Я ещё согласен терпеть все эти безделушки, если они находятся в твоём распоряжении в качестве товара, при реализации которого ты получаешь прибыль. В таком случае да, буду не против с ними возиться и нести за них ответственность, но только очень короткий промежуток времени. Испытывать вечно свои нервы на прочность, нет уж увольте, их и так есть кому теревить.

— Ну так — прервал мой осмотр и размышления Ден. — Если готов платить в день два медяка и помогать Виолетте на кухне...

— На кухне? — не ожидав такого поворота, перебил говорившего.

— Да нет, не работать, а дров там принести и воды натаскать — успокоил он меня.

— А, это. Это можно, она же всё таки женщина — кивнув головой, согласился я.

— И я об этом. Так вот, если с этим согласен, тогда что же, живи. Только на зиму сам себе, чего то придумывай.

— А чего, у вас зимой холодно бывает? — сильно удивившись наличию зимы в этих краях, спросил я.

— Не холоднее, чем везде. Но от дождей то тебе где то прятаться надо будет? В дом к себе, тебя не пуцу, у меня и так народа в это время собирается выше крыши. К остальным тоже проситься бесполезно. Так что с этим сам разбирайся.

— Ладно, думаю это не такая уж и большая проблема. Сильвио вот, где зимой обитает? — спросил я.

— Навес у загона утепляет, как может конечно. Но всё теплее, чем на открытом воздухе болтаться.

— Отлично. Вот и я с ним рядом пристроюсь. Помогу старому его оборудовать, да какнибудь зиму и переживём вместе, если заморозков не будет.

— Чего не будет? — переспросил Ден.

— Я говорю лишь бы кормили хорошо, а холод мне не страшен — сообразив, что сморозил глупость, ответил я.

— Ну что же, если не страшен, тогда давай к расчёту приступим. Ты на сколько планируешь в этот раз у нас задержаться?

С этими словами я вспомнил про свои семь копеек и крепко задумался. Три с половиной дня это не тот срок, на который планирую здесь остаться перед тем, как снова уйду в город. Да и не хотелось бы топтать туда одному, с братьями дорога всё быстрее покажется, а они ещё из поездки даже не вернулись. И как тогда быть?

— Видишь ли в чём дело. У меня сейчас некоторые затруднения с наличностью... — попытался я, перекусить в долг.

— Нет брат, так мы не договаривались. Платишь денежки — ешь, а нет, так самостоятельно о себе заботься — воспротивился Ден, такому положению дел с моими финансами.

Я задумался, пытаюсь найти выход из не простой ситуации. Может поработать пока с Сильвио, как и раньше. Снова за баранами дерьмо повытаскивать, воды им поносить. Временно, конечно. Но тут же вспомнил, что такое это «временно».

— А может товаром возьмёшь? — скосив взгляд на страсть хозяина, предложил я ему.

— А чего у тебя есть? — таким же косым взглядом ощупал он, стоящий у меня в ногах мешок.

Пододвинул его вплотную к себе, развязал тугой узел стягивающий горловину, вынул, лежащую сверху рубашу и нащупав одну из бутылок, уютно расположившуюся между остатками картошки и прохудившейся фляжкой, извлёк её на свет божий, в данный момент тусклый, и постоянно мигающий.

— Откуда у тебя это? — только и смог произнести ошарашенный коллекционер.

— Да ходил тут... — начал я объяснять появление этого предмета в моём багаже.

— Дай! — перебил меня Ден, пытаюсь выхватить из моих рук стеклянную бутылку, которых в моё время по помойкам валялось такое количество, что собери я хотя бы их часть и перевези сюда, купил бы нижний город со всеми потрохами.

— Возьми — небрежно сунув в руки хозяина раритет, предложил я.

— Це-лая — благоговейно поглаживая горлышко, по слогам произнёс он.

Ну не знаю? Хотя, может я слишком критично отношусь к происходящему? Как бы вёл себя, покажи мне ктонибудь дома обыкновенную стеклянную тару из под кваса, скажем, времён Петра Первого. Пожалуй, тоже бы восхищался ей. И чего я тогда хочу от этого человека?

— Сколько хочешь за неё? — не глядя на меня, спросил Ден.

— Ты цену такой же, что в «Одиночке» стоит, знаешь? Той, у которой ещё горлышко отколото?

— Конечно? — на этот раз взглянув на меня, ответил человек с горящими глазами.

— Столько же прошу...

— Да ты чего? Там магазин, а здесь домашний торг — не дав мне договорить, возмутился хозяин.

— Ты дослушай сначала, а потом нервничай. Деньги мне твои не нужны. Из этой суммы будешь вычитать за кормёжку, а остальное я буду забирать вашими продуктами, по ценам, которые вы в городе ставите. По мне, так очень хороший обмен. Или скажешь я сильно загнул?

— Если так, тогда согласен, — успокоившись и сообразив, что всё равно меня надул, ответил Ден, чему то радостно улыбаясь.

— Ну вот и хорошо. Тогда начинай вести бухгалтерию, с завтрашнего дня. За ужин я сейчас рассчитаюсь. Вот тебе за него медяк — достав из кошелька денежку и положив её на стол, так как руки хозяина всё ещё заняты перешедшим к нему предметом, сказал я.

Он даже не поинтересовался, что это за слово такое мудрёное, «бухгалтерия». Пропустил его мимо ушей и только тихо, не глядя на меня, произнёс:

— Ладно. Договорились. С завтра, так с завтра.

Добравшись наконец до навеса, где, судя по всему и будет находиться мой дом в самое ближайшее время, старика в нём не обнаружил. Обычно в это время он никуда не уходит, овцы и козы уже стоят за забором, воду таскать поздно, а других дел у Сильвио практически не бывает, но этот вечер стал исключением. Ну что же, нет, значит нет, буду сам обустраиваться. Конечно, это не номер люкс в пятизвёздочном отеле и даже не угол в хостеле, где можно хотя бы свои вещи куда то разложить, но пара сучков в некрупных брёвнах и здесь имеется, на них и повешу мешок, и кое что из одежды, то, что требует немедленной стирки. Остальным завтра займусь, скоро совсем стемнеет, не стоит портить себе вечер.

Старший овцевод появился, как раз тогда, когда время перехода сумерек в тёмную, звёздную ночь уже подходило к концу, а я почти был готов к тому, чтобы отправиться в царство сновидений.

— Чего костёр не разжёт? — спросил он меня, что то складывая в свой угол.

— А зачем? Всё равно спать уже пора укладываться — объяснил я причину своей нерасторопности.

— Успеем выспаться. Ты давай чиркни там, сейчас возвращение твоё отмечать будем.

Я тут кое чего у Виолеттки выпросил. Посидим вдвоём, порадуешь старика рассказами. А то наши только спрашивают, как козы, да бараны, а так чтобы по душам поговорить не с кем.

Пока возился с огнём, старик оборудовал место для посиделок и, чтобы не так было скучно, без перерыва рассказывал местные новости, обсуждал наших общих знакомых и расхваливал стряпню поварихи, от которой и в самом деле шёл бесподобный аромат.

Впервые, за столько дней, по настоящему расслабившись и почувствовав, что на сухую нормальный разговор не сложится, решил забыть о данном самому себе обещании и достал из мешка бутылку с коньяком. А повертев её перед удивлёнными глазами Сильвио, спросил старика:

— Ты водку пьёшь?

— А чё это такое? — зачарованно глядя не столько на бутылку, сколько на тёмно янтарную жидкость, играющую на фоне костра всеми своими оттенками, накопившимися в продукте за сотни лет.

— Вино это, так называется. Так чего пить его будешь? — сообразив, что про водку здесь могли и не слышать, сделал я повторное предложение.

— Вино?! Откуда оно у тебя взялось, в это время? Да ещё в таком красивом кувшине.

— Ну я же на новых землях побывал. Вот там и раздобыл — открыл я секрет Полишинеля.

— Дорогущее поди? Ты бы его лучше вон, Денке нашему отдал, он страсть, как до таких игрушек охоч. А мы то с тобой чего, такое добро переводить будем?

— Денке твоему я уже пустую пристроил. А эту с тобой хочу распить. Ты что, возражаешь?

— Нет. А ты сам то его пробовал? Может оно того, как отраву уже. Выпьём и помрём сразу. Я не знаю, как ваше, а наше вино до следующего сезона не стоит — засомневался Сильвио.

— А тебе чего, не всё рано, когда помирать? Не нажился ещё что ли? — пытаюсь подзадорить старика, спросил я.

— Мне то может и всё равно, я же о тебе беспокоюсь.

— Ну раз обо мне, тогда первым и будешь пробовать. Налить то, найдёшь куда?

Вино в общине делают, но сразу продают или сами выпивают в первые месяцы после изготовления, об этом дед Сильвио рассказал мне после первого же выпитого стакана. Не стоит местный алкоголь долго, чего они с ним только не делали, а результат один, через полгода киснет и всё, дальше его можно использовать только для наружного применения. Зато мой напиток произвёл на старого алкаша, не избалованного градусами, просто умопомрачительное впечатление, его так переклинил выдержанный годами, в грязи, коньяк, что язык и так любившего поговорить человека молотил всё, чего ему только приходило на ум, без умолку. Рассказал он мне много такого, о чём на трезвую голову наверняка бы даже и не заикнулся, и чего в момент нашего знакомства даже не касался. Он смело говорил о том сколько денег в закромах трудового коллектива, про то, как их образцово показательный глава шляется налево, какие взаимоотношения, на самом деле, у него и его хитрых братьев, и много ещё чего такого, что меня сильно удивило, поразило и заставило серьёзно задуматься.

Сам я выпил ровно столько же, сколько и мой потомок, чей организм, по видимому, был не в состоянии выдержать такой мощный удар, нанесённый по нему привычным для нашего поколения химикатом. Однако мне от векового алкоголя было лишь немного весело и поэтому я был в состоянии подыгрывать разболтавшемуся пастуху, и даже подначивать его, чтобы разузнать, как можно больше о местных нравах. Когда ещё такой шанс представиться? Здесь же в магазин за коньяком не сходишь, чтобы напоить товарища до беспамятства.

Несколько дней самым наглым образом отдыхал. С утра отрабатывал на кухне, а потом болтался по ближайшим окрестностям, загорал лежа на сеновале, спал после обеда, иногда, если было желание помогал старику, когда надо было натаскать воду в поилки, всё же ему одному с этим не легко справляться, а вечером наливал Сильвио очередные тридцать капель и дед развлекал меня своими рассказами. Про мой поход он от меня так толком ничего и не услышал, зато я с каждым днём становился всё умнее и умнее, и сильно жалел, что не прихватил с собой ещё хотя бы одну бутылку такого полезного напитка. По сравнению с прошлыми нашими беседами, касавшимися в основном исторических событий и переживаний, оставшихся в живых людей по этому поводу, теперешние темы разговоров вращались абсолютно в другой плоскости, более доверительной, что ли. Мой собеседник много чего знал не только про тайны своей общины, но и располагал сплетнями, очень похожими на правду, про комплекс «Одиночка», верхний и нижний город, близ лежащие с ним населённые пункты и про городской совет, который вот уже лет пятьдесят контролирует все процессы на данной территории. Много чего из услышанного воспринимал, как экскурс в историю, способный помочь мне стать полноправным гражданином здешнего мира, что то брал себе на заметку, для более детального выяснения, а вот работой горсовета заинтересовался основательно и сразу же, во время рассказа, задавал много наводящих вопросов моему гиду по новой реальности.

— А если городской совет выборный, тогда как так случилось, что в нём заседают одни родственники и близкие друзья его главы? — спросил я покрасневшего Сильвио, в одной из наших бесед.

— Ну ты чего, совсем наивный или только прикидываешься? Хотя нет, ты не то, не другое. Ты у нас обыкновенный дурак, проживший всю жизнь на новых землях, где нет ни власти, ни порядка. Ты, наверное, и про выборы то услышал в первый раз, от меня? Так?

— Ну да. А где же я про них должен был узнать? Дома про это не говорили, а на каторге какие же выборы, там гоняют в три шеи, да работать заставляют с утра до ночи.

— Ну да, ну да — передразнил меня старик, — слышал я про эту вашу каторгу. Ладно не обижайся. Тут хитрость то вот какая, мы выбираем только главу городского совета, а он потом сам людей подбирает, кто ему помогать станет, вот так родственники, друзья, хорошие знакомые и оказываются во главе нашего совета. Понял?

— Не дурак, как вы говорите. Чего же тут не понятного? — сделав акцент на «вы», ответил я. — Допустим если бы тебя главой выбрали, ты бы тоже всех своих туда забрал? Скажешь не так? Может и мне там местечко нашлось бы.

— Нет! Я не такой! — возмутился старик, зло сверкнув глазами и стукнув себя в грудь кулаком. — Я за правду! Не чего дуракам и мздоимцам делать в совете, там должны заседать умные люди.

— Ну ну, чего завёлся? Я же пошутил. Понятное дело, что ты не такой, пока там не оказался. Ты мне лучше про другое скажи, а чего это вы тогда себе нового главу не избере́те, если этот не оправдывает народного доверия? Или он у вас пожизненный?

— Что значит пожизненный? Совсем нет, на десять лет его выбираем. А другого почему не выбрать? Хм. Хорошо спросил? Думаю, не выбираем потому, что не можем.

— Это как же так? — не понял я ответа.

— А как ты другого выберешь, когда палочку, которую ты получаешь при подходе к бочкам, надо бросать на глазах у охраны? И, как ты её кинешь в ту, которая собирает голоса другого кандидата на должность? Думаешь все такие смелые, как я? Ну даже если и накидали бы мы этих палок больше новому и что с того? Долго ли старому кинуть связку этих щепок сверху? Подсчёт голосов проводит комиссия, давно купленная старым главой. Ты чё, действительно такой наивный? Ну ка, плесни мне ещё из твоей бутылки. Я тебе сейчас расскажу, как они там все устроились.

К концу четвёртого дня ночных разговоров под коньяк и хорошую закуску, Сильвио Иванович впервые назвал меня давно не слышанным мной в свой адрес словом, «сын»». И, как мне показалось, он знал о чём говорил. Назвать его отцом у меня язык не поворачивался, а вот отплатить ему, за его доброту и ласку, обозвав дедом, я был готов, это всегда пожалуйста.

За эти дни, кроме душевных разговоров до полуночи и дневного отдыха после них, занимался и кое чем полезным. Так мне удалось привести в порядок косу, я сумел отдраить речным песком металл от ржавчины, а кроме этого у меня получилось соорудить из сельхозинструмента, что то похожее, правда очень отдалённо, на режущее колющее оружие. Расколов палено, толщиной сантиметров десять, приложил две получившиеся половинки к лезвию, а убедившись, что они полностью соответствуют моей задумке, начал тупым ножиком подгонять будущую рукоятку, до подходящих для моей руки размеров. Когда с этим закончил, обмотал получившуюся конструкцию тонким шнурком, которому дело и здесь нашлось, а немного позже промазал места стыка металла и дерева сосновой смолой. Получилось конечно довольно примитивное изделие, если не сказать смешное, но ничего подобного здесь я пока не видел, а потому очень возгордился от того, что сумел собственными руками смастерить такую конкретную вещь.

С вернувшимися из города братьями также повидался и напросился к ним в напарники на следующую поездку. Они были только рады такому обстоятельству, кто же станет отказываться от бесплатного переносчика камней, количество которых на дороге не уменьшается из-за частых обвалов. По совету моего названного «отца», один день посвятил заготовке жердей и веток для утепления навеса на зимний период. Он здесь, на сколько

понял из сумбурного повествования старика, ничем не отличается от лета в наших северных широтах, поэтому такого утеплителя, его жилищу, будет достаточно. И самое главное, я основательно проработал свой новый маршрут, конечно не без помощи старшего товарища, много чего порассказавшего мне о местах, находящихся на севере от долины. В следующий поход пойду именно туда, буду искать Степана в предгорьях, выше ему всё рано не забраться.

На дорогу, в счёт оплаты за тёмную бутылку ёмкостью ноль семь литра, взял у Дена головку сыра, десяток варёных картофелин, пять помидоров, столько же огурцов и одну луковицу. Этого вполне хватит, чтобы не голодать в пути, а по приходу в «Одиночку» питаться буду на местной кухне, если судить по прошлому моему заходу в это предприятие, то кормят там довольно сносно. Водой запасся из ручья, единственная рабочая ёмкость, оставшаяся у меня, вмещает в себя литра полтора, немного, но я уже привык обходиться той влагой, которая имеется в наличии. Из вещей ничего не взял, забрал лишь то, с чем пытаюсь на долго не расставаться и чего буду сдавать в скупке. В этот список вошли абсолютно все оставшиеся бутылки, коробка спичек, часы и копьё с ножом. Остальное оставил на попечении Сильвио, понадобится оно мне только во время следующего выхода в лесную зону, поэтому таскать этот хлам с собой в город, мне незачем.

Всё в очередном походе в город шло по плану, во всяком случае для меня и длилось это до того самого момента пока мы не упёрлись в уже знакомую мне группу, состоящую из трёх женщин и маленькой девочки, карауливших приход телег с молочной продукцией на дороге. Даже не так, всё было нормально до тех пор, пока одна из женщин не признала во мне того вечернего гостя, который, по моей версии, собирался развлечься на халяву, а по её, а вот какая у неё версия осталась после нашего расставания, так, наверное, никогда и не узнаю.

— Ты?! — изумлённо произнесла высокая и стройная брюнетка, явно похорошевшая после нашей последней встречи с ней.

— Здравствуйте — скромно улыбнувшись признался я, не зная, что ещё можно сказать увидев малознамого человека.

— Как хорошо, что мы встретились снова. У нас одна просьба к тебе имеется — передав право делать покупки своим спутницам и отведя меня в сторонку, тихо проговорила особа женского пола.

— Просьба? — снимая с плеч не к месту зазвеневший мешок и стараясь заглушить собственное удивление: «Я чего же, постоянно теперь их кормить обязан?», спросил я и сразу же рассказал о скудности своих запасов: — Но у меня сегодня почти нет ничего.

— Нет, нет. Я не об этом — остановила меня женщина, — ты нам уже и так достаточно помог. Мы бы хотели посоветоваться с тобой, по очень важному для нас вопросу.

— Посоветоваться? Да что же я то могу вам посоветовать?

— Ну может не посоветоваться, а просто поговорить, ты бы мог со мной?

— Поговорить? Поговорить мог бы, наверное. Если надо, так чего же не поговорить, я не против. Говорите — не много смущаясь согласился я на общение с мало знакомой, но выглядевшие довольно симпатично, женщиной средних лет.

— Нет, на дороге про такое не говорят. Тут обстоятельно надо всё обсудить. Понимаешь в чём дело... — зашла женщина из далека и, как здесь принято, завела разговор ни о чём, понять из которого «чего они хотят», я так и не сумел.

Настойчивость, с которой меня просили остаться, заинтриговала. В голове завертелись нескромные мысли, бросавшие в жар и заставляющие украдкой поглядывать на стройную фигуру миловидной дамочки. Так и не разобрав, что ей от меня надо, решил всё же сходить в гости. Город никуда не денется, доберусь до него позже и самостоятельно, а второго предложения от женщины можно и не дожидаться.

— Вы поезжайте, а я здесь не на долго задержусь. Тут меня помочь в чём то просят — сказал я младшему брату, с которым у нас контакт был более плотный.

— Смотри не загнись там, помощник. Знаем мы, какая помощь нужна бабам, долго живущим без мужиков, — хихикнув, но так, чтобы это не увидели покупатели, посоветовал он.

— Ты за меня не переживай, лучше за сметану свою волнуйся, как бы не скисла по дороге — дал я ему более дельные рекомендации и пошёл к женщинам, уже готовым к возвращению домой.

Сегодня их покупки в одну корзину не поместились. На обочине дороги, где меня ждала отоваривавшаяся троица и маленькая, не по годам шустрая девочка, стояло целых три плетённых короба, доверху заваленных сыром, маслом, кувшинами со сметаной и творогом.

— Какая из них самая тяжёлая? — спросил я ребёнка, вертевшегося рядом со взрослыми.

— Вот эта — ткнув пальцем в одну из корзин, ответила девочка. — Мама сама пробовала поднять её и не смогла.

— Ну тогда её и возьму — отрывая действительно совсем не лёгкую корзинку от земли, сказал я ей, а закинув груз на плечо обратился и к её маме: — Можем идти, если вас здесь больше ничего не задерживает.

При дневном свете затерявшееся между возвышенностей плато, с неестественно яркой зеленью, произрастающей в огромном количестве по его краям, показалось более уютным. Не так одиноко смотрелись дома, вокруг которых без устали носились дети, совсем не бросалась в глаза пустота в загоне для животных, навес с дровами тоже выглядел отнюдь не пустым и даже грядки имели более привлекательный вид, чем в прошлое моё посещение этого великолепного места. Перемены наблюдались и в поведении женщины встретившей меня в тот раз, возле своего дома, с дубиной. Её глаза были уже не такими печальными, а в голосе проскакивали весёлые и где то даже озорные нотки.

— Ставь здесь корзину — сказала она мне, когда мы добрались до длинного, деревянного стола, расположенного возле самодельной печки, на заднем дворе одного из домов.

— Тяжёлая, как вы их только сами таскаете — скинув ношу с плеча, посочувствовал я ей.

— А куда денешься? Мужиков у нас нет, всё приходится самим делать. Но такой поклаже мы только рады и готовы её тащить откуда угодно — ответила хозяйка здешних мест, подымая на стол одну из корзин, вместе с подругой. — Спасибо тебе, вторую неделю у нас сытно. Сам то не проголодался? Может накормить тебя?

— Нет нет, не надо — запротестовал я. — Спасибо, есть не хочу. А если проголодаюсь у меня есть чем подкрепиться.

— Врешь поди? Садись давай за стол, сейчас принесу чегонибудь.

Объедать людей, которым самим толком нечего есть, мне было неудобно, но отказываться от приглашения, сказанного от всей души, было ещё не удобнее. Вздыхнув, вполне искренне, сел за стол, но не стал ждать, когда подадут разносолы, а тут же приступил к опустошению своего походного мешка. Выложил из него всё, что брал с собой в дорогу. Ничего, один день какнибудь продержусь, зато сейчас не буду чувствовать себя нахлебником.

— Ну зачем ты это — недовольно взглянув на мой тормозок, полностью лежащий на

обеденном столе, сказала, пришедшая с огромной тарелкой в руках, женщина. — Думаешь у нас не найдётся чем накормить одного мужчину? В кои то веки запахло мужским духом в доме, так неужели мы его голодным оставим?

Из чего была приготовлена местная лепёшка, сильно напоминавшая пиццу, я так и не разобрал, но умял её с нескрываемым удовольствием. Как не старался, а ни одного кусочка на тарелке не сумел оставить, так было вкусно.

— Наелся? — спросила женщина, знавшая меня дольше остальных после того, как я отодвинул от себя пустое, глиняное блюдо.

— Угу — продолжая дожёвывать огромный кусень, попавший мне в рот последним и пытаюсь приподняться из-за стола, ответил я ей.

— Сиди, сиди — остановила меня её подруга, которую впервые увидел только в общине, сидевшая рядом с нами всё время моего обеда. — Здесь разговаривать будем.

— Спасибо. Здесь, так здесь — сказал я, кивнув головой и уселся обратно, на деревянную скамейку.

— Ну что, давай ещё раз познакомимся? — предложила мне та из женщин, которая пригласила к себе в гости.

— Давайте — не стал я отказываться, снова пытаюсь приподняться. — Меня зовут Влад.

— Красивое имя — взглянув на подругу, сказала более старшая местная жительница.

— Мне тоже нравится — согласился я с ней, но поймав на себе удивлённый взгляд женщины, знавшей меня под другим, добавил: — А если кому то это не очень приглянулось, можете звать меня Молчуном. На него я также охотно откликаюсь.

— Теперь всё понятно — успокоившись, сказала более стройная и красивая, и тут же спросила меня: — А фамилия, Влад, у тебя имеется?

— А как же. Как же человеку жить без фамилии — обрадованно воскликнул я, несмотря даже на то, что про наличие здесь фамилий слышу впервые. — У меня и фамилия есть, и отчество. Я Соловьёв Владислав Романович, двадцати пяти лет отроду.

— И фамилия у него красивая — сказала та, что выглядела не так привлекательно.

— Певучая — подтвердила её подруга и попросила: — Владислав Романович, не сочти за излишнее любопытство, но не мог бы ты нам чегонибудь о себе рассказать. Ну хотя бы о том, откуда ты родом, кто твои родители, чем занимаешься.

Предложение выглядело странновато, такое впечатление, что мне тут допрос учиняют или собираются в гангстерскую семью принять, но я решил не замыкаться в себе. Если люди интересуются моей жизнью, то это совсем не значит, что у них по отношению ко мне имеются какие то криминальные планы. Однако узнать, на кой чёрт им нужна моя биография, всё же стоит.

— Для чего вам это? — глядя на женщин, спросил я их.

— Ты не подумай чегонибудь плохого — заговорила та, что сделала предложение рассказать анкету, — мы не собираемся потом распускать о тебе сплетни или трепать твоё имя на каждом углу. Нам это нужно для того, чтобы окончательно понять тот ли ты человек, с кем мы сможем посоветоваться по очень важному для нас вопросу. Один раз ты уже помог нам, помоги и сейчас. Очень тебя просим.

Некоторое время молчал, собираясь с мыслями, анализируя сложившуюся ситуацию и выстраивая линию дальнейшего поведения. Желание на комнибудь обкатать уже сложившуюся в голове легенду возникало у меня давно, но реальных слушателей среди местных, когобы она интересовала в полном объёме, до сегодняшнего дня не находилось.

Почему бы не выступить прямо сейчас, перед этими, почти незнакомыми, людьми, если такой случай подвернулся, тем более они так просят. Всё равно же буду нести сплошную ахинею и никаких личных секретов не открою.

— Ну, если это для вас так важно, то почему бы и не оказать уважение. С чего начать? С места рождения, наверное? Родился я на новых землях, где всю свою жизнь проживали мои родители, сгинувшие в небытие, при невыясненных обстоятельствах — заговорил я в более близкой этим людям манере. — Сам являюсь «одиночкой», кто это такие вы, наверное, знаете. Этим ремеслом и зарабатываю себе на жизнь. Временно обитаю в соседней с вами общине...

Сидящие напротив люди, внимательно слушали мою, местами не скромную, болтовню, кивали головами, иногда переглядывались и изредка чему то, совсем скромно, улыбались. Такое благосклонное отношение к моей, ничем не примечательной, персоне не позволяло остановиться быстро и я продолжал, и продолжал выдумывать новые повороты, якобы своей, не лёгкой жизни, буквально на ходу, но стараясь при этом всё же держаться в рамках приличия. Это выступление одинокого актёра, возможно, могло стать самым запоминающимся для меня, так долго врать мне приходилось очень редко, а так масштабно вообще никогда, но я предпочёл прекратить его, понимая, что начинаю заговариваться и повторяться. Всё таки я ещё не совсем местный житель и не привык, так же как и они, говорить долго, нудно и не по делу, не задумываясь о том, нравится ли всё это слушателям.

Закончил свой красочный рассказ, из которого следовало, что я довольно самостоятельный, умный, в меру образованный, симпатичный и порядочный молодой человек, оставшийся рано без материнской ласки и отцовской поддержки, понятия не имеющий, что такое местная каторга, всего то минут через двадцать, после его начала. По здешним меркам не так уж и много.

— Ну вот, вроде бы и всё. Не знаю даже, что ещё можно к сказанному добавить? Если чего то не понятно, спрашивайте, я отвечу — сказал я, пытаюсь сообразить, с какого это перепуга меня так растащило на такое фантастически откровенное враньё незнакомым людям, да ещё и женского пола.

Подруги молчали совсем не долго, но мне и этого времени хватило, чтобы успеть предположить, что сказка моя им понравилась, показалась правдивой и легла на их впечатлительные сердца ровным слоем. Когда же одна из них снова заговорила, в правильности этого предположения я уже почти не сомневался.

— А я тебе ещё тогда сказала, не простой это человек — после паузы, обратилась к более старшей женщине моя знакомая, сопроводив фразу несколькими витиеватыми предложениями, суть которых от меня ускользнула.

— Да, теперь и я вижу, права ты была, подходящий мужик — словно меня и не сидело рядом, согласилась с ней та.

— Понравилось нам, как рассказывал о себе. А ещё больше понравилось, что не таился перед нами, ничего не скрывал. Значит нечего тебе от людей скрывать, а этим не каждый похвастаться может. Теперь и мы бы хотели, так же откровенно рассказать тебе, о нашей жизни. Начну с имён. Меня София зовут — глядя мне в глаза, сказала та из женщин, что была, по всей видимости, главой этого поселения, и которая меня за собой сюда и привела, — а это Клеопатра, сестра моя.

— Очень приятно — на этот раз всё таки встав на ноги, сказал я и кивнул головой каждой из собеседниц.

Этот поступок не остался без внимания, но обсуждать его, сидевшие за одним со мной столом, от чего то не стали. София лишь многозначительно переглянулась с Клеопатрой и продолжила говорить. Говорила она долго, на много дольше моего, но не менее страстно. Год своего рождения и своей сестры она не назвала, так же, как умолчала и о родителях, и месте рождения, а вот жизнь в этом красивейшем месте, описала с самого образования на нём общины. О пропавших мужчинах также было сказано вскользь, не хотела женщина теребить общеизвестный факт, не просто ей было вспоминать про это. Зато о том, с какими трудностями столкнулся после этого случая, осиротевший в одночасье женский коллектив поведала она с полной откровенностью, но в тоже самое время ни на что не жалуясь.

Мне показалось, что излагала младшая сестра историю своей не простой жизни, что то около часа, но в конце её долгой речи я так же, как и в начале, не понимал, для чего этот разговор был начат. Всё по своим местам расставила заключительная фраза Софии, сказанная в таком ключе, будто бы говорившая оглашала приговор суда.

— У нас к тебе просьба имеется Владислав Романович. Она у нас образовалась давно, ещё в первое утро после нашей с тобой нечаянной встречи, а во время твоего рассказа мы окончательно поняли, что не ошиблись в тебе. Ты согласна со мной, Клёпа?

— Хороший мужчина. Ты, как всегда, права Софа. Твои глаза тебя и в этот раз не подвели.

— Мы хотели бы просить тебя, стать главой нашей общины — сделала мне София очень неожиданное предложение. — Возможно просьба эта, поначалу, покажется тебе странной, но ты выслушай нас, прежде чем принимать окончательное решение. Согласен?

— Согласен — не скрывая, что крайне удивлён, ответил я. Хотя слушать женщину уже давно устал.

Дальнейший разговор был ещё более долгим и не оттого, что у местных принято вставлять в предложения разные слова не по теме, а потому, что быстро рассказать историю этих людей было невозможно. Вот здесь то мне и поведали о месте рождения, родителях и о мужьях, в полном объёме.

Родились сёстры в той части огромного острова, которую здесь принято называть восточной, с разницей в четыре с половиной года, в семье простого крестьянина, как бы сказали у меня дома. Трудились, как и все остальные в их поселении, вместе с родителями, на земле, не отличавшейся повышенной плодородностью и урожайностью до той самой поры, пока в один прекрасный день не познакомились со своими будущими мужьями, к которым уже через месяц и вовсе перешли жить насовсем. В посёлке, стоявшем всего в нескольких километрах от родного, трудолюбие также было в почёте, а достаток, как и дома, никак не подымался выше уровня выживания. Но мужики девчонкам достались рискованные, не бестолковые и не желающие всю свою жизнь идти на поводу у сил природы. Плюнули они на родительское благословение и смотались со своими подругами, к тому времени имевшими уже по малолетнему ребёнку, в город, что стоял в трёхстах километрах от родных мест и попытались там наладить безбедное будущее. Однако город мало к кому из чужаков поворачивался грудью, он всё норовил лягнуть посильнее и запихать в долговую зависимость от сильных мира сего, прибравших все лакомые земельные куски, что находились поблизости. После трёхлетнего заточения в его стенах, две семьи, разросшиеся до пяти человек в каждой, прихватив с собой ещё шесть таких же, численность которых колебалась от трёх до пяти, пошли на запад, в ту сторону, где когда то было море и, где земля ещё числилась ничейной. Так и появилась в этом ущелье новая община, не добравшаяся до

знакомой мне долины всего лишь несколько десятков километров, которую позже занял Ден со своими родственниками и друзьями. Начали обрабатывать плодородную землю, затеяли капитальное строительство, охотились, собирали травы и торговали с городом, в городском совете которого поселение и было зарегистрировано до той самой поры, пока не стигнули разом все взрослые мужчины, ушедшие на очередную охоту и не вернувшиеся с неё. Вот с этого здесь и начались трудности.

Поиски мужиков, на которые был нанят отряд одиночек результата не дали. Деньги в общую казну, соответственно, поступать перестали, так как община, по местным законам, перестаёт существовать сразу же после того, как погибает её глава и до тех пор пока не изберётся новый. Её попросту лишают права торговать в городе, откуда и шла основная прибыль, до прихода к власти нового начальника, готового взять на себя ответственность за всех людей, живущих на отдельно взятой территории.

— А чего же вы не пошли да не представили совету нового главу? — встрял я в повествование, когда дело дошло до этого места.

— А где же его было взять? — спросила меня Клеопатра. — Мужики то наши все пропали, а с улицы брать, кого попало, нельзя. Продаст с потрохами и нас, и детишек наших.

— Так вон, хотя бы Софью назначили, женщина она видная — высказался я по вопросу, ответ на который лежит на поверхности.

— Сразу видать, что человек ты не местный — усмехнулась Софа. — Это у вас там всё просто, а здесь по другому. Главой общины только мужик может быть, не младше двадцати лет. А у нас самому старшему девять и куда мы с ним? Женихов дочкам искать, так они тоже ещё не в том возрасте, чтобы жениться. Самим на поклон идти к соседям, чтобы замуж взяли, так мы лучше с голоду сдохнем, нежели своих мужиков предадим. Вот так и маялись до той поры, пока судьба к нам тебя не привела.

— Так вы чего, предлагаете мне на ком то из вас жениться? — вырвалось у меня. — Извините дорогие мои, но я не согласен. Парень я может быть, по вашему и не сильно молодой, но жениться мне ещё рановато, тем более на женщине старше себя по возрасту. Хотя вот вы, Софья, если быть до конца откровенным, мне очень даже симпатичны, как женщина и человек. Но жениться на вас я всё рано не хочу. Простите.

Женщины смеялись долго и весело, заставив и меня улыбнуться за компанию, правда мне было совсем не до смеха. И на хрена мне такое удовольствие, на бабе с тремя детьми жениться? Я чего с дуба рухнул?

— Жениться тебе никто не предлагает — сказала сквозь слёзы, вызванные смехом, Софья, — хотя и мне ты нравишься, даже очень. Мы хотим, чтобы ты пошёл с нами в городской совет и подтвердил, что стал нашим главой и всё. А дальше, как хочешь, можешь жить с нами и даже руководить здесь, мы только рады будем этому. Голова у тебя на месте, да и хитрости хватит, чтобы с бабами справиться. А не хочешь так делай то, чего тебе нравится и приходи к нам за вознаграждением, которое мы готовы тебе выплачивать ежемесячно. Если оно конечно тебе нужно. Торговать с городом найдём чем, травы наши там раньше нарасхват были.

— Так вы чего, хотите, чтобы я просто числился у вас главой сельской администрации? — сорвалось у меня с языка.

— Не поняла я, чего ты сказал? — спросила Клеопатра.

— Я спрашиваю, вам моя персона нужна только для вида?

— Ну, что то вроде того. Я сразу подумала об этом, как кошель твой подняла и увидела,

чего ты в нём оставил. Сколько живу, а такого человека, как ты, ещё не встречала. На что уж муж мой был добрее доброго, но так к незнакомым людям даже он не относился. Вот поэтому мой выбор на тебя и пал — разъяснила мне Софья свою позицию.

Никогда бы не подумал, что можно спалиться на такой ерунде. Хорошо ещё, что женщина мой душевный порыв списала на одну из черт моего характера, а не на незнание местных обычаев. Надо быть впредь более осмотрительным в мелочах. Ладно, с этим всё понятно. А вот, как быть с поступившим предложением?

— Ну, что Владислав, сразу согласишься нам помочь или подумать хочешь? — прервала Клеопатра ход моих мыслей, хитро посмотрев мне в глаза.

Временная, незаконная глава женской общины собралась в дорогу быстро, уже через час мы вместе с ней шагали по трассе, в сторону районной администрации, где меня будут представлять, как нового главу безымянного поселения.

До самого вечера София развлекала меня рассказами о больших перспективах своей общины, уверяла в том, что я никогда не пожалею о своём решении и даже поклялась, что, как только её старшая дочь достигнет половозрелого возраста, она без раздумий отдаст её за меня. На что я ответил резким и категоричным «нет», так как ненавижу насилия над личностью и вступать в брачные узы с девушкой готов только по любви. Хотя какой в этом убогом краю брак? Так, решили жить вместе и живут, пока не надоест. Регистрации и прочих формальностей, в отличие от общины, за перерегистрацию которой надо платить в казну города сто медяков, по этому направлению нет.

На ночь мы устроились в очень уютном месте, плохо просматриваемом с дороги и находящимся всего в десяти шагах от неё. О нём знают только жители поселения, куда меня сосватали в зиц председатели и поэтому спать здесь можно ничего не опасаясь. София легла рядом со мной, на кучу веток и соломы, заготовленных тут ещё в те времена, когда они ходили в город, как на работу. Не знаю, чего она таким своим странным поступком хотела добиться: проверить мою ориентацию, способность быть сдержанным, когда это необходимо, а может просто пыталась соблазнить. Но добилась женщина, этой необдуманной выходкой, только одного, очередной бессонной ночи для меня. Спать, когда рядом с тобой пускай и не молодое, женское тело, это выше моих сил, после многомесячного воздержания. На большее дамочка могла и не рассчитывать. Одно из моих «не» прямо говорит: «Никогда не заводи шашней на работе — это чревато последствиями». Проходили уже, знаем, а как не крути быть подставным руководителем такая же работа, как и многие другие, ничем не хуже и не лучше их. Так что получить она смогла лишь нечаянные прикосновения, во время частых поворотов моего тела, вокруг собственной оси. Да что там частых, я вертелся словно вентилятор в жаркую погоду и было от чего.

По моим ощущениям до места мы добрались не на много позже, чем братья. Встали затемно, шли быстро, нигде не останавливались, поэтому возле «Одиночки» оказались почти перед самым открытием торгового закупочного комплекса. В дороге я принял, как мне кажется, очень правильное решение, во всяком случае мужским поступком его можно обозвать с полной уверенностью. Негоже мужику, кем бы он не приходился обиженным судьбой детям и женщинам, забирать у них то, что сам же и отдал. Не могу я позволить заплатить Софии за регистрацию общины самостоятельно. Кроме моих денег у них навряд ли нашлись бы другие, а им ещё надо на ноги становиться и есть чего то калорийнее, чем трава с картошкой. Но прежде, чем расставаться с деньгами их надо откуда то достать, а откуда я могу взять медяки кроме, как не из скупки.

— Контора куда нам надо, до которого часа работает? — спросил я, явно уставшую от дальнего перехода женщину, на подходе к знакомым воротам.

— Контора, это что? — спросила она, прежде чем дать ответ.

— Ну это там, где регистрироваться надо — дал я разъяснения.

— Городской совет что ли?

— Наверное он, тебе виднее.

— Они там до самого ужина сидят, а до которого часа не знаю.

— Отлично, успеем всё сделать. Тогда может подождёшь меня здесь гденибудь? Я ненадолго, на час, от силы на полтора отлучусь. Мне в здешний магазин сходить надо.

— Подождать могу, иди конечно, если надо. А я пока посижу, вот хотя бы тут. Отдохну. Чего то устала с непривычки, даже пошатывает — садясь на низкий пенёк у дороги, сказала София.

— Тебе поесть надо. Тебя не от усталости шатает, а с голодухи — сказал я женщине правду о её состоянии. — Ну ничего, это дело поправимое, вернусь перекусим.

Очередь, на удивление, оказалась очень короткой и шла быстро. Крупных сдатчиков добычи, вроде меня, было не много и в час я успел уложиться. Получил за сданную посуду, просто баснословные деньги, за которые не пришлось даже биться. Бутылки у меня приняли по прейскуранту, есть у них предметы, цены на которые стабильно держаться на одном уровне и изменяются в меньшую сторону лишь в том случае, если они имеют не совсем достойный внешний вид. Мои же находки находятся в идеальном состоянии и оценили их по максимальному коэффициенту.

Покинув здание скупки, куда желающих заходить после меня больше не нашлось, забежал на кухню, где также был непривычно тихо и отоварился там. Взял у скучающего повара пол тушки какой то крупной птицы на вынос и тут же, быстрым шагом, двинулся на выход. Её должно хватить на скромный завтрак для двоих проголодавшихся путников, один из которых еле стоит на ногах.

— Я всё. Сейчас поедем и можем идти дальше — появившись перед Софией, так и продолжавшей сидеть на старом месте, сказал я.

— Всё сделал? — спросила она, не без интереса глядя на куриную ножку.

— Почти. Время остальное закончить, ещё будет — ответил я, безжалостно ломая приготовленной живности мощный хребет. — Держи, это твой кусок.

Ходить по улицам нижнего города в сопровождении человека, раньше жившего здесь оказалось гораздо интереснее. Передо мной открылись некоторые исторические факты образования этой части поселения, ещё узнал, что даже несмотря на отсутствие указателей, каждая улица имеет своё название. Кроме этого, меня поставили в известность о том, что самый процветающий бизнес в нижнем городе — это сдача в наём домов, лачуг и отдельных спальных мест, как под навесами, так и просто под открытым небом, многочисленным пришедшим, прибывающим в это место в поисках лучшей жизни. Но больше всего удивился тому, что этот район просто изобилует торговыми точками и небольшими торговыми рядами, расположенными на узких улочках прямо возле жилых домов их владельцев. Торговля такая разрешена везде, кроме главной трассы, где она, согласно указанию местных властей, категорически запрещена под предлогом обеспечения беспрепятственного передвижения по ней транспортных средств. Понятно, что руководство города этим распоряжением обеспечивает какие то свои интересы, но населению это решение было подано, по словам Софии, именно под таким соусом. Жителям этой улицы, конечно, можно

посочувствовать, зато всем остальным, живущим ближе к окраинам, как весело. Для открытия торговых точек никакого разрешения брать не требуется, сколько бы их у тебя не было, точно так же, как и не требуется платить налог на прибыль с них, что совсем уж удивительно. Услышав про такие вольности, я задал своему гиду вполне резонный вопрос:

— А за счёт чего же тогда существует ваш городской совет? Они что же, там бесплатно все трудятся?

— В городском совете постоянно работают всего несколько человек. Сколько точно я не знаю. А им много ли надо? Вот мы сегодня заплатим сто медяков и считай, что одного из них уже прокормили.

— Как это несколько человек? Мне говорили, что их там много — не поверил я словам женщины.

— Да откуда же много? Сам посчитай. Глава, десять членов правления, этот, который выдаёт регистрации и ещё, наверное, один сторож и смотрительница за порядком и всё. Правда, сколько последних, я точно не знаю. Но даже если, сторожа два и убирающихся в помещении женщин столько же, это же всё равно не так много?

— Согласен, немного, но и не так уж, и мало. Наверняка глава и члены его, хорошие деньги за свою работу получают?

— Нет — удивлённо посмотрев на меня, сказала женщина. — Они совсем там ничего не получают. Во всяком случае, так люди говорят.

— Ну, вот этого уж точно не может быть. Они что, просто от нечего делать там заседают? А за счёт чего же они тогда живут?

— Работают, как и все остальные — не моргнув глазом, сказала женщина.

— Ты сейчас чего, так пошутила? Что значит работают, как и все остальные?

— Ну может работают не так, как ты и я, но дело у каждого своё имеется. У них столько в городе и вокруг него понастроено, столько земли захвачено, что получать ещё что то от горожан, за работу в городском совете, им, наверное, даже и не хочется.

— Вот это другое дело. Теперь понятно всё, а то говоришь бесплатно. Это совсем не бесплатно, это называется за возможность распоряжаться всем, что ещё не поделено, в своих личных целях.

— Может и так, мне то какое до этого дело. С этим пускай городские разбираются, а у нас своего хватает. Сам же видел, как мы живём.

Верхний город от нижнего отделяла примерно двухсотметровая полоса из вечно зелёных деревьев и кустарников, растущих в горах повсеместно. Она же служила и разделительной линией между роскошью, и нищетой, независимо от того, что качество дороги так и не улучшилось, а количество этажей в домах на верху было точно таким же, как и внизу. Однако всё остальное разительно отличалось от ранее мной виденного. Широкая, с ухоженными тротуарами, разбитая на мини кварталы, окружённые с трёх сторон фруктовыми деревьями и виноградниками, улица. Дома, чьё состояние оказалось на столько идеальным, что даже мне, человеку из времени, где есть на что посмотреть, придраться почти не к чему. Люди, своим внешним видом похожи на моих современников, правда отставшие от них на пару десятилетий в плане нарядов и причёсок. Всё это, а ещё наличие остеклённых окон, архитектурных изысков в виде мансард, обложенных серой черепицей и удачных пристроек, делающих жилища шире, ближе к солнцу и более комфортабельными, заставило меня поверить в правдивость ранее слышанных слов. Соглашусь, город этот, на самом деле стоит здесь очень давно. Даже независимо от того, что название мне его не

знакомо и расположен он на такой высоте, где в моё время, наверняка, почти круглогодично лежал снег, я не сомневаюсь в том, что ему не один век. Создать такую красоту впопыхах, так грамотно расположить строения, привить культуру поведения жителям за жалкие пятьдесят или даже сто лет невозможно, в тех условиях в которых оказались эти люди.

Подтверждение своим мыслям нашёл буквально через километр после начала верхней части, довольно большого по площади, поселения, в тот самый момент, когда прозвучали слова Софии:

— Нам сюда, городской совет в этом доме находится.

Догадаться, что передо мной административное здание, можно было и без вывески. О статусе постройки недвусмысленно оповещали самые настоящие гранитные ступени, ведущие к массивным дверям, две высокие колонны у входа, подпирающие собой деревянный козырёк и узкие окна, со стёклами в рамах, отражающие синеву бесконечного неба и изумлённую физиономию озадаченного молодого человека, мимоходом заглянувшего в них. Пускай внутреннее убранство строения было не таким, как мне представлялось до встречи с ним, но и его простота не смогла испортить общего положительного впечатления от увиденного. Дома из каменных блоков, не из обычных глиняных, содержащих в себе определённое количество соломы, а именно каменных, грубо обтёсанных и плотно пригнанных друг к другу, мне в этом новом мире попадаются впервые.

— Регистрация здесь — указав направление движения рукой, сказала София, уверенно шагнувшая к одной из неокрашенных дверей первого этажа.

Приблизившись к ней, вслед за женщиной, сумел разглядеть висящую на хорошо обработанном полотне деревянную табличку: «Секретарь», а ниже, написанную более мелкими буквами, другую: «Режим работы». Удивиться не получилось, сопровождавший меня человек резким движением открыл, висевшую на огромных металлических, мне это не показалось, петлях дверь и на нас хлынул поток дневного света, а вслед за ним вполне резонные вопросы находящегося в комнате служащего:

— Вы ко мне? По какому вопросу?

— Мы на регистрацию — ответила ему женщина.

— На регистрацию? Из какой общины? Новой?

Прежде чем ответить, София достала из тряпки, всю дорогу находившейся у неё в руках, кожаный рулон не большого размера, развернула его и бережно положила перед секретарём.

— Вот — сказала она тихо, — замена у нас. Вместо старого главы, нового избрали.

Работник горсовета, без лишних слов забрал грязноватую кожанку, на которой с трудом разглядел лишь тёмные, крупные цифры — одна тысяча сто сорок три и сунул её куда то вниз, а на стол выложил новую, точно такого же размера, но с другим числом. Две тысячи двадцать, было написано на ней, а кроме этого просматривался ещё и квадрат с непонятным рисунком, по всей видимости, так же, как и цифры, выжженный чем то грубым, на абсолютно белой коже.

— Сто медяков, за перерегистрацию — бесстрастно огласил мужчина цену изделия, заставившую Софию засунуть руку в интимное место, находящееся чуть ниже шеи.

— Погоди — остановил я её. — Сам рассчитаюсь.

Задавать дурацкие вопросы чиновнику, в чьём кабинете бюрократизм отсутствовал, как таковой, я не осмелился. Да и что можно спрашивать у человека, стол которого не обременён ни папками, ни печатями, даже простой шариковой ручки или хотя бы обыкновенного грифельного карандаша на этой заштатной мебели я и то не обнаружил.

Какой ответ он может дать? В его распоряжении всего две вещи, кусок кожи с иероглифами и медные монеты, с которых он, наверняка, получает лишь очень маленький процент.

Желание разузнать хотя бы что то о цифрах, изображённых непонятным мне способом на отлично выделанной коже, размером примерно десять на двадцать сантиметров, стойко держал в себе до самой улицы. Но, как только мы с Софией оказались на ступенях, поразивших меня своей величественностью ещё при первой встрече с ними, я тут же обрушил на неё град вопросов, вот уже минут пять, как не дающих мне покоя.

— Ну давай рассказывай, что это за тряпку мне выдали? — развернув свиток, перевязанный до этого тонким шнурком, спросил я женщину. — Цифры, что обозначают? А квадрат этот для чего здесь? В нём же и с увеличительным стеклом ничего не разглядеть.

— Всё просто — ответила она, о чём то тяжело вздыхая. — Цифры — это твой личный номер. У каждого главы общины такой имеется. Мужа номер я наизусть знала, да и твой легко запоминается. А квадрат — это печать городского совета, без неё цифры не действительны.

— Соглашусь, проще некуда. И чего мне теперь с этой хреновиной делать? Таскать всё время с собой?

— Да чего хочешь, то и делай. Можешь при себе носить, а можешь мне на сохранение отдать. Муж свою дома держал. И правильно делал. Не окажись её сейчас у меня на руках, нам бы новая обошлась на много дороже. Тебе решать. Ты теперь наш глава — серьёзно, как никогда, сказала женщина.

— Тогда пускай она лучше у тебя хранится. Работа у меня такая, что эта штукавина запросто пропасть может — вспомнив недавнее ныряние в грязь, сказал я. — А так вам, потом, если что, проще будет нового главу себе подобрать.

— Проще? Да мы в тебе то сомневались, хотя ты для нас столько сделал. Другого искать можно очень долго, так что ты уж постарайся не сгинуть, как мужики наши. Очень прошу тебя. И это, зачем свои деньги отдал? Я же специально из тех, что в твоём кошельке нашла, сотню отложила на эти расходы. А ты снова на нас тратишься.

— Ну ты же сама сказала, что я теперь глава вашей общины. Так должен же я хотя бы как то вам помогать? А эти деньги тебе ещё пригодятся, когда начнёте торговлю в городе организовывать.

— Не легко это сделать будет — высказалась София по поводу перспектив своего колхоза, хотя прошлым вечером говорила совсем другое. — Связи, что муж налаживал все утеряны, да и травки ещё до города доставить надо, на себе много не утащишь. Если только вот на рынок сходить и потратить эту сотню. Вдруг ослика, пускай и маленького, купить на неё удастся. Представляешь какая бы подмога нам была.

— А почему бы и не сходить? Пошли, приценимся. Если не хватит, так я ещё добавлю — предложил я женщине, зашагав в сторону нижнего города. — Всё равно же по дороге.

— Нет, совсем не по дороге. Осликов не там продают. Ими на промышленном рынке торгуют — так и продолжая стоять на месте, сказала София.

Я стоял словно вкопанный. Откуда здесь, про промышленность то знают, в этом убогом краю, где деревянные ложки и глиняные стаканы за счастье считают?

— Ты сейчас серьёзно сказала? У вас тут действительно есть промышленный рынок? — с трудом выговорив предпоследнее слово, поинтересовался я.

— Да, есть. Он там стоит — махнула женщина рукой в противоположную, нижнему городу сторону, — где мастерские располагаются.

Промышленный рынок и всё, что к нему прилагалось, расположился с противоположной стороны возвышенности, увенчанной верхним городом. Идти до него не близко, об этом меня предупредили ещё в самом начале пути, но спешить мне сегодня особенно некуда, выходить к месту временной прописки раньше завтрашнего утра не планирую, а на то, чтобы приобрести необходимое для новых поисков снаряжение, много времени не понадобится. Вот я и подумал, отчего бы тогда не прогуляться, в компании с симпатичной женщиной, к этой, ещё не изученной мной, части города, о которой Сильвио в своих рассказах не обмолвился ни словом. Вот же старый хрыч.

София была рада неожиданному попутчику. Конечно, на прямую об этом она не говорила, но мне и так всё понятно, болтала бы она всю дорогу без умолку, если бы не хотела, чтобы рядом с ней шагал ещё кто то. Разговоры её вращались, в основном, вокруг одной темы, которой страстная рассказчица пыталась и меня загрузить. Однако мне было совершенно не интересно знать, какое количество и чего она собирается посадить на грядках, и кем думает заселить загон с курятником, я лишь делал вид, что внимательно её слушаю, а на самом деле ждал, когда же наконец покажется новый микрорайон, о котором практически ничего не знаю. Появился он, как это обычно бывает, когда страстно чего то ждёшь, неожиданно. Стоило лишь главной дороге верхнего города пройти самую высшую свою точку, как далеко внизу, у подножия соседней сопки показалась широкая просека, на которой люди упорно продолжали расширять её. А буквально через тридцать шагов стали появляться и рукотворные сооружения, тут уж я не растерялся и перехватил инициативу у так и продолжавшей рассуждать в слух Софии. Пришла моя очередь удивляться и задавать вопросы.

— Это и есть промышленный рынок? — подозревая, что вижу его, прервал я женщину своим вопросом.

— Где? — взглянув на меня спросила она, резко оборвав своё повествование на полу слове.

— Да вон там, внизу.

Посмотрев в ту сторону, куда вела начавшая сужаться дорога, София кивнула головой и сказала:

— Нет, это не рынок. Там лес рубят и мастерские стоят, в которых работают с деревом. А рынка отсюда ещё не видно.

— Большой, наверное, этот район? — оценив размер промышленной части Корабельного, спросил я свою спутницу и тут же задал ещё один вопрос: — А ты, кстати, не знаешь, сколько всего народа в городе проживает?

— Да откуда же я могу знать сколько? Должно быть очень много. Сам то что, не видишь, сколько тут всего понастроено? — повысив голос, ответила женщина. Возможно ей не понравилось, что я перебил её рассказ о далёком доме.

Виджу конечно, поэтому и спрашиваю, но, как можно определить количество людей, по количеству сооружений, мне не очень понятно. А ещё мне совершенно не понятно, как на равнине, отнюдь не больших размеров, затесавшейся между трёх, приличной высоты, сопки, две из которых разделены между собой не широким водным образованием, нашло себе место столько лачуг, сараюшек, крохотных домиков и мизерных участков с загонами для

животных.

— Раньше мы здесь с мужем работали — прервав короткое молчание, поставила меня в известность, о части своей прошлой жизни, София. — Он брёвна пилил, а я одежду шила. Не просто нам здесь было, особенно по началу. А потом ничего, привыкли к местным порядкам, а вот к людям так и не смогли. Другие они здесь. У нас дома, как было, если к кому то за помощью обратишься, то всегда тебе с радостью помогут, а здесь всё на медяки переводят. Не заплатишь, можешь даже и не просить ни о чём.

Остаток пути преодолели довольно быстро. Глаза выдёргивали то один кусок муравейника, то другой и так, я за изучением общих видов промышленной части этого, похожего на айсберг, города, а София, впадая в воспоминания о своей жизни в этом месте, которыми она пыталась и со мной поделится, как то совсем незаметно добрались мы до первых строений рабочего района. Постройки, разбросанные вдоль горной дороги, ставшей ближе к своему концу почти пологой, попадались нам на всём её протяжении и ничем не отличались от тех, что стоят в нижнем городе. Но стоило только дойти до равнины, как всё моментально поменялось, причём совсем не в лучшую сторону. Хаотично разбросанные хижины, своим видом напоминающие мне жилые времянки на солеварне и обыкновенные землянки, заставляющие основную трассу вилять между ними крутыми поворотами, откровенная грязь и не убиравшиеся годами кучи деревянного мусора, грызуны бегающие под ногами без боязни, на которых редкие прохожие не обращали никакого внимания, всё это так контрастировало с ранее виденным, что можно было подумать, будто бы мы оказались в совершенно другом городе, а не в одном из микрорайонов того же.

София, легко лавируя между нагромождениями хлама, уверенно вела нас вперёд, к цели, поставленной ещё на огромной высоте. Вскоре мы оставили позади ужасные трущобы и оказались на огромном, ничем не застроенном пятачке, от которого ручейками, во все стороны, растекались узкие дорожки, мало чем походившие на нормальную дорогу.

— Это центральная площадь — сказала мне женщина, как только мы вышли на открытое пространство, которое частично было заполнено громко орущими и сильно жестикулирующими мужчинами, разного возраста.

— А чего это там такое? — кивнув в их сторону, спросил я Софию, даже ни разу не взглянувшую на этот балаган. — Что там у них за собрание?

— Это не собрание. Это бездельники, не желающие трудиться так же, как и все остальные. Собираются здесь каждое утро и колотят друг друга по чём зря, до самой ночи — ответила она, гневно зыркнув в сторону мужчин.

— То есть, как это колотят? Зачем? За что? — не найдя в её ответе хотя бы крупинцы логики, задал я сразу несколько вопросов.

— За деньги! — зло бросила женщина.

— Как это за деньги? — так ничего и не поняв, снова спросил я.

— Да очень просто. Выходят два мужика и бьются до тех пор, пока один из них не свалится на землю. А, как только такое произойдёт, тому кто устоял, деньги за это платят. Люди говорят, что совсем не маленькие.

— Это чего же, здесь кулачные бои проводят? — почти догадавшись в чём тут дело, на всякий случай поинтересовался я у женщины, так и продолжавшей идти в быстром темпе.

— Как красиво сказал: «кулачные бои» — посмотрев на меня, ответила женщина. — Но мы это по другому называем. Здесь лентяи выясняют между собой, кто из них самый ленивый. Одним словом, на всю голову отмороженные мужики бьют друг другу морды,

только для того, чтобы больше ничем не заниматься.

Я даже остановился, услышав из уст этой, как не крути, хрупкой женщины, такие знакомые слова, которые не должен был слышать в этом месте, где морозы в природе не существуют, ни при каких условиях. «На всю голову отмороженные» — звучит то, как красочно, словно песня народная. Вот посмотри ка, как жизнь сложилась. Много хороших и метких выражений давно забылось, а это прошло через века и всё так же, как и раньше, актуально.

Моя временная заминка прошла мимо глаз, уверенно шагающей к промышленному рынку, женщины. А вот мои выхватили из круга, где толкалось несколько десятков крепких мужчин, спину, которую они отличат от других, казалось бы, точно таких же, без труда и через год, и через два, и возможно, что даже через десять лет. Это была спина моего бывшего напарника по солеварне. Даю, что угодно на отсечение, но это именно она. Эти покатые плечи, чуть сгорбленный, с небольшим наклоном вперёд, торс, всё это отпечаталось в памяти так сильно и так на долго, что спутать её с чьей то другой, у меня ещё долго не получится.

Пытаясь не потерять из вида знакомую женскую фигуру, вот-вот зайдущую за стену очередного сарая, я громко крикнул ей:

— София, подожди!

— Что ещё? Чего ты там застрял? — резко обернувшись, не менее резко, спросила она.

— Подойди, мне сказать тебе чего то надо — зыряка глазами то на неё, то на спину друга, всё ещё находящуюся на том же самом месте, где её и обнаружил, попросил я женщину.

— Ну, что у тебя случилось? — сделав несколько шагов в моём направлении, словно у маленького, спросила у меня Софа.

— Я дальше с тобой не могу идти. Дело у меня здесь образовалось — поставил я её в известность о своих намерениях.

— Какое ещё дело? Ты же говорил, что не бывал здесь никогда. Откуда у тебя могут тут дела взяться? Что, тоже захотелось кулаками помахать, как и эти?

— Ты одна на рынке справишься? — не став вдаваться в детали моего дела, спросил я Софию, явно огорчённую моим заявлением.

— Конечно. Мог и не спрашивать. Я тебя в помощники к себе не звала, ты сам напросился — ответила она, став ещё более жёсткой и решительной.

— Ты подожди шуметь, чего разошлась. Да остановись ты! — Крикнул я женщине, сделавшей уже несколько шагов в обратную сторону, снимая при этом с плеч, ставший почти невесомым, мешок.

— Ну чего ещё?! — недовольно выкрикнула она, стараясь перекрыть взорвавшуюся громким возгласом толпу.

— Вот, возьми — сказал я, протягивая Софии пару медяков. — Этого, наверное, хватит на ослика?

Женщина подошла вплотную ко мне, взяла предложенные деньги, посмотрела на них так, как будто впервые такие видела и сказала:

— Возьму, хотя и не должна этого делать.

— Почему не должна? — спросил я, не понимая, в чём состоит криминал моего поступка.

— Потому, что так и не могу сообразить, зачем ты всё это делаешь — стараясь

проникнуть внутрь меня взглядом, сложно ответила женщина, на, казалось бы, простой вопрос.

— А тебе не всё ли равно почему? Тебе не об этом думать надо, а том, чтобы завтра твои дети голодными не остались — нисколько не рисуясь ответил я в грубой форме, сам того не ожидая.

— Наверное ты прав, но мне всё равно не по себе. У меня почему то возникает такое чувство, что ты нас всех купить пытаешься. Хотя для чего тебе это, я тоже не пойму. Ладно, потом про это ещё поговорим. Зайди к нам, на обратном пути. Договорились? — сказала София предельно серьёзной и попрощавшись, пошла дальше одна.

— Зайду — тихо сказал я удаляющейся и наверняка, уже не слышавшей меня, женщине. — Обязательно зайду.

Глаза меня не подвели, спина действительно принадлежала моему приятелю, так же, как и я пробравшемуся через все заслоны, кордоны и многочисленные облавы, на которые наверняка не поскупилась охрана солеварни, после нашего побега. Он мало изменился, хотя его, всё так же не бритое лицо, округлилось, а тело приобрело более живой вид. Думаю, мало кто из караульных, да и сидельцев тоже, смог бы сейчас в этом человеке опознать того худого, жилистого старикашку, с волчьими глазами, спина которого ежедневно маячила передо мной на протяжении вроде бы и короткого, но на самом деле, такого долгого времени.

— Вот мы тебя и нашли, Драп — шепнул я ему на ухо фразу, от которой мой приятель дёрнулся и резко обернулся назад.

Слова, произнесённые мной практически без паузы, следом за этими, вынудили меня выдавить из себя глаза, от которых мне и раньше иногда становилось не по себе. Они по прежнему были злыми, колючими, а в этот раз, в добавок ко всему, холодными и совершенно чужими, хотя, как это и ожидал, принадлежали моему приятелю. Не сделай я этого, не знаю, чем бы закончилась наша с ним неожиданная встреча.

— Успокойся, успокойся. Это я, Молчун — проговорил я так же тихо, но очень быстро, опасаясь, что не успею этого сделать.

— Пойдём — зло бросил мне мужчина, вцепившись в мою правую руку своей железной хваткой.

Мы прошли метров триста, прежде чем он остановился, заведя меня за стену полу разрушенной постройки и прислонил к ней спиной.

— Я догадывался, что ты, Молчун, весельчак, каких поискать ещё надо, но не знал что на столько. Свои шутки надо было там, на солеварне демонстрировать, а здесь им не место. Ты меня понял? — сказал мне человек, которого я, казалось, вижу в первый раз в жизни.

Вместо придурковатого балагура, каждый вечер дерущегося с сокамерниками и болтающего всякую хрень, передо мной стоял мужчина, прочитавший, как минимум три книжки и до сих пор помнящий их содержание.

— Ты чего такой напряжённый? Расслабься, мы уже давно на воле или ты так ещё и не понял, что всё уже давно закончилось? — сделал я ему предложение, выразившееся в виде двух вопросов.

— В том то дело, что не уже, а ещё. А это большая разница — продолжил поражать меня, мой резко изменившийся приятель. — Ладно, будем считать, что недоразумение исчерпано, если конечно ты понял о чём я говорю.

Долго думать над тем, как реагировать на перемены, произошедшие с моим знакомым я

не стал. Мой жизненный опыт и здесь оказался на высоте. Заговорил с бывшим напарником точно в таком же тоне, как и он со мной.

— Я понял, что ты долгое время умело маскировался, а по возвращении домой решил снова стать тем, кем был раньше. Но и я уже не тот Молчун, с которым ты соль таскал, так что свои замашки оставь для когонибудь другого. А со мной води себя проще, иначе не посмотрю на твои заслуги, в деле моей адаптации на каторжных работах и набью твою отожравшуюся на вольных хлебах морду. Ты знаешь, я это сумею сделать.

— Зря обижаешься, приятель — спокойно ответил Драп, глядя на меня снизу-вверх. — Если бы ты знал сколько раз меня здесь уже пытались продать властям, то по другому бы заговорил.

— Так с этого и надо было начинать. Сказал бы прямо: «Владик, кругом враги, води себя аккуратнее». Я что, не понял бы? — улыбнувшись, сказал я товарищу.

— Жрать хочешь? — перевёл он наш, начинавший заходить в тупик, разговор, в другое, более приятное для уха русло.

— Конечно — не став скромничать, ответил я.

— Ну да, мог и не спрашивать. Помню, как ты жрал на кухне — дружески хлопнув по моему плечу, уже веселее сказал Драп. — Пошли тогда, покажу тебе одно достойное место. А по дороге расскажешь, каким это ветром занесло тебя в наши края и, как это ты умудрился отыскать меня в этой каше.

Пока мой товарищ водил нас кругами между столярных, деревообрабатывающих, чего то строгающих, расщепляющих и прочих мастерских, занимающихся с одним и тем же материалом, я без подробностей, налегая лишь на ключевые моменты, рассказал ему, как безуспешно искал своего единственного «родственника». Затем плавно перешёл к моменту нашей случайной встречи, цели моего визита в этот район и неожиданно вспомнил, что не завершил одно важное дело.

— Твою же мать! — выругался я, понятной во все времена фразой. — Забыл отдать регистрацию!

— Какую ещё регистрацию? — спросил, напуганный моим неожиданным воплем, Драп.

— Да я тут, можно сказать, чисто случайно, заделался вожаком небольшой общины и сейчас у меня на руках имеется регистрация об этом событии, которую таскать с собой мне совсем не хотелось бы.

— Ты чего официально у властей получил номер и тебя ни о чём таком не спросили?

— Почему не спросили? Спросили откуда родом и, как зовут. А ещё поинтересовались у женщины, которая меня привела в городской совет, добровольно ли они меняют своего главу. Вот и всё. А чего, ещё что то должны были?

— Так ты же беглый!? — изумлённо глядя на меня то ли спросил, то ли констатировал факт Драп. — Хотя да, тебя же здесь никто не знает. Скорее всего, так оно и есть. Ты же не местный, стукануть на тебя некому и это значит, что ты и так был свободный человек, в отличии от меня.

— Это что, плохо?

— Это хорошо и это всё меняет. Потому что теперь ты можешь оказать мне неоценимую услугу.

— Каким это образом? — не понимая о чём идёт речь, спросил я.

— Сдашь меня городскому совету, как беглого и сразу же выкупишь, в свою общину. Я стану твоим человеком. Слышал раньше про такое?

— Так, краем уха — соврал я. — Поэтому лучше будет, если ты мне всё расскажешь подробнее.

— Тихо ты, не шуми раньше времени — оглянувшись по сторонам, прошипел Драп. — Потом обо всём расскажу. Поедим сначала и расскажу, если ты у нас такой не понятливый. Вот сюда заходи. Да не бойся ты, здесь может и не так чисто, как там, в верхнем городе, но кормят не хуже, это я тебе гарантирую.

Кормили в чумазом заведении прилично. Вкусное жаркое, в огромных глиняных мисках выглядело аппетитно и пахло не хуже, кипятком, цвета крепкого чая и картофельные оладьи к нему, не оставили бы равнодушным и более ревностного ценителя домашней кухни, а меня они так и вовсе привели в полный восторг.

— Кролик? — обглаживая очередную косточку, уточнился я у Драпа, о принадлежности поглощаемого мяса к конкретному животному.

— Угу — ответил он. — Тут их много бегают, от одной норки к другой.

— Опять крыса! Да вы тут что, охренели что ли! Они мне в поле надоели, так ты ещё и здесь меня заставил их жрать. Что, по приличнее этого ничего не нашлось?

— Хорош ныть. Доедай и пойдём. Не понравилось ему, посмотри ка какой выискался. Можно подумать у тебя дома их не едят. Меньше о еде думай, у нас с тобой другой вопрос на первый план вышел, нам надо где то целую кучу медяков заработать, прежде чем я стану твоим полноправным другом и верным рабом — продолжая, как ни в чём не бывало, доедать свой обед, заявил Драп.

Денег действительно надо не мало. Той суммы, что имеется у меня не хватит и на третью часть выкупа, который я буду обязан, Драп так и сказал, слово в слово — обязан, внести за него в совете, во время его добровольной сдачи органам правопорядка. Целых пять тысяч медяков должен уплатить в казну каждый, желающий официально приобрести себе беглого каторжника. Сумма по здешним мерка — бешеная. Даже мне, владельцу базы стеклотары и механических часов, в рабочем состоянии, она маленькой не кажется.

— И чё? Где мы столько денег с тобой раздобудем? На новые земли потопаем? Так там они под ногами не валяются, за них тоже побиться придётся и то не известно, повезёт ли отвоевать столько у грязи — спросил я Драпа и заодно объяснил ему ситуацию, уже на свежем воздухе, где успел заметить нескольких кандидатов на будущее жаркое. — Вот же мерзость! Не зови меня больше сюда жрать, не пойду!

— Можно было бы и на новые — пропустив мимо ушей моё предупреждение, сказал Драп. — Но раз ты говоришь, что там не просто, то пока воздержимся. Ты же у нас специалист по ним, верно?

— Ну, специалист — подтвердил я общеизвестный факт. — И что из того?

— Да нет, ничего. Я только хотел убедиться, тот ли ты, за кого себя там, на солеварне, выдавал.

— Убедился? И дальше чего?

— Дальше? Дальше обратно пойдём, на площадь. Драться сегодня будем. Ты, на сколько я помню, руками хорошо машешь. Вдвоём мы, за неделю, должны будем управиться, если конечно фарт жопой не повернётся. Но ты парень вроде удачливый. Как, удача тебя ещё не разлюбила?

— Пока везло, а как будет после очередной встречи с тобой, не знаю — обратив внимание на новые слова, ранее не замеченные в лексиконе моего товарища, ответил я.

— Не бойся, я тоже в везунчиках числюсь, у тётки фортуны.

Ну ты посмотри, что воздух свободы с людьми делает. Никогда бы не подумал там, в том аду, что в этой лохматой башке скрываются такие интересные слова и мысли.

Первым на арену вышел Драп, сделал он это после того, как один бугай, на голову выше его, согласился в схватке с моим приятелем поставить двести монет, из которых другу, в случае победы, достанется лишь половина. Вторая уходит, организатору и одновременно смотрящему за процессом мордобоя, имеющему официальное разрешение на проведение культурных мероприятий такого высокого уровня, злобному Карабасу, наживающемуся на людских пороках и позволяющему, кое кому из дерущихся, тоже поучаствовать в распределении прибыли.

Я видел, как бился мой товарищ в замкнутом пространстве, почти в полной темноте, в то время, когда он боролся за свою жизнь, но тогда мне его умение не показалось каким то сверхъестественным. Здесь же всё выглядело на много зрелищнее и впечатляюще. Нет, он не обладал, убийственным ударом, одного попадания которого хватило бы для быстрого завершения схватки, и приёмы известные мне, ему тоже не были знакомы, но было у него какое то внутреннее чутьё, позволяющее предугадывать дальнейшее поведение противника и умело противостоять ему. Это качество помогало Драпу и решающие удары наносить в тот момент, когда его соперник абсолютно не был готов к ним или попросту не ожидал, что из такой позиции они могут прилететь в его сторону и уворачиваться от не менее впечатляющих замахов противника, рубящих воздух в сантиметрах от него. В общем первые сто рублей в нашу копилку прибыли минут через десять и стоили они моему другу всего то одного синяка на левой скуле, что вполне нормально для такой серьёзной суммы. Мне за такие деньги, на новых землях, приходилось не меньше рисковать, но зарабатывать их с такой быстротой, как это вышло у Драпа, здесь у меня ещё никогда не получалось. Даже во время продажи своих личных вещей, надо было долго добираться до пункта приёма, стоять в длинной очереди, торговаться с вредным скупщиком и лишь после этого я получил возможность ощутить в ладонях несколько жалких монет. А здесь? Вышел на ринг, у которого вместо канатов люди, набил морду не знакомому человеку и пожалуйста, идите в кассу. Мне нравится такая работа, ей богу нравится.

— Ну чего, я пока отдохну. Следующий твой будет — предупредил меня друг, стараясь привести в норму дыхание.

— А кого мне брать? — спросил я его, разглядывая претендентов.

— Не дёргайся, спокойно стой. Я скажу, кого будешь уламывать.

Вечер заканчивался там же, где прошёл и обед. На ужин ел всё тоже жаркое, хотя до этого и зарекался, когда либо ещё угощаться им. Драп сказал, что только здесь наши покалеченные морды ни у кого не вызовут подозрения и мне пришлось согласиться с ним. Чувствовал, что левый глаз, самую малость припух, нижняя губа оттопыривается чуть-чуть больше обычного и щека, куда заехал последний мой противник, горит словно её кипятком ошпарили. С такой физиономией в нормальное место действительно лучше не соваться, да и где оно, нормальное, найдётся ли вообще в этом гадюшнике такое.

Подсчёт нашей копилки на сон, грядущий показал, если дело так и дальше пойдёт, то мы сможем раздобыть нужную сумму на много раньше, чем это предполагал Драп перед началом нашей боксёрской эпопеи. Вдвоём работать на ринге оказалось очень прибыльным занятием. Я провёл пять схваток, из которых за явным преимуществом одержал победу в двух, а ещё три выиграл нокаутом, чем привёл многочисленных зрителей в бешеный восторг и заработал себе новое прозвище, понравившееся мне не меньше, старого.

— Молот! Разбей ему башку! Молот! Выбей ему глаз! — ревела толпа, в опускающихся на промзону сумерках, своему кумиру и это мне нравилось на много больше, нежели ныряние в грязь, и нудный поход по лесу среди болот, и коварных ловушек.

Драп дрался семь раз, как сторожил ринга и человек сильнее заинтересованный в процессе. Свои поединки он тоже все выиграл, хотя возможно и не так эффектно, как я, но не менее продуктивно. Если честно, то для парня не имеющего понятия о приёмах и технике, выглядел он изумительно. Не будь у меня за плечами года тренировок в секции и целой жизни в родном криминальном районе, мне даже и мечтать нечего было выиграть у него, хотя бы по очкам. А так, надеюсь на то, что если наш с ним бой когда либо состоится, то за первенство я вполне могу побороться.

— Вот смотрю я на тебя Молчун и не пойму — заговорил Драп, когда мы уже укладывались спать в доме его родителей. — То ли у вас все там, на новых землях, такие придурковатые, то ли мне так повезло с одним таким встретиться? Другого мне бы пришлось очень долго уговаривать, доказывать его выгоду, клясться, что он никогда не пожалеет, получив в своё распоряжение такого раба, как я. А ты? Молча кивнул головой, кинул в общую кучу все свои деньги, морду подставляешь, по чём зря, под чужие кулаки и хоть бы что тебе. Объясни мне, для чего ты всё это делаешь? Может я чего то в жизни не понимаю или отстал от неё, за годы проведённые на солеварне?

— Чё пристал? Я спать хочу. Думай, чего хочешь, мне всё равно — ответил я.

— Нет, ты мне скажи... — пытался пробиться сквозь мой сон, не менее меня побитый, товарищ.

А что я ему могу сказать? У меня дома это считалось нормой. Если твоему другу нужна помощь, то не стоит жалеть для этого такой мелочи, как кулаки и лицо. Я уже не говорю о деньгах, которые может быть и не очень легко достаются, но приносят куда большую радость, когда уходят на доброе дело, а не улетают на очередную подружку, так и не ставшую другом впоследствии.

Три дня мы радовали публику, себя и огорчали соперников, зарабатывая для Драпа и для организатора соревнований, приличные деньги, а на четвёртый, как отрубило. Желающих отдавать нам в этот день медяки не нашлось, не нашлось их и на пятый, после чего Драп постановил, что следует сделать перерыв, хотя бы ещё дня на три, чтобы наши успехи успели забыться, а моя слава, как зубодробильщика, не много померкнуть. Так и поступили, стали проводить дни и ночи напролёт в родительском доме моего приятеля, который уже, как года два, стоял на половину пустой. Старший и младший, братья моего приятеля, подались на заработки и в сараюшке, отчего то называемой здесь жилым домом, сейчас проживают лишь его мать старушка и отец, подрабатывающий у кузнеца в подручных, на большее сил у старика уже не хватает. Без дела мы не сидели, мой товарищ днём резал ложки, которые его матушка потом загоняла по дешёвке местным барыгам, а я помогал ему, подготавливал поленца к более квалифицированной обработке и выслушивал его бесконечные рассуждения, о перспективах нашей дальнейшей жизни, как он сам заявлял, помогающие ему в работе.

— Можно, конечно и здесь обустроиться — в очередной раз завёл он уже достаточно заезженную пластинку. — Я, пока на ложках буду кормиться, потом к кузнецу наймусь, в ученики, не всё же с обычными деревяшками возиться. А ты можешь и дальше в кругу толкаться, раз в неделю очередную жертву мы тебе всегда найдём. Там люди часто меняются, завсегдатаев мало осталось. Ну, а потом глядишь тоже к какому нибудь делу

прибьёшься. Что то же ты умеешь делать кроме, как руками молотить и по болотам шататься, или тебя родители, так ничему полезному и не обучили?

— Ты моих родителей не трогай, я же про твоих ничего плохого не говорю, даже несмотря на то, что на каторге с тобой познакомился. А на счёт умения, так я побольше твоего умею. Только негде здесь мне свои таланты проявить, да и первоначальный капитал для этого нужен. Я, к твоему сведению, некоторое время назад при торговом деле состоял и чтоб ты знал, меня там очень ценили — рассказал я доморощенному папе Карло, о своих талантах.

— Ну вот видишь, в случае чего мы можем с тобой лавку открыть — обрадовался Драп моему ремеслу и немного поразмыслив спросил: — Слушай, а чё мы тогда мать посылаем ложки продавать? Мог бы сам их толкать, если говоришь, что умеешь этим заниматься.

Я не нашёлся, что ответить на такое предложение, но мой товарищ сам себе всё объяснил:

— Хотя нет, с такой харей, как у тебя сейчас, их мало кто у нас купит. Не стоит даже и пробовать.

Какое то время работали молча, но говорливый друг просто так, не задействовав свой речевой аппарат, долго сидеть не может.

— Можно ещё и в твою общину податься — предложил он мне новый вариант заработка, хотя об этом мы вроде бы уже чего то раньше говорили. — Как думаешь, примут нас там вдвоём?

— В ту, в которой я числюсь старшим или туда, где временно обитаю? — спросил я его, прежде чем дать окончательный ответ по этому поводу.

— Да куда хочешь. Где возьмут там и пристроимся. А чего, сам же говорил, что баб там и там навалом, свободных, почему бы с одной из них и не покуролесить? Ты, как на счёт этого?

— Я завсегда и с большим удовольствием. Но только видишь ли в чём дело, там, где живу, за такие дела могут и оторвать то, чем ты веселиться собрался, а туда, где меня пару дней назад приняли в общину, я и сам не пойду. Не удобно мне жить среди голодающих женщин, даже несмотря на их одинокое положение.

— А чего неудобно? Мы же не просто так там слоняться будем, работой какойнибудь займёмся. Что у них, мужских работ в общине не осталось, сами всё делают?

— Не знаю, наверное, осталось что то и для мужиков, но выяснять это не хочу. Так что забудь про них.

— А чего так? Давай хотя бы попробуем.

— Сказал, туда не пойду и всё.

— Ладно, не хочешь не надо — не стал настаивать Драп. — Давай заканчивай с дровами, обедать уже давно пора.

Достойных вариантов постоянного заработка для таких, как мы, в этом городе и его окрестностях совсем не много, а мне так и вовсе ни один из предлагаемых приятелем не нравится. Ну, возможно, кроме того, от которого мы временно отдыхаем. Но мордобоем всю оставшуюся жизнь заниматься не будешь, да и постоянно ходить с подбитым глазом тоже, не очень солидно. У меня конечно есть кое какие соображения по поводу моего будущего, но делиться ими с Драпом я не собираюсь, во всяком случае пока. А вот попросить его об одолжении, в тот момент, когда он находится на перепутье и сам толком не знает, чем будет заниматься завтра, сейчас самый подходящий момент.

Мне уже в конце прошлого похода было предельно ясно, что продолжать и дальше искать Степана без чьей либо помощи будет совсем не просто, если до этого было не легко, то каково будет в этот раз, когда придётся лазить по совершенно не знакомым местам. Вот в моей голове и зародился план по привлечению беглого каторжника в качестве помощника на ближайший выход в этих их, плохо изученные местным населением, новые земли.

— Послушай, Драп — сказал я ему после обеда, во время вырезания им очередной ложки. — Если у тебя такие сложности с выбором занятия на ближайшую перспективу, то не мог бы ты мне тогда оказать услугу. Ну конечно после того, как мы из тебя снова сделаем свободного жителя промышленной зоны.

— Что за услугу? — спросил резчик, не подымая глаз и продолжая упорно ковырять тупым ножом свою деревяшку.

— Мне нужен человек, готовый отправиться со мной на новые земли. Не на долго, недели на две, ну может на три. Не согласился бы ты стать моим спутником в этом походе?

— Я? — бросив нудное занятие и удивлённо взглянув на меня, спросил Драп.

— Ну да, ты.

— Да я же ничего в этом, вашем деле не понимаю. Я даже, когда сюда из солеварни добирался обходил вашу территорию за десять километров. Какой из меня там толк будет?

— Ну, как то же сюда ты сумел дойти, а там не на много сложнее — привёл я довод, как мне казалось, способный убедить моего товарища принять правильное решение.

— Сравнил. Сюда я шёл по обычном лесу, который и не помнит даже, как море выглядит, а в вашем краю оно ещё не окончательно его освободило. Наслышан я, что там у вас с людьми происходит. Нет уж, поищи себе в помощники кого то другого.

— Да я бы может и искал, только некого мне здесь искать. Кроме тебя я в вашем городе никого не знаю.

— Попроси когонибудь из общины. Там, где ты сейчас живёшь. Мужиков у них, должно быть, навалом. Они уж точно более привычные ко всем тамошним премудростям.

— Молодец ты. Когда тебе надо было помочь, я тебя долго не спрашивал, что и за чем, а пошёл и стал махаться с кем ты сказал. А, как мне от тебя помощь потребовалась, ты сразу вилять начал.

— Сравнил тоже. Одно дело пойти подраться пару раз, а другое самому, можно сказать, в петлю лезть.

— Ну ты и хмырь! — не выдержал я и повысив голос спросил: — Так что, можно так тебя понимать, что ты отказываешься помогать мне?!

— Ничего я не отказываюсь! — также громко ответил приятель — Просто пытаюсь размышлять в слух, а ты сразу отказываешься. Дело то ты не простое предлагаешь, его обмозговать надо, прежде чем на него решаться. Да и чего это тебе вдруг приспичило так срочно отправляться туда? Живи с нами, я же тебе уже третий день толкую, не пропадём здесь, какнибудь устроимся.

— Не пропадём! Устроимся! Меня там, мой единственный родственник уже третий месяц дожидается, а он мне оставайся.

— Так пускай и он к нам сюда перебирается. Попроси когонибудь из одиночек, передадут они ему твоё предложение. Пока он сюда дойдёт, мы с тобой уже чего то придумаем.

— Да, как я ему передам, если сам толком не знаю, где он находится. Я затем и собираюсь туда, что хочу отыскать его. Два раза уже ходил. На старом месте не нашёл, а в

тех краях, где он сейчас должен был устроиться я ещё ни разу не был. Вот и хочу, чтобы рядом был кто то. Мало ли чего, всё таки вдвоём веселее.

— Веселее. Помирать, что одному не весело, что вдвоём, а там это быстро может случиться. Сам же мне про это рассказывал.

Мы замолчали, устав друг друга атаковать своими аргументами. Мне, если честно, после такого разговора хотелось прямо сейчас же уйти и не встречаться с этим хитрым субъектом больше никогда, пускай сам все свои дела улаживает. Но, слово не воробей. Я уже пообещал этому «скромному» парню, что сделаю его относительно свободным человеком. А данное слово для меня не простой звук, ничего не попишешь, его держать надо.

— А ты уверен, что этот твой родственник, ещё живой? — нарушил молчание Драп. — Он тебе вообще кто?

— Дядя это мой. Роднее его у меня никого не осталось — без зазрения совести соврал я.

— Дядя — это хорошо, у меня тоже был дядя. Умер три года назад. Так вот, я поэтому и спрашиваю тебя, может и твой также уже, того. Может зря ты напрягаешься?

— Мой не умер, я это точно знаю, он мне привет на старом месте оставил. Да и с чего ему умирать, он у меня живучий.

Драп, забив на мою просьбу, стал рассуждать на тему жизни и смерти, а это означало, что ответа от него я в ближайшее время не дожусь.

За ужином, сын хозяина лачуги делал вид, что никакого неприятного разговора между нами не было. Он снова болтал о том, чем нам можно будет заняться в самой ближайшей перспективе, правда ничего нового так и не придумал. Лишь, когда совсем стемнело, этот доморощенный мыслитель соизволил заговорить о моём деле, причём в таком тоне, будто бы это я его пол дня отговаривал идти со мной, а он упорно сопротивлялся этому.

— Я тут подумал и решил, что надо всё таки мне идти искать твоего дядю. Был бы мой жив, я бы его тоже в одиночестве не бросил и можешь даже не переубеждать меня, решение моё окончательное. Значит сделаем следующим образом, как только выкупишь меня у городского совета, сразу же топаем искать его. Сюда возвращаться не будем, нечего зря время тратить. Согласен со мной?

— А я ничего другого делать и не собирался. Так бы и поступил, не зависимо от того, что ты тут нарешал — поставил я его на место, но подумав, всё же смягчил свой приговор. — Правда проблемка не большая у меня имеется, по которой я хотел бы знать твоё мнение. Деньги нам нужны будут, на разное барахло. Моё в прошлый раз почти всё сгинуло, а если и ты идёшь, то и тебя одевать надо. Чего с этим делать будем?

— Эта не проблема — авторитетно заявил Драп. — Завтра, после завтра, заработаем. Не всё хватит. Желаящие набить нам морду найдутся. Народ подзабыл уже о наших с тобой подвигах, да и новые люди в кругу уже должны были появиться, вот у них то и возьмём.

Приятель знал о чём говорил, люди на площади сменились почти на половину и дело нам нашлось довольно быстро, но это не позволило сегодня же закрыть все наши вопросы. Выбитых денег не хватило даже на то, чтобы закрыть ими недостающий остаток суммы для выкупа Драпа. Публика на площади собралась безденежная, ставили в основном копейки, за которые нам, к слову сказать, надо было тоже попотеть.

Пришлось ждать новый день и новых претендентов. Кроме выкупа нам ещё много на что предстоит потратиться. Как минимум, в таком виде вести в лес товарища я не собираюсь, да и без запаса веревок туда я больше не ногой. Вот магазинские колышки, допустим, мне там больше не понадобятся, если что друга попрошу их нарезать, у него глаз намётан на крепкое

дерево, а верёвок надо будет больше взять, без них на болотах делать нечего. Ну и с остальным у него почти ни как, и у меня кое в чём имеется недостаток, а кроме этого есть ещё одно не выполненное дело, требующее материальных затрат. Подарок, отложенный продавцу Одиночки, давно выпит, а его место так ничем и не занято, топать же в новый поход до того, пока не отблагодарю человека, заставившего купить меня копьё, я не собираюсь, из-за простого суеверия.

Последние драки дались так тяжело и с такими последствиями, что пришлось задержаться в промышленной зоне ещё на одни сутки. Не идти же с такими рожами в верхний город, да ещё на приём к ответственному лицу. День всё же, несмотря на непрезентабельный вид, у нас даром не прошёл, его мы потратили на покупку транспорта и подарка. Денег на то и другое хватает. Последний бугай, которого мне удалось завалить только минут через двадцать после начала поединка, на кон поставил пятьсот медяков и будь на моём месте кто то другой, он бы получил половину этой суммы в качестве вознаграждения, без всякого сомнения, уж сильно здоров был, собака.

Осла и телегу для ушастого выбирали почти до самого обеда. Казалось бы, чего проще, купи здоровое животное и рабочую тачку с упряжью для него, и всё. Но Драп ввёл такое количество мелких поправок и замечаний в этот процесс, что пока мы от всех них избавились, перебрали штук двадцать парнокопытных и не менее десяти двухколёсных колесниц. Ближе к середине поисков я махнул на всё рукой и предложил товарищу самому выбирать и то, и другое. Опыта в общении с такими животными у него наверняка больше, да и с использованием транспортных средств такого типа тоже навык повесомее моего будет.

Двухсот двадцати местных рублей нам хватило на то, чтобы обзавестись средством для перевозки грузов, без которого Драп не собирался покидать насиженное место ни при каких условиях. Оставляя на попечение родителей вещи, большинство из которых и мне казались очень привлекательными, и даже необходимыми для дальнего похода, действительно не стоило. Только вот вопрос, где мы это всё, включая осла и телегу, держать будем потом, когда уйдём в лес и кто за этим присматривать будет? Ну да ладно, дело сделано и слёзы лить по этому поводу не следует. Сейчас пришло время подарок для продавца выбирать, на это дело у меня отложено целых двадцать пять монет, не много конечно, но сегодня ни я, ни парень, для которого он предназначен, на большее рассчитывать не можем.

На сколько Драп соображал в ослах, ровно на столько же он не разбирался в подарках. Предложения от него сыпались одно хуже другого, а мне разобраться в море деревянных товаров, было ещё сложнее. Шло время, а я так и не мог решить на чём остановиться. Деревянную шкатулку, сундук из цельного дубового ствола, набор деревянных ложек разного размера, ну на худой конец плохенький ножичек с дерьмовой рукояткой, но без ножен — это предлагал мне купить мой практичный товарищ. Нормальные предложения, если бы допустим я решил отблагодарить его отца, за предоставленный ночлег. А для молодого парня, имеющего такую шикарную профессию, это совсем не подойдёт. Миниатюрный кожаный кошелёк, не с завязками, какие здесь сплошь и рядом, а с металлической, пускай и грубоватой, бляшкой, на ремешке — вот что я выторговал у кожевенных дел мастера, ровно за двадцать пять медных чешуек. Несмотря на то, что первоначальная его стоимость составляла целых тридцать восемь.

— Ну что, всё? Теперь ты доволен? — спросил меня Драп, с отвращением наблюдавший за моим торгом.

— Вполне. Поторговались весело и купил то, что вполне можно подарить продавцу.

— Тогда поехали домой. Осла кормить уже давно пора, да и самим подкрепиться не плохо было бы. Мне ещё вещи собирать. Это ты у нас, как пришёл с пустым мешком, так и обратно идёшь.

— Хорошо сказал. Я здесь появился с кучей денег, а теперь что?

— Теперь у тебя осёл есть, телега, пять тысяч в кармане, кошелёк с железкой на боку и самое главное ты друга нашёл, а это, согласишься, совсем не мало?

Прав Драп и возразить ему нечего. Найти друга в чужом мире, совсем не просто. Ослог здесь навалом, а вот друзей. За всё время, что я здесь обитаю кроме этого, так никого и не нашёл. Нет, хороший товарищ в общине у меня имеется, но чтобы он стал ещё и другом, надо столько же соли с ним перетаскать сколько я с этим парнем на своём горбу вытаскал.

Для поездки в верхний город приятель мой напялил на себя такие одежды, что во время нашего хождения по дорогам промзоны, без слёз на него никто не мог смотреть. Я и сам несколько раз прослезился, правда не из жалости к идущему рядом персонажу, а от смеха, который исправно сдерживал в себе всеми доступными методами до тех пор, пока мы не оказались в полном одиночестве. Зато, когда наш шустрый ослик медленно, но упрямо заковылял вверх, с натугой волоча за собой гружёную барахлом Драпа тележку, здесь уж я дал волю своим чувствам.

— Ну ты и клоун! Зачем эту рванину на себя одел, сердешный ты мой?! Совсем умом тронулся?! А я ещё удивлялся тому, как ты резко переменялся, с нашей последней встречи — заливаясь от смеха, выговорил я товарищу.

— Клоун это, что такое? Обидное что то? — не обращая внимания на мой припадок веселья, спросил Драп.

— Это человек такой — продолжая извергать из себя могучее ржание, на радость ушастому ослу, отчего то закосившего в мою сторону, сказал я сквозь смех и слёзы. — Глядя на него всё смеются. Примерно так же, как и я сейчас. Нет, ну ты мне скажи хотя бы, откуда ты это всё взял?

— Странно. Из всех, кто нам на дороге попадался никто не смеялся, глядя на меня. Один ты только ржал. И кто из нас тогда клоун? — парировал мой вопрос Драп и после паузы, взятой на мгновение, спросил: — Что ты на это скажешь?

— Остальные тебя не знают, как я. Они же натурально верили, глядя на твои связанные руки и этот балахон с дырками, что я тебя на расправу веду. Но я то знаю, что это не так — ответил я, прервав занятие, которому посвятил последние минут десять.

— А я вот, пока ты кожу с цифрой, где будет указан мой новый порядковый номер, не получишь, не торопился бы так утверждать — серьёзно заявил Драп.

— Да ладно тебе. Всё нормально будет. Моя регистрация при мне, деньги тоже на шее висят, ты на месте. Чего тебе ещё не хватает? Сам же говорил, что этого достаточно чтобы закрыть все вопросы.

— Говорил. Но одно дело говорить, а другое участвовать самому, в этом представлении. Как там всё происходит я знаю лишь из разговоров тех кто, вроде бы, уже откупался таким способом, но на сколько они правду говорили мне достоверно не известно. Поэтому давай, побереги своё и моё здоровье. Молча иди рядом и не приставай ко мне с разными вопросами. Где взял? Зачем одел? Если одел, значит посчитал, что так лучше будет. Знаешь, не очень то весело идти со связанными руками, даже рядом с тобой.

Разговаривать вскоре мы и так перестали, дорога взяла круто вверх, и болтать сразу же перехотелось. Бедный ослик весь напрягся и резко сбавил темп, пришлось помогать ему, взвалив на свои плечи часть вещей Драпа, из которых один чугунок килограмм десять весил. Вот тут то уж мой приятель посмеялся, конечно не во весь голос, как я до этого, но ехидный смешок с его губ нет нет да и срывался.

Верхнего города достигли на много позже, чем я на это рассчитывал. Несколько вынужденных остановок, сделанных исключительно по категоричному требованию упрямого осла, расстроили не только график движения, но и окончательно вывели меня из себя. Угрозил же чёрт, идущего сдаваться каторжанина, выбрать именно это, самое

упрямое, из когорты ушастых упрямцев, животное.

— Ну что, сразу меня поведёшь в городской совет или немного отдышаться хочешь? — спросил Драп, когда мы оказались возле ступеней грандиозного, по здешним меркам, здания.

— Отдышаться не хочу — ответил я нервно. — Осла этого хочу привязать, куданибудь. Не ровен час эта морда решит, что ему домой пора возвращаться и обратно в низ потопаёт. Где это сделать можно? Может подскажешь что? Чего стоишь и улыбаешься?

— Да вон к кустам, прямо у дороги, прицепи его. Не убежит.

— А не стащат, вместе с твоим барахлом, пока нас не будет? Как тут у них с этим?

— Здесь не должны, побояться. Всё таки городской совет под боком — не уверенно ответил Драп.

Как предложил товарищ, так я и сделал. Привязал к самой толстой из веток поводок осла и повёл своего друга на заклание. День у меня видно сегодня такой, только и занимаюсь тем, что разбираюсь с разными бессловесными и разнесчастными.

— Здравствуйте — войдя в знакомый кабинет без стука, поздоровался я, затаскивая за собой беглого каторжника. — Вот, привёл к вам человека. Народ говорит беглый. Да он и сам от этого не отказывается.

— Чего тебе? — недовольно спросил меня секретарь, сидевший без дела за длинным столом, пропустив мою речь мимо ушей.

— Привёл говорю. Сказали сюда его вести. Беглый это — более кратко повторил я, своё предыдущее высказывание.

— Беглый говоришь? И где ты его выловил?

— Там, внизу — показав направление, ответил я. — Кто то заорал: — «Держи беглого!», вот я его и задержал.

— Номер у тебя имеется? — обратился сотрудник горсовета к Драпу.

— Пять тысяч четыреста восьмой — ответил тот, делая вид, что очень обижен на меня.

— А у меня две... — решил я и свой сообщить, на всякий случай.

— Твой не надо. Я тебя помню — прервал меня секретарь и обратился к человеку со связанными руками: — Ну что пошли, посидишь в тёмной, а после обеда я посмотрю не соврал ли ты на счёт номера и буду решать, куда девать тебя дальше.

— А мне что делать? — спросил я, хозяина комнаты.

— Тебе? Тебе ждать, но тоже на улице. Я просмотрю за что этот отбывал, когда убежал, сколько ему ещё осталось и только после этого смогу сказать, чего ты на нём заработал.

— Так я выкупить бы его хотел, мне деньги за поимку не нужны. Может это, какнибудь побыстрее сделать можно? — остановил я вопросом, начавшего было вставать из-за стола работника мэрии.

— Выкупить? И на кой он тебе сдался, оборванец этот? Ты знаешь хотя бы сколько за него заплатить надо? — спросил он меня.

— Примерно — не стал я оглашать, известную всему городу сумму. А вдруг цены на каторжан полезли вниз, из-за отсутствия спроса на подпорченный товар.

— Примерно. Эх ты, а ещё главой общины стал. Пять тысяч за него надо в казну внести. Ты хотя бы когда то видел такие деньги? Есть они у тебя?

— Имеются — гордо заявил я.

— Вот даже как. И что, не жалко тебе их отдавать за этого? — секретарь кивнул в сторону Драпа.

— Может и жалко. Только здесь дело принципа. Ты посмотри, что он с моим лицом сделал, рожа каторжная! Куда я теперь с такой мордой выйду? Засмеют. До вас то кое как добрался, пальцем все на меня тыкали. Так что пускай эта сволочь теперь, до конца жизни, пашет на меня. Я ему дома устрою такую веселуху, похлеще любой каторги будет! — войдя в раж, высказался я.

— Так вроде и ты ему накостылять успел. Он не лучше твоего выглядит. Вот считай, что и поквитался уже. Или тебе этого мало? — обратив внимание на синяки под глазами Драпа, предложил мне мужчина.

— Нет! Пускай до смерти на меня работает! Сука! — не сдавался я. — Это, что же получается? Каждая сволочь, вот так может подойти и в морду дать? Где же справедливость?! Я вас, спрашиваю?!

— Ну ты тут давай, не выражайся. Мы не у тебя в хлеву, здесь учреждение — приструнил меня сотрудник.

— Простите. Не сдержался. А кто бы сдержался? Я его только легонько ногой пнул, а он мне сразу... — продолжал я ковать, пока горячо.

— Ладно. Хочешь забрать, забирай, — прервал меня служащий. — Но в тёмной ему придётся всё равно посидеть, а тебе ещё раз сюда прийти, после обеда. Я тут с вами в перерыв возиться не собираюсь. Мне, чтобы проверить его по картотеке, надо час искать запись. Так что давай, вали на улицу, а этого я пока запрю.

Мои уговоры на секретаря не подействовали, а давать взятку я побоялся, да и нет у меня лишних денег. Ничего страшного, посидит часик, другой Драп в тёмной комнате, не развалится и не такое в своей жизни видал.

Новая встреча с работником горсовета произошла у меня довольно быстро, минут через пять после того, как я оказался на улице. Только собрался было отвязывать нашего осла, как услышал позади себя знакомый голос:

— Обедать будешь?

— Ты мне? — спросил я, обернувшись и сразу не сообразив, к кому обращается мало знакомый мужчина.

— Нет, ослу твоему говорю. Тебе конечно, кому же ещё? Здесь кроме нас с тобой больше нет никого, кто бы понимать мог о чём было сказано или я не прав? — попытался мужик объяснить мне, что я не совсем нормальный.

— Можно и пообедать. А где? — молча выслушав нравоучения, принял я неожиданное предложение.

— Пошли покажу, недалеко. Здесь, за поворотом. Тебя звать то как? Напомни, что то запаматовал я? — спросил меня секретарь.

— Владислав. По паспорту — не моргнув глазом ответил я, но догнав, что в очередной раз сморозил глупость, поправился: — Молчуном все зовут. А тебя?

— Меня тоже не очень звучно, Писарем все называют — представился мужчина, не заикнувшись даже про паспорт.

— Отчего же не звучно? Мне так, кажется, совсем наоборот, солидное имя.

— Ты так считаешь? — спросил он меня таким тоном, будто бы мы с ним знакомы лет сто.

— Уверен — не менее уверенно, чем вылетевшее на волю слово, сказал я.

Пункт питания был организован с тыльной стороны одного из домов, расположенного в третьем по счёту квартале, если считать от городского совета. Под навесом и возле него

стояло четыре длинных стола со скамейками, половина из которых была уже занята посетителями.

— А осла мне куда девать? — спросил я нового знакомого прежде, чем мы вошли в столовую, расположившуюся под самым голубым в мире небом, на высоте километра два над уровнем моря.

— Да вон у кустиков поставь, пускай листиков пожует. Чего с ним станется? — ответил человек с именем Писарь, направляясь к раздаче.

На обед, в социальной столовой, давали такое же жаркое, как и внизу, но кроме него можно было заказать ещё гарнир и салат. В качестве гарнира на мою тарелку кинули картофельное пюре, а за салат сошла морковка, мелко нарезанная и издающая резкий уксусный запах.

— Ты не в курсе, жаркое здесь из кого делают? — на всякий случай поинтересовался я у секретаря.

— Вроде из зайца. А чего? — ответил он и тут же спросил.

— Да так. Я в промзоне обедал, там тоже говорили, что из кролика, а на самом деле оказалось, что его приготовили из крысы — поделился я своими впечатлениями о кухне городской окраины.

— Да ты чё? — искренне удивился такому заявлению, сидевший напротив меня человек.

— Точно тебе говорю. Я тамошнего повара прижал, он и сознался.

— Вот же сволочи. Но здесь не так, ты не волнуйся. Я сюда давно хожу, не могут же они меня на протяжении трёх лет обманывать, как думаешь? — засомневался Писарь, в искренности хозяина заведения.

— Не знаю? Тебе виднее — скромно ответил я, забив на осторожность и тут же кинул в себя первую порцию зайчатины.

Жаркое приготовленное в верхнем городе, нужно отдать ему должное, сильно отличалось от того, что мне подавали внизу и отличалось, само собой, в лучшую сторону. Местная стряпня мне так понравилась, что я вдруг взял, да и произнёс фразу, о существовании которой в своём лексиконе даже и не подозревал.

— Может закажем по пять капель? Так чисто символически, за знакомство. Я угощаю — предложил я сидящему рядом человеку, когда наши тарелки уже почти на половину были пусты.

— Я бы с удовольствием, так где же его взять? — не отказался секретарь горсовета, одновременно с этим давая мне понять, что желание моё, из разряда несбыточных.

— А чего, здесь разве не наливают? — не сдавался я.

— Наливают, ещё как наливают, но пока не сезон. Забыл, что ли? Старое давно скисло, а на новое виноград не поспел. Кому, как не тебе знать это?

— Вот, это ж надо, забыл. Как есть забыл. Видать этот оборванец крепко мне по башке заехал — свалил я на Драпа, свой косяк. — Ну ничего, я на нём отыграюсь, сегодня же. Попляшет он у меня. А мы с тобой, какнибудь в следующий раз погуляем. Ты как, не против?

— Я за. Почему я должен быть против? Но, когда он, этот следующий раз будет? Думаешь, беглые к тебе в руки так косяками и попрут? — засмеялся Писарь. — Уедешь к себе в глушь и всё, поминай, как тебя звали.

Да, новая встреча с этим человеком у нас, почти наверняка, скоро не состоится, но

иметь в знакомых такого полезного гражданина не помешает. А ещё не помешало бы, как можно быстрее, найти дядю Стёпу, вот бы, где он развернулся со своим аппаратом. Здесь же просто целый город анонимных алкоголиков.

Лишний час, проведённый Драпом в комнате, названной Писарем тёмной, всем пошёл на пользу. Я завалил секретаря свежими анекдотами, четырёхсотлетней давности, чем заставил этого человека на прощание крепко пожать мне руку и пожелать удачи. Что могло означать лишь одно: меня здесь скоро не забудут. Работник горсовета весело провёл время, одновременно с этим разыскивая личную карточку моего друга, а этот самый друг отлично выспался, в тишине, тепле и, как он сам признался, на вполне удобных нарах, пока я занимался его делами. Даже осёл и тот не терял времени даром, он каким то образом сумел пролезть через кусты и вдоволь нажрался свежей травы, растущей на государственном газоне.

Что ж, положительные эмоции получили все без исключения и теперь можно с лёгким сердцем двигаться дальше, к «Одиночке», где нам предстоит провести ночь перед выходом в сторону долины.

— Покажи — попросил меня Драп, когда мы, отвязав осла, выдвинулись в нужном направлении.

— Чего? — не взяв в толк, о чём это он, спросил я.

— Номер теперь какой у меня, покажи. Запомнить надо — растолковал он простую истину, своему бестолковому приятелю.

— А на хрена он тебе. Ты же теперь человек свободный. Кто, его у тебя спрашивать станет.

— Это мы с тобой знаем, что я свободный, да ещё в горсовете, а для других я такой же беглый, как и раньше был. Думаешь, так сразу и закончатся желающие на мне заработать? Как бы не так. Поэтому будет лучше, если я всё таки запомню его, мало ли чего.

Личный номер у Драпа был не очень примечательный, семь тысяч двести тринадцать, но ему понравился. Он с чего то решил, что эти цифры ему должны принести удачу. Откуда такая уверенность? Лично я к цифрам, имеющим в своём распоряжении тринадцать, всегда с осторожностью относился, но здесь, по всей видимости, другие понятия о суеверии.

— Запомнил? — засовывая свиток с его номером обратно в мешок, поближе к тому, что принадлежит мне, спросил я своего... Ну, он сам знает, кто он теперь мне.

— Запомнил — серьёзно ответил приятель.

— Ну тогда может уже пойдём? Или ты хотел бы для начала пообедать? Так я могу тебя сводить в одно место, тут не далеко. Кормят там, между прочим не как у вас, настоящими зайцами.

— Не надо, в «Одиночке» поем, там дешевле. Трогай давай, пока нам по шее не надавали за этого осла. Чтоб ему пусто было, тому козлу, который уговорил меня купить это бестолковое животное. Одни неприятности от этой скотины.

Молча мы проехали ровно до того самого места, где был поворот в столовую, накормившую меня сытным обедом.

— Молчун — обратился ко мне Драп, так и не познавший, чем отличается жаркое из зайчатины, от того, что приготовлено из городской побирušки. — Ты место выбери, попроще и остановись там. Я переодеться хочу, не идти же мне в таком виде в гости к нормальным мужикам? Засмеют.

— Эти могут — проведя рукой по голове, согласился с ним, я. — Давай вон, возле того

дома остановлюсь, а ты в кусты залезешь и поменяешь свой мешок на нормальную одежду. Идёт?

— Да мне всё равно куда, лишь бы не видно было с дороги, как я голым задом отсвечиваю.

Прижав осла к плотным кустам, я кинул в руки Драпа мешок с его обычной одеждой и пожелав приятелю скорейшего перевоплощения, встал на страже, начавшего обнажаться, мускулистого тела. Первые, минуты две, всё шло нормально, осёл жевал очередной газон, товарищ мой менял подштанники, а я делал вид, что любуюсь окружающими меня красотами. Но по истечении этого времени, совсем рядом со мной раздался писклявый, детский голосок:

— А там, в наших кустах, голый дядька, чем то нехорошим занимается.

Белобрысому мальцу натикало от силы лет пять, но оказалось, что он уже может отличать, что такое хорошо, а что такое плохо. По его детскому разумению мой друг, в их кустах, именно чем то плохим и занимался. Кроме меня из взрослого населения поблизости никого не оказалось, и он решил сообщить об этом, нехорошем, хотя бы мне. Что оставалось делать? Не идти же, на самом деле, выяснять, чем там Драп занимается, поэтому я попытался переубедить это ангельское создание в обратном.

— Мальчик, ты ошибаешься. Дяденька в кустиках бабочку ловит. Сейчас он её поймает и мы пойдём дальше. А ты давай, иди домой, к маме. Поиграйся там, чемнибудь. Неужели тебя мама не научила, что с чужими дядями разговаривать не стоит?

— А я тебе говорю, там голый дядька стоит — уже более уверенным голосом, правда проглатывая при этом некоторые буквы, произнёс малыш фразу, которая была не далека от истины.

— Слышь ты, следопыт юный, а ну ка давай домой погнал, пока я тебе по жопе не надавал — пригрозил я ребёнку, стараясь хотя бы таким образом избавить Драпа от никому ненужного конфуза.

— Злой ты — уверенно поставил на мне клеймо, симпатичный мальчик. — Сейчас собаку позову, она тебе самому по жопе надаёт.

— А ну ка, брысь отсюда! Малявка! Загрызу — в шутливой форме, попробовал я напугать мальчика.

— А-а! — заорал он во всё глотку, видимо восприняв мою шалость всерьёз.

— Что там у тебя происходит?! — раздался приятный, женский голос, со стороны дома, к которому примыкал облюбованный нами палисадник.

— Тут дядька голый в кустах! А этот, меня сожрать хочет! — тыкая маленьким пальчиком то в сторону всё ещё обнажённого Драпа, то на меня, проорал весёлый малыш.

— Да он не так всё понял, мамаша — попытался я успокоить говорившую женщину, чей образ для меня так и оставался загадкой. — Вы не волнуйтесь, никто вашего мальчика не хотел обидеть. Тем более мы, уже уходим.

— Какая я тебе мамаша?! Я сестра этого сорванца. А ты, кто такой?! Что тебе надо?! — громко сказала вышедшая из дома юная особа, чьё белое, развевающееся на ветру, платье, до половины скрывали, показавшиеся мне золотыми, волосы.

От такой красоты, давно не радовавшей мои подбитые глаза, нужные слова застряли где то далеко в горле, поэтому наружу выплеснул, что то совсем уж несуразное.

— Так мы это, мимо проходили — проямлил я, широко улыбнувшись и следом за этим выдал просто идиотские фразы: — А вас, как зовут? Меня Владик.

— Лялька! — заорал брат златовласки. — Вон этот, голый! Из кустов выйдет, лови его! Он там, наверное, нагадил!

— Уходите отсюда, немедленно! — поддержала своего психованного братца, вроде бы очень даже симпатичная девушка. — Не то я, на вас собаку спущу.

— Да ладно, уходим. Чего орать то так? Ну подумаешь человек в кусты зашёл? Чего, убудет от них что ли? — придя в себя, попытался я сопротивляться семейному наезду.

— Иди, иди давай отсюда! — крикнула девушка мне в спину и добавила, ища у брата поддержки: — Видал, какие у них рожи страшные?

А действительно, чего это я? Знакомиться, с такой харей. Ну, это уж совсем не прилично. Кем ты стал, Владислав? Был же такой симпатичный, молодой человек, всего то три месяца тому назад. И чего только судьба с нами не вытворяет?

— Баба, чего разоралась? — спросил меня не участвующий в пикировке Драп, когда кусты, приютившие его обнажённое тело, остались далеко позади.

— Да совсем умом тронулась девка. Спрашивала меня, можно ли ей ещё на голую задницу бесплатно смотреть или аттракцион уже закончен? Я толком, так и не понял, чего она сказать этим хотела.

— Иди ты — зло зыркнув, послал меня друг. — Я чего, думаешь удовольствие там получал, когда слушал, как вы друг на друга оралы?

— Откуда я знаю? Может ты специально шмотьё своё напялил, чтобы потом с молодыми девочками по заигрывать, таким отвратительным способом?

— Ну всё, моё терпение лопнуло! — перегибаясь через телегу, заорал человек, идущий с другой её стороны. — Сейчас ты у меня за всё получишь!

Ничего не поменялось, за столько лет. Стоит только пошутить: просто, беззлобно, для поднятия, так сказать, общего тонуса, как твой собеседник тут же кидается на тебя с кулаками. Ну что за люди? Нет, чтобы подойти, по дружески похлопать по плечу и сказать: «Спасибо Владик! Поднял настроение.» Так нет, всегда одно и то же: «А в морду?»

«Одиночка» встретила почти полным отсутствием клиентов, что лично мне показалось странным, но, в то же самое время, это обстоятельство и очень обрадовало. Можно будет легко устроиться на ночлег самим и найти место в загоне, где наш осёл проведёт ночь под присмотром, с водой и в обществе себе подобных. Может хотя бы общение с другими зверями, изменит его скотский характер в лучшую сторону.

— Я осла поставлю и на кухню — предупредил меня Драп, по хозяйски вышагивая в нужном направлении.

Моему напарнику недавно приходилось здесь бывать, но посещал он это место не затем, чтобы вступить в отряд одиночек, а по необходимости. Надо было где то ночевать, после удачного побега и разжиться более приличной одеждой. Его лохмотья в тот раз были не на много лучше тех, что он одел на себя во время явки с повинной.

— Хорошо. Меня в магазине найдёшь, я там буду. Долго — предупредил я проголодавшегося приятеля и прямым ходом отправился тратить последние деньги.

Продавец торговой точки, занимающейся реализацией имущества, предназначенного облегчить тяжёлый поход отчаянных и, в какой то степени, безбашенных людей, снова скучал в одиночестве. Мой приход он, как и в прошлый раз, наверняка встретил с желанием толкнуть чегонибудь залежавшееся, но физиономия моя и макушка ещё не на столько заросли, чтобы во мне нельзя было разглядеть человека, упорно торговавшего с ним несколько недель тому назад.

— Привет — поздоровался я с парнем.

— Здравствуй — вяловато, но вполне дружелюбно, ответил он мне.

— Помнишь меня? — задал я вопрос, от которого продавец почему то вздрогнул.

Ну а чего я хотел? Он что, должен был лезть ко мне обниматься, увидев перед собой мужика с сильно побитой рожей?

— Да, помню. Ты в прошлый раз купил у меня полный комплект одежды и снаряжения. С ним что то не так? — оглядывая меня с ног до головы и пытаясь разобраться, к чему есть претензии, спросил работник торговой организации.

— С тем, что осталось, всё в порядке, не беспокойся. Хотел узнать про другое. Помнишь ли ты ещё, как вот это самое копьё меня заставлял приобрести? — выдвинув на передний план своё замечательное оружие, спросил я.

— Я не заставлял! Я только предлагал, ты сам согласился его взять! — возмутился продавец, стараясь оказаться, как можно ближе к открытому окну.

— Нет, ты меня уговаривал, причём делал это настойчиво, с нажимом, описывая его возможности и качества. Напомни ка мне, как тебя зовут, любезный? — предложил я парню огласить своё имя, после краткого описания его уловок.

— Решето — сделав ещё несколько шагов в сторону оконного проёма, представился он.

— Чего, так папа с мамой взяли и при рождении назвали? — не поверил я в способность родителей, так напакостить родному ребёнку.

— Нет. Раньше меня Ромуальдом звали. А, как сюда устроился, стали Решетом называть — внёс поправку продавец.

Я и до этого догадывался, что жизнь совсем не простая штука, но чтобы на столько.

— Не знаю даже братишка, что лучше? — откровенно посочувствовал я несчастному хлопчику, раздумывая над тем, как дальше обращаться к нему. — Давай я тебя всё таки, как твои сослуживцы звать буду. Ты не против?

— Мне без разницы. Я уже привык — не стал возражать, немного успокоившийся, Ромуальд.

— Ну и отлично. А меня тогда Молчуном зови. Согласен?

— Угу — скромно согласился парнишка.

— Тут видишь ли в чём дело, — начал я вносить ясность в завязавшийся разговор, но почти сразу же запнулся, так и не определившись с тем, как лучше обзывать собеседника. Пожалуй, в самом начале беседы не стоит провоцировать человека, будет правильнее если я всё же стану обращаться к нему по имени, данном при рождении. Да, так лучше будет, решил я и продолжил говорить, сунув под нос парню свою многофункциональную палку: — Жизнь мне это копьё спасло. Если бы ты в прошлый раз не уговорил меня купить его, не довелось бы нам сейчас с тобой разговаривать, Ромуальд. Такие вот пироги.

— А я тебе говорил, лишним оно в дороге не будет! Ты только посмотри, что за великолепный наконечник у него! А основание какое, а?! — словно танцор, придвинувшись ко мне на два приставных шага, громко проговорил продавец, с довольно оригинальными именами.

— Оказался прав, спорить не стану. И в связи с этим, хотел бы отблагодарить тебя, уважаемый Решето — тоном, очень похожим на официальный, сказал я, доставая из мешка свой подарок.

— Да что ты? Не стоит, не надо. Я же просто выполнял свою работу — игривс засмутился работник комплекса, с интересом поглядывая на мои действия.

Подарок Ромуальд принял с радостью. Стоило только ему увидеть, что вещь действительно стоящая, как он сразу же перестал отказываться от неё. А взяв кошелёк в руки и не переставая восхищаться им, снова начал предлагать мне лежащий на полках товар, наверное, в надежде на то, что в будущем я его отблагодарю более существенно.

— Подожди, не суетись. Позже всё, обязательно посмотрим. Сейчас товарищ мой подойдёт, сначала его экипируем, а потом, если останется на что, я может и себе чего присмотрю — остановил я Решето, от бесполезной траты сил и нервов.

Парень согласился, но говорить не перестал. Нрав у местных такой, их хлебом не корми, а поговорить дай вволю. Мне не хотелось казаться заносчивым и высокомерным, поэтому, как мог, поддерживал беседу, крутившуюся в основном около качества продаваемого товара, неразборчивых, а порой и просто вредных клиентов, и рядом с профессиональными хитростями, и тайнами продавца, без стеснения, выплеснувшего их на меня.

— Вот, чего хочешь со мной делай, а я не поверю, что раньше ты не торговал. Не может человек не работавший в нашей сфере, так разбираться в тонкостях этого дела — раскусил меня Решето, уже к середине нашего разговора.

— Было дело — не стал я упираться очевидному факту. — Только так давно, что даже не знаю, со мной ли это происходило.

— Ну это дело поправимое. Недельку поторгуешь и вспомнишь всё. Если работал с толком и пониманием, никуда это не денется — обнадёжил меня опытный знакомый.

— Ты так считаешь? — произнёс я фразу, совсем недавно где то услышанную.

— Уверен — твёрдо ответил Ромуальд, вызвав во мне первые признаки дежавю.

Ромуальд ещё немного, по местным меркам, поболтал о своей работе, поговорил о моих перспективах, а потом задал вопрос, ответа на который я дать не смог бы, при всём моём желании.

— Ты в магазине торговал или на рынке? Своё что то у тебя было или в наём определялся? — спросил он, не переставая улыбаться и блеснуть умными, и хитрыми глазами.

И вот, что я ему должен ответить? Правду? А кто поверит этой правде? Уж он то точно посчитает меня за наглого придурка. Придумывать, чего то на ходу? Но что?

— Да, в разных местах работал. Сначала мне удалось пристроиться... — начал я мямлить, чего то невразумительное.

— Вот ты где!? А я в те двери вламываюсь, а тебя там нет. Думаю, во дела, смылся Молчун, пока я подъедался — выручил меня, влетевший в помещение Драп.

— Здесь я, здесь. Проходи — сказал я обрадованно приятелю и тут же продавцу: — Потом договорим. Не против?

— Конечно — согласился он.

— Ну и здорово. А сейчас на этого крепыша одежду подбери такую же, как и на мне, а там видно будет, что ещё к ней добавить потребуется.

Решето, оценив габариты Драпа отправился разыскивать на стеллажах подходящий для него размер рубашки, штанов и сапог. Бывший же беглый каторжник, отведя меня в дальний угол, заговорил таким тоном, будто бы мы находились не в магазине, а среди шпионов недружественных стран, пытающихся выведать у нас секреты космического масштаба.

— Народ болтает, что сейчас не самое лучшее время отправляться на поиски — почти шёпотом сказал мой товарищ. — Говорят пропащих много, даже среди самых опытных.

— Что значит пропащих? — приняв его правила поведения, спросил я.

— Что значит? Ушли и не вернулись, и никто не знает, что с ними.

— Ну это ещё ничего не значит — нормальным голосом заявил я. — Мало ли, что там произошло? Это же тебе не город. Кто то мог задержаться, у кого то добыча большая подвернулась, вот и возятся с ней, возможно есть и такие, кому действительно не повезло и, как говорится, прощайте друзья, и товарищи.

— Да нет. Было бы всё так просто, народ бы не шухерился. Слух прошёл, что вырезают группу за группой — ещё тише заговорил Драп. — Говорят, кто то из своих на тот свет отправляет одиночек. Вроде, как конкурентов убирает. Много разных искателей развелось, на всех мест, где можно что то стоящее найти, уже не хватает, вот и надумал этот кто то поляну для себя расчистить. Думаешь почему сейчас здесь почти нет никого? На дно народ залёг. Решили переждать, пока всё не прояснится. Может и нам вернуться? Дома дело всегда найдётся.

— Я не могу. Если ты говоришь, что одиночек стали убивать, то мне тем более надо идти.

— Это не я говорю, это мужики болтают. Мне не веришь, иди у них поспрашивай, что в лесу творится.

— Да верю я, не в этом дело. Тут ситуация похлеще будет. Я тебе, до поры, не хотел рассказывать, но видно придётся сейчас всё выложить.

— Чего ещё? Мне и так не по себе стало от услышанного, а у тебя кроме этого подарочек имеется? — возмутился Драп.

— Не паникуй ты раньше времени. Выслушай сначала, а потом выводы делай.

— Дело в том, что мы с дядей штуковину одну нашли, очень ценную, ещё до того, как я с тобой познакомился. Такую ценную, что нам её можно по частям всю оставшуюся жизнь продавать и ни о чём больше не думать. Он её остался охранять, а я за помощью отправился. Вдвоём её вытащить было невозможно.

— А чего сразу мне не рассказал, про это? Знал бы я, что у вас такое дело, давно бы с тобой его отправились искать. Не доверяешь?

— Не хотел болтать раньше времени. Да и сам подумай, рассказал бы я тебе про неё, а ты возьми и откажись со мной идти. И зачем тогда мне это надо было делать? А рассказывать всё равно бы пришлось, она такая громадная, что не заметить ты бы её не смог. Вот, когда до леса добрались бы, я тебе и собирался там всё выложить, подальше от чужих ушей.

— Чего орёшь? Тише говори. Видишь, этот твой дружок, прислушивается — заткнул мне рот Драп и почти шёпотом спросил: — Расскажи подробнее, что это за штука такая, из чего она?

— Да в двух словах про неё не расскажешь. Хотя, если конечно ты книжки старые, с картинками видел, то может и знаешь про неё.

— Не делай из меня полного идиота, я книжек этих побольше твоего видал. Говори давай, чего нашли.

— Автомобиль мы откопали — решил я признаться Драпу. — Слышал про такие?

— Да вроде бы, что то, где то видел. Ты напомним, как он выглядит, этот ваш. Ну вот, как ты сейчас сказал.

— Просто он выглядит, как и все машины — попытался я, быть в меру объективным. — Чего про него рассказывать, могу только одно сказать, что он почти весь из железа состоит и весит, как двадцать таких, как мы с тобой и вот с этот прилавок длиной.

— Ни хера себе! — вырвалось у приятеля. — И как же вы её тогда доставали?

— Да какая разница, как. Сейчас не про это думать надо.

— Тоже верно. Надо, как можно быстрее начинать искать твоего дядю. Слушай, а если она такая здоровенная, как же он тогда умудрился с вашего места с ней свалить?

— Была у него возможность это сделать, но далёко отъехать он не мог.

— Так у вас там чего, тяга была какая то? Зачем тогда ты за помощью ходил?

— Сам потом всё поймешь, не буду ничего сейчас рассказывать. Долго объяснять. Позже может быть, какнибудь, расскажу. Нам бы с тобой здесь по быстрее со всем закончить и дальше идти надо, прямо сегодня.

— Уйти то можно, но как быть с тем, что я тебе рассказал. Хотелось бы по подробнее обо всём, что там происходит, узнать, прежде чем на новые земли соваться.

— Согласен, знания ещё никому не мешали. А мы вот сейчас у Решето спросим, что тут у них на самом деле творится. Кто кто, а он то уж должен знать, отчего все покупатели разбежались.

— У кого? — спросил Драп.

— Да у торговца этого. У кого. Через него столько народа проходит, наверняка слышал ещё что то, кроме того, о чём на каждом углу болтают.

— А, у этого. Этот может и знает, парень вроде не дурак, с первого взгляда мне так показалось. Но, чего это ты его раньше времени обзывать стал, он же ничего плохого нам ещё не сделал.

Объяснить, почему и с какой стати назвал парня таким замечательным именем, я не успел, Ромуальд позвал нас к себе:

— Вроде нашёл, что надо, посмотрите. А лучше сразу примерить, так надёжнее будет.

Драпу ничего не оставалось делать кроме, как приступить к примерке. Он забился в тёмный угол, это всё, что имелось в помещении для таких, как мы и снова стал оголяться, в который уже раз за этот день. Я же взял продавца за локоток и подвёл ближе к свету.

— Вопрос у меня к тебе имеется — сказал я, как можно ласковее. — А скажи ка мне дорогой, чего это у вас людей так мало сегодня? Праздник, что ли в городе какой намечается и народ туда подался, а может ещё какое мероприятие, гденибудь рядом проходит, а я не в курсе?

— Не слышал я про праздник ничего. Да и остальное тоже мимо меня пробежало. А народу почему мало? Так тут много причин может быть, но я точно не знаю по какой именно сейчас у нас тише, чем обычно — заюлил через чур сублильный продавец и обернувшись к Драпу спросил: — У тебя там всё хорошо? Помощь не нужна?

— Ты оставь его в покое. Он большой мальчик, разберётся, какой стороной штаны одевать — легонько повернув Решето к себе, предложил я ему. — Ты лучше со мной поговори. Я что обидел тебя чем? Или подарок мой тебе не понравился?

— Да что ты?! Со мной, так давно никто не разговаривал. А про подарок, так и вообще речи никогда не было.

— Ну так давай не будем портить наши, вновь завязавшиеся, дружеские отношения. Я тебя, как друга прошу скажи, что народ болтает?

— Да разное говорят, я что прислушиваюсь? Кому то одно надо, кому то...

— Не ожидал я от тебя такого. Вроде парень ты не глупый и понимаешь, что друзей много не бывает — с горечью в голосе прервал я хитрого рассказчика и сделал вид, что собираюсь закончить разговор.

— Подожди. Не велено нам разговаривать с покупателями на такие темы. Понимаешь?

— Я что, никогда на твоём месте не был? Конечно понимаю. Только и ты пойми, сегодня ты мне услугу оказал, а завтра. А завтра я может быть тебе такое предложение сделаю, которого ты всю свою жизнь ждал.

— Это ты серьёзно? — спросил Решето недоверчиво, глядя на меня словно рентгеновский аппарат.

— Жизнь она такая, может таким боком повернуться, что... — подбирая более весомое слово, я замолчал на несколько секунд.

Ромуальд же, мой ограниченный словесный запас, воспринял по своему и этой короткой паузы ему хватило, чтобы сделать выбор между существующим корпоративным братством и только начинающей зарождаться дружбой.

— Ладно, я расскажу всё, что знаю. Только ты больше никому, даже этому — кивнув в сторону почти одевшегося Драпа, заявил мой новый знакомый решив, что жизнь действительно полна неожиданностей и сюрпризов.

«Одиночку» покинули лишь на рассвете, здраво решив, что в таких условиях, куда то переться на ночь глядя, не стоит, будет у нас ещё время заночевать под открытым небом. Вчерашний рассказ продавца магазина не сумел уменьшить моё огромное желание, как можно быстрее отыскать Степана, ни на йоту, наоборот, он только усилил его. Однако надо быть реалистом, опасность о которой со всей откровенностью поведал Ромуальд и, которая словно дамоклов меч нависла над моим современником, заставила не только торопиться, но и более серьёзное отнестись к личной безопасности. Совсем не обращать внимания на действительно подозрительные события, с недавних пор начавшие происходить на новых землях и вокруг них, не стоит, это может сильно отразиться на состоянии здоровья. Драп, рассказ продавца также воспринял очень серьёзно, пожалуй, серьёзнее чем я, но оставлять меня один на один с неизвестными, породившими столько домыслов и слухов, даже и не помышлял. На предложение вернуться к себе домой и ждать моего возвращения там, он отреагировал очень нервно, назвав его оскорбительным и недостойным, и на этом все разговоры, на эту тему, были у нас прекращены. Мы договорились, что покинем гостеприимный лагерь одиночек рано утром, когда нормальные старатели ещё продолжают спать, чтобы ни у кого не вызывать не нужных подозрений.

Как решили, так и сделали, и вот уже, что то около часа топаем мы втроем по пыльной грунтовке, только только начавшей избавляться от ночной темноты. Город ещё совсем близко, его не яркие огни время от времени прорываются сквозь густые заросли, когда кто то из нас смотрит в его сторону, но мы всё равно внимательно следим за обочинами, странными тенями, буквально на мгновение, не понятно откуда, появляющимися у нас на пути, прислушиваемся к любому шороху, которых в предрассветном лесу не мало и думаем каждый о своём, не пытаясь даже заговорить друг с другом. Ушастое животное и то присмирело, оно больше не пристаёт к нам со своими вечными просьбами о еде и воде, а от его былой резвости не осталось и следа, возможно и на него действует напряжение, накопившееся в нас со вчерашнего вечера.

Рассказ единственного, хорошо знакомого мне представителя здешней торговли, был кратким и одновременно с этим достаточно ярким, словно вспышка молнии. И ударил он по моему воображению с не меньшей силой, чем гром среди ясного неба. Слухи, вошедшие в мои уши после появления в магазине Драпа, были жалкими цветочками, без цвета и запаха, а повествование продавца походило на полотно художника, решившего положить свой талант и умение на плаху фильмов, будоражащих зрителя сценами ужаса и откровенного насилия. Он так умело сложил в единое целое всё, чего слышал и о чём догадывался, что мне ничего не оставалось кроме, как безоговорочно верить ему, ну хотя бы во время этого страстного повествования. Трагические приключения, искателей ценностей прошлого, которых в арсенале Ромуальда насчиталось аж три, каждый раз заканчивались одним и тем же, гибелью одного или сразу нескольких моих коллег. И не просто гибелью, из-за неосторожных действий или от зубов и когтей хищников, а ужасной расправой осуществлённой руками человека, имеющего в своём распоряжении, как минимум, тесак среднего размера. Между двух покупок он, естественно по секрету, рассказал мне, какие отверстия в животе троих членов одной из групп обнаружили их приятели, во время выхода на тот же самый маршрут. С помощью своих изящных пальцев, которым самое место на

клавишах рояля, показал какого размера черви у них там завелись и одними только глазами объяснил о возмущении людей, обнаруживших трупы, когда они при обыске вещей пострадавших не отыскиали ничего ценного, за что можно было бы получить хотя бы жалкий медяк. Всего убитыми нашли семерых и у всех погибших были одинаковые симптомы прощания с жизнью, а также схожие показатели в разделе личное благосостояние. Никто из рассказывающих об этом, слушавших это из первоисточника, а также ни один из числа тех, кто передавал истории из уст в уста, не помнит, чтобы когда либо раньше на новых землях убивали людей в таких количествах сразу и за такой короткий промежуток времени. Это подтвердил и Решето, а в последствии и Драп, ещё больше сникший после передачи мной ему, испытанного у деятеля торговли. И вот теперь мы, под впечатлением от всего, что удалось узнать, уверенно двигаемся в том направлении, где это всё происходило и боимся посмотреть друг другу в глаза, но упорно следим за дорогой и всем, что творится вокруг неё.

— Не думаю, что засаду могут организовать прямо на дороге — разорвал тишину, мой товарищ.

— Мне тоже кажется, что это не реально — согласился я с ним. — Это же каким придурком надо быть, чтобы здесь на людей нападать, когда в лесу столько возможностей осуществить это имеется.

— Тогда может остановимся и поедим, а то топать на голодный желудок, как то не очень? — предложил Драп.

— Давай. Надо только место выбрать, чтобы и осёл себе чегонибудь нашёл. Видишь, тоже переживает.

Ещё до завтрака нам повстречалась телега с товаром, в сопровождении трёх человек и это окончательно успокоило нас. А когда мы его уже почти доедали, по дороге проехало ещё две, точно таких же, как и у нас, повозки. От этого зрелища стало совсем весело и дальше мы шли, разговаривая в полный голос о том, что только лезло в наши, не обременённые думами о засадах, головы.

Горной дороги, ведущей в теперь уже мою общину, достигли в сумерках, но несмотря на это отказать себе в её посещении не мог. У меня на руках имеется ценный документ, от которого зависит дальнейшая жизнь огромного числа, только начавших налаживать своё хозяйство, людей и таскать его, куда попало, мне не позволяет совесть.

— Заночуем здесь — высказал я своё пожелание Драпу, больше похожее на ультиматум. — Ты пока место выбери для ночёвки и располагайся, а я в общину схожу.

— А чего это мы тут ночевать будем, прямо у дороги, в пыли? Поехали все вместе туда и там гденибудь устроимся. Далеко до жилья отсюда? — заупрямился мой приятель.

— Километра полтора, по этой дороге, может ближе — размышляя над тем, как поступить, ответил я.

— Совсем же близко. Не стоит из-за такого расстояния всю ночь себе портить.

Может быть он и прав, тем более София просила заехать к ним на обратном пути, для частного разговора, а он навряд ли быстро закончится.

— Заворачивай осла, поедем. Заодно посмотришь, куда меня сосватали — дал я своё согласие на совместное посещение «моих владений».

— А ну скотина, поворачивай! Чего встал в раскорячку!? — заорал на уставшее животное Драп, обрадованный таким удачным поворотом судьбы.

Осёл, уже привыкший к такому бесчеловечному отношению к себе со стороны новых хозяев, повиновался и медленно потащил телегу в крутой подъём, стараясь не отставать от

людей, довольно улыбающихся друг другу.

Драп не переставая говорил о том, как мы умно поступили, что повернули сюда, какой я совершил дальновидный поступок, когда согласился стать главой общины, расположенной в таком удачном месте. Он ещё много чего хорошего сказал в мой адрес и в адрес людей, поселившихся здесь, но ближе к концу пути всё же не выдержал и сдал себя с потрохами.

— А бабы в общине симпатичные? Все с детьми или есть такие, кто ещё не успел обзавестись потомством? Думаю, ничего страшного не будет если я, прямо же сегодня, попытаюсь с кемнибудь из них познакомиться. Ты, как считаешь? — спросил он меня.

— Ты не будешь возражать если я выскажу своё мнение, по этому поводу? — спросил я его, не дав прямого ответа.

— Конечно, ты же мой друг, я поэтому и спрашиваю тебя. Мне важно знать твоё мнение, тем более ты глава этой общины. Почему бы мне и не прислушаться к нему?

— Так вот, хочу тебе сказать, что не стоит сегодня пытаться знакомиться, очень близко, с кем бы то ни было. Поговорить это пожалуйста, а вот оказывать знаки внимания не надо, оставь это на потом. Пускай на тебя посмотрят, оценят, может быть в следующий раз тебе для знакомства и усилий прилагать не надо будет. Какаянибудь краля положит на тебя глаз и всё сама за тебя сделает.

— Хм. А что, пожалуй, ты прав. Тем более до темноты то осталось совсем ничего. Чтс за это время успеешь рассмотреть? Сейчас познакомлюсь с какойнибудь красавицей впопыхах и в темноте, а потом она передо мной, при дневном свете и предстанет во всей своей страшной красоте. И что мне тогда с ней делать? — согласился со мной Драп, а немного погодя добавил: — Не знал, что в твоей голове может быть что то такое, до чего я сам бы не додумался.

— Думать надо головой, а не другим местом — так и тянуло сказать меня, но я сдержался и считаю, что правильно поступил. Мне и самому просто жуть, как хочется, срочно с кемнибудь познакомиться, поэтому не стоит смеяться над чувствами друга.

По ранее заведённой традиции, прежде чем окончательно спуститься в низ, напился из родника, напоил осла, предложил другу утолить жажду, потом, вместе с ним освежил все имеющиеся в нашем распоряжении ёмкости и только после этого вышел на ровный участок земли, покрытый высокой и сочной травой, которую тут же попробовал наш четвероногий напарник.

— Нравится — дёргая его за поводья, сказал Драп.

— Ещё бы. У такого источника всё, что растёт рядом, должно быть очень вкусным и сладким — согласился с ним я.

Навстречу нам, в отличии от прошлого раза, выбежало, должно быть, всё население горного хутора, во главе с одной из сестёр.

— А София с вами? — ещё из далека спросила меня Клеопатра.

— Нет. А что, она до сих пор не вернулась? — дал я ответ и тут же сам спросил.

— Как с тобой ушла, с тех пор мы её и не видели. Мы думали вы в городе по делам задержались. Мало ли чего у вас там не получилось. А тут видишь, как, ты вернулся, а её всё ещё нет.

Мы с Драпом переглянулись, наверняка подумав об одном и том же, но озвучил я совсем другую мысль, которая не была идеальной, однако могла оказаться вполне правдивой.

— Может быть она у знакомых задержалась? Перед расставанием София говорила, что

собирается осла покупать. Мы вот этого знаешь, как долго выбирали — дернув зачем то осла за ухо, сказал я.

— Могла конечно и задержаться, — ухватившись за моё высказывание, словно за соломинку, предположила старшая из сестёр и почти сразу же надломила её пополам: — Но не настолько же.

Молчавшие до этого момента жители плоскогорья стали наперебой обсуждать наш разговор. Фразы и отдельные высказывания, долетавшие до меня, говорили о сильном беспокойстве женщин за судьбу Софии.

— Ты на долго? — спросил Клеопатра, удовлетворившись тем, что о судьбе сестры я знаю не на много больше, чем все остальные.

— До утра хотели бы у вас задержаться. Не прогоните? Ночь переночуем, в завтра дальше пойдём, к соседям вашим — ответил я, всё ещё оставаясь под впечатлением пропажи ушедшей со мной, больше чем неделю тому назад, женщины.

— А это, кто с тобой, знакомый или родственник? — спросила Клёпа, равнодушно скользнув взглядом на стоящего в двух метрах от неё Драпа.

— Друг — коротко ответил я.

— Ну что же, друзьям наших друзей мы всегда рады. Проходите — пригласила женщина нас. — Да, а ты почему ничего не говоришь, как у вас в городском совете всё прошло? Сделали, что хотели или не вышло.

— Всё нормально, получили новую регистрацию. Показать?

— Не надо, я тебе и так верю — отказалась Клеопатра проверять мои документы. — Так если она у тебя на руках, тогда чего же ты разрешение на постой спрашиваешь?

— Ну мы же с тобой знаем, что я у вас просто числюсь, а вы с Софией так и продолжаете всем командовать. Как же я могу припереться в чужой дом и не спросить разрешения остаться в нём?

— Ну, если только так.

Приглашение на ужин мы получили, но я деликатно отказался от него, сославшись на то, что совсем недавно плотно поел и даже больше того, отдал Клеопатре все продукты, которыми мы располагали на данный момент. Ничего, не умрём без завтрака и ужина, до обеда дойдём до соседей здешних поселенцев, а там точно накормят.

Спать нас положили на улице, предоставив право самим выбирать, какой из стожков сена, нам больше приглянулся. Расположились на том, что был ближе к дороге, чтобы завтра утром не будить своим уходом всех остальных.

— Ты давай укладывайся, а я сейчас схожу по делу и вернусь — предложил я Драпу.

— Куда это ты? Я с тобой — спросил он и тут же оказался на ногах.

— Говорю же, по делу. Успокойся.

— Знаю я твои дела. Сам, наверное, уже давно себе девку присмотрел, а мне так сказал подожди?

— Заканчивай ерунду молоть. Сказал же, скоро вернусь, значит скоро. Не успеешь глазом моргнуть, как я снова на месте буду.

— Ну смотри, обманешь, сегодня же пойду знакомиться, к первой же попавшейся симпатичной бабе. Вон их тут сколько без дела бегают.

Клеопатру нашёл возле дома, где она проживала со своими детьми и, я так подразумеваю, племянниками. Все они расположились у не большого костра и о чём то тихо беседовали.

— Чего то хотел? — спросил она меня ещё на подходе, должно быть заметив в темноте мой силуэт.

— Да. Дело одно осталось незавершённым. Вроде с Софией договорились, но забыл ей отдать, а тут видишь, как вышло. Придётся тебе оставить.

— Не пойму я тебя, о чём ты? — поднимаясь, спросил женщина.

— Регистрацию свою, ту которую получил взамен вашей, старой, хотел бы тебе оставить. Мало ли что, вам проще будет новую получать. Я всё таки хожу по таким местам, где всякое случиться может.

— Не возьму — категорично отказалась женщина. — Софка вернётся ей и отдавай, если договорились, а мне такая обуза не к чему.

— Почему? Я же хочу, чтобы вам проще было.

— Сказала не возьму и всё тут. Что хочешь думай, а мне она не нужна — ещё жёстче ответила добродушная Клёпа.

— Ну нет, так нет — не стал я настаивать и ни сказав больше не слова, развернулся, и пошёл восвояси.

Странно, сестра была только за то, чтобы этот кусок кожи находился в общине, а эта встала в позу и ни в какую. Может я чего то не знаю или недопонимаю, так могла бы объяснить. Ну да ладно, буду надеяться, что всё у нас будет хорошо и в следующий свой приход сюда встречусь с другой женщиной, с которой у меня была договорённость, и которая относится ко мне более приветливо.

Драп, наверняка, не ожидавший моего скорого возвращения встретил вопросом:

— А чего так быстро?

— Не получилось договориться — огласил я, чистую правду.

— Значит всё таки пытался?

— Ну, а зачем я по твоему туда ходил? Конечно пытался. Но, как видишь, ничего не вышло. Ладно, не беда, переживу — не стал я его разочаровывать, а убедившись в том, что всё внимание друга приковано ко мне, спросил: — Ты лучше вот, что скажи, бывали раньше в промзоне случае, чтобы люди там пропадали?

— Нашёл, кого спрашивать. Меня сколько там не было. Раньше не припомню, чтобы такое случалось, а как сейчас не знаю. Ты сам видишь, что твориться.

— Значит вероятность того, что женщину там могли убить или просто похитить, ничтожно мала?

— Грамотно спросил, но ответить тебе в такой же манере, у меня не получится. Говорю же, не знаю. А бабу твою могли и по дороге домой пристроить, очень даже запросто. Да хотя бы те же, от кого мы сегодня весь день тряслись. Может и не было чего с неё взять, а вот поразвлечься с ней, желающие запросто найдутся.

— Если так, то получается она из-за меня пострадала? — в поисках поддержки обратного, спросил я Драпа.

— Ну так уж из-за тебя. Ты чего, нанимался её туда и обратно сопровождать?

— Нет.

— Ну значит она сама знала, куда топала — снял друг, с моей души огромный камень.

Мы ещё поболтали немного, минут сорок и стали укладываться спать. Но голову мою ещё долго теребило чувство вины и вера в то, что с женщиной ничего страшного не случилось. Вера, как это часто бывает, одержала верх и я, в конце концов, успокоился, и незаметно для себя заснул, составив компанию давно сопящему рядом товарищу.

Чего мне утром хотелось меньше всего, так это встречаться с Клеопатрой или с кемнибудь из её подружек. Стоило только, проснувшись раньше меня, Драпу крепко надавить на мой бок, как я, не разлепив ещё толком глаза, сказал ему:

— Бери осла и поехали отсюда.

— Торопишься куда или просто решил убежать, не попрощавшись? — продолжая отряхивать свой мешок от налипшего на него за ночь сена, спросил друг.

— Тебе то какая разница? Делаю так, как хочется. Ты уже собрался?

— Давно — тоном равнодушного наблюдателя, ответил Драп.

— Ну тогда хватай этого, ушастого и пошли. В этот раз нам здесь не очень рады, будем надеяться, что в следующий встретят более радушно — туманно объяснил я причину, своего нежелания видеть когонибудь из местных.

Отсутствие ужина и завтрака не способствовало общению, за оставшуюся часть пути перекинулись с Драпом лишь парой фраз и то касались они, в основном, поведения осла, то уходящего от нас вперёд метров на сто, то плетущегося сзади примерно на таком же расстоянии. Странное животное затесалась к нам в компанию, своенравное, обидчивое, да к тому же абсолютно игнорирующее общественный порядок. В наказание за что то, его к нам пристроила судьба или может на перевоспитание отдали?

— Часом не твоя долина нарисовалась? — прервал мои мысли, громким вопросом Драп, идущий метров на пять впереди.

— Она — подтвердил я, быстрым шагом преодолев разделяющее нас расстояние и любуясь действительно великолепным видом спросил: — Не был раньше здесь?

— Не довелось. А чего я не видел в такой глуши. Это с тобой, приходится шататься, где ни попадя, а так, я человек городской, меня никогда окраины не привлекали.

Встреча с односельчанами оставила в моём сердце двойное впечатление. Старик Сильвио, заведя нас, вышел на встречу, во время неё пожал руку моему другу, обнял меня и потрепал за гриву осла, откровенно обрадовавшегося долгожданной передышке. А вот его начальник, глава поселения, лишь издали кивнул мне головой и даже не попытался поинтересоваться, кого я привёл с собой и откуда в моём распоряжении появилась телега.

— Что это с ним сегодня такое? — спросил я пастуха, по хозяйски ведущего нашего осла к своему стаду.

— А кто его знает? Почти неделю такой ходит. Братья с рынка вернулись, вечером того же дня ругался с ними долго, вот с тех пор и смотрит на всех косо, как будто мы должны ему чего то. Да не обращай внимания, ты же вроде, как сам по себе — ввёл меня в курс местных новостей Сильвио. — Познакомь лучше с человеком, привёл кого то, а кто такой и зачем пришёл, не говорите.

— Знакомься, друг это мой, вместе на... — начал я представлять идущего рядом Драпа и замялся.

Стоит ли говорить старику, что мы вместе сидели и лучше промолчать? Не многовато ли будет двух беглых каторжников на одну маленькую общину?

— Мы раньше вместе на новых землях жили — остановился я на варианте показавшемся мне более приемлемым. — Зовут его Драпом.

— Драпом? — переспросил старик, подозрительно взглянув на новичка.

— Ну да — ответили мы хором.

— А чего тебе не нравится в его имени? — закончив с дуэтом, сольно поинтересовался я.

— Да нет, нормальное имя — засмутился старик. — Только не слышал я раньше такого.

А действительно, Драп — это имя или прозвище? Я так и не удосужился поинтересоваться у моего приятеля на что он отзывается.

— Родители меня называли Драго — внёс ясность в возникшую неразбериху её виновник. — Но в детстве, когда некоторые буквы выговаривать у меня не получалось, я всем представлялся то Драм, то Драл, то Драп. Окружающим больше приглянулось имя Драп, возможно потому, что бегал очень быстро, как им казалось, а может ещё почему, сейчас этого уже ни у кого не спросишь, не помнит никто. Вот с той поры все меня Драпом и зовут. Я привык и другого имени для себя не желаю. А что? Правильно ты старик заметил, такого больше нет ни у кого и мне это нравится. Как считаешь Молчун, хорошее у меня имя?

— Я другого для тебя и не представляю. Драп звучит очень по мужски, солидно и задиристо, так — поддержал я друга.

— И главное гордо — не остался в стороне и Сильвио Иванович.

Как не хотелось мне встречаться с заведённым собственными братьями Деном, но сделать это всё же пришлось. Сильвио посоветовал спросить разрешения у старшего общины на присутствие чужака в её расположении. Я подумал над его предложением и согласился с тем, что оно имеет право на существование, поставив себя на место местного главара. Мне бы допустим очень не понравилось если бы человек живущий рядом на птичьих правах, привёл с собой ещё кого то и не спросил на то у меня разрешения, будь я главным на этой земле.

Оставив двух своих самых близких друзей знакомиться, пошёл на поклон к бегающему словно заведённый по территории, Дену.

— Кого это ты приволок к нам? — стоило мне только добраться до него, как тут же последовал недовольный вопрос в мою сторону.

— Это мой дальний родственник, в городе встретились, случайно — начал я объяснение с откровенного вранья. — Он не долго здесь будет, завтра утром мы уйдём.

— Кормить его не буду, даже за деньги — предупредил меня глава. — Сами с этим разбирайтесь.

— Ну ладно. Продукты тогда мне выдай, в счёт оплаты, обойдёмся и без вашего застолья — показал я свои волчьи клыки, этой дворовой шавке.

— А осла куда девать собираешься? — зло твякнула она, в ответ.

— Хотел бы на попечении Сильвио оставить недели на две, не больше — высказал я свою просьбу, в форме свершившегося факта.

— Медяк за день и пускай стоит вместе с остальными, не жалко — вынес свой вердикт человек, имеющий все основания это сделать.

Даже будь у меня эти пятнадцать медяков я их и то не стал бы тратить, на это тупое животное, но у меня их сейчас в наличии нет. Бывает иногда со мной такое, что деньги полностью уходят.

— За медяк и человека накормить можно, а это осёл. Не многовато ли просишь хозяин? — спросил я так, просто из вредности.

— Вот сначала заведи себе такое — Ден обвёл окружающую нас красоту своей мозолистой рукой, — а потом свои правила устанавливай. Не нравятся, пожалуйста, выход у нас там же, где и вход.

— Понятно — стараясь держать себя в руках, сказал я. — В таком случае хотелось бы сегодня же получить все причитающиеся мне продукты и проверить, не намухлевал ли ты

там чего.

— Да ты что, угрожаешь мне? — взбесился глава.

— Ни в коем случае. Просто я покину вашу общину сразу же после того, как только получу всё, что ты мне должен — холодно ответил я и немного подумав добавил: — Вместе с ослом и другом.

— Утром получишь — тоном, не терпящим возражений, сказал Ден, — но за осла или плати, или чтобы его сегодня же здесь не было.

Портить настроение весёлой компании, состоящей всего лишь из двух человек, непринуждённо о чём то беседовавших сидя на полуденном солнцепёке, не стал. Зачем? Драпа я сюда приволок, а Сильвио очень впечатлительный для таких разговоров, может психануть и пойти к начальнику выяснять отношения, о чём вечером же сильно пожалеет.

— Тут у нас ситуация образовалась — обратился я сразу к обоим приятелям. — Осла нашего придётся на съедение волкам в лес отвести. Так что вы без меня пока позагорайте, а я к ночи постараюсь вернуться.

— Куда ты его? — вскочив на ноги спросил Драп, чьи вещи всё так же продолжали лежать на телеге.

Взглянув на них и на предмет, обременённый ими решил, что телегу с собой не стоит таскать. О ней разговора с начальством не было, кормить её не требуется, пускай здесь стоит. Может я и совершаю ошибку, и мне самому потом придётся туда-сюда мотаться за ослом, но её с места не сдёрну, на зло принципиальному владельцу хутора.

— Обратно к бабам поведу его, вишь заскучал как ослик. Боюсь не дожждётся нас из похода, от тоски сдохнет. А там его будет кому приголубить, не то что здесь — ответил я Драпу и попросил его же: — Распрягай животное, как говорят у меня дома: «Время — деньги».

— Чего, с Деном по поводу него сцепились? — спросил Сильвио, кивнув в сторону жующего сочную травку осла.

— Да так, не нашли консенсуса — не желая больше касаться этой темы, выматерился я по своему.

Три раза идти одной и той же дорогой в течении дня, это даже для меня слишком. Поэтому с самого начала пути в женскую общину старался загрузить голову мыслями. Любymi, лишь бы отгородиться пеленой размышлений от дороги, которая ближе к вечеру станет просто невыносимой и на которую в это время суток так просто не забьёшь. Думал и о Софии, о ней больше всего, о сестре её Клеопатре, и о Драпе с Сильвио, наверняка уже приступивших к обеду, несмотря на запрет Дена, о Степане, о больных на голову убийцах, даже о трёх братьях и о тех вспомнил, не смотря на возникшую к ним всем, большую неприязнь. И надо заметить это помогло, большую часть извилистой дороги прошагал на автомате, а когда вышел из прострации оказалось, что до общины, где я номинально являюсь директором, рукой подать. Только бы меня с моим ослом не послали и там, точно так же, как и в том образовании откуда топаю сюда. А ведь могут и ничего им не скажешь, независимо от того, что кожа с цифрами так и продолжает болтаться у меня на груди, лёжа в почти таком же белом мешочке, как и сама регистрация.

— Да, плохо быть бездомной собакой! Каждый может и послать, куда подальше, и пожелать, чего по проще — вырвалось у меня. — Надо, что то с этим делать. Пора более основательно устраиваться здесь, не дело болтаться из конца в конец не имея места, куда можно было бы прийти, как к себе домой.

Клеопатра встретила вопросом, ответа на который к этому времени у меня так и не появилось. А откуда ему было взяться?

— Про Софию что то узнал? — спросила она меня, выбежав на встречу.

— Нет, я же не из города иду — огорчил я её своим ответом.

— А чего же тогда вернулся? Осла зачем привёл? А приятель твой где? — засыпала она меня более простыми вопросами.

— Приятель там остался, — махнув рукой по направлению к долине, ответил я. — А осла хотел бы у вас оставить, не понравилось ему там. Возьмёте? Недельки на две, на дольше я не задержусь.

— Чего же не взять, пускай бегают, травы навалом, а воды, что же мы убогие какие, дадим животине напиться. Может и он нам чем поможет? Ты не против будешь?

— Конечно нет, пускай работает, если найдёте где, а то к моему возвращению совсем зажиреет.

Разговор с женщиной у нас явно не клеился, хотя часа пол мы с ней ещё и поболтали. Но на большее ни у меня, ни у неё, сил не хватило. Заводить наши отношения в тупик мне не хотелось, поэтому вежливо попрощавшись и по обещав вернуться за ослом не позже оговорённого срока, я отправился в обратную дорогу, тем более светлого времени суток, на преодоление не малого расстояния, у меня почти не остаётся.

Под хорошо знакомым навесом появился уже в полной темноте. Если бы не костры, которые зажигают в долине на ночь, пришлось бы ночевать прямо у дороги, так как разглядеть чего то в потёмках навряд ли бы получилось. Не будь этой подсветки, ни за что не отыскать мне безмятежно спящих под ним местных жителей, этих детей понеделника, умудрившихся вдвоём занять всё свободное место. Их товарищ не пойми где шатается ночью, один, среди безжалостных, диких животных и таких же, а может быть ещё даже хуже людей, а им хоть бы что. Спят себе и в ус не дуют, тоже мне, друзья называются.

Утром меня растолкал Сильвио Иванович, чей возраст уже позволяет рано ложиться и так же рано вставать.

— Ну чего тебе дед. Дал бы ещё поспать, я же не как вы, лёг поздно — сквозь не досмотренный сон возмутился я.

— Да мне что, спи сколько влезет. Только тебе тут три тачки продуктов доставили, чего с ними делать?

— А чего там? — понимая, что поспать больше не удастся, более внятно спросил я, вставая на ноги.

— Откуда я знаю. Мужики привезли, сказали, что твоё, а чего там я не разглядывал.

— Вот же Ден урод, не мог на час позже привезти. Сам не спит, мужикам не даёт, да ещё и нас всех поднял до рассвета — возмутился я.

— Да ладно, не сердись на него. Чего с убогого взять? Вчера вечером мне по секрету сказали, что он кучу денег потратил на какую то безделицу, а она оказалась сломанной или побитой, не знаю точно, вот он и орёт на всех. На братьев то собаку спустил из-за чего, знаешь?

— Откуда — пытаюсь разобраться со своими проблемами, ответил я.

— Те продали там чего то на медяк дешевле, вот он и разошёлся. Сам бы деньги куда не попадая не тратил и всё бы хорошо было. Так же?

— Наверное — снова машинально ответил я. — Пойдём, что ли посмотрим, чего там нам доставили.

А доставил хитрый Ден кучу разного такого, что сразу так и не поймёшь, чего с ним делать. В общей сложности мне досталось четыре мешка картошки, мешок лука, мешок сыра, литров десять свежего молока, в глиняной посуде, которую ушлый фермер наверняка посчитал в счёт долга по космическим ценам, столько же и в точно такой же таре сметаны, жирностью процентов тридцать и творога килограмм восемь не меньше, от жира аж, липнувшего к рукам.

— И чего ты с этим делать собираешься? — спросил меня Сильвио. — Продавать?

— Куда? А главное когда, мы через час выходим? — ответил я ему раздражённо.

— И чего тогда, так всё и оставишь? — продолжал издеваться надо мной старый козловод.

— А вот хрен ему. Буди Драпа, сейчас завтракать будем.

— Так не сожрёте же всё за час — удивился моему заявлению Сильвио.

— Не сожрём так хоть перекусает — озвучил я старую, национальную поговорку. Только вот запомнил, какого именно народа.

Вот за что уважаю моего друга, я имею ввиду Драпа, так это за его решительность и огромную веру в свои силы. Стоило только мне предложить ему отожраться в волю, как он тут же приступил к делу, абсолютно игнорируя вздохи Сильвио Ивановича и мои предупреждения о возможном несварении желудка.

— Ничего со мной не будет. Чего вы пристали? — загребая грязными руками творог и обмазывая его сметаной, успокаивал он нас. — Какой заворот кишок? Ты о чём, Молчун? У меня там нет ничего такого, там одна бездонная бочка, для которой ваша сметана так, на один присест.

Глядя на этого самоуверенного человека и я засомневался. Может зря остановился?

Он уже килограмма по два того и другого продукта слопал, причём без хлеба, и хотя бы поморщился, а я килограмма по пол умял и всё, остановился, вспомнив о вреде переедания.

— Молчун, завтра не говори, что я тебе не предлагал. Вспомнишь, когда на одних крысах сидеть придётся, но поздно будет — продолжая громко чавкать и улыбаться, весело сказал Драп.

А, пошло оно всё! Действительно, не пропадать же добру, тем более ложку я ещё не успел помыть. От творога со сметаной ещё никто не умирал, по крайней мере, мне такие случаи неизвестны, пока.

За пять минут до выхода я собрал своих друзей на совет, их к сожалению, у меня нет так много, но в данном случае это даже лучше, искать долго не пришлось.

— Чего с остатками продуктов делать будем? — обратился я к ним, но прежде всего к Сильвио.

— Может ещё один мешок скидаем, тот, что из запасных и с собой его заберём? — не позволив ему высказаться, предложил Драп.

— Не, тогда совсем медленно идти будем — сразу отказался я от его идеи. — Гори оно всё ясным пламенем, а с собой я больше ничего брать не буду. И есть мне тоже не предлагайте, смотреть ни на что не могу.

— Не слушай ты его, ничего вам брать с собой не надо. Сыр я обратно на сыроварню унесу, когда понадобится они свежий отдадут. А картошка с луком и здесь не пропадут, дождутся вас, много ли я их съем — сказал Сильвио Иванович, укоризненно взглянув на Драпа.

— С таким предложением соглашусь. Сейчас мне уже ничего не надо, а по возвращении может быть и смогу на всё это смотреть без содрогания, — кивнув на ненавистные кувшины с молочным, сказал я. — Тогда так и поступим, овощи у себя оставишь, с сыром тоже разберёшься, а всё остальное, вон козлам с баранами отдай, пускай повеселятся. Ты, как Драп, не возражаешь? А может задержимся ещё на пол часа и ты доешь остатки?

— Нет, за полчаса не управлюсь. Вот если бы до обеда, то можно было бы. А так нет и не проси — на полном серьёзе ответил ненасытный любитель творога.

— Ну и хорошо, если окончательно наелся. Тогда что, идти можем?

— Сейчас, ещё чуть-чуть посидим и пойдём. Чего то последняя сметана наружу просится. Подождать надо немного, когда уляжется — промурлыкал товарищ, с глазами довольного жизнью кота.

— Пошли давай — пересилив себя, сказал я и поднялся, — по дороге с ней будешь разбираться. Мне ещё в одно место заскочить надо, там посидишь.

Помимо того, что приходится тащить на себе сверх нормы перегруженный мешок, увеличенный запас верёвок и пресной воды, так меня ждёт ещё одно, довольно неприятное, испытание. Мне надо будет залезть на ветвистую ёлку, примерно на пятиметровую высоту, там отвязать замаскированный свёрток и потом вместе с ним спуститься обратно. Я и в обычном состоянии с этим справлялся с трудом, а как всё это осуществляю с таким огромным пузом, образовавшимся после завтрака, даже и не представляю. Осталось только навернуться с огромной высоты в самом начале экспедиции по незнакомым местам и можно забыть о её положительном исходе.

— Чего ты там забыл?! Да не в ту сторону ползёшь?! Левее давай, левее — поучал меня снизу приятель, своими умными вопросами и советами.

— Хорошо там орать! Заткнись уже, обжора! — зло высказался я, во время очередного отдыха, без которого выше подняться не смог бы. — Сам объелся и меня спровоцировал. Посмотрел бы я на тебя, как бы ты тут маневрировал, когда живот за ствол всё время зацепляется.

— Ладно ладно, молчу. Давай уже быстрее, доставай своё сокровище и спускайся. Посмотрим, что там у тебя припрятано было — приняв лежащее положение, более спокойно сказал Драп.

Затратив примерно в два раза больше времени, нежели в момент создания тайника, я, ободрив все руки и получив кровоточащую рану правого уха, всё же сумел до него добраться, и успешно спуститься в низ.

— Чего это такое? — взяв свёрток в руки спросил Драп.

— Разворачивай, увидишь — предложил я, с трудом держась на ногах.

Заинтригованный друг бережно развязал шнурок, крепко стягивающий полотно, в которое было завернуто моё оружие, потом так же осторожно развернул его и вытащив на наше с ним обозрение сельскохозяйственный инструмент, облачённый в деревяшку не привычной формы и размера, ахнул:

— Ни чего себе! Откуда у тебя это!? — глядя на смазанную жиром, поблескивающую в лучах утреннего солнца, пробивающегося через верхушки деревьев, железку, воскликнул он и тут же поинтересовался местом её происхождения.

— По наследству досталась — гордо заявил я, давая понять, что родственники у меня тоже имеются.

— Никогда такого не видел. Это же какой искусный мастер такое чудо сотворил? Посмотри какие точные линии, а заточка какая. Нет. Точно. Говорю тебе, не наши это делали, нашим такое не под силу. Колись давай, откуда этот нож у твоей семьи.

— Найдем моего дядю, спросим — имея ввиду Степана, сказал я. — Он точно должен знать, откуда она у него появилась.

— Кто она? — не сообразив отчего это я благородный нож, обзываю женским именем, спросил Драп.

— Про рукоятку говорю — тут же выкрутился я и продолжил: — А сам нож, даже он, наверное, не скажет, как нам достался.

— Да рукоятка твоя дерьмо! Сразу видно криворукий её делал. Я тебя про железо спрашиваю, вот где чудо.

— Да ладно, тоже мне ценитель. Нормальная рукоятка. Удобная.

— Понимал бы ты чего в рукоятках. На что я не мастер и то лучше бы сделал, а если поручить её изготовление человеку, работающему с деревом, он бы такое сотворил к этому клинку. Только жаль кривоват он немного, но ничего, это может быть даже и лучше, выглядит более устрашающе.

— Понравился значит? — поинтересовался я у Драпа, хотя и не вооружённым глазом видно, что изделие на него произвело неизгладимое впечатление.

— Понравился? Ты чего, издеваешься? Да это мечта любого мужчины.

— Подарок тебе, от меня — равнодушно сказал я другу, закидывая тяжеленный мешок на спину.

Парень смотрел то на меня, то на железку из хозяйственного магазина и пытаюсь видно, что то произнести, часто и беззвучно открывал рот.

— Я всё равно к копыю привязался — заметив, что друг, возможно, первый раз в жизни

не может выговорить двух слов, сказал я. — Да и не очень я могу с ножами обращаться. В детстве не научили, а самому негде было, так что бери и пользуйся, на здоровье.

— Спасибо — всё ещё продолжая находится в состоянии морального нокдауна, поблагодарил меня Драп.

— Не за что — небрежно бросил я и желая, как можно быстрее, закончить с не совсем обычной, в наших с ним отношениях, ситуацией, сказал: — Ну что, я готов. Пойдём что ли?

Мне трудно судить о том, что оказало на состояние друга большее влияние, наш выход на основной маршрут, изменившаяся в худшую сторону погода или всё же мой царский подарок, который он лихо засунул себе за ремень. Но факт остаётся фактом, как только в его руках оказался предмет из прошлого, настроение шагающего рядом человека резко изменилось. Он стал скупее в выражениях, осторожнее в передвижении на местности и вместе с тем взгляд его приобрёл большую решимость, суровость и я бы сказал какую то необоснованную строгость ко всему, чего касались его карие глаза. Чужое настроение постепенно передалось и мне, несмотря даже на то, что я очень редко попадаю под чьё либо влияние. Как то незаметно для себя вспомнил о погибших на новых землях одиночках, чьи тела были найдены в безжизненном состоянии их коллегами, о Софии, бесследно исчезнувшей по дороге домой, о всеобщей нервозности в лагере джентльменов удачи и это заставило так же, как и Драпа, собраться, стать абсолютно серьёзным и, что совсем не свойственно моему характеру, превратиться в человека-локатор, улавливающего любые шорохи на земле и в воздухе. Длилось это до тех пор, пока перед нами, с подачи снова занервничавшего новичка, не встал ребром вопрос, куда двигаться дальше.

— Я внимательно относился к твоим замечаниям, когда ты меня об этом просил, а теперь настала твоя очередь прислушаться ко мне — стоял он на своём, предлагая, в который уже раз, идти и дальше вдоль ручья, до того самого места, где у меня всё ещё продолжает, я на это надеюсь, стоять шалаш. — Ты же сам мне всю дорогу твердишь, что сюда ещё ни разу не ходил, а там всё очень хорошо знаешь. И о том, что оттуда мы легко и просто доберёмся до точки, где вы расстались с твоим родственником, я тоже помню. А про знак, который он тебе там оставил, забыл?

— Ничего я не забыл, с памятью у меня всё в порядке. Кстати, именно поэтому я и пытаюсь идти новым маршрутом, потому что помню сколько времени меня ждёт человек, охраняя нашу с ним добычу. Ты чего думаешь, стал бы я рисковать собой и тобой в придачу, если бы нутром не чувствовал, что этого времени у меня почти не осталось?

— Что значит почти не осталось? Вы с ним о чём то договаривались, о чём ты мне не рассказал?

— Мы договаривались об одном, что я пойду за помощью! — разозлившись, выкрикнул я. — И обещал я ему, что приведу её через несколько дней, ну может быть через неделю. А что получилось? Сколько я тут с тобой обнимаюсь?

— Я то тут при чём? — возмутился Драп.

— Да ни при чём! — снова повысил я голос. — Просто сложилось так, что где бы я не зависал, это происходит вместе с тобой. Да и не в этом сейчас дело. Предчувствие у меня не хорошее. Впечатление такое, что Степану что то угрожает и если я, и в этот раз его не найду, то поиски можно и вовсе будет прекратить. Понятно?

— Понятно. У меня чувства тоже имеются и мне тоже не очень весело от них. За каждым деревом убийцы мерещатся. Так что не одному тебе страшно.

— Да не в страхе дело! — прервал я товарища. — Хотя скрывать не стану, мне тоже

страшновато из-за всех этих событий. Тут другое. Моя чуйка говорит, что торопиться надо, а она меня ещё никогда не подводила.

— Чуйка? Это что ещё за баба? Ты мне про неё ничего не говорил?

Дальнейший разговор, ещё больше убедил меня в том, что принял правильное решение. Идти надо предгорьями. Сколько? Этот вопрос пока стоит открытым. Примерное количество дней, за которое мы сможем достигнуть нужного района поисков я знаю, а вот по поводу минут или хотя бы часов, с этим могут возникнуть трудности и это увеличит площадь возможного нахождения переселенца, в разы. Но выигрыш во времени всё равно будет огромным, что позволит ускорить вероятность нашей встречи со Степаном, если конечно удача повернётся ко всем нам нужной стороной.

Сделав первую продуктовую закладку, мы повернули направо, как и предусматривал мой план, разработанный ещё до встречи с Драпом. Моя уверенность в его правильности сейчас почти абсолютная, обсуждения с моим спутником оказались, как нельзя кстати. Одно дело, когда ты мысленно прокручиваешь свои дальнейшие действия, убеждая лишь самого себя в их правильности, а другое, когда доказываешь истину в споре с оппонентом, занимающим противоположную сторону по интересующему вас вопросу. Лично для меня второй вариант всегда кажется более убедительным.

Сбросив с себя часть груза и избавившись от того, который принято называть грузом нерешительности, я почувствовал огромное облегчение. Окружающее пространство моментально перестало казаться враждебным, тучи над головой уже не воспринимались, как предвестник бури, а наоборот радовали тем, что закрыли собой не в меру распалившееся солнце и даже наш поход, пускай и на время, превратился в увлекательное путешествие, а не в смертельно опасный аттракцион, в конечном результате которого никто не уверен. Я бодро шагал по незнакомой гористой местности, радовался редким солнечным лучам, вдыхал свежий, ароматный лесной воздух и не переставал радоваться тому, что снова куда то иду, чего то ищу, кого то пытаюсь спасти. А ещё больше поднимало мне настроение то обстоятельство, что я не один в этом дремучем краю. Оказывается, бродить по опасным местам с напарником на много интереснее, чем одному преодолевать трудности. Только теперь до меня стало доходить почему среди одиночек, в комплексе с идентичным названием, практически не было истинных носителей этого гордого звания. Быть одиночкой, в полном смысле этого слова, довольно противное занятие. Конечно, после удачного похода, в случае если ты не один осуществлял его, делить добычу придётся на двоих или того хлеще, на троих, но её ещё разыскать надо, достать и принести на большую землю, а это, как показал мой предыдущий заход, совсем не просто. Нет, уж лучше делиться с другом и знать, что он в случае чего, поможет тебе или просто составит компанию в разговоре, чем бегать в одиночку за призрачными сокровищами.

Первую ночёвку провели на возвышенности, спускаться вниз не решились, ярко зелёная трава, выросшая на метровую высоту, могла скрывать под собой всё, что угодно, вплоть до бездонной трясины, которую обследовать на ночь глядя нет никакого желания.

— Ну, как тебе новые земли? — спросил я Драпа после того, как мы положили в угли почти прогоревшего костра наш будущий ужин.

— Какие же это новые земли? Мы на них ещё и не заходили толком — разочарованно ответил он.

— Зато сверху далеко осмотрели — не сдавался я.

— Ну, смотреть много на что можно, а удовольствия с этого никакого.

— Ты от посещения новых земель ожидаешь удовольствие получить? — удивившись такому заявлению, снова спросил я.

— Ну, не удовольствие, а материальные блага хотелось бы. Зачем же мы тогда сюда собирались?

— Я лично родственника ищу. А ты зачем? Наверное, помогаешь мне.

— Ну это, само собой. Но если бы твой родственник не охранял вашу находку, стал бы ты его искать и тогда? — спросил меня Драп.

Я задумался, получив в свой адрес очень скользкий вопрос, не в силах сходу ответить на него искренне и правдиво.

— Вот видишь, выходит и сам толком не знаешь, как бы поступил — воспринял моё молчание друг так, как и должен был.

Оставлять такое заявление без ответа не стоит, и я ответил, используя для него обычный штамп, каких у жителей моего времени, по любому поводу, найдётся не один и даже не два.

— Почему же не знаю, знаю — сказал я, засыпая картошку более яркими углями. — А сразу не ответил потому, что ужином занят, на который ты, почему то, совсем внимания не обращаешь. Вот спросил ты меня, как бы я поступил, не будь у моего родственника добычи на сохранении? И я тебе отвечу, прямо и не кривя душой. Пошёл бы всё равно его искать. И не только его бы, а и тебя, окажись ты в такой ситуации. Потому что и он, и ты, мне дороги. А это посильнее будет даже такого наркотика, как деньги, от которого ещё ни один знакомый мне человек полностью не смог отказаться.

Теперь пришла очередь Драпа задуматься, а моя, снова ковыряться в костре. Может быть он хотя бы так не заметит, на сколько стало красным моё лицо. Стыдно, не скрою, отыскать в себе такие противоречивые чувства. Вот кажется, чего уж проще, поступай так, как только что сказал. А на самом деле, что? Могу ли я себе честно признаться в том, что не нашёл бы тысячи причин, чтобы не ходить за Степаном в лес, не будь рядом с ним автомобиля, позволяющего устроиться в этом коварном будущем безбедно и на долгие годы забыть, что такое риск? Не могу. Пытаюсь прямо сейчас уговорить себя в том, что и так бы его искал, но где то далеко во мне сидит маленький червячок, о котором стоит только подумать, как он сразу же увеличивается в размерах и не позволяет дать положительный ответ, на довольно простой вопрос.

— Чем дольше тебя знаю, тем больше удивляюсь тебе. Не было в моей жизни ни одного такого человека, как ты. Чтобы ради дальнего родственника или друга, вот так, не смотря на смертельную опасность — глядя на разлетающиеся в разные стороны искры, заговорил Драп. — Я бы не смог. Да и не кто бы не стал этого делать из тех людей с кем я знаком, а знакомых у меня не мало. Таких людей, как ты, на земле единицы, это я тебе точно говорю и я рад, что мне повезло встретиться с тобой. Вот тебе моя рука и знай, я для тебя тоже всё сделаю, ты только скажи.

До чего же оказывается противно быть не тем, за кого тебя принимают. И зачем только нёс эту ахинею? Сказал бы прямо, что видал я этого родственника там то и там то, и сидел бы себе спокойно, не сгорал бы со стыда, стараясь спрятать покрасневшее лицо за жар потускневшего костра. А Драп всё же человек, не ожидал от него такого. Этот святой житель будущего и не подумал поинтересоваться у меня, что такое наркотик. Его внимание было полностью приковано к другим моим словам, правды в которых было процентов семьдесят.

Ну вот, опять приукрасил, какие семьдесят, там и тридцати то не было — нашёл я силы

сознаться самому себе, где то очень глубоко, возможно на самом дне моей бездонной и хотелось бы верить, что ещё не совсем испорченной души. И это уже хорошо, если смог осознать то, что совсем не такой, каким меня считает сидящий рядом человек. Раз осознал, возможно и исправляться тоже когданибудь начну.

— Чего задумался? — вытянул меня из мрака душевных терзаний Драп.

— Да так, вспомнил кое что — ответил я, не вдаваясь в подробности.

— Это хорошо, когда есть, что вспомнить. А у меня, когда начинаю думать о прошлом, одно и тоже перед глазами стоит. Корзина, соль и пыльная дорога под ногами. Вот так вот.

— Да, не совсем приятные воспоминания — посочувствовал я другу и немного помолчав продолжил: — Всё спросить хочу тебя, да случая как то не было поговорить об этом. Ты за что попал на солеварню? Только сразу хочу извиниться за бестактный вопрос и предупредить, если не хочешь отвечать на него, то считай, что я ничего и не спрашивал.

— Почему же не хочу? Отвечу, если спрашиваешь. За убийство я туда попал, хотя и не хотел никого убивать. В драке это случилось, ну а подробности тебе знать не обязательно, нет в них ничего интересного — со вздохом ответил Драп и тут же спросил: — А тебя каким ветром на эту человеческую помойку занесло, не помню я чтобы ты мне об этом рассказывал?

— Да также, как и тебя, по недоразумению.

— Тоже кого то на тот свет отправил? — улыбнувшись, спросил Драп.

— Нет, не отправил. Но лица, которые меня туда определили посчитали, наверное, что пытался — коротко ответил я.

— Выходит оба мы с тобой случайно там оказались?

— Случайно, не совсем правдоподобно звучит. Давай будем считать, что всё таки по недоразумению. Ты не против?

— Да, пожалуй, так будет лучше. Вроде, как и было за что, а вроде и не было.

— В самую точку.

Следующий день принёс неожиданную встречу с коллегами, находящимися при исполнении своих прямых обязанностей. Их мы заметили из далека, так как всё ещё находились на возвышенности, не желая покидать её из-за хорошего обзора окружающей местности. Три человека занимались раскопками, обычной для этих мест, грязевой лужи. Двое делали это при помощи плоских, деревянных лопат, от которых, на мой взгляд, не было абсолютно никакого толка, а третий стоял на берегу и страховал их от всевозможных неприятностей.

— Может спустимся? Посмотрим, чего они там ищут? — спросил меня Драп, когда пришло время решать, стоит ли покидать заросший мелким кустарником склон и есть ли смысл двигаться по нему дальше.

— Давай — согласился я с его предложением.

Когда то же надо узнавать, как реагируют старатели на появление своих товарищей-конкурентов, рядом с раскопками, где уже осуществляются поиски древних артефактов.

Расстояние между нами и упорно работающими в грязи «одиночками» в действительности было на много большим, чем это казалось на возвышенности. Достаточно времени потратили мы и на преодоление преграды природного характера.

У самого подножия горных вершин образовалась прямо таки непроходимая стена из полу сгнивших брёвен, щебня, камней и всё той же грязи, служившей связующим материалом для этой невообразимой постройки. Так что встреча, которую я планировал

провести минут через двадцать, состоялась лишь через полтора часа после визуального контакта с незнакомыми людьми.

— Добрый день — стараясь быть предельно вежливым, поздоровался я с тем членом бригады, который стоял на берегу.

Моё приветствие его не застало врасплох. Товарищи, стоящие по пояс в вонючей жиже, должно быть предупредили своего страхующего заранее, о подходе к месту работ чужаков, поэтому встречал он нас в полной боевой готовности, с точно таким же копьём, как и у меня, в руках, и повернувшись к нам лицом.

— Привет — коротко ответил мужчина, чьё напряжение чувствовалось даже на расстоянии.

— Помощь не нужна? — сделав ещё пару шагов по направлению к нему, задал я самый миролюбивый вопрос из всех возможных, в данном случае.

— Нет, сами справляемся — прозвучал его ответ более спокойно, нежели приветствие.

— Водой может помочь? — продвинувшись ещё на несколько метров, снова спросил я.

— Да вроде пока хватает — опустив один край копья на землю, рассказал мужчина об отсутствии у них проблем с таким важным компонентом в этом мире, как пресная вода.

— Давно здесь работаете? — подал голос Драп, до этого не проронивший ни слова.

— Третий день возимся — переведя взгляд на него, ответил всё тот же старатель.

— И как, нашли чегонибудь? — задал мой товарищ самый провокационный вопрос, из тех, что были в его арсенале.

— Да мелочи разные — не посчитав его за что то из ряда вон выходящее, заговорил бригадный страхующий. — В первый день осколок стекла, где то пол метра на сантиметров двадцать, вчера несколько кусков какой то дряни, а сегодня пару пустых бутылок, со сколотым горлышком.

— Хорошие мелочи. За это приличные деньги можно получить — восхитился находками Драп.

— Да какие это деньги — не разделил его мнения «одиночка». — Так, чтобы с голоду не умереть, да на следующий заход прибарахлиться. За деньгами дальше топать надо, но в этот раз мы не решились туда идти. Слышали про убийства?

— Рассказывали — показал я свою осведомлённость, о происходящих на новых землях безобразиях.

— И что по этому поводу думаешь? — отчего то спросил только меня, окончательно успокоившийся мужчина.

— А чего тут думать. Увидим этих гадов, долго разговаривать с ними не станем — возможно излишне эмоционально ответил я.

— Да, желающих с ними покончить достаточно. Только получится ли, вот в чём вопрос? Говорят, вооружены они под завязку и нападают неожиданно, и быстро. Попробуй успеи, подготовиться. Вот хотя бы окажись на вашем месте они и что бы мы успели сделать? Да передушили бы нас по одиночке и пикнуть бы не дали.

— Твоя правда, вам бы с ними ни за что не справиться — согласился с ним Драп.

— Вот и я о том же. И что же тогда получается, совсем что ли перестать работать? — спросил старатель.

— Мы об этом тоже думали — сказал я в унисон ему. — Но всё же решили сходить, хотя бы куданибудь. Деньги закончились и пришлось топать.

— Вот это и гонит нас сюда — поддержал меня мужчина. — А так ни за что бы с места

не сдвинулись.

Парням в луже надоело слушать нас сидя по уши в грязи и вскоре они выползли на берег, где прямо в нашем присутствии, нисколько не стесняясь чужаков разделись до гола, как смогли обтёрлись, напялили на себя свежие тряпки и предложили нам пообедать всем месте, за общим костром. Игнорировать такой радушный приём было бы самым настоящим свинством и мы с благодарностью приняли предложение, даже несмотря на то, что обеда в нашем графике не предвиделось.

Случайность. Как к ней относиться? Как к запрограммированной неизбежности или, как к обыкновенному стечению обстоятельств, сотканному из обрывков жизней порой совсем незнакомых между собой людей, так или иначе повлиявших на определённое событие? Такими вопросами я часто озадачивал свою, забитую разным хламом, голову, но твёрдого ответа на них, от неё, так до сих пор и не дождался. Временами она склонялась то в одну сторону, пытаясь тем самым привлечь меня в лагерь закоренелых фаталистов, то в другую, безжалостно вычеркивая мою скромную персону из списка завсегдатаев этого уважаемого движения и снова заставляя мучиться в поисках истины, искать которую, судя по всему, придётся ещё очень долго.

Не находил ответа на этот вопрос я и сейчас, глядя на случайно обнаруженный нами, знакомый мне, автомобиль марки «Москвич», и размышляя о том, что поспособствовало нашей с ним неожиданной встрече. Возможно для этого и не самое удачное время, но мой головной мозг так уж устроен, что иногда у него появляется желание заниматься глобальными проблемами именно тогда, когда отвлекаться на них совсем не обязательно.

— Твоё? — лёжа в кустах и глядя в ту же самую сторону, что и я, спросил Драп.

— Угу — ответил я ему, ища глазами, отсутствующего возле своей ласточки, дядю Стёпу.

— А это, кто такие? — поинтересовался друг, кивая на трёх неизвестных мне джентльменов, одетых в нехарактерные для «одинок» одежды.

— Не знаю. Первый раз их вижу. Но то, что Степана среди них нет, это я могу тебе гарантировать — стараясь не привлекать к нам чужого внимания, тихо сказал я.

Драп на мгновение задумался, ещё раз оценил взглядом незнакомых мужчин, вынул из-за пояса подаренную мной косу и почти беззвучно проговорил:

— Оставайся здесь, я посмотрю, что с той стороны делается.

Я кивнул ему в ответ и не выпуская из поля зрения громко разговаривающих людей снова окунулся в размышления.

Пять дней мы прочёсывали эту территорию словно гребнем и ничего не обнаружили. А сегодня, когда желание прекратить поиски перевесило потребность оказать помощь товарищу, словно из под земли, перед нами вырос этот автомобиль и встретившиеся с ним не более часа назад люди. Что это? Кем то мастерски организованное мероприятие или же простое везение, обрушившееся одновременно на несколько лиц сразу?

— Там мужик с пробитой головой валяется — одними губами сказал Драп, быстро и абсолютно незаметно для меня, вернувшийся обратно.

— Как он выглядит? — не желая верить в самое страшное, спросил я его.

— Чудно — дал свою характеристику человеку, с которым я был знаком всего несколько дней, мой приятель из далёкого будущего.

А почему собственно был? Кто сказал, что тело Степана валяется там, как бессердечно высказался о нём Драп, не подавая признаков жизни?

— Это он, мой родственник. Он всегда таким был — отгоняя от себя не хорошие мысли, сказал я.

— Кажись он того, не дышит уже — глядя на меня с сожалением, в самое ухо, проговорил Драп.

— Тогда всё, пора заканчивать с нашим наблюдением. Пришло время мочить этих гадов — попытаюсь приподняться на колени прошипел я ему, в ответ.

— Да подожди ты, куда полез. Выждать надо, когда удобный момент появится. Их же трое и ножи у них имеются, и палки, как у тебя, нам тоже легко справиться с ними не позволят. Ты посмотри бугаи какие, драться на смерть будут, это тебе не в кругу руками махать — разговорился приятель, должно быть нервничая не меньше моего.

— Ждать ничего не собираюсь. Хочешь, пошли со мной. А нет, так один с ними справлюсь — зло зыркнув на Драпа, сказал я и тут же подумал: — Только вот интересно, как я это делать собираюсь? Убивать живых людей мне никогда до этого ещё не приходилось. Самое большое, что я с ними делал, так это лишал их сознания и то на очень кратковременный срок?

— Ладно, пускай будет по твоему. Сейчас, так сейчас. Ты тогда бери того, что с твоего края, а я среднего на себя вытащу. Авось выгорит что — прошептал Драп и первым вскочил на ноги, положив своим действием конец моей нерешительности.

Понимание того, что расклад два против трёх не совсем идеальный, пришло ко мне уже на ходу, но что либо менять было уже поздно. Тем более копьё моё, направленное тыльной стороной к голове ещё ни о чём не догадывающегося человека, уже набрало свою силу и готово было обрушиться на него, и разmozжить его череп пополам. Странно, но в этот миг я был абсолютно спокоен. Страх в себе не ощущал, как будто терять в этой жизни было уже нечего, жалости к предполагаемой жертве, так и продолжавшей громко над чем то смеяться, не испытывал, у меня было лишь огромное желание быстрее добраться до мужика и врезать ему, как следует, в его тупую башку. Пробежав шагов десять, я собирался было уже опустить свою дубину на голову оппонента, но заподозрившая неладное компания, словно по команде, вдруг резко повернулась к нам небритыми лицами и ввела в замешательство своим поступком не только себя, но и меня, по крайней мере. Глаза стоящего напротив человека ослепили своим непонимающим взглядом и я на мгновение замер, так и продолжая держать копьё перед собой, словно транспарант на первомайской демонстрации. Лишь глухой стон, долетевший до моего уха слева и последующий за ним громкий, отчаянный крик, повлияли на меня отрезвляюще, точно так же, как и на человека с округлившимися глазами. Мы, продолжая гипнотизировать друг друга взглядами, перешли к решительным и, как в последствии оказалось, жизненно важным действиям. Мой соперник по смертельной схватке, выверенным движением, выдернул из-за пояса огромный тесак, а я, прекратив изображать из себя добропорядочного гражданина, сделал не менее быстрый выпад своим оружием в его сторону, стараясь попасть копьём в злобно буравящий меня левый глаз. Не знаю почему, но почему то мне захотелось срочно избавиться себя от присутствия этого недоброго взгляда, хотя бы на половину. А вот дальше всё пошло не по выстраданному мной, за те десять шагов, что я сделал только что, сценарию. Мужчина дёрнулся в сторону, попытавшись сберечь свои органы зрения, чем заставил меня принять ответные меры и прямо в полёте изменить траекторию движения дубины. Она, в конечном итоге, совершила незапланированную, аварийную стыковку, вызвавшую во мне такой ужас, который тут же заставил выпустить перевёрнутое оружие из рук. Мне показалось, что длинная деревяшка навсегда застряла в пробитом горле несчастного и ему придётся всю оставшуюся жизнь ходить вместе с ней. Но всё оказалось на много проще, лишившись моей поддержки копьё рухнуло на землю, обнажив при этом огромную рану на шее, стоящего всего в двух шагах от меня, человека, пытающегося свободной, левой рукой остановить хлещущую оттуда кровь.

Справиться с этим ему не удавалось, ярко красная, вязкая жидкость струилась сквозь его пальцы, затекая на грудь и рукав. Выпустив нож, он попытался остановить кровотечение двумя руками, но и это ему не помогло, и тогда его, ничего не понимающие, скорбные глаза, обратились за помощью ко мне.

Спасла мою, начавшую срываться с орбиты психику, неспособность раненого самостоятельно стоять на ногах. Они у него сначала задрожали, потом подкосились в коленях, затем правая, возможно менее развитая, резко подвернулась и завалила тело на бок, которое с жутким стоном, рухнуло на землю в ту сторону, где должны были находиться остальные члены нашего внезапного сражения. Проводив падающего взглядом, какое то время ещё следил за тем, как он тихо хрипел, выпуская через рот кровавые слюны и дёргался в страшных конвульсиях, а когда всё закончилось, с трудом оторвал от замершего в неестественной позе человека, свои бешенные глаза и попытался оценить, что происходит рядом с ним. Остальные, закончив выяснение отношений между собой, также мирно лежали на вытоптанной траве, рядом с автомобилем, не подавая ни сигналов о помощи, ни признаков жизни. Это ужасное зрелище подействовало на меня совсем не так, как ожидал, оно принесло успокоение и дало повод тут же присоединиться к лежащей на земле четвёрке. Моё обмякшее тело упало на колени, голова склонилась на грудь, а желудок, чьё внутреннее напряжение достигло наивысшей точки, мгновенно начал избавляться от него. Он без сожаления расстался со всем, что перепало ему на обед и даже на ранний завтрак, заставив своим действием и все остальные части моего организма выйти из охватившего их оцепенения.

Лицо Драпа было белым, как первый снег, а кровь, огромным пятном выступившая на его одежде, имела вид вишнёвого сиропа, нечаянно пролитого на неё. Эти цвета так контрастировали между собой и казались мне такими неестественными, что я был не в силах оторвать взгляд от этой завораживающей картины. Скорее всего именно это полотно, глядя на которое не хотелось верить, что оно уже полностью закончено и не позволило мне запаниковать, впасть в отчаяние и начать совершать необдуманные поступки. Я не стал приводить в сознание лежащего на земле товарища, надевшего на себя мраморную маску немого благородства и даже не попытался уложить его тело в более удобную позу, мне хватило ума и выдержки, чтобы не заниматься этим. Зато решительности на то чтобы, как можно быстрее проверить у друга пульс, было в избытке.

Удостоверившись, что невидимый, но хорошо всем известный мастер, ещё не окончательно прорисовал детали, разорвал и так уже испорченную рубаху Драпа в том месте, где находилось продолжавшее увеличиваться в размерах яркое, с неровными краями, тёмно красное, чужеродное ткани образование. Одного взгляда на то, что находилось под ним было достаточно, чтобы понять: времени, для принятия решения, у меня почти совсем не осталось.

В экстремальных ситуациях я обычно не пасую, так произошло и на этот раз. Притаившись из кустов свой, заметно похудевший, мешок, нашёл в нём самую чистую тряпку, за секунды, при помощи ножа, разрезал её на бинты, из открытого багажника достал не тронутую никем банку с самогоном, смочил в нём материю и не стеснясь приложил получившийся компресс к порезу на теле Драпа, оголивший почти все его рёбра с левой стороны. Также, без промедления, отыскал в бардачке машины катушку белых ниток, с воткнутой в неё иглой, о которой помню со дня своего перемещения сюда. Трясущимися от напряжения руками соединил их воедино, прополоснул полученное в спиртовом растворе Степана, не

задумываясь о последствиях принял эту же жидкость внутрь и приступил к процедуре, от которой волосы на моей голове стали самостоятельно шевелиться.

Полностью замотанный в тряпки торс, так и не пришедшего в сознание Драпа, не позволил мне порадоваться за успешно проведённое сшивание верхних тканей потерпевшего. Рядом с машиной лежит ещё один мой товарищ, состояние которого для меня так и остаётся тайной, поэтому сейчас не до восторгов, надо заниматься им.

— Ну что, дядя Стёпа, давай теперь с тобой разбираться. Надо же определиться с тем, за что пить буду сегодня вечером. За здоровье или, не приведи господь, за упокой — вместо приветствия сказал я старику, чьи волосы покрывала сплошная кровавая корка.

Нервно оглянувшись на тела поверженных незнакомцев, подошёл к Степану и начал прощупывать его пульс на запястье, прикасаться к шее пока не рискнул. Удары сердца старика были ритмичными и полнокровными, что меня очень обрадовало. Главное жив, а это уже не мало. Хотя, такое состояние человека, получившего сильный удар по самой верхней части своего тела, ещё ни о чём не говорит. Травма головы, дело очень непредсказуемое.

Лечение своего современника начал с водных процедур, тратить дефицитный самогон, не зная куда конкретно его можно применить, непозволительная роскошь в нашей ситуации. В первую очередь необходимо найти место, где находится рана и понять на сколько она серьёзна, а только потом решать, чего с ней делать дальше.

— Ну что Владик, так ты скоро настоящим доктором заделаешься. Первую медицинскую помощь уже освоил, диагнозы ставить, это проще простого, тебе бы ещё грамотно перевязки научиться делать и можно идти в городской совет за очередной регистрацией — подбодрил я себя, обнаружив на голове Степана огромную, кровоточащую шишку, расположившуюся в районе его темечка.

Осмотрев повреждение тут же приступил к его лечению, тем более мне показалось, что оно на много легче, чем у первого моего пациента, во всяком случае использовать в данном случае иголку с ниткой нет необходимости. Да и не рискнул бы я чегонибудь пришивать на голове. Пришилишь там ещё мозги не к тому, к чему надо и оставишь человека на всё жизнь идиотом. Кому, ему потом спасибо говорить?

Для того, чтобы соорудить на макушке Степана папаху из тряпок, мне, как ещё совсем неопытному хирургу, без сомнения понадобилось больше времени, чем на тоже самое затратила бы рядовая санитарка из какойнибудь заштатной, районной больницы, у меня дома. Но я всё равно был горд за проделанную работу, не каждый же день приходится заниматься такими жуткими вещами.

Закончив приматывать к голове больного частично смоченные в самогоне бинты, перенёс его в тень, отбрасываемую небольшим деревцем, где предварительно расстелил кусок брезента, взятый из автомобиля прошлого. Затем, с большими предосторожностями, доставил туда же и более тяжёлого пациента, даже не пикнувшего во время своей транспортировки на новое место и только после этого занялся собой. Нет, у меня не имеется внешних повреждений, которые бы требовали немедленного осмотра и лечения, но вот внутренние характеристики моего организма находится в таком плачевном состоянии, что оставлять его без терапевтических процедур, чревато. Аптечку в салоне машины видел, однако я сомневаюсь, что набор лекарственных средств, лежащих в ней, сможет дать быстрый положительный эффект, в моём не простом случае. Изрядно подорванную нервную систему не так просто привести в норму таблетками и порошками, здесь нужны более

радикальные меры. Буду использовать народные средства, которые в арсенале владельца невиданной в здешних местах техники также присутствуют и причём в очень больших количествах.

Банку, в которой полоскал бинты, отложил на нужды больных, не стоит использовать одно и то же средство для наружной, и внутренней обработки. Да и есть ли смысл мараться теми крохами, которые в ней остались, возьму сразу канистру, чего мелочиться, лечиться так лечиться, кто знает, как они пойдут, эти процедуры, вдруг придётся долго их осуществлять.

Первые тридцать грамм самогона, принятые мной ещё до операции, пробежали мимо моей головы, не оставив в ней абсолютно никаких впечатлений и это было хорошо, на тот момент. Выпей больше, навряд ли бы у меня получился такой ровный и в меру глубокий шов, а так я уверен, жалоб от клиента не поступит, всё легло идеально, не хуже, чем в первоклассном ателье. А вот сейчас я готов к употреблению более солидной дозы, возможно, что мне даже не стоит ставить какие-нибудь рамки по количеству, есть смысл упиться до поросычьего визга, чтобы от него наружу выбежали все мурашки, оставшиеся внутри, после пережитого.

— Вот и пришло время определяться с жизненной позицией. Стучал себя в грудь, говорил, что для друзей готов сделать всё, что угодно? Говорил. Ну и получи наряд на работы, вне очереди, по полной программе. Накаркал, сволочь! Кто тебя за язык твой поганый тянул?! Промолчать что ли не мог?! Нет, надо было выступить, словно на собрании — начал я разговаривать сам с собой, после второй кружки самогона, влитого внутрь без закуски.

А что ещё остаётся делать? Посоветоваться не с кем, помощь просить не у кого а решаться на что то надо. Самостоятельно ходить мои знакомые начнут, по всей видимости, ещё не скоро. Состояние у них такое, что надежды на быстрое выздоровление нет почти никакой. Вот и приходится размышлять над тем, как поступить с больными.

— Можно конечно вас и в полевом госпитале лечить — обращаясь к живым лежащим, сказал я, а повернувшись в сторону трупов, сделал и им, замечание: — А вас никто не спрашивал. Сукины дети! Лежите смирно, дойдёт и до вас очередь.

Налил в кружку ещё грамм двадцать, многозначительно посмотрел на молчащих друзей, кивнул им головой и выпил, в неизвестно какой уже раз по счёту, и только после этого снова продолжил говорить.

— Вода пока есть, нашей ещё прилично осталось. Твою, дядя Стёпа, можно если что фильтровать и у этих — я кивнул в сторону личностей, так и продолжавших лежать в неестественных позах, — её тоже отобрать можно. Им она уже больше ни к чему. О питании тоже можно не беспокоиться, его тут может и не так много бегают, как у меня возле шалаша, но с голоду не умрём, это я вам гарантирую. Хотя, должен заметить тебе Стёпа, компоты ты зря все выпил в одиночку. Ну мог же оставить хотя бы баночку, нам с Драпом на пробу. Ну ладно я, обо мне можно было не беспокоиться, едал такое. А ему то чего теперь делать, где он ещё такой сладкой воды попробует? В том то и дело, что больше нигде. Нету тут сахара у них, дорогой ты мой товарищ с проломленной головой. Вот то то и оно. Ну ладно, ладно, лежи спокойно, не оправдывайся, тебе нельзя нервничать.

Плеснул себе в металлическую кружку ещё немного, посмотрел нет ли в посудине какого мусора и приподняв её, как во время тоста, сказал:

— Ну, пожелаю вам, чтобы выздоравливали быстрее. Чтобы раны ваши затянулись хорошо. Чтобы ходили вы потом и улыбались от счастья, что всё закончилось быстро и без

последствий.

Жидкость прошла гладко, без ненужных отголосков и соединившись с той, что уже была внутри, сподвигла мою голову на новые рассуждения.

— И так, на чём я там остановился? На счастье, кажется? Что у нас там про счастье имеется? А, вот. Это точно подойдёт. Остров невезения в океане есть...

Утро встретил очередным приступом рвоты. Так можно заработать и какоенибудь хроническое заболевание, частый надрыв желудка ни к чему хорошему не приводит. Пора заканчивать со стрессами и их лечением, народными методами.

Мужики же напротив, лежали смирно, точно в таких же позах в каких я их и на ночь оставил, и это меня обрадовало. Если ничего не просят, значит ни в чём не нуждаются. Причём в таком состоянии находились все. И те, которых вчера вечером и пальцем не тронул, и те, о которых, как смог, позаботился. Насколько это хорошо для первых, не мне судить, а вот для тех, что лежат в импровизированном лазарете, это совсем не плохо. Крепкий сон — это единственное лечение, кроме того, что уже провёл, которое могу предложить своим друзьям в этих условиях.

— Напоить вас ещё, что ли? — спросил я лежащих больных, после того, как утолил собственную жажду.

Воду пациентам кое как внутрь влил, а вот, как их кормить в таком состоянии? Это для меня вопрос почти не разрешимый. Нет, приготовить пюре из остатков картошки смогу легко, да и мясо мелко нарезать у меня тоже получится, с помощью ножей Степана сделать это будет не сложно. Но вот каким образом будущее блюдо запихать людям, лежащим в бессознательном состоянии внутрь, вопрос, на который ответа у меня не имеется.

— Кормить то вас всё равно надо, иначе сил никаких не будет? Я правильно рассуждаю? — глядя на мужиков, спросил я. — И это. Вы бы, знак какой подали, если кто то из вас в уборную захочет. Сам то я в таких делах не очень, мало чего понимаю. Так что вы с этим уж какнибудь сами постарайтесь, памперсов здесь взять негде.

Решение о нашей дальнейшей судьбе пришло ко мне, можно сказать, спонтанно, во время перетаскивания мёртвых людей. Оставлять их рядом с живыми мне показалось не совсем этично, да и в целях гигиены не стоит этого делать, мало ли чем болели эти обормоты при жизни. Прицепиться какаянибудь зараза от них, потом не отмоешься.

— Таскаю вас тут, а мужики лежат и ждут, когда до них очередь дойдёт. Им же ещё надо перевязку делать — сказал я одному из трупов и между делом подумал: — А почему бы мне не соорудить носилки или волокуши и не отправиться с мужиками в сторону долины? Сколько они так ещё смогут прожить, без квалифицированной помощи? И вода нормальная у меня рано или поздно тоже закончится, а пить ту, что Степан тут обнаружил, я бы никому не посоветовал.

Мысль о том, чтобы откопать застрявший в грязи, почти по самый порог, автомобиль, сразу же показалась мне бесперспективной. Втоптанное в грязь брёвна и ветки говорили, что кое кто уже пытался вытащить машину из плена и это у него так и не получилось, хотя временем он располагал наверняка большим, чем отведено мне сейчас. Возможно будь в моём распоряжении помощники, временно оказавшиеся нетрудоспособными, я и попробовал бы достать технику, а одному нет, даже и пробовать не стоит, только время понапрасну потеряю. Так что думать о том, чтобы с комфортом преодолеть хотя бы несколько десятков километров не имеет никакого смысла, только силы и нервы зря потрачу, а результата всё равно не добьюсь. Вариант один, вытаскивать людей из беды по

старинке, как у меня на старой работе любили говорить: «Будем двигаться к светлому будущему в ручном режиме».

Топор нашёл возле кучи сухих веток, разрубленных им на более приемлемые размеры, и сложенных его хозяином в поленницу, недалеко от ещё вчера потухшего костра. Жерди присмотрел почти там же, шагах в десяти от обжитого Степаном места. Срубил пять молоденьких, стройных деревьев, обкромсал у них ветки, убрал лишнюю длину и притащил будущую основу к раненым. Прежде, чем начинать что то из них городить необходимо прикинуть и померить: куда крепить брезент, сколько оставить себе на ручки, и как устранить возможность сползания тела, во время его транспортировки. Опыт в изготовлении таких приспособлений у меня нулевой, а вот в переделывании ранее неправильно собранных конструкций, огромный, не стоит его ещё больше увеличивать. В новом деле важно придерживаться той мудрости, в которой говорится про отмерь и отрежь, тем более я очень ограничен в части материалов, из которых будет собираться моя лесная, скорая помощь.

После тщательных замеров оказалось, что друзья мои практически одинакового роста и телосложения, что очень упрощает мою задачу в плане конструирования объекта. Делать две одинаковых волокуши на много проще, чем изготавливать каждую по отдельности, под определённого индивидуума. Соберу сначала одну, а потом, по её образу и подобию, быстренько сварганю следующую, второе изделие у меня, как правило, получается более качественным и на его изготовление тратится в разы меньше времени.

Осмотр транспортного средства, предоставил в моё распоряжение всего лишь семнадцать гвоздей, причём только пять из них имели размер позволяющий использовать их в качестве крепёжного элемента при сборе основной конструкции. А исследование состояния брезента, на котором так и продолжали почивать больные, позволило сделать неутешительный вывод: его хватит только на одни носилки. Однако ни то, ни другое обстоятельство не сумели выбить меня из колеи и после некоторого раздумья проведённого у разгоревшегося костра, я приступил к изготовлению пилотного экземпляра волокуши, собственной конструкции.

Разложив жерди, согласно ранее определённых размеров, склотил их в четырёх ключевых точках гвоздями, получив всё ещё хлипкую, но уже достаточно сильно похожую на раму, конструкцию. Обрадовавшись первому успеху, расплёл одну из кожаных верёвок и при помощи её составляющих, крепко связал сбитые носилки по углам. Прочность каркаса, после таких действий, мгновенно возросла. Это событие придало мне такие дополнительные силы, которые позволили уже через двадцать минут начать прибывать к жердям брезент, позаимствованный у раненых и придумать механизм его крепления в местах, где такой роскоши, как металлические крепители, не хватит. Разделив оставшиеся гвозди на равные части, приколотил материю, в особо ответственных местах теми, что предназначались для этого изделия, а в остальных привязал её к рукояткам всё теми же кожаными жгутами, продев их в заранее сделанные в тряпке дырки. Времени потратил на всё это не мало, но качеством лежанки остался доволен. Теперь осталось самое простое, подумать куда прицепить мешки, фляги с водой и кое какой сельскохозяйственный инвентарь, который мне хотелось бы забрать с собой в этот раз.

Когда первый экземпляр был полностью оснащён и готов к работе, аккуратно перетащил на него Степана, человека более старшего возраста, а значит имеющего определённые льготы и попробовал протащить образовавшуюся тяжесть хотя бы на несколько метров. Хватило и трёх, чтобы понять, на сколько я переоценил свои силы.

Конструкция была неповоротливой и просто офигенно тяжёлой, что позволило довольно быстро сообразить: таская такие тяжести я сдохну гораздо быстрее, чем выздоровят те, кого пытаюсь спасти. И это меня совсем не обрадовало.

В каждом событии бывают, как отрицательные, так и положительные моменты. Так произошло и в данном, конкретном случае. Моё расстройство, по поводу не реально тяжёлой конструкции, было буквально сразу же компенсировано человеком, неподвижно лежащем на ней. Его открытые глаза, испуганно и не понимающе глядевшие на меня, заставили забыть и о тяжестих, и о дальности, и даже второго пострадавшего я на время вычеркнул из своей перегруженной воспоминаниями памяти.

— Дядя Стёпа! Очнулся! — присев на корточки, радостно прокричал я.

— Чего орёшь? Тише говори, я не глухой — прошептал мне в ответ раненый пересохшими губами и замолчал.

— Ладно, буду тише говорить. Прости. Это я от радости, что ты очнулся, заорал — более спокойным тоном проговорил я больному, почти по слогам.

— Бандиты где? — спросил меня, наконец то пришедший в сознание старый знакомый.

— Нет их больше — неопределённо ответил я на поставленный вопрос не зная, можно ли говорить про убийства мужчине, довольно солидного возраста, когда голова его находится в таком плачевном состоянии.

— Арестовали? — задал он новый вопрос, глядя на меня своими мутными глазами.

— Да вроде того — снова изобразил я из себя плохо соображающего человека.

— А ты кто? Полиция или МЧС? — спросил сильно постаревший, с прошлой нашей с ним встречи, Степан Сергеевич.

— Да ты чего, старый? Это же я, Владик — испугавшись необратимых последствий с головой у говорившего, заново представился ему я.

— Какой ещё Владик? Машкин сын, что ли? Откуда ты здесь взялся?

— Какой Машкин сын?! Я Владислав! Тот, который за помощью ходил. Неужели забыл? Меня то и не было всего ничего. Ты чего, дядя Стёпа? Вспоминай давай, где ты находишься и чего с тобой до этого происходило!

— Владислав? Попутчик, что ли? Ты? — спросил старик, проявив на физиономии признаки здравого ума.

— Я конечно! А кто же ещё?! Кого ты хотел, кроме меня, здесь ещё увидеть!? — снова перейдя на крик, спросил я раненого.

— Не ори, слышу. Башка разрывается. Помню я всё, только запутался малость. Ты тот парень, с кем мы в этот лес попали? Правильно?

— Он самый.

— А ты, чего такой не бритый? — снова спросил дед, невпопад.

— Нечем бриться, потому и не бритый — выдал я вполне логичный ответ.

Сам дядя Стёпа, был гладко выбрит, что говорило о наличии у него опасной бритвы, другая, в этих условиях, давно бы уже пришла в негодность.

— А полиция где? А МЧС? — снова сорвался старик в штопор. — Так и не добрался до них?

— Пить хочешь? — решил я прервать, начавший сильно раздражать меня разговор.

— Пить? Нет, пить не хочу. Я наоборот хочу. Поможешь? — заоткровенничал дядя Стёпа.

— Наоборот? — переспросил я его. — А, что это значит?

— В туалет мне надо, вот, что это значит. А сам я не справлюсь, упаду.

Ну вот, началось. Я ещё утром думал, как долго они с Драпом продержаться, и кто из них первым заставит меня этим заниматься.

— Помогу конечно, что за вопрос? Ты приподняться хотя бы сможешь? — ответил я тяжело вздохнув.

Почувствовав облегчение, в нижней части своего организма, старик незамедлительно вспомнил о той, что находилась вверху.

— Что у меня с головой? — спросил он меня, снова приняв лежачее положение. — Кружиться зараза и болит, спасу нет.

— Сам то что, не помнишь ничего? — задал я ему в ответ, провокационный вопрос.

— Почему не помню? Помню — заговорил он, в свойственной для него манере. — Ударил меня по башке палкой, какие то уроды лохматые и я сразу после этого отключился. А кстати, где они?

— Самоликвидировались — вспомнив забавное словечко ответил я лежачему, в надежде на то, что он не обратит внимания на лежащих за кустами людей. — А с головой у тебя полный порядок. Шишка, с мой кулак величиной и дырка, размером с десять копеек, вчера была. По моему обычное дело, после удара по макушке тяжёлым предметом.

— А сегодня дырка какая? Больше стала или такая же? — забеспокоился старик о своём здоровье.

— Сегодня не смотрел ещё, не знаю. Ты сам, как считаешь стоит её беспокоить?

— Наверное, лучше не стоит. Пока обойдусь и тем, что сказал, а там видно будет. Ты мне вот лучше, что расскажи, чего так задержался? Я начал думать, что тебя в живых уже нет?

— Давай с тебя начнём, сам расскажи, какого чёрта ты со стоянки нашей слинял? Я вас с машиной уже почти месяц разыскиваю, здесь то можно сказать случайно нашёл. Вон, даже друга попросил помочь.

— Не смог там больше оставаться, воды не было и собаки замучили — тихо проговорил дядя Стёпа, жалостливо взглянув на Драпа и спросил: — А откуда здесь твой друг появился? А ты косу мою нашёл?

— Нашёл. Пригодилась она мне очень и тогда, и сейчас. Если бы не твой подарок, друга этого наверняка бы в живых уже не было.

— Влад, а у тебя пожрать ничего нет? Проголодался я что то — улыбнувшись, спросил старик.

— Мясо вчерашнее есть, будешь? — спросил я его, давая понять, что кроме этого предложить мне ему больше нечего.

— Давай. Задолбало оно уже конечно, но всё равно буду.

Пока дед кое как жевал, я в общих чертах поведал ему о том, как провёл первые дни своего давнего путешествия, а когда он попросил водички, решил посвятить его в тонкости местного летосчисления.

— Сейчас принесу, фляжка у меня там, у костра осталась. Но прежде хотел бы тебе кое что рассказать — посмотрев Степану в глаза, сказал я.

— Ещё, что то интересное? — спросил дед, заинтриговано.

— Очень. Тебе точно понравится. Только ты сильно не расстраивайся, всё же в голове у тебя дыра была.

— Да говори уже давай, чего резину тянешь — прервал меня Стёпа. — Что ещё

произошло?

— Помнишь наш разговор, во время приземления в этом лесу? — зашёл я из далека.

— Ну, чего то помню. А что?

— Ты тогда говорил ещё: «Лучше нам считать, что мы дома находимся».

— Ну было вроде такое. А в чём дело то? Мы что, на другой планете?

— Нет, на столько сильно нам не повезло. Мы у себя, как ты и говорил, дома. Только год тут у них сейчас триста семьдесят третий — обрадовал я путешественника во времени.

— Мы чего же, в прошлое провалились? — спросил он и тихо застонал.

— Нет, наоборот, в будущее. Только, как мне кажется, оно здесь ничем не лучше прошлого. Тут видишь ли в чём дело, потоп у нас там произошёл, всемирный. Вот после это они тут и посчитали, что лучше будет новый календарь создать — решил я всё сразу вывалить на раненого в голову, пока он ещё в сознании.

— Потоп? Всемирный? Как же это так? Из-за чего? — испуганно глядя на меня затараторил старик и спросил: — Это что же тогда получается, я здесь с тобой лежу, а Люба моя там, дома, уже погибла?

— Прости дед, но выходит, что так — ответил я ему.

— Водички дай попить. Что то плохо мне совсем стало, помираю наверное — прикрыв глаза, тихо сказал дядя Стёпа.

Оказалось и в таком возрасте любовь бывает. Степан так убивался по своей супружнице, что я был вынужден потратить лишних двести грамм воды, чтобы привести его в чувство. Никогда бы не подумал, что в его преклонные годы такое возможно.

Перетащив лежащего на носилках больного поближе к костру, бегло осмотрел второго пациента, а не обнаружив особых изменений в его состоянии, влил ему в рот пару глотков воды и затем сразу же приступил к обязанностям шеф повара. Скоро намечается обед, а у меня толком ещё ничего не готово. Сдаётся мне, что сегодня мы и шагу не сделаем по направлению к долине. У Степана имеется целая куча вопросов, на которые стоит дать полные и если позволит время, абсолютно развёрнутые ответы, не поведу же я своего современника к местным жителям, с его скудными познаниями о них. Не к чему нам светиться здесь, со своим перелётом во времени. Кто может дать гарантию, что никто из живущих в этом будущем, не захочет использовать нас, как подопытных кроликов или того хуже проводников через время и пространство, тем более толку от нас ни в том, ни в другом случае, нет никакого.

Весь прошедший день я, как и тысячи других землян, проживающих в триста семьдесят третьем году новой эры, страдал повышенной слово отдачей. Человек, на которого был направлен поток информации, исходившей из меня с невиданной им доселе скоростью, даже несколько раз просил прервать мою болтовню, ссылаясь на своё не совсем идеальное состояние. Вняв его просьбам не на долго затыкал словесный фонтан, но выждав какое то время, снова давал возможность ему заработать в полную силу. Мне просто необходимо вылить на моего собеседника весь поток этой воды из слов, чтобы уже завтра забыть о нём и заниматься тем, от чего будет зависеть моя, его и того, кто так до сих пор и не пришёл в сознание, жизнь.

Несмотря на заверения Степана о том, что уже завтра он сможет передвигаться на своих двоих, лишь изредка опираясь на какую нибудь крепкую палку, я всё же сделал вторую волокушу. Груза набирается столько, что одни носилки не смогут вместить его и обездвиженное тело моего раненого друга, в своё ограниченное пространство. Оставлять же здесь вещи, которые в этом мире просто бесценны я не рискнул. Конечно, автомобиль перед уходом замаскирую, следы пребывания рядом с ним людей уберу, даже тела погибших от наших рук и те оттащу на более приличное, от транспортного средства, расстояние, но гарантировать, что машину, так же, как и мы вчера, не обнаружат по чистой случайности, я не могу. Вот и приходится забирать всё, что считаю самым ценным и не очень габаритным, да и незнакомцы принесли нам много чего такого, что хотелось бы тоже увезти с собой, на волокущемся по земле транспорте.

Впитавший в себя информацию о местном мироустройстве Степан, помогал мне, как мог и не обращая внимания на своё лежащее положение, сделал достаточно много замечаний и предложений по поводу находившихся в автомобиле вещей. Так именно он настоял на том, чтобы мы непременно в этот раз забрали с собой его самогонный аппарат, о котором я тоже подумывал, но сомневался, стоит ли сейчас, когда нам и так будет непросто в дороге, тащить эту громадину вместе с остальным имуществом. Габариты у агрегата достаточно внушительные и он займёт почти половину свободного места на носилках. Старый самогонщик, знавший своё изделие, как отче наш, попросил приволочь к нему саму конструкцию, ключи и отвёртки, и заверил меня, что ровно через час у нас будет компактный и легко переносимый предмет, аккуратно завёрнутый в холщовый мешок. Кроме этого, он перебрал все свои запасные железки и выбрал из них те, что показались ему особо ценными, заставил меня скрутить все зеркала, кое что свинтить с двигателя, а так же выволочь из бардачка тяжеленный мешок с мелочью, которую он складывал туда на протяжении последних лет, сразу после того, как она перестала чего либо стоить. Забрали мы с собой и запаску с аптечкой. Колесо конечно тяжёлое, но выглядит эффектно и за него можно будет много чего запросить, а аптечка места почти совсем не занимает и лекарства в ней такие, которые просто жизненно необходимы людям преклонного возраста, как сказал дядя Стёпа.

Шмотьё убиенных бандитов перебрал сам, Степан в этом деле ещё совсем новичок и доверять ему такое ответственное дело побоялся. Для него, что то может показаться совсем не нужным, хотя здесь за это могут просить просто огромные деньги. Изучение чужого барахла не дало ответа на главный для меня вопрос, касавшийся принадлежности жмуrows к

какой то конкретной группе людей. Не было среди него ничего такого, чем бы они отличались от нас или других одиночек, хотя одежда их явно была приобретена в другом, более респектабельном месте. Не нашлось у них никакого то специфического оружия, мы получили лишь три простеньких ножа, в кожаных ножнах и три обычных копья с металлическими наконечниками. Не перепало нам и огромного количества денег, в их кошельках лежало всего сотен пять медяков и одна серебряная монета, номиналом в пятьдесят копеек, выпуска одна тысяча девятьсот двадцать четвёртого года. Да и сами мешки, тряпки, кожаные изделия не отличались повышенным качеством. Правда на теле одного из покойников, а если быть более точным, то на его шее, на шнурке, обнаружилась одна вещица, которая меня заставила на время задуматься, но и она не давала повода причислить эту компанию к людям из высшего общества или к группе каких нибудь местных отмороzków. Женское золотое кольцо, с огромным красным рубином, может оказаться у кого угодно на руках, при здешней то неразберихе. Даже самому последнему неудачнику может раз в жизни повезти наткнуться на клад или на перстень, грамм так на тридцать, одиноко валяющийся среди местных болот. Исходя из этого я остановился на том, что люди эти могут быть, как обычными искателями, у которых от увиденного просто снесло крышу, так и теми, о ком говорит весь торгово-развлекательный центр «Одиночка». И, как мне кажется, про них лучше забыть сразу же после того, как мы покинем это место и никогда про этот случай нигде не заикаться. Так всем будет спокойнее, и живым, и мёртвым.

Драп открыл глаза утром, во время очередной перевязки, которую я проводил под руководством Степана, строго следившего за тем, чтобы не происходил перерасход драгоценного самогона, которого у нас осталось всего лишь десять литров с хвостиком. Остальное, его производитель, самым наглым образом выпил, причём в полном одиночестве или использовал на бытовые нужды, во время своего проживания на этом месте.

— Где я? — спросил местный житель, глядя на нас, после моего неосторожного движения, наверняка причинившего раненому человеку сильную боль.

— Всё там же, в лесу. Лежи спокойно и не дёргайся, у тебя здоровенная рана в боку. Я ей, как раз сейчас и занимаюсь — ответил я ему.

— Пить дай, плохо мне — бледнея прямо на глазах, попросил мой бесстрашный товарищ.

— Терпи, сейчас не могу, надо с дыркой твоей разобраться. Не стоит её долго держать на свежем воздухе — отказал я ему в просьбе, не в силах разорваться.

— Сколько я так валяюсь? — преодолевая боль, спросил Драп.

— Сутки с лишним. Помолчи пока, не то я тебе опять чего нибудь не так сделаю — попросил я больного.

— Как думаешь, сдохну? — не обращая внимания на мою просьбу, спросил раненый.

— Смешно. Да ты ещё всех нас переживёшь — продолжая отрывать прилипшую к телу повязку, порадовал я пациента. — Валяешься тут понимаешь, когда другие пашут в поте лица. Да разве от такой жизни дохнут. А царапина твоя, при таком лечении, уже через неделю пройдёт. Так что давай, лежи спокойно, не задавай дурацких вопросов и не мешайся.

Мне и до этого было известно, что жизнь тягловых животных не так проста, как кажется с первого взгляда, но я не подозревал, что она тяжела на столько. За первые пол дня хождения, с грузом в руках, вымотался до такой степени, что стало абсолютно всё равно, чего происходит вокруг, о чём думает больная голова Степана, как ведёт себя плохо зашитый мной рубец Драпа, меня даже не интересовало буду ли я завтра жить. Хотелось лишь одного,

как можно дольше лежать, гденибудь в тени кучерявого куста, ощущать прелесть свежего ветра, вдыхать в себя аромат полевых трав и не думать больше о том, сколько ещё нам осталось топтать до ручья с прохладной и не совсем пресной водой.

— Молчун, у нас пожрать ничего нет? — спросил меня Драп, время от времени подававший свой слабый голос.

— Нет — прохрипел я ему в ответ, — ловить надо.

— Чего то есть захотелось — ещё более жалобно, проговорил лежащий приятель.

— И я бы не отказался от куска жаренного мяса — поддержал его старик с посохом в руке, догнавший нас только сейчас.

— Чтоб вас. То им пить подавай, то их на воздух выведи, облегчиться, а тут вот вдруг срочно жрать принеси — подумал я про себя, а в слух сказал совсем другое:

— Сейчас, вторую волокушу притащу и попробую пришибить когонибудь. Ждите.

Для того, чтобы выжить в экстремальных условиях, одного только желания сделать это, не достаточно. Осуществление этого, кое для кого так и оставшегося лишь несбывшейся мечтой, мероприятия, зависит не только от обычного везения и наличия у вас стандартных качеств настоящего мужчины, но ещё и от способности терпеть все невзгоды столько, сколько понадобится. С этим показателем у меня и раньше не всё было в порядке, а к концу пятого дня, этого жесточайшего перехода, он у меня окончательно опустился на дно красной, вызывающей неконтролируемый взрыв эмоций, зоны. Мою нервную систему раздражало всё, излишне мягкий грунт, слишком каменистая почва, безоблачное небо, слабо морозящий дождь, вопросы, а когда их не было, затянувшееся молчание, моих приятелей. Даже вода, которой у нас осталось по паре глотков на день, и та мне надоела, убивая просто наповал своей солёностью и кожаным запахом. Теперь я понимаю, почему наш осёл иногда останавливался и стоял не двигаясь, чтобы мы с ним не делали и как бы его не уговаривали. С сегодняшнего дня и сам так могу, встать, с волокушей в руках, упереться нейтральными глазами в землю и не шевелиться, возможно даже вечно, словно живой памятник уработавшемуся в усмерть человеку.

По моим прикидкам мы преодолели лишь половину пути, а мне уже сейчас хочется бросить всё это и уйти, куда глаза глядят, независимо от того, что иногда они смотрят напрямик в землю. Друзья мои видят, чего со мной творится, и я уверен, что хотели бы мне помочь, но один до сих пор так и не встаёт с постели, а второй, раз уже попытался копьём прибить пробегающую мимо мышку, размером с годовалого котёнка, да промахнулся и так неудачно, что хромота у него не прошла и по сей день.

— Всё мужики, дальше сегодня не пойду — заявил я сопровождавшим меня в походе людям, когда время подошло к очередному обеду. — Делайте со мной что хотите, но сил у меня больше не осталось ни на что.

— Давно пора было сократить дневные переходы! — тоном учителя младших классов обратился ко мне Степан. — А ты всё: «Норму ещё не выполнили». Нельзя так Владислав относиться к своему здоровью, иначе, если доживёшь до моих лет, будешь ни на что не годен.

— Спасибо дядя Стёпа тебе, огромное, на добром слове. Я с вами не то что до твоих лет не доживу, а завтра же сдохну, если вы мне поспать часа два, прямо сейчас не дадите — кидая волокушу и падая рядом с ней, парировал я.

Уже засыпая подумал об обеде, который кроме меня готовить здесь больше некому, но это было всё, что я мог ему посвятить в данный момент. Глаза мои медленно закрылись, а

вместе с ними провалился в темноту и весь окружающий меня мир.

— Вот бы больше вообще никогда не просыпаться — пронеслась в моей голове очередная шальная мысль.

Возможно мне даже успело что то присниться, за те несколько часов, которые без движения валялся на траве, возле носилок с грузом, но копаться в памяти по этому поводу не хотелось, точно также, как и открывать глаза. Я так и продолжал лежать ни на что, не глядя, позволив лишь звукам проникать в мой головной мозг, отключившийся на время, от ежедневных проблем.

— Ну чего, так и не вспомнил, где вы с Молчуном эту железяку откопали — расслышал я голос Драпа.

— Нет, не вспомнил — уверенно ответил ему Степан. — Говорю же, я даже Влада и того не сразу узнал.

— Да, крепко тебе по голове съездили. Она чего, так и продолжает у тебя болеть?

— Так и продолжает. А чего ты хотел, чтобы она так быстро прошла? Если бы я всё время лежал, как ты и меня на носилках таскали, тогда может быть и полегче было, а так я же всё время на ногах.

— А в чём разница?

— Не знаю — снова изобразив человека, напрочь потерявшего память, как мы с ним и договаривались, ответил Степан. — Но мне кажется, когда болезнь переживаешь в лежащем положении, она быстрее проходит. Ты вон, как быстро на поправку идёшь.

— Ну сравнил. Я молодой, на мне всё должно быстро заживать, а ты старик, тебе хоть лежи, хоть ходи, один хрен. Если память отшибло, то теперь навряд ли чего, когда вспомнишь. Хорошо, что, хотя бы Молчуна признал, за него держаться тебе надо, иначе пропадёшь.

— Это я уже понял — ответил дядя Стёпа, продолжая чем то шуршать.

Наконец то открыв глаза увидел, что костёр уже давно прогорел, а рядом с ним, на нашем походном столе, лежит какая то еда. От её аппетитного вида вдруг сразу сильно захотелось есть, и я начал приподыматься, с трудом разгибая руки, до этого согнутые в локтях.

— Чего, сегодня сами справились? — спросил я, кивнув на прожаренную тушку.

— Сумели, с горем пополам — ответил Драп, первым отреагировавший на моё пробуждение. — Ты как, отдохнул?

— Да вроде ничего, легче стало.

— Ну может тогда обедать начнём, а то твой дядя ни в какую меня кормить не соглашается, пока ты не проснёшься.

— А что ты хотел? Он уже успел насмотреться на твой зверский аппетит. Я конечно понимаю, болезнь и всё такое, но надо и о товарищах не забывать. Они тоже иногда, как бы странно это не выглядело, кушать хотят.

— Я о них всегда помню — смущаясь, сказал Драп. — Только во время еды почему то поздно вспоминаю.

— Вот это хорошо. Если уже в состоянии заниматься самокритикой, значит на поправку идёшь — встрял в разговор Степан и тут же предложил: — Ну что, если все про всё знают, тогда может действительно, приступим?

До вечера мы прошли ещё километров пять, обеденный перерыв пошёл мне на пользу, и я уже не с таким надрывом, как утром, тащил надоевшие до чёртиков волокуши и во время

движения с одними из них, даже перекинулся парой фраз с человеком, катающимся на мне вот уже пятые сутки подряд.

— Как тебе мой старик? — спросил я его, притормозив во время объезда очередной кочки.

— Весёлый. Плохо только, что не помнит ничего. О чём бы я его не спросил у него один ответ: «Забыл».

— Ну тут уж ничего не поделаешь. Саданули бы тебя так по башке посмотрел я, что бы с тобой стало. А он всё таки уже далеко не мальчик.

— Это да. Угадать, каким ты будешь в его годы никому не суждено. Может так случиться, что и без палки голова моя ничего соображать не будет.

— Постучи по ней, придурок. Накаркаешь.

— Зачем? — не понял меня Драп.

— Примета такая есть. Постучишь по дереву и высказанное тобой предположение точно не сбудется.

— Это ты на что намекаешь?! — возмутился мой товарищ и даже попытался приподняться прямо на ходу.

— Да ни на что я не намекаю! Лежи спокойно! Не ёрзай! И так уже еле тащу тебя.

Ночью всех нас разбудил страшный гул и грохот, мы со Степаном вскочили на ноги и попытались определить откуда он исходит.

— Чего задёргались? Землетрясения, что ли никогда не слышали? — спросил нас Драп, так и продолжавший хладнокровно валяться на своей постели.

Землетрясение? Вот это номер. За всё время моего пребывания здесь, оно первый раз произошло. Хотя, если Драп так спокойно к нему относится, значит в этих краях это дело обыденное.

— Почему не слышали, слышали — попытался я сгладить наш конфуз. — Только это какое то уж сильно громкое.

— Горы рядом, вот там всё и двигается. Это не у вас на болотах, где только грязь чавкает, когда земля трясётся.

— А я не помню, слышал я такое или нет? — подыграл мне Степан, изобразив из себя персонаж из детской сказки.

— Ничего, теперь не забудешь — успокоил его Драп. — Спать давайте, завтра сами с рассветом повскакиваете и будете стонать, что не выспались.

Заснуть сразу не получилось, хотя трясти и гудеть перестало довольно быстро. В голову лезли мысли, одна веселее другой. Вода у нас почти на исходе, силы мои тоже на грани полного исчезновения, а состояние моих подопечных не на много лучше того, что было во время нашего выхода.

— Может стоит бросить хлам, собранный во второй волокуше и дальше тащить лишь одного Драпа? — вновь озадачился я вопросом, мучившим меня все последние дни.

Это конечно же ускорит темп нашего передвижения, но не упростит жизнь после выхода к людям. На долго ли хватит денег, найденных в мешках головорезов, напавших на Степана? Во сколько обойдётся новое жильё и пропитание в городе? И главное, как заработать на хлеб насущный, если походы в лес превратятся в русскую рулетку? Вопросы, вопросы и не одного прямого ответа.

После последнего разговора с Деном, рассчитывать на его помощь и гостеприимство не приходится. Да и Клеопатра, на хуторе которой, можно было бы переждать хотя бы

несколько первых недель после завершения похода, так же навряд ли будет нам рада. В том, что наше хождение по мукам вскоре благополучно завершится, я не сомневаюсь, ну или стараюсь об этом почти не думать. Если, конечно, София вернулась, тогда да, Драпа поднять на ноги у неё мы сможем, но я давно уже взял за правило, что надеяться надо на лучшее, а готовиться всегда к самому худшему, так не придётся локти кусать, когда обстоятельства преподнесут тебе очередной неприятный подарок. Нет, не имею я права оставлять наш груз на попечении леса, за мной люди стоят, причём один из них делает это не очень уверенно, а другой так и вовсе пока валяется на носилках.

Утренний осмотр лежащего пациента показал, что даже в таких антисанитарных условиях, обычный, деревенский самогон способен творить чудеса. На огромном порезе не было и намёка на нагноение, рана затянулась и мне стало казаться, что из неё давно пора вытягивать нитки, стягивающие человеческую плоть.

— Дядя Стёпа, давай ка отойдём в сторонку — предложил я ходячему больному, после нашего совместного осмотра резаной раны.

— Чего там у меня?! — испуганно спросил Драп. — Хреново всё?!

— Ты, как считаешь, не пора ли нам шов от ниток освободить, пока они там намертво не вросли? — спросил я своего современника, проигнорировав вопрос потомка.

— Я в этих делах, вообще никак — обрадовал меня Степан, — так что ты сам определяйся, чего с ними делать.

— Да я тоже в медицине ничего не понимаю — не соглашаясь в одиночку нести ответственность, сказал я.

— Но зашил то рану посмотри как. Так, как будто всю жизнь только этим и занимался.

— С перепугу и не такое сделаешь — задумчиво произнёс я, а помолчав немного спросил: — Так что, может всё таки вытащить нитки, и повязку покрепче наложить?

— Давай попробуем, вроде там у него всё затянулось. Хуже, наверное, не будет?

В качестве инструмента способного, на мой взгляд, вытащить нить, соединяющую края раны, решил использовать перочинный ножик Степана, скорее всего навечно перекочевавший в один из моих карманов. Сначала прокалил одно из его лезвий на костре, потом промыл его спиртовым раствором, четырёхсотлетней давности и только после этого приступил к операции. Кровь на меня не оказывает устрашающего действия, но копать в чужом теле ножом, впрочем, так же, как и иголкой, мне совсем не нравится.

— Будешь дёргаться, отрежу кусок мяса — предупредил я Драпа и попросил дядю Стёпу: — А ты ему руки держи, не то он в порыве страсти ими сам себе чегонибудь не хорошее сделает.

Возились с огромным порезом долго, но швы убрали лишь с половины его. У Драпа закончились силы терпеть издевательства над своим телом, а у меня начали трястись руки от небывалого морального перенапряжения.

— Всё. На сегодня хватит, остальное завтра доделаем. Больной, можете расслабиться, а вы сестра наложите ему тугую повязку — стараясь выглядеть бодрым и весёлым сказал я друзьям, чья бледность была почти одинаковой.

Ночная встряска даром, для поверхностных пластов земли, не прошла. По дороге нам попадались и свежие провалы, и расширившиеся на десятки метров грязевые ямы, и вновь образовавшиеся бугры, похожие на выбросы грунта возле кротовых нор, только большего размера. В другое время я бы с огромным удовольствием, при поддержке когонибудь из друзей, обследовал эти места на предмет нахождения в них артефактов, но сейчас, когда

пить практически нечего и силы уже не те, проходил мимо природных образований, до которых ни Драпу, ни тем более Степану не было никакого дела.

Пройдя за день расстояние, соответствующее обычной суточной норме, стал подыскивать место для ночлега, а когда нашёл его, занялся ужином и к подходу, как всегда отстающего дяди Стёпы, уже знал его меню.

— Я назад, за волокушей, а ты давай, крысёныша разделявай — предложил я ему. — Вернусь, жарить будем.

Старик только кивнул головой в знак согласия, но в ту же секунду изменился в лице и громко заорал:

— Сзади! Влад!

Повинуясь инстинкту самосохранения, не стал интересоваться, что там появилось у меня за спиной, а сразу же развернулся на сто восемьдесят градусов и, как оказалось, очень вовремя. В мою сторону, со скоростью бегущего по лесу человека, неслось копьё с металлическим наконечником, который меня буквально загипнотизировал. Я смотрел на него словно на приближающуюся неизбежность, что либо противопоставлять которой уже слишком поздно. Тело моё обмякло, глаза потухли и были готовы к тому, чтобы закрыться навсегда, душа небезосновательно подыскивала место, из которого проще будет выбраться наружу, правда ещё определяясь с тем, куда ей потом направиться, в ад или рай.

— Молчун! — вырвал меня из оцепенения хриплый крик Драпа, от которого эта самая душа, резво мотанула в пятки, выбросив такое количество адреналина в кровь, что его хватило бы на десятерых таких трусов, как я.

Владелец копьё, неумолимо приближающегося ко мне, скорее всего рассчитывал на внезапность своего удара в спину, ничего не подозревающей жертве и поэтому сейчас оно было направлено прямоком в мой, изрядно похудевший живот. Это обстоятельство и сыграло решающую роль в наших с ним отношениях. Мне хватило доли секунды, разделяющей моё тело от соприкосновения с металлическим наконечником, чтобы приподнять на нужный уровень, болтающиеся чуть ли не ниже колен, руки, повернуть в правую сторону корпус, каким то чудом ухватиться одной ладонью за острую железяку, с силой дёрнуть на себя палку, на которую она насажена и в это же самое время левой рукой зацепиться за древко. Не ожидающий такого манёвра копьеносец, не желая выпускать оружие из своих рук, сделал пол шага в направлении, где его деревяшка должна была бы уже давно торчать из моего брюха, а я, собрав все оставшиеся силы, приостановил движение простенькой самоделки и даже больше того, толкнул её в обратном направлении, с таким остервенением, которого вполне хватило для завершения мимолётного эпизода. Насладится им в полной мере мне было не суждено. Новый вопль Драпа заставил обернуться уже в противоположную сторону.

— Степан! Берегись! — заорал лежащий больной, но для того, к кому были обращены его слова, сказаны они были с большим опозданием.

Перебинтованная голова дяди Стёпы уже готовилась принять на себя новый удар дубиной, по какому то недоразумению называемой местными копьём. Толстая палка падала почти на то же самое место, где до сих пор так и продолжала расти огромная шишка, с кровавым наконечником в её середине. Избавить старика от новых страданий было мне не под силу, а вот избавиться от человека, несущего их, я попробую.

Степан лежал лицом вниз и чтобы определиться с тем, каково было теперешнее его состояние, мне надо сначала перевернуть тело на спину, так как видимых причин

волноваться за него, на этот раз, у меня не было. Но делать это я не торопился потому, что был просто не в состоянии заниматься выяснением чьего либо здоровья. Убить двух человек сразу, причём одного из них снова ударом древка копья в горло и после этого быть абсолютно спокойным, не каждому под силу. В число таких счастливицов я пока не вхожу, не знаю правда на долго ли, при такой то жизни.

— У тебя вода во фляжке осталась? — не подавая вида, что растерян и напуган, спросил я Драпа, так и оставшегося в этой бойне сторонним наблюдателем.

Он молча, подрагивающей рукой, протянул мне кожанку. Видно было, что друг напуган не меньше моего, хотя и не участвовал в очень быстро закончившемся сражении, и это меня почему то моментально успокоило. Я потряс ёмкость, убедился, что воды в ней какие то капли, сделал крохотный глоток и вернул остатки влаги владельцу.

— Ты чего орал так? — спросил я выздоравливающего больного таким тоном, будто и не было ничего. — Тебе нельзя напрягаться, швы разойдутся. Кстати, не забудь завтра утром напомнить, чтобы я оставшиеся посмотрел.

— Ладно, напомню — произнёс Драп, немного заикаясь.

— Вот и не забудь, а то чувствую не до тебя мне завтра будет — направляясь к так и продолжавшему лежать без движений Степану, сказал я.

Беглый осмотр разбинтованной головы дяди Стёпы показал, что новых шишек на ней, а тем более кровавых ран, не появилось. Видимо в этот раз удар был нанесён по касательной, так как ухо моего многострадального товарища кровоточило, а во время изучения его левого плеча мной был обнаружен громадный синяк, заставивший занервничать.

— Мне только вот перелома ключицы не хватает, для полного счастья и тогда всё, можно самому в гроб ложиться — поглаживая сине кровавую опухоль, образовавшуюся на теле старика, высказался я.

— Чего у него там? Совсем хреново? — поинтересовался состоянием Стёпы, его новый друг.

— Не знаю. Очухается спрошу. Пока боюсь проверять, вдруг ещё хуже сделаю — ответил я и без лишней проволоочки выдвинулся к волокуше с грузом.

Сдаётся мне, появился в нашей компании ещё один лежачий больной и пока не начало темнеть, есть смысл притащить сюда вторые носилки, которые он, судя по всему и займёт. Как задумал, так и сделал, пристроил дядю Стёпу поближе к Драпу, свежие трупы оттащил за дальние кусты, и отправился назад, в ту сторону, где остался наш груз и большая часть личных вещей.

— Всё спросить хотел, чего у вас там спрятано, под тряпками? — задал мне вопрос Драп по возвращении, обратив внимание на мои действия с запчастями.

— Скоро увидишь, что. Когда разгружать их начну, всё успеешь рассмотреть — зло бросил я ему в ответ.

— А зачем разгружать будешь, мы что здесь надолго остаёмся?

— Ну а, как по твоему вот этот вот мужик, с нами дальше передвигаться будет? — кивнув в сторону мертвеца бледного Степана, спросил я Драпа.

— Понятно, что не своим ходом. Я что, не понимаю? В отличии от него мне бок повредили, а не голову. Только ты вот что, не торопись пока выгружать своё имущество, давай до утра подождём.

— Ты думаешь утром его состояние на столько улучшится, что он сможет на своих двоих за нами топать? — спросил я лежачего друга. Того, кто пока ещё мог со мной

разговаривать.

— Утром я попробую встать, хватит мне валяться — огласил Драп своё неожиданное решение.

Смотрел на говорившего товарища и не знал, что сказать. Дураку понятно, вставать так рано на ноги парню с таким порезом на теле, не стоило бы. Мне жалко и его, и моей работы, позволившей остаться ему в живых до сегодняшнего дня и в других условиях я бы применил к этому случаю своё незыблемое правило, ответил категоричным «нет». Но моё душевное состояние докатилось до такого уровня, что, возможно первый раз в жизни, мне стало жалко себя и я промолчал, сделав вид, что всё понял и согласился. Не ожидал, что в моём твёрдом характере могут когда-нибудь появиться такие качества, а как оказалось, для того чтобы им зародиться и так высоко поднять голову, не так уж и много времени понадобилось.

Пристроив, только что добытого очередного зверька на костёр и проверив, так и не пришедшего в сознание Степана, занялся очередными жертвами банальной переоценки собственных сил. Первичный их осмотр показал, что эти любители лёгкой наживы по своему обличью абсолютно не похожи на прошлых. Одежда у них была идентична нашей, а содержание мешков и состояние поделок, говорило о безусловной принадлежности этих граждан к клану «одиночек».

— Посмотри — сказал я, внимательно наблюдавшему за моими манипуляциями Драпу, — тебе эти грязные бутылки ничего не напоминают?

— Нет — без запинки ответил он, — ничего.

— А мне вот напоминают. Помнишь мужиков, сидевших в луже? Среди их находок были именно две бутылки и они очень похожие на эти. Вот взгляни, у них в тех же самых местах сколы на горлышке.

— Точно, две были! Вспомнил! — радостно заголосил мой товарищ. — Это, что же получается, они до нас с ними встречались?

— Похоже на то. И знаешь, чего мне кажется? Не придётся нам с ними ещё когда-либо за одним костром посидеть.

— Ты что думаешь, эти убили тех? — задал Драп вопрос, ответ на который лежал у нас перед глазами.

— А по твоему что, какой-нибудь нормальный одиночка просто так возьмёт и отдаст свою добычу первому встречному?

— Вот же скоты! — выругался Драп, после недолгого молчания. — Ну это же надо, что за люди нам попадаются! На троих нормальных, уже пятеро уродов повстречали. Ты Молчун, кстати, как думаешь, они все из одной компании?

— Навряд ли. Те, которые тебя подрезали по-другому одеты были. Сам то что, не помнишь, как они выглядели?

— Откуда — с сожалением взглянув на Степана, сказал мой товарищ.

— А я хорошо их запомнил, также, как и этих.

Остаток дня провели на предобеденной стоянке, здраво решив, что дополнительный отдых, после перенесённых переживаний, никому не помешает. Степана лучше лишней раз не шевелить, его голове желательно побыть в покое хотя бы до утра, Драпу надо собраться с мыслями и принять решение о переходе на ходячее положение, а мне, мне длительный отдых давно полагается, я его больше всех заслужил. Хотя о каком отдыхе может идти речь, когда у тебя на руках два инвалида. То одному чего-то подай, то второго проверь, потом костёр разожги, еду раздобудь, приготовь её, больных накорми, напой и спать уложи.

Расслабиться получилось лишь поздней ночью, когда яркая луна своими бледными, голубовато синими лучами в очередной раз настырно пробивалась ко мне сквозь листву деревьев, стараясь набиться в подружки, а обездвиженные подопечные видели уже третий сон. И то, отдыхало лишь моё измученное тело, голова же так и продолжала упорно работать, не в силах сбросить накопившееся за день напряжение. По моим ощущениям оно наоборот, прямо сейчас достигало своего пика, так как именно в эти минуты пришло ко мне понимание того, как нам сегодня повезло и что я на самом деле сделал с абсолютно незнакомыми людьми.

Остатки ниток из тела Драпа были удалены мной быстро и аккуратно. Может быть действительно стоит заняться врачебной практикой, в связи с открывшимися у меня новыми способностями? Степан, после моих процедур, пришёл в себя и даже попытался разговаривать, лежащий больной поднялся на ноги и держась за моё плечо сделал первые шаги, даже трупы я довольно хладнокровно обыскал, не обращая внимания на начавшие с ними происходить необратимые явления. Чем не хирург, «одиночка»? Раньше навряд ли бы смог всё это сделать без внутреннего содрогания, но после вчерашнего вечера, что то изменилось во мне. Ощущение было такое, что сейчас я в состоянии смотреть на человеческие страдания совсем по другому, чем ещё несколько дней назад и кроме этого могу сам их доставлять, правда из благих побуждений. Хорошо это или плохо, время покажет, но от этих перемен в моём характере двум близким мне людям, хуже не стало, а значит акцентировать на них внимание в столь тяжёлой ситуации, для всех нас, не стоит.

— Драп, посоветоваться надо — закончив с завтраком, обратился я к уже сидящему рядом товарищу.

— Говори — продолжая жевать жёсткое мясо, предложил он мне.

— С водой у нас полегче стало, у этих я литров восемь конфисковал, с едой тоже всё нормально. Так может есть смысл задержаться на этом месте на пару деньков? Ты более уверенно ходить начнёшь, Степан, хочется надеяться, за это время тоже снова станет на человека похож, два дня погоды в нашем деле не сделают, а вам облегчение будет.

— Предложение заманчивое, но кто нам даст гарантию, что по округе таких, как эти ещё человек десять не бродит? Как думаешь, сможем мы от всех их отбиться, даже если они не все разом на нас кинутся?

— Сам знаешь, фортуна девка переменчивая, всегда грудью стоять к нам не будет.

— Вот то то и оно. Тут может быть каждый день решающим. Вон, как с ним — Драп кивнул на лежащего и кому то неведомому моргающего глазами Степана, — приди мы на то место на час позже и всё, не обнимался бы ты с ним больше никогда.

— Тогда что, собираться начнём? — спросил я выглядевшего уже на много лучше, товарища.

— Давай друг. Прости уж конечно, что не согласился на отдых, вижу, не легко тебе с нами, но так правильное будет.

Если бы кто то наблюдал за нашей процессией со стороны, то наверняка подумал, что у нас не всё нормально с мозгами. Сначала я тащил метров на пятьсот лежащего Степана, потом возвращался за грузом, а когда они лежали рядом, успевал ещё где то на пол пути перехватить ковыляющего с копьём в руках Драпа. Не знаю, как было им, наверное, не очень здорово, но я к обеду чувствовал себя таким уставшим будто на улице уже близится ночь, а до неё нам ещё топать и топать. Что же будет с моими ногами и всем остальным, когда она действительно наступит.

— Что то не рассчитал я свои силы — сознался мне Драп, во время нашего с ним крайнего шествия в обнимку.

— Чего, бок разболелся? — спросил я, подумав о самом плохом: — А не рано ли я ему швы убрал?

— Нет, там всё нормально. Отчего то перед глазами всё плывёт.

— Да ты милый друг последних сил лишился. Говорил же тебе, рано на такие расстояния топать. А ты что? Время нас поджигает. Вот оно тебя окончательно и поджало. Всё, сейчас до места доберёмся и падай. Пока я обед искать буду, жарить его, часа два, три придавить сможешь. А там видно будет, есть ли смысл дальше топать или лучше всё таки на сегодня прекратить все похождения.

Заново тронулись в путь лишь сегодня утром. Долгая остановка сил прибавила, но не на столько, чтобы наш ходячий раненый смог идти рядом. Мне так и приходилось возвращаться за ним, после каждой ходки с волокушами, а к обеду его снова повело и мне пришлось так же, как и вчера, отказаться от дальнейшего передвижения. Правда к этому времени Степан более-менее очухался, но ходить своими ногами он всё равно даже не пытался. Говорить мог и советы умные давать тоже имел огромное желание, а вот в остальном помощи от него не было никакой, хотя я и этому радовался.

— Ну что мужики, костёр сами разведёте, кролика к делу тоже пристроить сумеете, а я с вашего позволения вперёд проскочу. Где то недалеко должно быть место, которое нам с тобой — я посмотрел на Драпа, — хорошо знакомо. Осмотреться хочу, есть ли там кто живой и вообще, как там обстановка.

— Ты лужу, где троица бутылки откопала, имеешь ввиду? — спросил меня, однажды бывавший на том самом месте, человек.

— Её. Как думаешь, далеко нам туда ещё идти? — решил я сверить свои ощущения с ним.

— Прости брат, не знаю. Я, когда иду по сторонам мало смотрю, в основном под ноги гляжу, чтобы не свалиться — признался Драп в своём не очень хорошем состоянии.

— Да я и сам толком ничего не помню, так что не один ты такой — постарался я не смущать его больше, чем он это сам сделал. — Просто показалось, что лужа эта где то рядом располагается, а так ли это на самом деле не знаю. Ладно, я не далеко, километра на три вперёд пройду и, если ничего знакомого не увижу, сразу обратно. Лишним не будет, завтра сможем быстрее двигаться по уже знакомому маршруту.

Я бы, конечно, предпочёл никуда не ходить, но две чумазные бутылки, найденные в одном из мешков, напавших на нас людей, не дают мне покоя. Откуда они у них появились? Сами нашли их? Но тогда почему эта посуда, как две капли воды, похожа на ту, что нам демонстрировали старатели, гостеприимно пригласившие нас вместе с ними отобедать. Стеклотару подарили им, за красивые глаза? Сомневаюсь. Во первых глаза у пытавшихся лишить нас жизни были совсем не красивые, а наоборот хитрые, наглые и жадные, а во вторых, серьёзные мужчины редко когда делают такие дорогие подарки особям, одного с ними пола. Тогда что остаётся? Либо эти хитроглазые выкупили посуду у более удачливых коллег, что совсем уж неправдоподобно, либо попросту отобрали её с применением силы и это мне кажется более реальным. Но пытаться отобрать у троих здоровых и крепких мужиков чего либо вдвоём, на такое не каждый решится. Стало быть, напрашивается вполне закономерный вывод: их должно было быть больше. И вот разобраться с тем, куда делись остальные из этой компании, решившей обогащаться за счёт убийств себе подобных, мне и предстоит. Тупо двигаться дальше, с двумя калеками на руках, прямиком к очередным бандитским рожам.

Знакомая лужа, размером с маленький пруд, появилась неожиданно. С той стороны, откуда двигался к ней, она была словно стеной закрыта плотно растущей, вечно зелёной растительностью, что не позволило, как следует, подготовиться к встрече с грязевым, серо

коричневым болотом. Я выскочил на него вырвавшись из плена очередного ветвистого колючего кустарника и навряд ли остался незамеченным для проводивших здесь раскопки людей, если они конечно ещё находятся на одном из этих, не очень привлекательных для глаза, берегов. Приведя разлохматившуюся шевелюру, в кровь расцарапанной рукой, в порядок, так и остался стоять на месте, всем своим видом показывая добрые намерения ко всему живому, находящемуся поблизости от меня. Но пять минут моего топтания в грязи ни на кого впечатления не произвели. Ко мне никто не подошёл, меня никто не окликнул, да и сам я никого здесь не увидел, хотя место, откуда ловили раритеты, встреченные нами тут, ещё в прошлый раз, старатели, глазами отыскал быстро. Ждать у болота погоды можно долго, практически бесконечно, но в нескольких километрах отсюда разбили свой временный лагерь мои товарищи, которым моё присутствие рядом необходимо не меньше, чем здешним комарам кровопийцам, облепившим мою статичную фигуру с ног до головы. Постоял ещё минут несколько, повернулся во все возможные стороны головой, осмотрел подозрительные места глазами и не заметив ничего странного, и пугающего, выдвинулся к месту, где виднелись остатки когда то ярко горевшего костра.

По дороге ничего необычного мной обнаружено не было, обжитое место у края лужи также не вызвало во мне сомнений в его благонадёжности, а вот краткие поиски в двадцатиметровой зоне от костра, результат принесли. Куча веток, с ещё не засохшими листьями, собранные в одном месте, явно не для нужд костра, которую раскидал без особого труда, скрывала под собой три, начавшие разлагаться, трупы. Из плохо выглядевших, но по детски безмятежно лежавших на примятой, пожухлой траве, когда то живых людей, знакомым мне показался лишь один. Два других, лица которых были уже покрыты неопишимо жуткими пятнами, ничего в моей памяти не всколыхнули.

— Вот стало быть, как тут у вас всё произошло — закрепив свою догадку высказыванием в слух, медленно проговорил я. — Четверо значит вас на троих вышло. А куда тогда двое, из миролюбивой группы, подевались?

Расширив радиус осмотра, ни мёртвых, ни живых на этой территории больше не обнаружил. Зато у самой кромки грязевой лужи попался мне обломок толстой палки, с обрезком кожаной верёвки, плотно намотанной на него, вызвавший в моём развитом воображении такую не приглядную картину, от которой тут же захотелось покинуть это роковое, для пяти человек, место и больше не возвращаться к нему никогда.

Обратно двигался с нервным ускорением, хотя смысла в этом, похоже, уже не было никакого. Двоих, из бандитской группы, завалил, показавшийся мне даже во время нашей единственной с ним встречи, симпатичный, с открытым лицом мужик, а оставшихся я пристроил туда, где им и есть, самое то место. Стало быть, опасаться нам сейчас больше некого, если конечно новые психопаты на охоту не вышли. И откуда они только берутся в таком количестве, в этих трудно проходимых местах.

— Ну что там? — встретили меня одним и тем же вопросом, современник и потомок.

— Нормально всё, можем после обеда дальше топать, если вам здоровье позволит. До лужи совсем ничего осталось, так что, если поторопимся до темноты, до неё доберёмся.

— Мы что? Мы всегда готовы — ответил за всех, лежащий больной. — Всё от тебя зависит. Как ты, не устал ещё мотаться туда и обратно? Если нет, то можем хоть сейчас идти.

— Вроде не очень, на это расстояние меня ещё должно хватить. Если конечно не оставите голодным — поглядывая на остатки обеда, сказал я.

Ночевать прямо у болота не решился. Моим спутникам было всё равно, где спать, им про убитых ничего не сказал, а вот мне проводить тёмное время суток, практически рядом с покойниками, не захотелось, по морально этическим соображениям. А если быть до конца честным, то меня попросту обуял какой то необъяснимый, животный страх. Когда стоя не вдалеке от убитых вспомнил, как в фильмах ужасов ведут себя некоторые, казалось бы, уже давно умершие люди и не смог отделаться от ощущения, что эти тоже, вот вот поднимутся и придут к нам знакомиться.

Прошагал с тяжёлой ношей в руках, от этого не хорошего места, ещё примерно километр и можно сказать не заметил, как осуществил это. Легко вздохнул лишь тогда, когда разгорелся новый, трудно сказать какой по счёту, костёр и на нём начал поджариваться, разнося аппетитный запах по всей округе, очередной трупик, какого то ушастого, вполне миролюбивого животного.

Утро очередного дня принесло новые ощущения и понимание того, как всё же тяжело топтать с волокушами в руках, по совсем незнакомой местности. Подняться в горы мы, по понятным причинам, даже не стали пытаться, а именно там пролегал наш маршрут, по которому двигались сюда. Дальше ковыляли по низине, а здесь, сверху мне это было хорошо видно, открывались такие не весёлые картинки, что пробовать их на зуб по быстрому, не советовал бы никому, кроме врагов своих, которых в живых, на сегодняшний день, у меня почти не осталось. Участки суши в этом районе были почти сплошь окружены разного размера грязевыми образованиями, ширина твёрдой поверхности которых, в некоторых местах, не достигала и нескольких метров, но и она была уже занята кустами и деревьями, просто так не позволившими бы нам пробраться сквозь них. Всё это припомнил довольно быстро и эти воспоминания, как то внезапно, обострили и так находящееся на самой поверхности моей, до предела расшатанной, нервной системы, чувство опасности, заставившее идти ещё медленнее, тщательнее выверять каждый последующий шаг и после каждого десятого делать отметку на почве или на приметном дереве, если таковое находилось поблизости. Кое где просил Степана приподняться, сажал его себе на спину и тащил на собственном горбу столько, сколько это требовалось для его безопасности. С Драпом было легче, он топал от одной моей отметины до другой, но и ему приходилось помогать в тех местах, где твёрдую поверхность нам подменяла зыбкая, словно желе, трясина, на которую стоит только посильнее надавить, и она сразу же потянет тебя ко дну, находящемуся возможно на такой глубине, до которой не один из водолазов моего времени не решился бы опуститься.

Заночевали на сухом пяточке, не позволявшем ни разжечь костёр, ни поймать дичь, ни даже нормально расположиться на нём всей нашей, дружной компанией. Всё, что нам было доступно перед сном, это душевный разговор, от которого и я не отказался, несмотря на жалкий внешний вид, и абсолютно никакое внутреннее состояние.

— Не знаю, как вы, а я больше сюда ни ногой — ворочаясь на своих, должно быть надоевших до чёртиков, носилках, тихо сказал Степан.

— Меня тоже не уговаривайте, не пойду — поддержал его Драп.

— А мне хочешь, не хочешь возвращаться придётся — со вздохом выдавил я из себя. — Железо вытаскивать надо, без него нормальной жизни у нас не будет.

— Почему же не будет? А аппарат мой на что? Его продукция в любом месте и в любое время востребована. Скажешь я не прав? — обратился ко мне дядя Стёпа.

— Да прав конечно — улыбнувшись замечанию старика, ответил я. — Только с сахаром

тут вообще никак.

— Вы о чём это. Что за сахр такой? — спросил Драп.

— Не сахр, а сахар — поправил его мой названный дядя. — Это продукт такой, который в вашей местности делать не умеют.

— А вы про него откуда знаете, если его у нас не делают?

— Пробовали, как то пару раз — сознался я, — завозили его на новые земли, откуда то из далека. Отсюда и знаем про него.

— А аппарату, про который Стёпка чего то ляпнул, он зачем нужен? — снова поинтересовался мой любознательный юный приятель.

— Это у него спрашивай, он тебе лучше объяснит, для чего. А я так, только в теории знаю для чего — сознался я в своей неграмотности, в этом вопросе.

— Да тут всё просто, сахар не аппарату нужен, а тому, что в него заливают, чтобы бродить начало — стараясь не вдаваться в дебри процесса самогонварения, заявил Степан.

— Так если вам брага нужна, тогда можно и без сахара вашего обойтись. Молодое вино берёшь, ждёшь, когда оно прокиснет и всё, считай готово — показал Драп свои познания.

— А чего, у вас вино делают? — удивлённо спросил дядя Стёпа.

— Делают, делают — встрял я в разговор, — ты про это не хуже меня знаешь. Вернее, знал, пока тебя по башке не ударили, второй раз.

— Вот же сволочи, всю память отшибли, скоро начну забывать, как меня зовут — прикинулся Степан калекой и продолжил: — Если вино есть, тогда можно считать, что производство моего волшебного напитка у нас в кармане лежит. Это же надо, как вовремя я его тогда в багажник положил.

— Куда положил? — спросил, всё внимательно слушающий, Драп.

— Да мешок у меня такой есть, огромный, я его багажником называю — выкрутился хитрый самогонщик. — Вот в него то я аппарат, перед нашим с Владом выходом из дома и положил, и с собой забрал.

— Так он у тебя чего, совсем крохотный? — заинтересовался местный житель, до сих пор неизвестной ему, конструкцией.

— Почему крохотный? Когда всё соберёшь, вот такой — сделав руками, как удачливый рыбак, ответил Степан.

— И на хрена такую громадину с собой таскать. Зачем она тебе в дороге? Тем более, когда вы с Молчуном на поиски пошли?

— Тебе то не всё ли равно зачем? — не выдержал владелец переносного спирт завода. — Хочется мне, чтобы он всё время рядом был, вот и таскаю его везде с собой.

— Ну если так, тогда чего же, таскай, если без него не можешь. У меня раньше тоже собака была. Здоровенная и жрала много, так тоже везде за мной бегала. Правда таскать я её не таскал, но рядом была и днём, и ночью, пока не сдохла.

Мужики ещё долго о чём то спорили, а я лежал и думал о превратностях судьбы, закинувшей меня в будущее, на автомобиле, которому место давно было на свалке истории, в обществе старика десятилетиями гнавшего самогон. Что же это за несправедливость такая, а? Ну что, не мог меня тогда подобрать какойнибудь конструктор, допустим летательных аппаратов или хотя бы обычный учитель химии или физики, на заслуженном отдыхе? Наверняка же в нашем товариществе есть такие, я уверен, что их там не мало. Вот бы где мы с ним развернулись. А сейчас чего, самогон гнать, вместо того чтобы передавать будущим поколениям бесценные знания погибшей цивилизации?

— Дядя Стёпа, хорош тут людям мозги пудрить. Нашёл чем удивить, качеством дешёвого пойла. Рассказал бы лучше чтонибудь поучительное из своей жизни. Может быть мой друг полезное что то там для себя почерпнул. Тоже мне носитель секретов производства спирта в домашних условиях — высказал я посланцу из прошлого всё, что наболело.

Ночь провёл беспокойно, несколько раз просыпался, после очередного неудачного доказательства странной формулы, о которой до этого понятия не имел. Под утро так и вовсе приснилось, что бегло говорю с кем то на китайском. Возможно, от этого при пробуждении голова и казалась обычным чугунным котелком, а не предметом для размышления о счастье. Но в утреннем разговоре с приятелями выяснилось, что не одного меня мучили кошмары в тёмное время суток, ощущения душевного дискомфорта испытывали и Драп со Степаном.

— Это должно быть болотный газ на нас так подействовал — высказал своё предположение самый опытный из нашей троицы.

— Да откуда ему тут взяться, кругом грязь одна? — не согласился с ним я.

— А что это такое, болотный газ? — поинтересовался местный житель, о новом для себя словосочетании.

Выяснять, что на нас так подействовало и откуда оно взялось, не стали, поступили проще, быстро покинули это не гостеприимное место. Тем более Степан пришёл к выводу, что с сегодняшнего дня он готов топтать дальше пешком, не в одиночку конечно, а в обнимку с Драпом, но для меня и это было огромным облегчением, почти полностью компенсировавшим тупую боль в голове.

Скорость нашего движения, с выходом на трассу ещё одного самостоятельно передвигающегося человека увеличилась не на много, но за счёт того, что стали делать меньше привалов, за день прошли достаточно. Ещё больше протопали во второй и это дало возможность утром третьего выйти к ручью, который просто обязан основательно поставить всех больных на ноги и привести меня в состояние, позволяющие хладнокровно смотреть на временные трудности.

Больше всех водной артерии обрадовался обычный русский мужик, с классическим именем Степан, привыкший хотя бы раз в неделю ходить в баню и в последнее время лишённый этого, как раньше казалось, доступного удовольствия. Он спустился метров на двадцать ниже по течению и не раздеваясь лёг в ручей, окунувшись в прохладную влагу с головой, волосы на которой имели такой вид и размер, что, глядя на них, его легко можно было причислить к движению, зародившемуся в одной далёкой стране ещё во времена юности этого, измотанного долгим походом и травмами, человека.

— Хорошо то как! Воды то сколько! Останусь здесь навсегда! — орал Степан во всё горло, пугая лесных обитателей своим рыком, окунаясь при этом в воду с головой, на которой так и продолжала болтаться повязка.

— Да, я бы тоже так поплескался — с завистью сказал Драп, глядя на старшего товарища.

— Тебе нельзя. Тряпку возьми какуюнибудь и оботрись, а мочить свой рубец не вздумай, расползётся — предостерёг я его.

— Сам понимаю, но очень хочется — со вздохом проговорил наш раненый боец и стал стягивать с себя одежду.

Хотя устал не меньше больных, но принять водные процедуры вместе со всеми не получилось. Сначала прополоснул свою одежду, потом приятеля, у которого она была ещё грязнее и которую он сам привести в порядок пока не может, затем развесил её сушиться и

лишь после этого занял место вышедшего на сушу Степана. Друзья мои, к этому времени уже во всю загорали, ожидая, когда я отдам команду готовиться к обеду. А мне заниматься такой ерундой совсем не хочется, устал я по три раза на день поваром работать, могли бы и сами о себе позаботиться, не на столько они больны, чтобы не сумели натаскать веток на костёр и поймать попрятавшуюся от криков дяди Стёпы дичь. Обленились окончательно, пора заканчивать с этой расхлябанностью. Всё, больничный лист закрыт, окончательно и бесповоротно.

— Чего валяемся без дела? — спросил я у принимающих солнечные ванны, завязывая шнурок на запасных штанах.

— А чем ещё заниматься? Надоело всё — не открывая глаз, ответил Драп.

— А жрать вам, кто готовить будет, дядя? — задал я ему вопрос.

— Вот почему, как дело заходит о еде, вы сразу же обо мне вспоминаете? — подал голос Степан, привыкший уже откликаться на дядю.

— Потому, что среди нас ты самый умный, самый хозяйственный и самый расторопный. И голова твоя уже соображать начала нормально, можно немного и поработать на общее благо — так и продолжая лежать неподвижно, разъяснил ему Драп своё понимание текущего момента.

— В твоих словах много правды, возможно даже больше, чем ты сам об этом думаешь. Но вот в той части, где ты коснулся состояния моего здоровья, я бы с тобой поспорил — обратился дядя Стёпа к младшему товарищу тоном более опытного наставника, понимающего в жизни гораздо больше, чем его юный друг. — Ты дольше моего стоишь на ногах, а значит твоя работоспособность выше моей и тебе, а не мне, стоило бы позаботиться о нашем обеде. Как думаешь Влад, я прав?

— Прав, ровно на половину. За тобой дядя Стёпа костёр, но займёшься им только после того, как переоденешься в нормальную одежду, хватит ходить в этих странных лохмотьях, скоро к людям выйдем, а они тебя не поймут, если в этом увидят. Ну, а ты, мой израненный друг, постарайся чегонибудь раздобыть для нашего обеда. Я же прогуляюсь в верх по течению, обстановку разведу и посмотрю на сколько далеко мы находимся от нашей продуктовой закладки. Или может быть кто то из вас хочет со мной поменяться местами?

Прогулка вдоль мелкой, горной речушки затянулась, но несмотря на это до нашей заначки я так и не добрался, далековато мы от неё встали лагерем. Однако меня сейчас беспокоит не расстояние до места, где можно будет подкрепиться овощами, а состояние местности, некоторые складки которой расправились, а кое какие наоборот, стали ещё глубже. Во время своих предыдущих походов возле ручья все его повороты и изгибы запомнить мне наверняка не удалось, но я хорошо помню, что озерца, которое вижу сейчас, до этого здесь не было. Пускай оно и не имеет серьёзных размеров, и глубина его не скроет меня с головой, надумай преодолевать это препятствие в брод, но всё равно, сам факт образования нового водоёма, событие неординарное и заставляющее задуматься над дальнейшими перспективами, в плане поиска новых артефактов. Умом конечно понимаю, что соваться сюда в ближайшие месяцы не стоит, но вот непреодолимое желание заработать по быстрому, так и подмывает сорваться прямо сейчас в обратную сторону, и проверить, как там поживают знакомые мне лужи и не всплыло ли в них чегонибудь эдакого.

Ничего, кроме запруды, на этом небольшом отрезке земли, последнее землетрясение больше не создало. На обратном пути, я внимательнее, чем до этого, смотрел по сторонам, но никаких пещер, впадин и провалов так и не обнаружил. Можно было конечно

попробовать углубиться на некоторое расстояние, в ту или другую сторону от ручья, но я принципиально не стал этого делать, чтобы не соблазниться возможностью зайти ещё дальше, а затем и ещё. Не стоит сваливать в кучу желания и потребности. В данный момент у меня на первом месте стоит необходимость вывести к людям пострадавших членов нашей группы, а всё остальное на втором.

Следующие два дня превзошли все мои самые радужные ожидания. Нет, легче тащить волокушу с грузом не стало, в этом плане скорее даже наоборот, упираться приходилось ещё сильнее, но несмотря на это скорость нашего продвижения увеличилась. Состояние Степана и Драпа улучшилось, они зашагали быстрее и в некоторых местах, где надо было преодолевать завалы или горные выступы, уже могли оказывать мне помощь, это и помогло добраться к продуктовой закладке раньше, чем я к этому готовился.

— Ну что, завтра будем дома — вытаскивая из мешка, успевшую за это время прорости глазками картошку, обрадованно сказал я.

— Будем — согласился Драп, начавший собирать ветки для костра. — Только на следующий же день придётся покидать этот негостеприимный дом. Не очень то нам в нём в прошлый раз рады были.

— Ничего, главное добрались до людей, а с остальным справимся. Временно поживём в «Одиночке», а там чтонибудь придумаем — не стал я портить себе настроение.

— Чего я забыл в твоей «Одиночке», я домой пойду. Если хотите и вы можете со мной — отказался Драп ночевать в приюте для странников.

— Неудобно. Два здоровых мужика припрутся к твоим родителям на постой? Нет, мы уж какнибудь самостоятельно справимся с этим — отказался я.

— Ну как знаешь. А то могли бы снова в круг выйти, какие никакие деньги, а всё же что то заработаем.

— Подумаю. Если захочется морду кому то набить знаю, где тебя найти.

Степан в нашем разговоре совсем не участвовал. Изредка поглядывая на него, замечал, как мужик волнуется. Я его понимаю, одно дело выслушать от меня историю о жителях будущего, а совсем другое встретится с ними самому, лицом к лицу. Он к словоблудию Драпа привык не сразу, представляю, как ему будет нелегко, когда все вокруг начнут разговаривать точно так же, как и наш приятель.

Утром дядя Стёпа скооперировался с нашим местным другом и предложил мне отдохнуть немного. Тащить волокушу вдвоём неудобно, это могу, как опытный тягловик, подтвердить, но отказываться от предложения не стал, дорога не из лёгких, так что мне ещё представится возможность поработать и руками, и ногами. Просятся люди на работу, так почему бы не оказать им уважение.

Мужики дали мне возможность шагать с одним мешком за плечами аж целых два часа, потом я сам заставил их бросить это дело и снова впрягся в уже ставшую родной тачку без колёс. Так мы и вошли в долину. Впереди, придерживая друг друга, не очень бодро топали Степан с Драпом, а сзади я, весь в мыле, но с огромной улыбкой на лице.

— Наконец то дотопали! — молоточками стучала фраза у меня в висках. А ей в унисон, в груди, там, где сердце, звучала более прозаичная: — Не радуйся так, тебе ещё целый автомобиль на руках сюда перетаскивать.

Многое поменялось в мире за прошедшие почти четыреста лет, сжавшиеся для меня в одно мгновение. Исчезли привычные очертания материков и океанов, появились невиданные ранее животные и птицы, изменились погодные условия и времена года, отношения между людьми и те поменялись не в лучшую сторону. Но вытравить из сердец, так и продолжающих жить на своей земле наших потомков, жалость и сострадание к несчастным, и обездоленным, пролетевшие годы и столетия, не сумели.

Увидев моих друзей, одного с перевязанной головой, другого прихрамывающего и держащегося рукой за больной бок, выговаривавший мне своё неудовольствие, ещё совсем недавно, Ден, бросился к ним на помощь и без лишних вопросов приволок обоих к своей жене, тут же прекратившей заниматься ужином и немедленно приступившей к осмотру Степана, выглядевшего, по её мнению, хуже второго пострадавшего.

— Что с вами случилось? — спросил меня глава, удостоверившись, что раненые оказались в более ласковых руках.

— Нарвались на тех, кто убивает «одиночек». Слышал про таких? — ответил я ему, положив осточертевшие носилки на землю.

Ден недоверчиво посмотрел на меня, бросил заинтересованный глаз на закрытую плотным брезентом волокушу и снова задал вопрос:

— Это на тех, о ком весь город говорит?

— Точно не знаю, на тех или других каких, но убить они нас пытались точно такими же методами, как и все остальные, из компании хладнокровных убийц.

— Как же вам удалось от них вырваться? — продолжая скользить взглядом по нашим вещам, спросил страстный коллекционер древностей.

— А кто сказал, что мы вырывались? Мы поубивали их, всех до одного и пошли обратно, домой. Правда чуток подранные — сказал я, присаживаясь возле носилок. — Устал, посижу не много.

— Далеко это было? — поинтересовался местный вожак о том, где у нас произошла стычка, глядя на меня сверху вниз.

— Первый раз, где то дней пять хода отсюда, а второй совсем рядом — ответил я и спросил сам: — А вам тут никто чужой, в ближайшие дни, не попадался?

— Чужие к нам не заходят — скороговоркой ответил Ден и задал мне вопрос, который, надо думать, в данный момент волновал его больше всего: — Ты говоришь совсем рядом, это где же? Сколько от нас до этого места идти?

— Ну, дня два, не больше — ответил я, снимая с пояса фляжку. — Если быстро топать, то и за полтора дойти можно.

— Так это действительно совсем рядом.

— А я тебе про что толкую?

— И много их было? — сильно нервничая, спросил руководитель общины.

— В первый раз нам трое попало. Они моего дядю пришибить хотели, да не вышло у них ничего, мы вовремя подоспели. Там Драпа, ну того, с кем я в прошлый раз здесь у вас был и подранили. Сильно так подрезали, на силу оклемался — заговорил я, словно местный житель. — А во второй двое пытались поживиться. Видно подумали, раз я в компании с двумя ранеными, то можно будет с нами легко справиться. Не на тех нарвались, умники!

Они до этого группу одиночек из трёх человек положили, знакомых моих, но двоих там потеряли. Вот, наверное, на нас и захотели отыграться. А ты значит говоришь, чужих у вас не было? А, как же тогда они в тот район вышли?

— Там, ещё одна община стоит — махнул Ден рукой в сторону возвышенности, стоящей справа от нас. — Ваши обычно, через них ходят. Ты первый из одиночек, кто за всё это время у нас побывал. Места тут, до этого случая, спокойные были, всё таки дорога на солеварню рядом проходит, а чего там находится ты и сам знаешь.

— Хм, а я и не знал — удивился я, такому обстоятельству.

— Слушай Молчун, ты в этот раз на долго у нас остаться планируешь? — спросил Ден, проигнорировав моё признание.

— Да, хотя бы на день хотели задержаться. Устал очень и раненым отдых нужен. Не прогонишь?

— Да ты что?! Живите сколько надо я что, против что ли? — сделав удивлённую физиономию, ответил Ден. — Вон рядом с Занозой устраивайтесь, места там всем хватит. Если кормиться надумаете с общего стола, приходите, сколько это стоит будет ты знаешь. Ну само собой на кухне подсобите и нормально будет. А так даже не сомневайся, живите сколько понадобится.

И чего это с ним случилось? За каких то две недели человек так поменял своё отношение ко мне и к моим друзьям, с родственниками.

— Значит говоришь, старик дядя твой? — заинтересованно спросил местный глава, не дождавшись от меня ответа.

— Да. Единственный, кто остался в живых, из близких родственников — со вздохом ответил я.

— Ну хорошо, что хотя бы кто то остался. Бывает люди совсем одни остаются. Да небось ты это и сам знаешь. Про бабскую общину слышал? Вот где горе, все мужики разом сгинули.

— Слышал. Твоя правда, им не позавидуешь.

Мы замолчали, но вскоре моему собеседнику надоело стоять рядом со мной без дела, и он снова спросил:

— А это у тебя, что такое? Нашли чего то? Или вещи старика волочёте?

— Да всего понемногу — коротко ответил я.

— На продажу, ничего нет? — спросил коллекционер артефактов, глядя мне прямо в глаза.

— Да имеется кое что, но давай об этом позже поговорим — решил я немного подержать его на крючке.

— Конечно, как будешь готов приходи. Для таких дел я всегда свободен.

— Договорились. Но, скорее всего, это уже завтра будет, сегодня у меня не получится. Так тебя устроит?

— Конечно — с готовностью ждать сколько надо, ответил Ден.

Затем мужчина пожал мою, уставшую за день, руку и пошёл разбираться с более насущными делами, которых у него в это время суток, впрочем, как и всегда, навалом.

А вот мне идти совсем никуда не хотелось, я бы так и сидел прямо здесь, до самой ночи. Со мной так всегда бывает, если присяду в конце пути, не дойдя до контрольной точки какие то жалкие метры, то встаю для дальнейшей ходьбы, обычно, с большим трудом.

Просидев на месте минут двадцать, с надеждой посмотрел в сторону стихийно

образованного медпункта. Может хотя бы одного из моих друзей осмотрели и он уже готов идти дальше, вместе со мной. Но нет, Степану ещё только начали, чем то обмазывать голову и делали это так медленно, и основательно, что ждать его я могу здесь действительно до самой ночи, а за Драпа так и вовсе ещё никто не принимался. Вдохнул тяжело, опёрся на правую руку и кряхтя, словно старик Сильвио, после тяжёлой работы, поднялся на ноги. Сколько тут осталось до знакомого навеса? Метров пятьсот, четыреста? Не много, такое расстояние, как нибудь пройду в одиночестве.

Машущего руками Сильвио Ивановича заметил из далека. Мне его, без сомнения, было приятно видеть после долгой разлуки, но именно вот в это мгновение от деда хотелось не простого человеческого тепла, а заурядной физической помощи, о которой мой добрый, старший товарищ, даже и не помышлял.

— Ты бы лучше вышел на встречу и помог, чем руками махать — тихо прошептал я себе под нос, еле волоча ноги и волокушу.

Старик, приветствуя меня, одновременно с этим возился у костра, на котором уже чего то жарилось.

— Узнал, что вернулись и сразу подумал, наверняка голодные, как волки в холодную погоду. Проходи давай, чего трёшься у входа со своей поклажей. Брось её, скоро есть будем. Пока твоих друзей Виолетка лечит, успеешь подкрепиться. Не удивляйся, уже всё про вас знаю. И про то, что подранили, и то, что дядю своего нашёл наконец то, и даже о том, что поубивали кучу народа — рассказал мне хозяин подрумянившегося на костре зайца, свежие общинские сплетни.

— Откуда? — спросил я, без приглашения затягивая своё имущество под хлипкую крышу навеса.

— Да не тащи ты её сюда, оставь во дворе. Чего с ней тут сделается? — возмутился старик моей самостоятельности, оставив вопрос без ответа.

— Вещи там у меня, дорогие — поведал я ему, о своих находках.

— Ну и что, у нас тут не в лесу! Воровать некому!

— Пускай там лежат, мне так спокойнее будет — не переставая освобождать место для волокуши, настоял я на своём.

— Ну, как знаешь. Ночью самим же спать тесно будет. Забыл, как втроём здесь обтирались, а ты с собой ещё одного приволок. Чего, как дрова будем валяться, в притирку друг к другу?

— Ничего, две ночи потерпим, послезавтра в город уйдём. Как нибудь разместимся. Скажи лучше, кто это тебе успел про меня всё выложить? Я же вроде только одному Дену нашу историю рассказал.

— Он самый и принёс эту весть. А ещё просил, чтобы я вас тут встретил, как следует и предложил задержаться подольше. Не знаешь, чего это у него к тебе такая любовь разыгралась?

— Догадываюсь, чего. Но про это, потом расскажу. А ты мне лучше вот, что скажи, сыр наш, тот, который перед уходом я получил от Дена, ещё не весь слопал?

— Сколько было, ровно столько и осталось. А зачем он тебе?

— Ты, Сильвио Иванович, не мог бы его, прямо сейчас, на молоко обменять. Мне это мясо, вот уже где стоит. Хочется чего нибудь диетического — чиркнув себя ладонью по горлу, попросил я деда.

Сидя у не яркого пламени ночного костра я внимательно всматривался в лица людей,

составивших мне компанию в этот вечер, и понимал, что дороже их, на этом свете, у меня уже никого не осталось. Один из них стал мне другом во время перемещения в эту новую для нас с ним реальность, второй сделал для меня больше многих других моих товарищей из прошлой жизни, а третий, третий так быстро нашёл общий язык с двумя другими, что мне, да и им, наверное, кажется, будто знаем мы его уже тысячу лет.

— А что Сильвио Иванович — спросил Степан, человека почти равного ему по возрасту, но очень молодого по году рождения, — не выпить ли нам всем, за знакомство?

— Я не возражаю — ответил дед и взглянул на меня, — но у нас сейчас нет ничего. Виноград только созреть начинает.

— А у нас имеется — обрадовал его дядя Стёпа и тоже посмотрел в мою сторону. — Как считаешь Влад, можем мы себе позволить грамм по пятьдесят?

Я внимательно оглядел его свежую, аккуратно наложенную повязку, бросил взгляд на полу лежащего Драпа и только после этого ответил:

— Мы с Сильвио точно можем, а по поводу вас у меня большие сомнения. У тебя с головой и так не всё в порядке, а чего там у этого с кишками делается, одному дьяволу известно.

— Да ладно, можно подумать это тебе шестьдесят с хвостом, а не мне. Хватит брюзжать. Один раз живём. Ну подумаешь умру я на год раньше или на год позже, что из этого? — чему то улыбаясь, сказал Степан.

— Ну ты то ладно — возмутился Сильвио, такому заявлению нового знакомого и кивнув в сторону Драпа, сочувственно сказал: — А этот то, ещё и не жил совсем. Ему то точно пить не стоит, раз Влад так рекомендует.

— Я и сам ничего пить не буду. Не уважаю это дело. А вы, как хотите — ответственно заявил трезвенник, пострадавший в последнем походе больше всех.

— Ну и отлично. У самого больного самоотвод, а я, если ты за меня так волнуешься, могу и расписку написать. Так что давай Владик не скупердяйничай, доставай банку — попросил меня дядя Стёпа.

Самогон на местного старика подействовал ещё быстрее, чем давешний коньяк. Он стал с такой скоростью менять темы разговоров, что уже через пол часа мне стало ясно, их нить для меня утеряна безвозвратно и пора двигать под навес, куда ещё раньше отправился Драп, отказавшийся участвовать в застолье со спиртным.

Из неотложных вопросов, на сегодняшний день, у меня запланирован лишь один, но он такой большой и важный, что его выполнение займёт всё светлое время суток. Мне необходимо попасть в женскую общину, где временно проживает наш осёл и чем раньше я туда отправлюсь, тем больше вероятность моего возвращения сюда до наступления ночи. Однако до завтрака есть смысл закрыть ещё один, совсем маленький вопросик, касающийся только меня и руководителя здешней организации. Данное ему обещание, несмотря на лояльное отношение к нам хозяина этого поселения, надо выполнять в срок, иначе оно запросто может измениться в худшую сторону, ещё до нашего ухода из этой долины.

Поковырявшись в так и не распакованных вещах выбрал из них, для продажи, две грязные бутылки, с отбитыми горлышками и две монеты моего времени, одну номиналом в десять копеек, другую точно такую же, но только в пятьдесят. Грязь внутри бутылок успела высохнуть и чтобы привести их в нормальное состояние потребуется не один час, а монетки, так их совсем не жалко, этой радости в закромах Степана столько, что мы ещё замучаемся всё это богатство реализовывать.

Почти всё расстояние от навеса до жилища Дена, преодолел на одном дыхании, а вот возле самого дома замешкался. У него уже находились люди и было их в этот ранний час достаточно много. Пять или шесть мужчин стояло у крыльца и слушало о чём говорит их глава. Меня он не видел, так как я подходил с тыльной стороны дома и поэтому, так и продолжал отдавать распоряжения своим соплеменникам, что в присутствии чужака обычно не делал.

— Вы двое не забудьте, пройдёте в низ по ручью примерно пять километров и повернёте на право. Запомнили?

— Да — уверенно ответил один из мужчин.

— А, как мы определим, что прошли уже пять? — одновременно с ним спросил второй.

— У него спросишь — ткнув пальцем в того, кто дал утвердительный ответ, сказал Ден. — А вот после поворота идите до тех пор, пока не наткнётесь на завал. Не забыли, где он?

— Нет — дал утвердительный ответ тот, которому и в прошлый раз было всё ясно.

— Хорошо. Дальше не суйтесь. Там всё хорошенько осмотрите и поворачивайте обратно. Да не забудьте, если встретите чужаков, на контакт с ними не идите. Мигом домой, но так, чтобы они вас не заметили. Всё понятно?

— У меня вопрос есть? — сказал мужчина, плохо определяющий пройденное расстояние.

— Говори — разрешил ему Ден.

Общинник интересовался, совсем уж какой то примитивной мелочью, чем основательно разозлил своего главу и вынудил его повысить голос. Ответа он так и не получил, а вот огромных размеров тесак, руководитель ему выдал.

— Держи — сказал он, — тебе его поручаю. Меньше будешь думать о разной ерунде. Всё, идите.

Мужики кивнули головами и быстрым шагом пошли в сторону леса.

— Так, теперь с вами — сказал Ден следующим двум. — Ближе подходите. Я чего, орать вам туда буду?

Сейчас ему не до меня, сделал я правильный вывод из нечаянно услышанного разговора, возле одного из домов. Даже если глава и по совместительству собиратель древних артефактов освободиться быстро, беседовать с ним о бутылках, после этого утреннего развода, не стоит. Не сможет человек моментально переключиться на мою тему. Он, наверняка, будет нервничать, станет излишне настойчиво спорить со мной по поводу цены на находки, а мне это совсем не к чему. Стараясь так и остаться незамеченным, я зашёл за стену постройки и быстрым шагом двинулся обратно, туда, где мои раненные товарищи всё ещё продолжают спать, добросовестно выполняя мои пожелания, по дороге размышляя над увиденным. Ден правильно поступает, есть смысл обследовать ближайшие с общиной окрестности. Возможно напасть на мирных крестьян днём никто и осмелиться, а вот попробовать чемнибудь у них поживиться в тёмное время суток, люди, подобные тем, что нам попались на обратном пути вполне могут, где то же им надо пополнять свой продовольственный запас. И, как они себя поведут под покровом ночи, даже я не знаю, человек уже встречавшийся с местными отморозками. У этих безбашенных на всё ума хватит, так что аккуратно обследовать территорию с той стороны леса, которая примыкает к новым землям, абсолютно правильное решение. Надо будет ещё посоветовать Дену выставить на ночь часовых, если он про это сам не догадается.

Расставшись под навесом с бутылками и окончательно потерявшими номинальную цену, деньгами, на скорую руку перекусил вчерашними остатками. Затем, ничем больше не заморачиваясь, взял в руки, не раз испытанное в деле и кажущееся сейчас ещё более надёжным чем прежде, копье, попрощался до вечера, с так и продолжавшими сидеть у костра, друзьями, и пошёл в сторону дороги, ведущей в соседнюю общину. Ходить туда сегодня было не обязательно, здешние хозяева, если верить словам её лидера, готовы терпеть наше присутствие рядом с собой столько, сколько нам потребуется. Но мне показалось, что лучше будет, когда наша готовность к отъезду в город окажется на уровне ста процентов. Мало ли какие чувства закрадутся в голову местного босса, бегай потом по округе, как угорелый, когда ему снова попадётся шлея под хвост и он предложит нам покинуть его территорию в течении двадцати четырёх часов.

Двигаться по безлюдной трассе, по бокам которой отсутствовали природные ловушки и грязевые ванны, где встретиться с убийцами, грабителями и прочей нечистью так же не реально, как и выиграть главный приз в лотерею, было одно удовольствие. Я беззаботно разглядывал не раз уже виденные горные склоны, обрывы, возвышенности и к огромному удивлению открывал в них, что то новое, ранее не замеченное. Соответственно возникшему настроению, тихо напевал старый и от этого, казавшийся ещё более родным, простенький мотив, и так увлёкся этими, ни к чему не обязывающими занятиями, что умудрился проскочить узкую дорогу, ведущую в женскую общину, прошагав от пересечения с ней ещё примерно пол километра.

— Вот это да! Вот это расслабился! Давно со мной такого не было — высказался я вслух, о своём безответственном поведении.

Возвращаясь назад, прокручивал в голове события, связывающие меня с людьми, живущими на небольшом пяточке плоской земли, старался убедить себя в том, что за прошедшее время всё у них наладилось и все, кто должен был вернуться, вернулись. А уже стоя на самой верхней точке, проложенной когда то много лет назад неизвестными мне первопроходцами, узкой, очень похожей на обычную тропинку, дороги, любовался расположившейся внизу равниной и не обращая внимания на резкие порывы ветра, пытался сообразить, отчего сегодня там так пустынно и, как мне показалось, не уютно. Вроде бы никаких внешних изменений в знакомом ландшафте не наблюдается, дома стоят, где и до этого стояли, ручей так и продолжает рассекать общинные земли на две не ровные части, редкие грядки расположены в тех же самых местах, что и раньше, и даже осёл мой никуда не делся, гуляет сам по себе и жадно щиплет сочную травку. Вот только людей отчего то, на этом природном великолепии, почти не видно. Три с половиной малолетки, весело бегающие друг от друга, навряд ли за них сойдут.

В низ спустился вприпрыжку, ожидание чего то не хорошего, а возможно и непоправимого, толкали меня туда лучше любого попутного ветра.

— Из взрослых, когонибудь позови — попросил я самую старшую девочку из тех, что попались мне на глаза.

— А я тебя знаю — весело сказал другой ребёнок, лет шести от роду, — ты тот дядька, что нашу мамку с собой увёл и не привёл её обратно.

— Это, кто тебе такое сказал? — спросил я девчушку, огорошившую меня своим признанием.

— Моя мама так говорит — ответила за неё подружка, та, к которой я обратился за помощью.

— Мама твоя не правду говорит, девочка. Ты её не слушай. Позови лучше её сюда и мы с ней сейчас во всём разберёмся.

— Мама! — тут же закричала она. — Здесь тебя дядя зовёт, который ослика нам подарил!

Я ожидал в качестве мамы, говорившей своим детям такие несправедливые слова в мой адрес, увидеть кого угодно, но только не эту женщину.

— Вернулся? — спокойно спросила она. — А я уж думала, что ты тоже сгинул, как и наша Софка.

— Что, так и не вернулась? — не желая верить в услышанное, спросил я Клеопатру.

— Как с тобой ушла, так после этого мы её не видели и ничего о ней не слышали — ответила женщина таким тоном, будто бы я был виновен в исчезновении матери некоторых из этих детей. А после откровенного изучения моих красивых, но немного потухших глаз, спросила: — Ты сам то, ничего про неё не слыхал?

— Где? Я всё это время на новых землях околачивался. Кто мне там мог, чего рассказать? Там нормальные люди не ходят. Уж извини, спросить было не у кого — ответил я, в таком же духе, как и спросили.

— Да, — сказала женщина, тяжело вздохнув — видно сгинула моя сестричка, на веки вечные, как и муженёк мой дорогой.

Образовавшееся после этого душераздирающего вздоха молчание, разрывал лишь детский смех, доносившийся то с одной стороны от меня, то с другой. Не будь его, наш разговор с Клеопатрой, возможно, на этом бы и закончился. Но детские голоса, которые обычно на меня действуют, как раздражитель и сигнал к опасности, на этот раз оказали положительное действие на неожиданно образовавшуюся нервную обстановку.

— А где все ваши? Что так тихо сегодня? Случилось чего? — спросил я стоявшую напротив женщину сразу обо всём, что меня интересовало, немного успокоившись.

— Ничего не случилось. Что у нас может случиться? Не с кем уже, чего то случаться — монотонно ответила она, на мои вопросы.

— Как это не с кем, вас же здесь почти тридцать человек живёт?

— А вот так. Ушли все. Не захотели больше никого ждать. Сказали: «Если мужики наши до сих пор не объявились, то значит и в живых их нет уже». Была бы с нами Софийка, она бы их поставила на место. А её больше нет. Вот все в город и подались. Решили, что там жить легче будет — поведала мне женщина о произошедших в общине переменах. — И я с ними согласна, ждать здесь нам больше нечего. Если бы не твой осёл, давно бы ушла вместе с остальными. А так, решила ещё немного подождать, раз обещала. Так что вовремя ты появился.

— Как же так, у вас вроде бы только всё налаживаться начало, а вы вдруг разбежались? — не веря в необратимость произошедшего, спросил я.

— Чего налаживаться? Оставшиеся деньги София с собой забрала, а того, что до этого купили, нам на пять дней только хватило и всё, снова впроголодь жить стали. Как она, я говорить не умею, да и не слушали бы меня люди. Кто я для них? Вот и ушли все потихоньку.

— А с общиной что же теперь будет? Мне, как с этим всем быть? Я же для вас регистрацию эту, долбанную получал? Сам за неё, между прочим, деньги отдавал! Помочь вам хотел! Получается зря напрягался? Так!? Мне теперь что, снова топать в совет и самому закрывать ваше предприятие, к которому я никакого отношения не имею?! — разозлившись на такую подставу, спросил я женщину.

— Делай, что хочешь — равнодушно ответила Клеопатра. — От меня тебе, чего надо? Вы с Софией о чём то там договаривались, а её, как видишь, нет. Так что сам разбирайся. А не хочешь, иди и ищи её, и вместе думайте, чего тебе делать. Мы здесь больше и дня не останемся, сегодня же уйдём. Проклятое это место.

Сборы женщины и шестерых, оставшихся с ней детей, долгими не были. Уже минут через сорок они подымались вверх по дороге, сказав мне перед уходом сухое: «Прощай» и предоставив право самому решать, что делать со всем этим дальше. Уговаривать её остаться и продолжать жить здесь, не захотел. Фраза, сказанная одним умным человеком, ещё во время начала моей трудовой деятельности и взятая мной в тот же день на вооружение, так до сих пор и сидит в памяти. Не знаю, сам ли он её сформулировал или позаимствовал из какой-нибудь умной книжки, но на меня она произвела тогда просто ошеломляющее впечатление и ей я не раз пользовался, и во время работы, и в обычной жизни. Остановила она меня от не нужных разговоров и сейчас, я не поддался инстинктивному желанию, а просто проговорил про себя эти магические слова: «Не удерживай того, кто уходит от тебя. Иначе не придёт тот, кто идёт к тебе» и попрощался с Клеопатрой, возможно, что даже на всегда. Сочувствовал ли этой женщине, взвалившей на свои хрупкие плечи такой груз ответственности? Конечно сочувствовал, но чем либо помочь ей, в данной ситуации, не захотел, даже не так, просто не посчитал нужным. Нет, я был в состоянии тут же сходить обратно в большую долину, за медяками и снова вернуться сюда, обеспечив тем самым её на несколько ближайших месяцев средствами, способными прокормить такую ораву. Но есть ли в этом смысл? Через какое то время вопрос с деньгами снова встанет перед ней также остро, как стоит и сейчас. А вот останется к тому времени у неё ещё желание и решительность к переменам, вопрос. Так пусть она лучше сейчас, самостоятельно, пока не исчез настрой, решает все свои насущные проблемы, если уж приняла для себя такое не простое решение.

Переборыв вполне естественное желание немедленно покинуть это внезапно осиротевшее место, ещё какое то время, побродил вокруг домов, не решаясь ни в один из них зайти, потоптался возле грядок, на которых только начали прорасти какие то незнакомые мне культуры. Затем поговорил о жизни с ослом, внимательно слушавшим мои рассуждения и всё время кивавшим головой в знак согласия, и лишь после этого, взяв в руки, так и болтавшуюся на шее животного верёвку, пошёл вместе с ним в сторону главной дороги. Что делать с наследством, доставшимся мне по какому то странному стечению обстоятельств, буду решать на ходу. Хорошие мысли ко мне часто приходят во время пеших прогулок на длинные расстояния, возможно и в этот раз что-нибудь умное зародится в моей голове, уставшей от разного рода проблем, обрушивающихся на неё с совсем незавидным постоянством.

Настроение моё, ещё совсем недавно, во время хождения по той же самой дороге, имевшее в основном весёлые нотки, резко изменилось в худшую сторону. Вроде бы и не было у него на то достаточно весомых причин, я был по прежнему жив и здоров, стал единственным обладателем недвижимости и огромного участка земли, которых до этого у меня отродясь не было, перспективы дальнейшей жизни оставались такими же радужными, как и утром, но какая то тяжесть, возникшая после разговора с Клеопатрой, так никуда и не делась, и продолжала давить на сердце, и будоражить мозг. Топая по пыльной грунтовке старался, как можно дольше, находиться в тени, где было проще разложить по полочкам образовавшийся вакуум в только что покинутой мной и достаточно давно другими членами,

общине. Скорее всего по причине того, что в вакууме отсутствует вообще, что либо, расклад этот у меня никак не получался. С какой бы стороны к нему не подходил, ничего хорошего не образовывалось. Мои размышления о трёх домах и курятнике, так и не нашли своего логического завершения, под какой бы вид деятельности я их не определял. За всю дорогу у меня в голове не созрело ни одного приемлемого варианта. Сам я пока не желаю забираться в такую глушь. Просить остаться в ней кого то другого? А кого? Сдавать в аренду? Так расположены эти постройки не в очень удачном месте. Стояли бы они на перекрёстке дорог или хотя бы у одной из них, тогда другое дело. А так, сюда ещё надо поискать желающих, работать в этом медвежьем углу, несмотря на всю его внешнюю привлекательность.

Исходя из этого я решил пока никому не сообщать о полном развале бабской общины, как все здесь называют это образование, чтобы не плодить охотников оторвать на халяву кусок чужого добра. Пускай всё постоит в таком виде, некоторое время, а там видно будет, что мне дальше делать с этой землёй и постройками. Может удастся продать их комунибудь. Вон, хотя бы тому же Дену.

Дневная прогулка на моём самочувствии отразилась вполне предсказуемо. После ужина, проведённого в кругу друзей, захотелось сразу же завалиться спать, тем более завтра утром нам предстоят сборы и выход в город, выспаться перед которым совсем не помешало бы. Ещё по дороге решил, что чем быстрее мы там окажемся, тем всем от этого лучше будет. Но на моей шее так и продолжал висеть вопрос с Деном, который хотелось бы закрыть сегодня, так как в спешке такие дела не делаются.

— Вы тут сами на ночь устраивайтесь — предупредил я Степана и Драпа. — Вернусь поздно, не ждите меня.

— А куда это ты собрался на ночь глядя? Может и мне с тобой можно? — явно на что то намекая спросил меня более молодой товарищ.

— Я тоже хотел бы ещё с тобой, перед сном, поговорить — сказал дядя Стёпа, не позволив мне сразу ответить на поставленные вопросы.

— Ну тогда жди, вернусь поговорим — ответил я ему и сразу же кинул реплику Драпу: — Со мной можно конечно, но боюсь тебе там не понравиться.

— Так ты скажи куда идёшь? А я уж сам решу понравиться мне или нет — попросил он меня.

— К Дену иду. Буду обсуждать с ним поставки продуктов питания, в обмен на некоторые найденные предметы. Хочешь поучаствовать?

— Нет, мне Сильвио хватило. Этот целый день рассказывал какую то хрень про прибыль, которую можно получить занимаясь козами и овцами. Спасибо, слушать ещё что то подобное, на ночь глядя, я не желаю.

— Ну тогда не скучайте, скоро вернусь.

Прихватив с собой всё те же бутылки и деньги, не спеша пошёл в сторону дома главы поселения. Ужин в общине ещё продолжается, так что сильно торопиться не стоит. Проходя мимо общего стола, пожелал всем приятного аппетита и между делом скользнул глазами на местных девиц, сидящих за столом сплошь с распущенными волосами, цвет которых был почти у всех одинаковый, светло жёлтый.

— Да, вот где цветник. Вот, где можно было бы развернуться — пролетела у меня в голове мысль, от которой моментально бросило в жар.

Но встретившись глазами с Деном, я тут же затолкал её, куда подальше и серьёзным тоном обратился к старшему:

— К тебе иду. Ты скоро?

Завидев в моих руках свёрток, коллекционер древностей восторгнулся и резко встал из-за стола.

— Я всё. Готов с тобой разговаривать. Пошли — сказал он мне, зашагав к дому со скоростью, очень похожей на третью космическую.

В доме главы ничего, со времени моего последнего визита в него, не изменилось. Возможно, мелочей на полках прибавилось, но об этом не мне судить, не на столько часто я бываю здесь в гостях, чтобы знать все фигурки, чашки и блюда с бутылками, принадлежащие хозяину, в лицо.

— Ну давай, показывай, чего принёс? — присев к окну, возле которого было ещё светло, торопливо сказал владелец дома.

— А чего показывать? Вот, сам смотри — предложил я ему, доставая из тряпки бутылки.

— Вижу, снова бутылки принёс — бережно взяв одну из них в руки, тоном кота, унюхавшего сметану, произнёс собиратель.

— Они самые, только горлышки поколотые, не много.

— Это ничего, главное по длине не треснутые. Вроде бы — просматривая бутылки на просвет, сказал Ден и тут же спросил: — А чего они у тебя такие чумазы?

— Прости брат, некогда было заниматься помывкой товара. Сам знаешь, что с нами в этот раз приключилось.

— Ну да, ну да, понимаю. А сегодня, чего же не помыл?

— За ослом ходил. Тебе чего ж, не доложили ещё об этом?

— Сказали — так и продолжая любоваться грязной тарой из под вина, медленно проговорил коллекционер. — Только не пойму я, зачем ты за ним ходил? Говорил же, живи сколько хочешь. А ты, вдруг засобирался.

— Да я что, я бы остался, но мои вдруг застонали. Один говорит: «Срочно в город, к доктору мне надо», второй, туда же собирается, ещё по каким то, только одному ему известным, вопросам. А отпускать их вдвоём, я что, совсем без понятия? — крутанулся я, словно ужик на сковородке.

— Тоже могу понять. Сам так каждый день, то с одним вожусь, то с другим. Ну да ладно, такая видно наша доля. Ты говори давай, чего за это хочешь?

— Сколько в прошлый раз просил, за столько и в этот отдам — скромно, без лишнего надрыва, сказал я.

— Ну ты загнул. В прошлый раз ты мне целую приволок, а эти посмотри какие.

— Не хочешь не бери. Через два дня у меня их в «Одиночке» за те же деньги с руками оторвут. Ты что же думаешь, туда так и продолжают приносить мешками такое добро? Да половина старателей уже по домам разбежалась, а вторая сидит и ждёт, когда всё нормализуется.

— Да ладно, ладно, согласен я — притормозил Ден.

— Ну раз согласен тогда вот, ещё кое что принёс. Смотри — сказал я и выложил на стол два кругляша.

— Твою мать! — выкрикнул хранитель древностей. — Это же самые настоящие деньги! А в каком состоянии! Откуда они у тебя, Влад!?

— Где взял, там уже нет — начал я объяснять происхождение мелочи.

— Ты посмотри только — не слушая меня, прошептал Ден вглядываясь в монеты, —

десять копеек, двухтысячного года. Банк России. А пятьдесят, как выглядят. Как будто их только что из этого самого банка прямо сюда привезли.

— Да, выглядят не плохо, но всё же старые — произнёс я, с определённой долей сарказма, отметив про себя, что моему знакомому слово банк тоже о чём то говорит.

— Ещё какие старые — поддержал меня знакомый, глаза которого прямо-таки светились красными фонариками, в которых по кругу бегали чёртики.

Пока любитель всякой ерунды, рассматривал деньги, я прикидывал в уме, сколько можно за них запросить. Наверняка копейки стоят хороших медяков, раз они произвели на Дена такое дикое впечатление.

— Ну чего, нравятся? — решил я подойти к этому вопросу с боку.

— Не то слово — ответил ошалевший от увиденного, мужчина.

— Тогда давай о цене поговорим — предложил я ему.

— А чего тут говорить. Редкость большая, состояние идеальное — объяснил мне мужчина всё, как есть на самом деле. — Дам за них столько, за сколько продавали в «Одиночке». Согласен?

— Согласен — не раздумывая ответил я, помня о том, какие продавцы работают в известном мне заведении, но тут же решил прощупать, насколько верно поступил: — Только, из уважения к тебе. В «Одиночке» такого давно нет, стало быть сейчас цена на них будет на много выше.

— Твоя правда — не стал лукавить Ден, подтвердив своими словами моё попадание в десятку, — там их не видели долго. Что сказать? Спасибо. Считай, что за мной должок.

— О каком долге ты говоришь, Ден? Ты помог нам, я оказал тебе уважение. Разве не так должны поступать настоящие друзья?

— Так то оно так, но мы с тобой, вроде, ещё не совсем настоящие друзья — поглаживая бороду, сказал хозяин дома.

— Не беда, станем — стараясь быть предельно убедительным, дал я направление нашим дальнейшим отношениям.

— Что же, я не против. Если ты считаешь, что тебе от знакомства со мной польза будет?

— Вот и договорились. Ну что, я так понимаю у договаривающихся сторон нет больше друг к другу вопросов? Тогда давай всё под итожим — предложил я, внимательно смотрящему на меня мужчине.

— Давай. Но прежде хотелось бы уточниться, чем забирать будешь?

— Так же, как и в прошлый раз, всем вашим. Только не сейчас, а позже. Так пойдёт?

— Пойдёт — протягивая мне руку, сказал Ден. — Считай. Значит за две бутылки с меня...

Все подсчёты мы закончили ещё засветло и поэтому к себе я вернулся в приподнятом настроении. Успею и наговориться, и выспаться, лишь бы никакая зараза не пристала ещё с чемнибудь, кроме Степана.

— Ну как, обо всём договорились? — встретил меня вопросом Драп.

— А как же. Неужели два умных человека не найдут общий язык по интересующей их, в равной степени, проблеме? Если от этого тому и другому будет только выгода, и удовольствие.

— Это Ден то умный?! — снова спросил мой товарищ, вскочив с места.

— А чего, хочешь сказать, что дурак? Был бы дураком, не выбрали бы его в председатели и не продержалась бы здесь община так долго — ответил я ему.

— В какие такие председатели? Что это ещё за ерунда? Куда это он успел пробраться? — закидал меня вопросами Драп, услышав слово, значение которого ему, по всей видимости, было не знакомо.

— Хватит вам там ругаться. Молчун, есть иди — позвал меня Сильвио, тем самым освободив от нудного объяснения значения мудрёного, для местного гражданина, слова.

На ужин подавали сыр, в неограниченном количестве, печёную картошку с луком, молоко и сметану. От мяса мы, точно так же, как и вчера, все дружно отказались. Одно воспоминание о нём, лично у меня, вызывало в желудке не совсем хорошие позывы.

— Чего это вы так, после ваших хождений, на мясо смотреть не можете? Человечины небось попробовали, вот вас на него и не тянет? — спросил меня Сильвио, подливая в чашку молоко.

— Ну ты, как скажешь дед чегонибудь, сразу не то, что про мясо думать не хочется, но даже и на молоко твоё смотреть, без отвращения, становится не возможно. С чего это ты решил, что мы людей лопали? Думаешь, если отправили пару человек на тот свет, то могли и кусочек от когонибудь из них на ужин себе поджарить? — удивился я такой постановке вопроса от, казалось бы, находящегося в здравом уме человека.

— А чего тут такого? Раньше очень даже запросто друг друга ели и ничего, никто не возмущался — спокойно ответил Сильвио.

— Когда это раньше? — спросил его Драп, слышавший весь наш разговор.

— Лет триста назад. Мне про такое ещё мой прадед рассказывал, а ему врать незачем было. Так и говорил, когда с едой на земле совсем плохо стало, люди ели тех, кто слабее был, поэтому и выжили самые сильные.

— Ну ты вспомнил, триста лет тому назад. Когда это было? Сейчас про то, что было тогда уже и не помнит толком никто. А сильным можно быть и не обязательно сожрав своего соседа — продолжил бывший каторжник, спор с пастухом.

— Слышь мужики, заканчивайте — попросил я местных жителей. — Сами пожрали дайте и другим нормально поужинать, нашли тему для разговора.

Запив сметану ещё тёплым молоком, я встал из-за стола, которым здесь служит обычный, плоский камень среднего размера, есть от таких разговоров быстро перехотелось. Подошёл к Степану и предложил ему объяснить в двух словах, о чём он, собственно, хотел со мной поговорить. Родственник замялся, посмотрел на Сильвио и Драпа, и попросил меня прогуляться с ним к озеру, пока ещё не совсем стемнело, чем сильно озадачил всех присутствовавших рядом. До сих пор у нас с ним не было тайн от Драпа, а здешнему деду, наши тайны вообще до лампочки. Но если человек просит, значит на то есть какая то причина и хочется верить, что она у моего современника достаточно уважительная.

— Ну что же, прогуляться так прогуляться. Говорят, перед сном это очень даже полезно — согласился я и не желая всех нас оставлять в довольно неловком положении, предложил лежащему под навесом приятелю: — Пошли с нами.

— Чего я там забыл, гуляйте сами, если приспичило — отказался он, понимая, что у нас с дядей могут быть какие то семейные тайны.

Степан заговорил сразу, как только мы остались вдвоём. Сначала он делал это совсем тихо, но по приближении к водоёму голос его становился всё громче, однако уверенности в нём так и не прибавлялось.

— Понимаешь — пытаюсь, что то донести до моего сознания, снова заговорил дядя, — слушаю я их и ничего толком понять не могу. Когда с нами один Драп был, я вроде бы

соображал о чём он говорит, а здесь никак. Сильвио чего то ему скажет, тот тут же отвечать начинает и вроде бы слова правильные говорит, а когда до конца дойдёт я так и не разберу, чего он ему сказать хотел. Может они специально от меня таким способом маскируются?

— Зачем им это? — вроде бы спросил я, но, как бы и ответил.

— Откуда я знаю. Наверняка, чего то хотят скрыть от нас. Мы же им кто? Чужие.

— Это ты знаешь, что мы для них чужие, а они об этом даже и не догадываются. Ты сам то смотри не проговорись. Не забыл, что мы с тобой родом из новых земель, поэтому и говор у нас такой странный. Хотя мне кажется, что у нас одних он такой.

Несколько метров прошли молча, Степан смотрел себе под ноги, а я боковым зрением изучал его физиономию. Делал это не ради познания его внутреннего мира или любясь его седой бородой и усами, а просто от того, что было жалко этого человека и хотелось ему как то помочь побыстрее освоиться в местных реалиях. Но как это сделать, понятия не имею.

— Ты меня только для этого звал? — спросил я старика, когда до воды осталось совсем ничего.

— Нет — неуверенно ответил он. — Это я так рассказывал, чтобы ты смог понять меня, почему я такой разговор сейчас заведу.

— Ну тогда говори. Завтра вставать рано, выспаться хотелось бы. Устал я за день.

— Конечно. Только не знаю, с чего начать.

— Дядя Стёпа. Нам с тобой ещё не хватало начать загадками говорить и тогда всё, сливай воду.

— Просьба у меня к тебе имеется — начал Степан и сразу почувствовалось, что сказано это было с определённой долей осторожности.

— Да говори ты уже толком, не ходи вокруг да около. У меня уже терпение начинает кончаться — высказал я ему, своё неудовольствие.

— Нервный ты Владик, нельзя таким быть — вздумал поучить меня мямля.

— Вот только нервы мои оставь пожалуйста в покое. Как там у нас дома говорили: «Их и без тебя есть кому портить».

— В общем прошу я тебя, чтобы не оставлял ты меня здесь одного. Давай вместе, как то жизнь налаживать — разродился старик. — Чувствую не выжить мне в одиночку. Ты вон, как быстро к этой жизни приспособился, а у меня, наверное, никогда это не получится, старый стал. Я и до этого понимал, что мне здесь не легко будет, когда один жил и потом, когда с Драпом на болотах пытался разговаривать. А сейчас, когда послушал Сильвио и ничего толком из его разговоров не понял, окончательно в это уверовал. Сдохну я тут один.

— Это всё? — спросил я, замолчавшего старика.

— Ну, в основном всё. Так, по мелочи есть ещё кое что, но это основное.

— Тогда слушай меня внимательно дядя Стёпа, чтобы второй раз возвращаться к этому разговору нам не приходилось. Мы с тобой повязаны крепче самых близких людей. Нет здесь больше никого, кто бы мог понять меня так, как это ты сможешь и для тебя я один такой. Кто бы ещё стал слушать твои причитания? Так уж сложилось, что именно ты меня подобрал на дороге и привёз сюда, поэтому...

— Я же не специально, Владик — будто извиняясь, перебил меня старик.

— Да я понимаю. Сделал бы ты это специально, тут бы со мной не разговаривал. Но сейчас не об этом речь. Неужели ты думаешь, что я искал тебя только ради твоего автомобиля? Да на хрена он мне сдался, хотя врать не буду, с ним мы на много быстрее встанем на ноги, но я и без него смогу тут выжить. Вон у меня у ручья целая батарея

алкоголя зарыта, я с ним запросто местным олигархам стану. Искал я тебя по другой причине...

— По какой? — снова перебил меня вопросом Степан.

— Хороший вопрос. Но на него так просто не ответишь. Одного слова на него не хватит, да и одним предложением тут не обойдёшься. Вот ты про жену свою, как то вспоминал. Стал бы её искать, если бы вы тут вместе оказались?

— Конечно! Мог бы и не спрашивать об этом — возмутился дядя Стёпа.

— А почему?

— Как это почему, потому что... резво начал и так же быстро замолчал Степан.

— Вот и я об этом. Знать то я знаю почему, а рассказать толком не могу. Поэтому давай мы с этим закончим, раз и навсегда. А впредь будем считать, что я твой племянник, а ты мой дядя, ну допустим по матери. Согласен?

— Нет, по матери, не хотелось бы — усмехнулся чему то старик.

— Ну тогда будь по отцу, мне без разницы — предложил я ему новый вариант родственных отношений.

— По отцу согласен.

— Ну и хорошо. Будем считать разговор наш окончен. Теперь ты можешь быть твёрдо уверен, куда я иду, туда и ты топаешь. Где я буду жить, там и тебе место найдётся. Так нормально будет?

— Нормально. Только вот с деньгами местными ты сам пожалуйста разбирайся. Для меня это сплошной тёмный лес. Я и дома то с ними не в очень хороших отношениях был, жена у нас ими командовала. Тут понимаешь какое дело, с детства у меня это... — завёл разговор старик, быстро топая за мной в сторону нашего временного пристанища.

Утром нас провожал не только Сильвио, но и его более молодой родственник, занимавший в здешней общине очень высокое положение. Это явилось для меня полной неожиданностью, но скрывать не стану, было приятно ощущать повышенное внимание со стороны этого человека, к моей скромной персоне.

— Зря так рано от нас уезжаете — сказал мне Ден, зорко наблюдая за тем, как мы перетаскиваем вещи из под навеса на двухколёсную телегу — в городе вам так отдохнуть негде будет.

— Возможно, но ехать всё равно надо — не желая возражать ему ответил я, укладывая завёрнутую в тряпку запаску. — Будь я один остался бы на дольше не раздумывая, а так приходится ещё чьё то мнение учитывать.

— Ну если окончательно решил ехать, тогда что же, ничего не поделаешь. А может пристроить их в городе и обратно вернёшься? — встрял в разговор Сильвио Иванович.

— Сразу навряд ли получится. А потом приеду конечно, ещё надоем тебе тут — не стал я огорчать старика.

— Молчун, можно тебя на минутку? — взяв меня за руку, спросил Ден, пытаюсь тут же отвести в сторонку.

Я поддался его настойчивому движению, но далеко от телеги всё же не пошёл, погрузкой тяжёлых вещей сам занимаюсь, некогда мне долго разговаривать.

— Что случилось? — спросил я, так и продолжавшего держать меня под локоток, мужчину.

— Да я попросить хотел. Если вдруг у тебя ещё появятся старые деньги, тащи их сразу ко мне, все заберу. Про цену не думай, договоримся.

— Любые? — уточнился я у коллекционера.

— Конечно любые. Но особенно рублям буду рад. Видел когданибудь такие?

— Приходилось — сознался я, что знаком и с этими монетами.

— Ну тогда должно быть знаешь, какая они редкость у нас.

— Договорились. Как только, что то появится, сразу к тебе — обнадёжил я знакомого, попутно пытаюсь вспомнить были в грязном полиэтиленовом мешке Степана рубли или нет.

Покинуть общину смогли лишь часа через полтора после начала рассвета. Поздно, но нам не надо спешить на рынок, скоропортящихся продуктов у нас не много, а прийти в город после того, как там уже все проснуться и заработают магазины с торговыми лавками, это для нас даже лучше. Не надо будет ждать, когда появиться возможность сдать чтонибудь из лежащего на телеге, да и по поводу жилья с хозяевами разговаривать ближе к обеду проще, к этому времени они, наверняка, станут сговорчивее и с кем то точно удастся договориться о скидке. Я всё таки решил поселиться не под навесом, в «Одиночке», а у какогонибудь частника, хотя бы на первое время, пока не пристрою основную часть нашего бесценного груза, который сдавать оптом мне бы не хотелось.

Ослик на этот раз охотно бежал по дороге, видно застоялся без дела, а может быть почувствовал каким то образом, что мы направляемся в его родной город и от этого стал таким понятливым и послушным, не знаю, во всяком случае к нему претензий у меня не было никаких. А вот Степан, стоило нам только оставить позади гостеприимную долину, сразу же повёл себя не совсем адекватно, как говорят у меня дома. Он приставал ко мне с

любой мелочью. То ему вдруг срочно потребовалось узнать, где мы будем сегодня ночевать, причём краткий ответ его не устроил, и он требовал подробных разъяснений. Не успел я от этого отбиться, как ему срочно захотелось привести свой внешний вид в порядок и он попытался переодеться в свою домашнюю одежду прямо на ходу. Затем этот весельчак запытал меня чуть ли не до смерти своей бородой, отросшей до приличных размеров за время нашего возвращения, он просил немедленно подравнять её маленькими ножничками, имевшимися в его перочинном ножике, который я волевым решением оставил у себя на вечно. Дальше, больше. Любознательному старику от чего то резко захотелось получить более развёрнутую информацию о населённом пункте, к которому мы несмотря ни на что продолжаем упорно двигаться. Его побитую голову озаботило состояние городских домов и улиц, их размеры и названия, узнав об этом он тут же переключился на людей, искренне не понимая почему я отказываюсь с ним разговаривать. Этого дядю интересовало во что одеты и обуты горожане, много ли среди жителей детей и женщин, чем они занимаются в свободное время, есть ли у них какие нибудь общие развлечения. Старый болтун не отставал от меня вплоть до того самого момента, пока основная трасса не подошла к более узкой дороге, по которой можно было попасть в окончательно опустевшую со вчерашнего дня местность, приютившую у себя три миниатюрных домика расположившихся по правую сторону от совсем крохотного родника. Здесь у него инициативу перехватил мой более молодой друг, у которого внезапно появилась причина поговорить со мной.

— Может зайдём в гости? — предложил он мне. — Куда нам торопиться? Отдохнём внизу, переночуем, а завтра, с новыми силами, снова продолжим движение.

— А что здесь такое? Там есть какое то жильё? — спросил меня, только минуту назад закончивший задавать свои глупые вопросы и выдвигать не менее странные требования, Степан.

— Там находится община, в которой твой хитрый племянник, каким то образом умудрился стать главой — не дав мне и рта открыть, проинформировал его Драп. — А ты чего не знал про это? Молчун, ты чего, даже дяде не рассказал, что возглавляешь общину, в которой одни бабы трудятся?

— Он мне ничего не говорил об этом — так, будто меня и не было рядом, ответил на его вопросы мой родственник.

— Ну надо же, какой он у тебя скромный. Кто бы мог подумать. А может он просто не хочет, чтобы мы с тобой тоже там завели по подруге? Как ты думаешь?

— Заводить уже некого — встрял я в разговор двух умников и замолчал.

— Как это некого? Ты что всех уже пристроил? — спросил более озабоченный товарищ.

— Нет, не я. Они сами себя пристроили — таким же тоном выдал я ещё часть имевшейся у меня информации.

— Да ты толком говори, что там у них? — нервно спросил Драп, оглянувшись на оставшуюся позади горную тропку.

— Дядя Стёпа, попить не хочешь? — спросил я идущего рядом Степана, снимая с пояса фляжку, проигнорировав вопрос местного ловеласа.

— Нет Владик, спасибо, не хочу — думая о чём то своём, ответил дядя.

— А я попыю — поднося емкость к губам проговорил я и жадно припал к ней.

Драп терпеливо ждал пока я утолю жажду, с трудом сдерживался, когда я медленно вешал фляжку на пояс, а после того, как с ней было покончено, но его вопрос так и остался висеть в воздухе без ответа, не выдержал и спросил:

— Ты меня чего не расслышал или просто не хочешь отвечать?

— Ты о чём то спросил? — сделав удивлённое лицо, задал я ему вопрос в ответ.

— Я тебя спросил, что там, в твоей общине, произошло? — на редкость спокойным голосом произнёс мой приятель.

— В общине то? — стараясь растянуть удовольствие, медленно, почти певуче, проговорил я.

— В ней, в ней. Он про неё спрашивает — заговорил Степан, которому видно тоже надоело ждать прямого ответа.

— Да нет больше никакой общины. Разбежалась. Один я в ней остался — громко и внятно сказал я.

— Врёшь! — вырвалось у Драпа.

— Если не веришь, сходи сам проверь, пока не ушли от неё далеко.

— А с чего это они так? Вроде бы в прошлый наш приход у них всё нормально было?

— Сказали, что надоело им жить в этом проклятом месте. В городе теперь будут счастье искать.

— А регистрация где? — спросил Драп. — У тебя?

— А где же ещё? У меня конечно, вместе с твоей.

— Так это всё меняет. Ты теперь вправе сам набирать в свою общину кого тебе будет угодно и это позволит нам собрать здесь всех наших. Я имею ввиду беглых. Знаешь их сколько в городе и его окрестностях прячется? — обрадованно заговорил Драп.

— И на кой они мне тут нужны? Что я с ними делать буду? — не разделил я его оптимизма.

— А ты что, в этом месте один решил поселиться, с дядей?

— Да у меня на это место сейчас вообще нет никаких планов — равнодушно ответил я.

— А я, пожалуй, согласился бы поселиться в деревне — вставил реплику Степан. — Мне кажется, там спокойнее будет.

— И чем ты здесь заниматься собираешься? Картошку сажать и куриц с баранами разводить? — спросил я его.

— Да хотя бы их. А можно и аппарат мой запустить. Лишних глаз не будет и он может круглосуточно работать.

— Самогон то из чего собираешься гнать, из куриного помёта? — отнёсся я отрицательно к такому предложению.

— Вы о чём это? — протолкнул вслед за моим, свой вопрос Драп.

— Почему же сразу из помёта? Сильвио говорил, что у них виноград скоро поспеет, вот из него можно — ответил мне дядя, проигнорировав нашего общего знакомого.

Вот так и знал, что всё этим закончится. Судьба закинула меня сюда только для того, чтобы я самогонку гнать научился? Всю жизнь мечтал бутлегером стать.

Разговоры о том, чем заниматься, кого принимать и, как самим устроиться в несуществующей общине, длились до самого вечера, а кое что из них обсуждалось и в начале ночи, и даже утром, когда до города оставался всего один переход. Лишь после появления очертаний торгово-гостиничного комплекса, не видевший ещё ничего подобного здесь Степан, предпринял робкую попытку переключиться на него.

— Это, что там такое? — тихо спросил он меня.

— Это та самая «Одиночка», о которой я тебе рассказывал. Смотри не проколись, сделай вид, что уже бывал здесь.

— Ладно, постараюсь — так же, почти шёпотом, пообещал он.

— Вон и «Одиночка» показалась — протянув руку в направлении мини городка, сказал Драп, не слышавший нашей беседы и посмотрев на меня спросил: — Ну что, ты так и не передумал селиться в ней?

— Передумал — не стал я скрывать своих намерений. — До тех пор, пока не сдам большую часть груза, будем жить в городе. Думаю, так для нас спокойнее будет.

— Это правильно. Тогда к нам поедет, там самое спокойное место. Телега всегда под присмотром, да и хозяева тебе знакомы. И самое главное за это не надо будет лишние медяки тратить.

Я задумался над предложением Драпа. Далековато конечно от места сдачи товара, но во всём остальном мой товарищ прав. Поселиться у его родителей было бы самым идеальным вариантом.

— Если ты серьёзно, то я согласен. Степан думаю тоже возражать не будет. Но тебе тогда придётся подождать нас, пока я не сдам кое что. Тут у нас имеется штука одна, да ты видел её на автомобиле, колесо называется. Я его прямо сейчас хотел бы сплавить. Тяжёлое оно, потом надорвусь катить сюда эту громадину.

Оставив дядю и человека, ставшего мне за короткое время почти братом, на обочине дороги, как раз на против входа в комплекс с огромной надписью на его воротах, пошёл сдаваться на милость пройдохам продавцам, прижав к себе старую, но от этого не ставшую на много легче, запаску. Очереди, как и следовало ожидать, в пункт приёма не было совсем. Не обнаружилось одиночек и в самом магазине, где три сонных продавца, о чём то громко спорили сидя у открытого окна.

— Тебе чего? — спросил меня один из них, бросив беглый взгляд на мою поклажу.

— Чего? Вещь сдать хочу и больше ничего — ответил я ему, закидывая колесо на высокий прилавок.

Грохот, который вызвала железяка крепко накрепко соединённая с не менее прочной резиной, вызвал на лицах работников этого прилавка, только не скрываемое неудовольствие моим бестактным поведением.

— Ну куда ты со своим барахлом припёрся?! — грозно прикрикнул на меня один из них. — Тащи его на рынок, мы здесь такое не принимаем.

— Так вы хотя бы взглянули, чего принёс — предложил я ему.

— Знаем мы, чего вы таскаете. Вместо того, чтобы делом заниматься, переключились на старух. Ты чего же думаешь, мы отличить не может то, что вы у них за копейки скупаете и пытаетесь нам тут впихнуть втридорога, от настоящих находок с новых земель?

— Ничего такого я не думаю. Даже на оборот, считаю вас очень хорошими профессионалами своего дела. Таких, как вы ещё поискать надо — вроде бы с подхалимничал я, но на самом деле сказал чистую правду.

— Вот же народ пошёл, готовы тебе сапоги лизать лишь бы ты барахло их принял. Ну разворачивай давай, покажи нам, чего ты там из ямы навозной достал — предложил мне тот, на кого моя краткая речь, должно быть, произвела самое большее впечатление.

Развернуть тряпку, которой с трудом хватило, чтобы скрыть все прелести изношенной до предела резины, труда не составило, но вот на то, чтобы снова разговорить заносчивых продавцов, потребовалось время. Их раскрытые рты не в состоянии были закрыться ещё достаточно долго и поэтому мои вопросы, ещё минут пять, оставались без ответа.

— Так я чего то не пойму, вы у меня эту шутовину собираетесь брать или мне

заворачивать её и действительно идти с ней на рынок? — с нескрываемым раздражением спросил я всех сразу после того, как мне надоело бомбардировать эти тупые головы краткими предложениями закончить представление хэппи эндом.

— Родик, позови Тролля, пускай он на это посмотрит — закинув мой вопрос в самый дальний угол прилавка, сказал один из продавцов своему коллеге, с очень живописным именем.

— Парни. Вы тут определитесь уже со мной. Меня там, на дороге, осёл ждёт, с двумя мужиками. Не хотите проводить оценку моей детали, так я пойду — снова попытался я выяснить настроение сотрудников торгового отдела комплекса.

— Подожди — наконец то разродился один из них, — сейчас старший придёт, он тебе всё скажет.

Человек названный одним из продавцов Троллем, был на него ужасно похож. Независимо от того, что раньше мне не приходилось встречаться ни с кем из его соплеменников, я тут же признал в этом упитанном парне, с маленькими, хитрыми глазками, расположившимися неприлично близко к переносице и выглядевшими словно крохотные пуговицы на его красном лице, имевшем чуть ли не четыре подбородка, вместо одного, самого настоящего Тролля.

— Ну, что тут у вас? — бодро спросил он всех присутствовавших в зале, и почти сразу же после того, как его милые глазки прилипли к моему предмету, прошипел, заикаясь: — Откуда?

— Вот этот приволок! — словно пытаюсь свалить всю вину за произошедшее на меня, ткнули своими указательными пальцами, мигом присмирившее продавцы, в мою сторону.

— Где взял? — сократив количество подбородков ровно на один спросил меня человек-тролль.

— А тебе зачем это знать? — вспомнив о том, кем я был ещё совсем недавно, ответил я ему вопросом.

Колесо и меня, после недолгих препирательств, перевели в подсобное помещение, оказавшееся на много просторнее торгового зала. И пускай его полки были заставлены лишь на десятую часть от общего объёма, но на них стояло много чего, на чём может остановить свой любопытствующий взор такой неопытный одиночка, как я. Однако предмета, способного конкурировать с моим, ни на одном из стеллажей не обнаружилось и это позволило мне быстро сообразить, какую ошибку совершил всеми уважаемый Тролль, приведя меня в святую святых своего бизнеса. Теперь этот боров отвалит столько медяков, сколько я с него запрошу, а не те крохи, на которые готов был согласиться стоя в торговом зале, рядом с тремя недоумками.

Улица встретила ласковым, почти бархатным, южным ветром, голубым, с редкой проседью, высоким небом и ярким, просто ослепительным солнцем, по которому успел соскучиться сидя в полу тёмной комнате, пропахшей старыми вещами.

— Хорошо то как! — довольно потянувшись, сказал я всему, что на меня сейчас паялилось.

Тугой кожаный кошелёк, за который с меня доблестные труженики магазина вычли несколько медяков, оттягивал самый большой карман рубахи, несколько монет валялось в соседнем от него, горсть мелких чешуек, которые я готов был сейчас пожертвовать любому, кто бы нуждался в них, ласково позвякивали в том, что расположился впереди, у самого пояса. И это меня радовало не меньше, чем природная красота, снизошедшая в этот

благословенный день, на землю.

— Чего так долго? Замаялись ждать тебя. Я хотел было идти уже за тобой и сделал бы это непременно, не отговори Степан — встретил меня Драп вопросами и претензиями.

— Я ему сказал, что у тебя в таких делах большой опыт и ты сам со всем справишься. Правильно сделал? — высказав уверенность в моих профессиональных качествах и не обойдясь без очередного вопроса, встрял в разговор дядя.

— Правильно — ответил я ему и тут же предложил Драпу: — Поехали что ли. Не передумал ещё нас к своим заселять?

— Пошёл, собака — сильно стукнув ладонью безобидного осла, прикрикнул Драп и снова спросил меня: — Ну, как сходил?

— Да нормально. Они в начале попытались из меня дурака сделать, общими усилиями, но потом поняли, что со мной такой номер не пройдёт и дали хорошую цену.

— Я же тебе говорил — покровительно посмотрев на местного жителя, сказал Стёпа.

— Так сколько всего получил? — не обращая на него внимания, задал мне конкретный вопрос Драп.

— Шесть тысяч, с какой то там мелочью — округлил я цифру, выданных мне в скупке денег.

— Шутишь?! — не поверил напарник.

— А это много? — следом за ним спросил, плохо разбирающийся в денежных отношениях, Степан.

Хождение по городским улицам города, заставляло моего современника, впервые оказавшегося на них, вертеть головой не меньше, чем это делал я, при знакомстве с нижней частью поселения. Он чуть ли не в окна домов заглядывал, в попытке познать быт местных жителей, благо их незащищённость давала это делать беспрепятственно, и я думаю она же, позволяла лишний раз не напрягаться хозяевам, привыкшим к такой наглости прохожих. Старшего товарища не поучал своими замечаниями, махнул рукой на его бестактное поведение, хотя иногда очень хотелось сказать: «Ну, что же ты делаешь, дядя Стёпа?». Пускай ведёт себя так, как считает нужным и сам во всём разбирается, может быть увидит что то такое, чего мне было не под силу заметить. А он, наверное, в знак благодарности не докучал меня своими заумными вопросами, которые мне и до этого уже порядком надоели.

Всё закончилось с выходом на гору, где солнце светило особо ярко и дышать от жары, и от недостатка кислорода, становилось труднее.

— Не таким я представлял наше будущее — прошептал мне в самое ухо умудрённый опытом прошлой жизни современник, когда мы достигли верхней точки города.

— Ну, а чего ты хотел здесь увидеть? Скажи им спасибо, что они такое смогли построить после того, чего с миром земля сотворила — не согласился я с ним.

— Да о чём ты говоришь, у нас в саду дома лучше были. Сам взгляни, из чего они у них сделаны!

— Дядя Стёпа, не возмущайся так громко, рядом с нами идёт товарищ, который может не понять твоих возгласов по этому поводу. Он то, как раз считает, что здесь всё очень достойно. Вот, когда спустимся в промышленную зону, возможно и ты с ним согласишься.

— Да бог с ним, может и соглашусь — уже на много тише сказал Степан, — ты мне другое объясни. Должны же были у них сохраниться какие то технологии, книжки там, справочники, специалисты в конце то концов, которые смогли бы восстановить былые достижения науки.

— И техники? — вставил я реплику.

— Какой техники? — не понял Стёпа, о чём это я.

— Ты говоришь науки, а я, продолжая фразу, добавляю техники. Сообразил?

— Нет — откровенно признался Степан.

— Плохо. Ты же слесарь какого то там последнего разряда и так до сих пор ничего не понял. Да плевать всем было на твою науку и технику, когда речь шла о том, что нужно сохранить жизнь себе и своим близким. Кто об этом думал, когда выживать надо было в диких условиях. Жили и пользовались тем, что удалось с собой прихватить, а потом, когда стало и оно кончаться, те, кто посильнее и здоровее был, забирали остатки у более слабых. Забыл, что ли, как Сильвио мне аппетит портил своими разговорами про людоедов?

— Ты думаешь так всё и было?

— Уверен. Может потом, лет через сто и спохватился кто то, что надо бы чего то там собрать и сделать, да было уже поздно. Кто что то умел и помнил, померли давно, а кого то так просто зажарили на костре и сожрали, не разобравшись с тем, что он очень умный и грамотный. Нет, тяга к знаниям у людей осталась, как там нам по телеку говорили: — «На генетическом уровне», с этим спорить не стану. Вон взять хотя бы того же Дена, у него знаешь сколько дома книжек стоит?

— Да ну. У Дена? — не поверил моим словам Степан.

— У него батенька, у него. Ты что же думал, он на столько примитивен, на сколько с первого взгляда кажется? А вот и нет. Но только тяга к знаниям у него больше смахивает на тягу к прекрасному, и я его, извини за тавтологию, прекрасно понимаю. Был бы у меня выбор, чего себе оставить, десяток методичек по торговле бытовой техникой или же сказку про графа Монте-Кристо, догадайся с трёх раз, что бы я себе оставил?

— Дураку понятно, про графа — тихо засмеялся Степан.

— Вот видишь. А они чем хуже нас. Вот все твои справочники и пустили на туалетную бумагу. Может сейчас и кусают локти, и пытаются достать их оттуда, куда двести лет тому назад засунули, но поезд то ушёл давно. Ту ту, сделал он дяде ручкой.

— А читать то они хотя бы умеют? — задал мне Степан вопрос, ответ на который валялся на самой поверхности.

— Ну раз книжки держат дома, значит умеют. Ты думаешь они у них только из-за красивых картинок на полках стоят?

— Чего и школы у них имеются?

— Вот на счёт этого не знаю, как то не интересовался. Но можем у Драпа спросить, если тебе так надо. Кстати, а тебе не всё ли равно, есть у них школы или нет? На хрена тебе это?

— Как на хрена? Ты чего, Владик? Мы же с тобой люди из того времени, где всё было на много культурнее. Может я, когда совсем ничего делать не смогу, пойду туда учителем работать. Что ты, понимать же надо.

— Прости, не подумал о такой возможности. Так что, спрашивать у этого, лохматого про школу или воздержаться пока?

— Спроси, если не сложно. Только сделай это осторожно, чтобы он не заподозрил чегонибудь нехорошего. Мало ли подумает ещё, что мы чего то там плохое сделать хотим.

— Окстись, дядя Стёпа. Это тебе не у нас, где в родную школу без пропуска не попадёшь и на каждом углу всем педики мерещатся. Здесь всё на много проще. Если чего то заподозрят, сразу отчищают то место, с которым у тебя проблемы. Уж поверь мне на слово, я

подольше твоего тут шатаюсь.

— Ну раз так, тогда спрашивай.

— Слышь Драп — обратился я к безмятежно шагавшему шагах в пяти, впереди нас, другу, — тут дядя интересуется. Ты читать умеешь?

— А чего это вдруг, его забеспокоила моя грамотность?

— Да говорит, если у тебя с этим трудности, мог бы помочь научиться.

— Умею. Спасибо, научили уже. Медленно конечно, но, если никто торопить не будет прочитаю всё, что попросите.

— А где научился этому? — спросил Драпа, Степан.

— Так, где же ещё, дома конечно. Родители сами этому должны учить своих детей. Что, соседям такое ответственное дело будешь перепоручать?

— Твоя правда, на соседей надежды никакой. Вот и я ему об этом говорю, а он не верит — подвёл я черту под разговором, но тут же попросил приятеля: — А ну ка притормози!

— Чего ещё? — недовольно спросил меня, житель промзоны.

— Пацана видишь?

— Ну и что с того? Это что, твой внебрачный сын? — спросил меня Драп, чем вызвал изумление на лице дяди Стёпы.

— Ага, сдался мне такой сынок. Помнишь, где ты портки свои менял? Это те кусты, где тебя этот хороший мальчик застукал с голым задом.

— Точно! Он, гадёныш! Всыпать бы ему, за любознательность, да боюсь родители возмущаться будут.

— Подожди, я ему сейчас моральных пендалей пропишу. Вы вперёд идите, только не быстро, чтобы успел догнать вас, а я с ним побеседую, по своему.

Выждав, когда осёл и Драп с дядей оторвутся шагов на двадцать, лёгкой походкой подошёл к мальчугану, чего то делающему в зарослях травы.

— Привет! — добродушно поздоровался я с ним. — Заработать хочешь?

— Хочу — даже не поинтересовавшись, что нужно делать, ответил соплист.

— Ляльку позови. Скажи жених пришёл, хочет день свадьбы назначить. А я тебе за это вот, три медяка дам — протягивая несколько чешуек ребёнку, попросил я его.

— Пять — твёрдо назвал он цифру.

— Чего пять? — спросил я не разобравшись, на сколько хитёр этот белобрысый ангелочек.

— Пять медяков дашь, тогда позову — серьёзно заявил малыш.

— Вот же сучё... — вырвалось у меня, но я вовремя успел перехватить фразу. — Вот же какой умный мальчик. Ну что же, пять, так пять. Для дела ничего не жалко. Иди давай, зови Ляльку. Только громко кричи. Так, чтобы все слышали. А я здесь вас подожду.

— Я громко орать умею — засовывая медяки куда то под рубаху заорал малыш на бегу и ещё громче: — Ляляка! К тебе жених пришёл! Мама! Где она?! Тут к ней жениться приходи!

Хочется надеяться, что моя маленькая месть не отразится на состоянии здоровья мальчика, но послужит ему хорошим уроком. Не стоит верить всему, что слышишь и не обязательно всем сообщать о том, что видишь.

Своих спутников догнал уже на спуске, на том самом, с которого можно было рассмотреть всё, что творилось на территории, с чьей то лёгкой руки, прозванной здесь промышленной зоной. Вид, открывавшийся внизу и меня, человека, сумевшего уже по достоинству его оценить, снова заморозил, чего же тогда говорить о Степане, увидевшем

этот муравейник впервые.

— И это называется промышленной зоной? Какой ужас — очень тихо, так чтобы его не расслышал житель этой части Корабельного, сказал слесарь.

— Ну, я бы не стал так придиричиво относиться к людям, такое продолжительное время двигавшимся в бездну хаоса, но сумевшими найти в себе силы и остановиться у самого края пропасти, не превратившись при этом в рабов обычной деревянной палки — в очередной раз не согласился я с пессимистическим настроением товарища.

— Владик, мне не до смеха. Посмотри сам внимательно, на всё это и ты поймешь, что нам здесь хана — еле сдерживая стон, вымолвил работник одного из машиностроительных предприятий, сумевшего выстоять во времена затяжного кризиса.

— Да ладно старик, не отчаивайся ты так. Я же с тобой, да и аппарат твой никуда не делся. Запустим его и будем двигать прогресс в массы.

— Молод ты ещё очень, вот и смеешься, когда плакать надо. Ну ничего, будет у тебя ещё время осознать произошедшую с нами катастрофу.

— Да её я давно уже осознал, только плакать мне всё равно почему то не хочется. Прав ты дядя Стёпа, всё, наверное, от того, что я ещё молод, как ты сказал, очень. Но мне это нравится, быть молодым и весёлым, несмотря ни на что. И плевать я хотел на то, что тут машины не ездят, и телевизоры не продают.

Промзона встретила своего блудного сына, а заодно и нас со Степаном, всё той же людской толпой, выкрикивающей имя очередного победителя в боях без правил. Поравнявшись с ней, я посмотрел на двух бойцов, колотивших друг друга за оградой, выстроенной из человеческих тел, затем кинул взгляд на Драпа, пытаюсь угадать его реакцию на происходящее, но вместо горящего глаза, которым он обычно смотрел на потенциальных соперников, увидел лишь лицо смертельно уставшего человека, которому было абсолютно всё равно, что твориться вокруг. Моего современника эта бойня тем более не интересовала, он старался держаться от неё подальше, не понимая ещё, наверное, что происходящее здесь всего лишь игра, а не выяснение отношений не поделившими чего то между собой мужчинами. Такое равнодушие со стороны двух моих близких друзей к заработку, на который у меня были определённые виды, означает, что придётся и мне забыть о нём, ну хотя бы на то время, пока младший из них не восстановит свою былую физическую форму. Заниматься таким делом в одиночку, не имея среди зрителей хотя бы одного друга, способного в случае непредвиденных обстоятельств прийти на помощь, достаточно рискованно.

Родители Драпа обнимали его так, как будто он отсутствовал дома целую вечность, а не каких то жалких три недели. Перепало от их нежности кое что и мне, а со Степаном, отец моего приятеля так и вовсе через час полтора говорил, как со старым знакомым. Жаловался ему на болячки, не позволившие выйти на работу, интересовался его здоровьем, и предлагал свои методы лечения травмы головы моего дяди. Осла и того не забыли, его распрягли, отвели ему место во дворе, напоили и обещали ближе к вечеру накормить.

— Нас здесь не ждали сегодня — тихонько сказал мне Драп, когда в доме прошла суета, вызванная встречей гостей. — Надо бы за продуктами сбегать. Денег дашь?

— Пошли вместе — предложил я ему — тебе тяжёлое таскать ещё рано. А я так понимаю закупаться нам серьёзно придётся?

— Да, с деньгами дома плохо — сказал приятель, тяжело при этом вздохнув. — Отец уже неделю не ходит на работу и по словам матери не скоро туда сможет вернуться. А на одних ложка сильно не по шикуешь.

— Понятно. Ничего, не расстраивайся, поможем. У нас есть чем — приободрил я товарища.

Драп посмотрел на меня, молча кивнул головой и прихватив свой, уже опустевший мешок, засобиравшись к выходу.

Решение присмотреться к промзоне, как к возможному источнику постоянного дохода, не такому опасному, каким является выход на просторы новых земель, созрело у меня ещё вчера вечером, во время долгого разговора между отцом и сыном, проходившего в нашем со Степаном присутствии. Способствовало этому и наличие в одном из моих карманов огромной, по местным меркам, суммы, и предложение отца Драпа, сделанное ему с прицелом на то, что и я в нём поучаствую, и заинтересованные вопросы Степана, единственного знакомого мне здесь человека, имеющего дефицитную специальность слесаря, подтверждённую документально. Мне показалось, что нам вполне по силам организовать в этом месте чегонибудь такое, на что у других не хватило ни средств, ни фантазии, ни знаний. На сколько это выполнимо и стоит ли за что то браться, сегодня и

будем с этим разбираться. Драп согласился стать нашим гидом по своему родному посёлку, Степан готов оценить уровень развития местной промышленности, а я взял на себя уже привычные мне обязанности финансового директора и провести оценку затрат, на тот или иной вид деятельности, всё равно кроме меня с этим никто, в нашей компании, лучше не справится.

Отец Драпа предлагал моему другу занять его место в кузне, о своей ране тот ему не сообщил, поэтому он даже и не догадывался, что в ближайшее время, его сын, заняться этим физически не сможет. Находилась там и мне должность, подсобники в таком тяжёлом деле всегда требуются. Степану, так же поступило лестное предложение, резать ложки можно и обезьяну, при желании, научить. Хозяин дома обещал, что уже через неделю мой дядя будет строгать деревянные, его тупым ножиком, не хуже опытного резчика. Чувствовалось, что старик хочет привязать сына к дому и готов для этого всё сделать, даже позаботится о будущем его знакомых. Драп понимал это, также понимал он и то, что отец его стал совсем старым, и теперь ему придётся о нём заботиться. Два его брата давно покинули город и неплохо устроились в одной из многочисленных общин, несмотря на молодость одного из них. Звали они к себе и отца с матерью, но старик упёрся, и ни в какую не хотел покидать насиженное место.

И вот теперь моему приятелю, с учётом всех обстоятельств, а возможно и нам с дядей Стёпой, предстоит принять не простое решение, куда приложить свои силы и кое какое умение. Про кузнечные работы лично я для себя сразу всё решил, работать кузнецом всю оставшуюся жизнь не имею ни малейшего желания и Драпу советовал не губить молодость, таким тяжёлым занятием. Но вот организовать такое, как говорит отец моего друга, прибыльное дело, я, пожалуй, попробовал бы. Не думаю, что возникнут трудности с квалифицированными наёмными рабочими, а руководитель горячего производства у нас уже имеется, им может стать хозяин дома, в котором мы провели эту ночь. Возможно Степану, что то покажется интересным и вместо кузнечного мы направим средства допустим в деревообработку или в производство кож, которыми занимаются в одном из районов этой части города. Мне кажется, что общими усилиями сможем разобраться, где наши деньги принесут наибольшую отдачу, главное у нас есть понимание того, что их надо куда то вкладывать, а не проедать тупо и потом снова топать за новой порцией автомобиля.

В прошлый раз я побывал лишь в торговой зоне рабочего посёлка и сейчас мне было не менее интересно, так же, как и моему старшему товарищу, ознакомиться с настоящей промзоной, там, где куётся богатство всего этого города. Драп повёл нас в рабочие кварталы лишь ему одному известной дорогой: мимо жилых построек, куч с мусором, рядом с мелкими лавчонками, вдоль заборов с сортирами и прочими атрибутами, присущими этому странному поселению, на мой взгляд сильно напоминающего обыкновенные трущобы.

— Прежде чем начать заниматься кузнечной, надо плавно ставить, а это не каждый кузнец в состоянии сделать. Если конечно мы не хотим по мелочам работать. А с плавноней, должен вам сказать, не всё так просто, её абы как делать нельзя — поучал нас местный житель, во время ходьбы с препятствиями. — Кроме этого необходимо одиночек подыскивать, которые будут тебе найденное железо на переплавку поставлять, а не твоему соседу. Затем саму кузню городить, инструмент у старых кузнецов заказывать, людей подбирать и одновременно с этим думать о том, что ты будешь делать и кому свои изделия станешь продавать. Не такое лёгкое это занятие, как кажется.

— Я понимаю. Ты чего же думаешь, мы совсем тёмные? — вставил я своё веское слово,

в длинный монолог разговорчивого друга.

— Может и не тёмные, но в этом деле я побольше вашего разбираюсь. Молот небось, никогда в руках не держали? Так что слушай, чего говорю и не перебивай — резко ответил он, мне.

— Ну допустим не держали и что из того? Я и не собираюсь его держать, моя задача организовать всё это, а потом ходить, контролировать работу и сливки с неё снимать — не менее жёстко сказал я.

— Сливки снимать? Ну за этим тебе к Дену возвращаться надо, там сливки снимают. А тут работать придётся. Не думаю я, что получится у нас только ходить вокруг и посматривать, как люди работают. Они такого тебе наработают. Сам проверять не будешь, качества не получишь.

— У нас есть свой проверяльщик. Как, дядя Стёпа, сможешь контролёром на кузне работать? — спросил я, у идущего рядом Степана.

— Контролёром быть дело не хитрое, вот только смогут ли эти работнички мои требования выполнить? И вот ещё чего, кажется мне, что с сырьём могут возникнуть серьёзные проблемы. Может действительно, лучше деревом заняться, посмотри сколько его здесь?

— Может и лучше. Мы за этим по местным помойкам и шляемся, чтобы разобраться с тем, что лучше — дал я лаконичный ответ, на сложный вопрос.

На кузне мне не понравилось сразу и не потому, что было на ней очень жарко, шумно и грязно, а от того, что с первых же минут присутствия в этом неуютном сарайчике понял, руководить такими самостоятельными людьми мне будет не под силу. Драп со Степаном ещё какое то время стояли там, задавали вопросы хозяину, мешая ему выполнять план, а я, как только почувствовал свою беспомощность, тут же и покинул моих товарищей. Не вижу смысла тратить время, когда с этим видом деятельности мне и так всё понятно, нам его не поднять, сколько бы денег не было в моём кармане.

— Ну что, кое чего стало проясняться — заявил дядя Стёпа, выйдя из хлипкого помещения.

— Мне сразу всё стало ясно, поэтому я и не остался с вами. Не наше это и заниматься им мы не будем.

— Ну я бы не стал, так сразу отказываться, хотя могу тебе откровенно сказать, я ожидал большего — высказал своё мнение слесарь.

— Что дальше делаем? Ещё здесь, чего то смотреть будем или двинемся в другую сторону? — спросил нас Драп, последним покинувший мастерскую кузнеца.

— А в другую, это куда? — поинтересовался я у него.

— Да хотя бы туда — махнул он рукой в сторону горки, где вырубали просеки. — На этом краю одни кузни, нового здесь мы ничего не увидим. Или ты уже решил, что этим будешь заниматься?

— Решил, — уверенно сказал я. — Этим заниматься не буду.

— Я так и знал — ещё более уверенно сказал Драп.

— Откуда?

— Не первый день тебя знаю. Тебе простор нужен, маленькая кузня не для тебя. Ты думаешь почему я отказываюсь от предложения отца занять его место? Мне тоже не нравится постоянно, изо дня в день, заниматься одним и тем же в маленькой каморке — признался Драп.

— А мне возраст уже не позволяет этим заниматься — составил Степан нам компанию.

— Пошли тогда дальше, если ни одному из вас здесь не приглянулось — предложил я.

На валке леса понравилось больше, но и здесь никто из нас не видел своего будущего, даже несмотря на то, что дома, на телеге, лежал отличный топор, великолепная ножовка и пара, почти новых напильников. Мы со Степаном немного поговорили о возможности открытия столярной мастерской, он умел обращаться с имевшимися в нашем распоряжении инструментами, и я не был в этом деле абсолютным профаном, но наше желание, отдаться этому бизнесу, отбил реалист Драп. Он рассказал какие изделия выходят из рук местных мастеров, пользующихся хламом, произведённым здесь же и нам, тут же перехотелось составлять им конкуренцию. Достичь таких высот мы ещё долго не сможем, а может быть это нам и вообще никогда не удастся. Можно было конечно нанять кого то, но что может решить один топор и одна пила, в этом безбрежном море умельцев самоучек.

Когда проходили мимо грядок с огурцами, принадлежавших какому то частному производителю овощей, Степан восторженно стал сыпать названиями сортов, которые, по его мнению, очень хорошо показали бы себя в этом климате. У курятника он также был весел и счастлив, а вот когда мы добрались до производства кож я сразу встал в позу и заявил:

— Туда не пойду. Этим заниматься я никогда не буду, а вы, как хотите.

Вечерний разбор полётов принёс неутешительные результаты, всем было ясно, нам здесь места не нашлось. Драп заявил, что он об этом и до этого знал, но не стал нам ничего доказывать, хотел, чтобы мы это сами прочувствовали. Мы прочувствовали, да так основательно, что мне вдруг снова захотелось смотаться к машине, где всё было ясно и просто, как божий день.

— Ладно, давайте спать ложиться, завтра договорим — предложил самый умный и самый опытный из нас. — Хорошие мысли обычно по утрам приходят.

Дядя Стёпа, как в воду глядел. Хорошая мысль пришла утром и, что характерно, не в одну голову, а сразу в две. В его, не единожды раненую, и ту, которая больше нас понимала о местной жизни.

— Мы тут с Драпом посоветовались — сообщил мне Степан ещё до завтрака, ткнув пальцем в могучую грудь нашего друга — и решили, что самое лучшее для нас будет, это вернуться назад, в ту местность, которая по здешним законам за тобой закреплена.

— И когда же это вы успели об этом подумать? — спросил я его, совсем не удивляясь такому предложению.

— А на это много времени не надо — поддержал его второй заговорщик. — Всё на поверхности лежит. Там мы сможем всем, чем захотим, заниматься и кожами, и деревом, и кузней. Всё под боком, только людей нужных собрать надо и работай. А не хочешь это делать, так послушай своего дядю. Мне кажется, его напиток может стать именно тем, что позволит общине крепко приподняться и людей для этого не так много понадобится. Хотя совсем без помощников всё равно не обойтись.

— Я понимаю к чему ты клонишь. Только откуда мы столько денег возьмём, чтобы выкупить всех твоих друзей?

— Заработаем — ответил за него Степан.

Я пообещал подумать над таким неожиданным предложением, хотя мне по прежнему не хотелось возвращаться в деревню, в отличии от моих приятелей.

После завтрака Степан с Драпом решили ещё разок прогуляться по территории

промзоны, а я снова отправился в приёмный пункт «Одиночки», сегодня у меня есть огромное желание сбавить тамошним работникам два маленьких, боковых зеркальца, легко поместившиеся в карманах моей рубашки.

Размышления о не простой ситуации, возникшей вокруг размещения наших средств и создания чего нибудь основательного, так и остались лишь моими размышлениями. Всю дорогу они стучались в мою голову, но так и не сформировались во что то стоящее. Мне не хотелось постоянно жить в лесу, точно так же, как и не хотелось, после детального осмотра, прозябать на промзоне. Я бы с удовольствием поселился в верхнем городе, но, как в него попасть и чем здесь зарабатывать на жизнь? На эти вопросы ответов у меня пока нет, но я над ними ещё поработаю.

На этот раз в приёмке ко мне отнеслись почтительно и серьёзно, хотя и сегодня пришлось пообщаться с Троллем. Зеркал в этот магазин не приносили давно, так давно, что никто из служащих не мог толком вспомнить, а было ли такое здесь вообще когда нибудь. Каждый из продавцов, за время нашего общения успел бесплатно посмотреться в моё «чудо» и каждый, из них же, пытался сбить цену, на эти маленькие стекляшки, обрамлённые в кусок блестящей железки, которую я огласил сразу же при нашей встрече.

— Да десять тысяч, это просто не реальные деньги! — возмущался моей наглости Тролль. — Мы эти штуковины сами, за столько никому и никогда, не продадим.

— Ты что, совсем сдурел? — поддерживал его один из помощников. — Бери пять и радуйся, что мы тебе столько дали.

— Откуда вы можете знать сколько стоят эти, прекрасно сохранившиеся вещи, если вам их ещё ни разу продавать не доводилось? — не соглашался с ними я.

— Откуда? Знаем и всё. Не твоё это дело лезть в дела торговые, твоё дело искать. Повезло тебе разок, так пользуйся, пока хорошие деньги дают — поучал меня Тролль. — Шесть, это последнее моё слово.

— Меньше чем за восемь не отдам — упирался я двойному натиску. — Посмотри, как всё блестит. Где ты ещё такое увидишь? Да у тебя эти штуки сегодня же заберут, даже если ты их выставишь в два раза дороже, чем я за них прошу.

— Я их год продавать буду! — не унимался старший продавец. — Кому они нужны, чего в них такого полезного?

Выйдя на воздух, я был уверен, что семь тысяч лежащих в моём новом кошельке, действительно хорошие деньги, с учётом того, что здесь человека можно за пять приобрести в вечное пользование.

Прежде чем возвращаться назад зашёл к своему знакомому, торгующему одеждой и разной утварью, по соседству. Встретиться с ним захотел не для того, чтобы обсудить перспективы торговли, а просто так, время свободное образовалось, вот и решил использовать его для поддержания дружеских отношений со старым знакомым. Ромуальд моему приходу был рад, в его отделе дела обстояли ещё хуже, чем в соседнем, сюда люди практически совсем перестали заходить и это мгновенно отразилось на его зарплате. Кого же такое обрадует? Возможно его кислая физиономия подтолкнула меня к мысли о том, что мне и двум моим приятелям давно пора бы переодеться в новое. Наши с Драпом костюмы, особенно конечно его, грубо подшитый мной с одной стороны белыми нитками, имеют очень неприглядный вид, а у Степана таких шмоток отродясь не было. Можно себя порадовать обновками, когда в руках такие огромные деньги появились.

— А знаешь, что, давай ка я тебе прибыль сделаю — обратился я к совсем сникшему

работнику прилавка. — Тащи три комплекта униформы. Одну на меня, вторую на моего друга. Не забыл ещё его размер? А третью, вот на такого мужика. Ему даже лучше будет, если дашь на вырост.

Ромуальд был на седьмом небе, он не скрывал, что, хотя бы сегодняшний день у него будет оплачен.

Когда все мои покупки были упакованы в новый мешок, а деньги за них уже лежали в кассе магазина, ко мне пришла ещё одна замечательная мысль. А почему бы не купить чегонибудь и этому, обиженному обстоятельствами, продавцу, в качестве подарка? Пускай порадует человека, говорят добрые дела всегда обратно сторицей возвращаются. Уже примеряя новые сапоги, из своего отдела, счастливый их обладатель выплеснул на меня все местные сплетни, слухи и домыслы, которых за время нашего отсутствия накопилось достаточно. Хорошего в них не было практически ничего, люди всё так же продолжали пропадать, правда не в таких количествах, как раньше, объёмы выручки во всех отделах упали, а криминогенная обстановка рядом с комплексом наоборот, сильно возросла. Да и на городе, спад поставок из новых земель, тоже сказался, особенно это отразилось на кузнечном деле, сырьё во все городские кузни в основном поступает отсюда.

Информация, полученная от моего старого знакомого, не отпускала всю обратную дорогу и заставила по новому взглянуть на моё будущее. Может действительно, не надо пытаться изобретать велосипед, когда знаешь, что колесо для него сделать ты не в силах и заняться чем то более приземлённым, и что не мало важно, подальше от города, испытывающего временные трудности с разгулом преступности. На самом деле, стоит ли так пугаться предложения моих друзей? Если уж я не в состоянии сеять в будущем разумное и доброе, то может быть есть смысл вернуть ему вечное. Самогон во все времена был «наше всё». Тем более производить мы его будем не «корысти ради», а для спасения душ людских и «здоровия для».

Мне всегда было важно сначала самому на что то настроиться, а лишь потом пытаться затащить в очередную авантюру других. Когда же всё происходило наоборот, то у меня такая ситуация, почти всегда, вызывала только сплошное отрицание. Так, наверное, происходит и с самогонованием. Не перегнул ли я палку относительно него? Возможно водку гнать, из винограда, не так уж и плохо, и это будет очень даже в духе этого времени. Какой толчок наш будущий продукт может дать здешней недоразвитой медицине, а скольких людей он избавит от постоянных стрессов. Нет, есть всё же смысл над этим вопросом серьёзно подумать.

Моего возвращения ждали и не только хозяева дома, и друзья, но и ещё какие то незнакомые мне люди, мужского пола.

— Может это братья моего приятеля? — подумалось мне, когда я увидел двух бородатых и давно нечёсанных мужиков, за одним столом с остальными.

Хотя нет, возраст мужчин не позволяет отнести их к сыновьям. Тому и другому лет по сорок будет, так что из пелёнок они уже явно выросли.

— Здравствуйте — поздоровался я с незнакомцами и поинтересовался у своих: — Ну чего, как погуляли?

— Отлично — опередив Степана, ответил Драп. — Вот Ивана с Алексеем встретили Знакомься.

— Молчун — отчего то представился я, своей собачьей кличкой, между делом подумав о том, что наконец то мне попались люди с нормальными, для нас со Степаном, именами.

— Иван — протянув мне руку, назвалсЯ один из мужчин, тот, что был более плотным.

— Лёша — огласил своё сокращённое имя другой, менее упитанный.

— Алексей виноградарь, а Ваня винодел — поставил Драп меня в известность, о профессиональных навыках своих знакомых.

Глядя на плохо пахнувших и ещё отвратительнее выглядевших мужчин, меня так и подмывало спросить, много ли у них судимостей, за последний год. Но вовремя сообразил, что делать этого не стоит. Навряд ли кто нибудь из присутствующих оценит мою заштанную шутку по достоинству, а вот обидеться наверняка могут. Даже излишне сосредоточенному Степану она может показаться обыкновенным издевательством.

— Давно в бегах? — вместо этого, просто и незатейливо, поинтересовался я.

— Год уже прячусь — сознался Иван.

— А я третий, как сбежал — заявил тот, кого звали Лёшей.

— Ну вы посидите тут пока — не дал мне продолжить беседу Драп, а мы с Молчуном сейчас обсудим наши дальнейшие действия.

Он бесцеремонно вцепился в мою руку и выволок меня на улицу, туда, где нас точно не услышат его гости.

— Ты чего, за меня уже всё решил? — спросил я его.

— Почему я. Это твой дядя сказал, что надо брать их и тащить в общину. Виноградарь и винодел, по его мнению, как раз те люди, которые могут быть очень полезными для его аппарата.

— Дядя этот ещё, умник хренов. Мнение своё высказывать начал. Голову бы сначала вылечил, а потом предложениями бросался — нервно огрызнулся я и спросил: — Так понимаю мне их выкупать придётся?

— Желательно, зачем нам дополнительные проблемы — ответил Драп.

— А чего, ещё какие то есть на горизонте, кроме тех, что сидят у тебя дома?

— Нет. Я в том смысле, что кроме этого много ещё чего предстоит сделать. Надо будет закупать бочки, посуду, саженцы...

— Какие ещё саженцы? — перебил я Драпа, не понимая зачем нам это.

— Виноградные — спокойно ответил он.

— Зачем они вам? Там есть виноградники, с другой стороны сопки. Мне София об этом рассказывала.

— Ну, тогда проще. На дополнительного осла, с телегой, потратимся. Ездить много придётся — обрадовался приятель.

— И чего, когда мне с ними топать в городской совет? — перевёл я разговор к проблеме, кажущейся мне более актуальной.

— Давай завтра с утра, сегодня поздно уже. А денег у тебя на выкуп хватит?

— На этих хватит. Но я тебя очень прошу, больше никого не приводи, не надо. Давай на этом остановимся.

— Ладно. Пока остановимся — заверил меня Драп, но мне совсем не понравилось, каким тоном он произнёс слово «пока».

— Ты мне скажи хотя бы, они семейные или как? А то сегодня ты их сюда привёл, завтра они притащат своих жён, детей, затем родственников близких и не очень, и чего мне с ними со всеми тогда делать? Записывать в общину, а потом кормить, одевать и обувать? — поинтересовался я у хитреца.

— Откуда у них семьи возьмутся? Кому такие мужья нужны? О чём ты говоришь? Они

себя то толком прокормить не могут, потому что ходят и постоянно оглядываются. Да и не стал бы я тащить в такую даль семейных, не понимаю что ли, сколько с ними потом мороки будет?

— Ну хотя бы что то ты понимаешь и на этом спасибо — поблагодарил я товарища. — Про одежду на завтра даже и не спрашиваю, сдаваться они в этой пойдут, с этим всё понятно. А на потом у них есть во что переодеться или мне их одевать надо будет? Уж больно страшная она у них, того и гляди на ходу рваться начнёт.

— Не могу сказать, спрошу.

— Да уж сделай одолжение. Я, кстати, нам всё новое купил, потом переоденемся. Тоже ходим, как последние оборванцы, смотреть страшно.

— Спасибо — поблагодарил меня человек, своим внешним видом мало чем отличающийся от гостей.

— Да не за что. Тебе спасибо.

— А мне то за что?

— За то, что не забываешь обо мне. Всё время пытаешься жизнь мою наладить, а теперь и о дяде моём беспокоишься, чтобы и он без дела не сидел.

— Да ладно, чего взъелся. Потом ещё на самом деле меня благодарить будешь. Где бы ты сам таких людей отыскал? Да и с общиной я тоже прав. Таким, как мы, там самое место.

Гости ушли почти сразу же после нашего возвращения, но обещали вернуться завтра, прямо с самого утра. Драп конечно же прав, если мы решим возвращаться, то селиться втроём, так далеко от города, было бы слишком самонадеянно. Но вот та быстрота, с которой этот парень отыскал беглых и привёл их к нам, не очень мне нравится. Мы ещё сами не решили, как быть дальше, я только обещал подумать над возможностью поселиться в чужих домах, а он воспринял моё обещание, как сигнал к действию. Не правильно это, такая быстрота хороша лишь в одном случае. Кстати надо завтра к парикмахеру зайти, если будет по дороге, а то действительно придётся отлавливать живность на собственном теле, всё время проживая в таких спартанских условиях.

— Хорошие ребята, — как только Ваня и Алексей вышли за ограду участка, высказал своё мнение о них Степан. — Вежливые такие и про виноградники с вином очень много знают. И за что только таких на каторгу отправляют? Ты Владик не знаешь, за что они там сидели?

— За убийство — холодно ответил я.

Не хрен тут расслабляться, а то взяли моду без спроса чужих, к особо ценному имуществу, приводить.

— Да не может быть?! Не похожи они на убийц — запричитал дядя Стёпа. — Ты что то путаешь.

— Ты спросил, я ответил. Кто из нас в тюрьме сидел? Я или ты?

— Ну вроде ты. Но какая же это тюрьма? Драп говорил, что вы там только работали.

— Мне лучше знать, что это за тюрьма была и кто из нас убийца, а кто нет. Ты бы лучше за вещами присматривал, а то завтра проснёмся, а на телеге нет ничего. Что тогда делать станем? В лес пойдём, колёса с твоего «москвича» снимать? Ты к этому готов?

— Да если честно, не хотелось бы — заюлил Степан.

— А людей водить, за которых по пять штук платить надо, тебе вдруг захотелось. Я вам тут чего, местные тугрики по ночам из себя выдавливаю, пока вы мирно спите?

— Нам за них что, за каждого пять тысяч платить придётся? — не поверил мне Стёпа.

— Конечно. Это почти всё, что у нас есть. А кроме этого надо ещё много чего покупать. Так что в следующий раз ты сначала со мной посоветуйся, прежде чем заявлять Драпу, что эти люди нам сгодятся. Договорились?

— Ты бы мне сразу про это сказал. Я бы тогда конечно. Я что не понимаю, что ли, откуда деньги берутся. Я же не знал — оправдываясь, скороговоркой проговорил дядя.

— Ладно. Ты сейчас то чего нервничаешь? Дело уже сделано и мужики действительно вроде не плохие. Но у нашего друга таких друзей, наверняка, ещё не мало. Так что в следующий раз ты на его уговоры больше не поддавайся. Если чего предложит, сразу ко мне иди. Так и говори, мне мол посоветоваться надо, с начальством, с Владиславом Романовичем и всё тут. Пускай чего хочет, то и думает.

Прежде, чем топать в городской совет с очередными попаданцами, я попросил у хозяев глиняный стаканчик и они мне его с радостью одолжили. Принесли самый маленький, из тех, что нашлись в доме, объёмом где то на пол литра. Крупноват для моего дела, но остальные ещё больше, а за новым бежать уже поздно, время поджимает. Секретарь мужик несговорчивый, не успеем прийти до обеда, закроет дверь на ключку и жди его потом или вдруг там очередь из таких, как я. А мне хотелось бы с этим парнем ещё разок посидеть за одним столом и угостить его содержимым этого стакана, в который я плеснул грамм двести самогона. Можно было бы и больше, но боюсь окосеет мой знакомы с непривычки и что тогда, завтра к нему переться? Нет уж, хватит ему и этого за обедом, а захочет ещё, пообещаю в следующий раз принести, будет повод в гости наведаться и продолжить знакомство с нужным человеком. Тактика, однако, или даже стратегия, а куда же без них.

Для такого случая я не пожалел полиэтиленового пакета, в котором храниться мелочь и отрезал от него приличный кусок, чтобы использовать его в качестве крышки. Накрыв им верхнюю часть посуды и обмотал по ободу верёвкой, не задумываясь о том, как воспримут такую хитрость местные жители.

Подъём в гору с самого начала казался необычно лёгким. Скорее всего я, за увлекательной беседой, не замечал его крутизны и от этого мне сегодня шагалось так, будто топаю по ровной дороге. Разговаривали в основном люди, идущие рядом, а я лишь направлял их рассказ в нужное мне русло, вставляя в повествование пару лаконичных фраз, в свойственной для моего прозвища манере. Более говорливым был Иван и о нём к этой минуте я знал почти всё, что требовалось знать для шапочного знакомства. Разговаривая, этот тридцати шестилетний мужчина, родившийся, как и его приятель, в промзоне, и носивший на огромной голове пышную, рыжую шевелюрой и густую бороду, такого же ржавого цвета, постоянно дёргал своими мохнатыми бровями и это делало его физиономию ещё более выразительной, чем она была на самом деле. Создавалось такое впечатление, что он всё время чему то удивляется, рассказывая мне о своей не лёгкой жизни. Удивительного в ней, конечно, было не мало, но это я могу удивляться допустим тому, как ему удалось сбежать с высокогорной каторги, практически при полном отсутствии там, в свободном доступе, воды, а ему то чего этому удивляться после того, как им уже был совершён такой подвиг. Этот герой был и более подвижным, чем идущий рядом с ним Лёша, его жестикующие сильными руками, во время пика эмоциональной вспышки, достигали такой скорости, что иногда от них до меня доносился лёгкий ветерок, похожий на тот, что исходит от потолочного вентилятора.

Алексей был более сдержанным, но на взгляд человека из прошлого, не менее разговорчивым. Возможно его худоба не позволяла обращаться со своими конечностями также, как это делал Иван, а может быть он был от рождения такой, не слишком поворотливый или же его профессия, а был он виноделом в третьем поколении, требовала аккуратнее относиться к необдуманным движениям. Как бы там ни было, а рассказывая о своём побеге, он не прибегал к дополнительным средствам, для его раскраски, хотя и эта история была не менее драматичной. Побег, в котором твой напарник, спасая тебя погибает, не может казаться обычным. Наружность этого сорока двухлетнего мужчины была, что называется, обыкновенной. Стандартная голова, тёмно русые волосы, небольшой рост, в отличии от Ивана, примерно метр семьдесят, одно слово: ботаник, каким, наверное, и должен быть человек, колдующий над производством хмельного напитка из янтарных ягод.

Получалось так, что ребята эти не плохо дополняли друг друга, вероятно их дружба, которой всего неполный год, на этом и основывается. Один, тот который виноградарь, резкий и горячий, а второй способен охладить его пыл, если того потребуют обстоятельства. Для их нелегального положения совсем не плохой коктейль.

Каким образом они будут дополнять друг друга и дальше, после того, как с них, наши деньги, снимут «позорное» клеймо беглеца, мне всё равно. Мне важно чтобы эти люди действительно оказались теми специалистами, которые смогут помочь моему товарищу наладить своё производство, а всё остальное коллектив поставит на место.

Очереди к секретарю не наблюдалось, на момент нашего прихода в его кабинетике находился какой то гражданин, но он нас практически не задержал. Ожидание моё и моих подопечных продлилось не более пяти минут.

— Заходите! — нарочито громко сказал я, вталкивая в комнату своих спутников, после того, как оттуда вышел посетитель.

— Куда прёте!? — не менее громко ответил нам хозяин кабинета.

— Здравствуй, не признал? Это я, Молчун, мы с тобой ещё недавно обедали вместе — изобразил я из себя рубаху парня.

— Я много с кем обедаю и теперь что, каждый из них имеет право вламываться ко мне без проса и приводить с собой ещё разную рвань? — поставил меня на место хозяин помещения.

— Так я не вламываюсь, я привёл беглых — не много поубавив гонор, пошёл я на попятную.

— Ну и что? Мне чего теперь, обниматься с ними или тебя благодарить за то, что такой расторопный? — более спокойно спросил меня Писарь и дал понять, что ещё не забыл кто я такой. — И откуда ты их только берёшь?

— Так их много на промзоне болтается. Вот этих мне люди сдали, знакомые. Сказали, что не могут жить спокойно, когда рядом с ними такие изверги обитают. Помочь попросили. Вот я им и помогаю.

— И? — задал служащий горсовета вопрос, слышать который здесь мне ещё не приходилось.

— И, желаю их тоже выкупить. Пускай у меня теперь поработают — закончил я предыдущую мысль.

— Чего, вот так возьмёшь и десять тысяч выложишь за этих недоумков?

— Вот так возьму и выложу. Извольте получить — сказал я, вытянув мешок с местной мелочью, из более крупного его собрата и аккуратно поставил деньги на стол.

— Кого то ты мне напоминаешь? — постукивая пальцами по пустому столу, задумчиво произнёс Писарь.

— Ты бы оформил их по быстрому, а мы потом с тобой бы вспомнили, кого, за обедом. Я для такого случая специально угощение приготовил.

Слово «обед» оказало на работника горсовета благоприятное воздействие и он не стал развивать тему, которая явно не соответствовала действительности.

— Ладно, садись — предложил он мне. — А вы номера свои называйте, потребовал он от беглых каторжников, не на шутку перепуганных таким неласковым приёмом.

Процедура переоформления заняла не больше часа. Ещё столько же Писарь разбирался с деньгами, пересчитывая их два раза в моём присутствии. Затем я вышел на улицу, где собирался дожидаться его и где уже довольно долго ждали меня двое мужчин, купленные мной по дешёвке, только что.

— Нам теперь куда? — спросил один из них, стоило только мне показаться на величественных ступенях, ведущих к центральному входу покинутого нами здания.

— Куда? — в нерешительности ответил я ему вопросом. — Можно было бы обратно идти, в дом к Драпу. Но давайте сделаем по другому.

— Как скажешь, так и сделаем — согласились обладатели новеньких, местных паспортов.

— Поступим так, вот вам триста монет, — вытащив из кармана горсть медяков и отсчитав от них три денежки, сказал я. — Берите их и дуйте в «Одиночку». Вечером чтобы выглядели точно так же, как я сейчас.

— А нам этого хватит? — спросил Иван, критически оглядев мой внешний вид.

— Я вчера там был. Мне того, что вы получили, хватило на три комплекта. Так что вам ещё и на простенькие сапоги останется.

Одиночество моё долго не продлилось. Раскрасневшийся, ещё во время общения со мной и теперь уже перешедшими в распоряжение горсовета деньгами, секретарь, появился минут через десять, после ухода моих новых друзей. Мы перекинулись с ним парой ничего незначащих фраз и отправились в том же направлении, куда совсем недавно ушли Иван с Алексеем, чтобы провести несколько десятков минут, сидя друг на против друга за одним столом, в оставившей о себе, ещё в прошлый раз, только одни хорошие воспоминания столовой.

— Чего ты там на счёт угощения говорил? — напомнил Писарь о словах, сказанных мной в его кабинете, после того, как наш стол был заставлен глиняными тарелками разного калибра.

— Сейчас, подожди — вытаскивая стакан из мешка, попросил я его.

Мне не удалось содержимое посуды полностью доставить до получателя, кое что из неё вытекло, но отвязав импровизированную крышку я убедился, что и этого моему знакомому должно будет хватить за глаза.

— Вот, держи — представив на его обозрение простенький глиняный стакан, сказал я.

— Чего это? — шевеля ноздрями словно почуявший неладное конь, спросил меня писарь.

— Ты сначала попробуй, а я потом скажу, чего? — не стал я раньше времени раскрывать своего секрета.

— А почему только я. Ты тоже себе налей — заглянув в стакан и обнаружив в нём светлую жидкость, имеющую непривычный для него запах, предложил мне осторожный секретарь.

— Так некуда?

— Тогда первым пей, а я за тобой — изобразив на лице очаровательную улыбку, сказал опытный сотрудник городской администрации.

— Ну ладно. Пускай будет по твоему. Давай тогда за знакомство, что ли?

Я взял в руки стакан и сделал пару совсем маленьких глотков. Алкоголь — это не моя стихия, напиться я могу лишь в двух случаях: с горя или с радости. Данная ситуация ни под то, ни под другое не подходит.

— Это чего, вино? — спросил меня секретарь, обратив внимание на тост и на то, как я быстро потянулся за ложкой, после выпитого.

— Вино? — переспросил я его, уже жуя кусок хорошо прожаренного мяса. — Да твоё вино, моему чудесному напитку в подмётки не годиться. Попробуй, а потом мы с тобой поговорим о том, что это такое.

Выпить за один раз сто пятьдесят грамм самогона и в моё время не каждому дано было, поэтому и пробующий его впервые человек, не справился с этой дозой с ходу. Хотя, я почти уверен в этом, он пытался это сделать.

— Крепкое. Твою же мать — выругался человек, первый раз в жизни принявший деревенский самогон внутрь и поставив стакан, с остатками огненной воды, на стол, по рабоче-крестьянски занюхал выпитое рукавом рубахи.

— Конечно крепкое. Это же тебе не вино, в виноградная водка. Слышал про такую?

— Не а — жадно хватая куски мяса со своей тарелки, сказал Писарь, даже не посмотрев в мою сторону.

Пару минут ели молча, но потом моего знакомого растащило на вопросы, причём чем позже он их задавал, тем они меньше были мне понятны.

— Где взял? — это было первое о чём спросил меня, ещё больше покрасневшийся мужчина.

— Сам делаю — решил я сразу же после дегустации, закрепить за собой все права на напиток.

— А почему я такого, до сегодняшнего дня, не видел нигде? — продолжая закусывать, задал мне вопрос человек, оказавшийся одним из первых, кому посчастливилось попробовать продукт дяди Стёпы, после его очень долгого отсутствия на земле.

— Так только начал его производить. Пока над оборудованием бился, рецептуру подбирал, с дозировкой ингредиентов возился, не один год прошёл — попытался я поднять свой статус в глазах захмелевшего человека.

— Чего? — глядя на меня явно окосевшим взглядом, спросил, наверняка, мало чего понявший из моего рассказа собутыльник.

— Говорю, так просто его хрен сделаешь — перевёл я на более доступный язык всё выше сказанное.

— А. Ну это и дураку понятно. Было бы просто все бы делали. Ты пить то ещё будешь? Или я остатки того, сам оприходуя?

— Я дома напробоваюсь, допивай — предложил я человеку, как мне кажется, сильно уважающему хмельное.

— Ну тогда пожелаю тебе, на твоём нелегком пути, чтобы всё у тебя получилось — не остался он в долгу.

— Спасибо — поблагодарил и я тостующего.

У меня сложилось такое впечатление, что наш обед затянулся на много дольше, чем это мог себе позволить работающий на такой ответственной должности человек. Но он, всем своим видом показывая, что ему абсолютно всё равно закончился обеденный перерыв или ещё продолжается. Писарь спокойно сидел за столом и болтал обо всём, что влетало в его захмелевшую голову. Кое что из сказанного меня заинтересовало и я решил воспользоваться представившимся случаем.

— Послушай. Ты, как человек много чего понимающий в вашей городской жизни, смог бы мне объяснить, каким образом может обычный парень из общины, ну вот допустим такой как я, поселиться в верхнем городе? Что мне сделать надо, чтобы получить здесь землю под строительство? — вставил я в затяжную речь Писаря, пару своих вопросов.

— Что значит получить? Она у нас чего, девка гулящая, которую каждый может себе взять бесплатно? Земля не такая — поставил меня на место секретарь. — А чего делать надо? Так с этим просто всё. Стань членом городского совета, проработай в нём три года и поставь вопрос о покупке на рассмотрение своих коллег. Етит их в душу мать!

Сказав последнюю фразу Писарь приставил указательный палец ко рту и посмотрел, не привлёк ли чьегонибудь внимания. А после того, как убедился, что желающих нас разглядывать не нашлось, продолжил.

— Слушай, как там тебя, Молчун. У тебя там ещё не осталось этой, виноградной твоей? — перегнувшись через стол, спросил меня он, раздавив при этом локтем, одну из тарелок.

— Нет больше, — развёл я руками и в ответ задал свой вопрос: — А чего понравилась?

— Во! — показав большой палец, похвалил продукцию Степана, дегустатор.

Его отогнутый кверху палец словно указатель, говорил о том, что я выбрал правильное направление. Какой смысл ещё чем то заниматься, когда всего сто грамм самогона

произвели на человека такое неизгладимое впечатление. Думаю, покажи я ему сейчас грабли из нашего с дядей Стёпой заглазника или даже зеркало, он им обрадовался бы меньше, нежели этому ароматному напитку.

— В следующий раз больше принесу — заверил я Писаря и снова задал ему вопрос: — Так чего, здесь мне поселиться совсем не реально?

— У тебя деньги ещё есть? — не ответив, спросил меня дошедший почти до полной кондиции человек.

— Есть. А тебе сколько надо? — вытягивая из кармана свой походный кошелёк, спросил я его.

— Двести тысяч. Последний дом тут за столько продавали. А по другому у тебя поселиться рядом со мной, никак не получится.

Двести тысяч! Это же сколько раз мне придётся к москвичу и обратно ходить, чтобы столько заработать? Не один десяток — это точно. И что, после десяти походов по новым землям я вот так возьму и выкину целую кучу денег на какуюнибудь потрёпанную хибарку? Да не в жисть! Я лучше эти медяки потрачу на беглых. За двести тысяч целых сорок человек можно сделать счастливыми. Нет уж ребята, обойдусь какнибудь без вашего соседства, не жил никогда рядом с сильными мира сего и начинать не стоит.

Во время ужина, в доме родителей Драпа, за столом сидело на два человека больше, чем это было вчера. Мой приятель решил, что не стоит нашим новым знакомым в такой красивой одежде ночевать в какойнибудь грязной подворотне и предложил им остаться на ночь рядом с нами. Тем более завтра всем нам предстоит выход на местный рынок, за покупками, которых, по его мнению, будет так много, что лучше ими заняться с самого утра. Возможно он прав, да и не мне решать, кого приводить в этот дом, а кого не стоит и близко к нему подпускать.

Грязные улицы промзоны уже во всю гудели, когда наша разросшаяся компания только вышла на одну из них и торопливым шагом последовала в ту сторону, где осуществлялась продажа животных, заменивших собой на местных дорогах, только нам со Степаном хорошо знакомый, автомобиль. По мнению моих друзей, без новых ослов и телег заниматься приобретением чего либо, в нашей ситуации, просто бессмысленно. Большая часть товаров, купить которые предстояло сегодня, по своим габаритам, весу и хрупкости, не может быть транспортирована руками, даже такими натруженными, как наши.

— Надо брать сразу три телеги — ответственно заявил Драп. — Меньшим количеством со всем, что хотим перевезти, не справиться.

— Если надо, значит будем три брать — согласился с ним Степан, чувствовавший сегодня себя именинником и от этого немного заважничавший.

— А вы не хотели бы моим мнением поинтересоваться? Например, спросить, а хватит ли у нас денег на всё, про что вы вчера весь вечер говорили? — спросил я у коллег по будущему бизнесу.

— Зачем интересоваться? Если ты вчера не возражал, значит хватит — продолжая увеличивать обороты, ответил мне Драп.

— Да Владик. Если на что то не хватало, надо было нам вчера об этом говорить, а сегодня чего же зря языком молотить — поддержал его Стёпа.

Я неторопливо обласкал их недобрым взглядом, но говорить чего то не стал. Мне уже давно ясно, что меня здесь держат за обычную банковскую карту, которую, если она опустеет, можно быстро пополнить, не задумываясь о том из какого источника на неё упадут

деньги.

В этот раз ослы приобрели достаточно быстро, а тележки для них так и вовсе взяли самые крайние, из длинного ряда представленных. Всё остальное, без чего эта пара не сможет совместно передвигаться, купили ещё быстрее, Иван знал в этом толк и мне оставалось только слушать его, и оплачивать сделанные им покупки. Когда же средства для перевозки грузов были полностью готовы к работе мы разделились. Драп взял одного осла и нашего, ещё никак не проявившего себя, виноградаря, и отправился в южную часть промзоны, туда, где имелась возможность отовариться саженцами для наших будущих плантаций. Для этих целей он ещё вчера получил от меня целую тысячу медяков, на которую они собирались закупить корешки и сделать предоплату по будущим поставкам винного материала. На последней позиции настоял Иван, твёрдо заявивший, что, оплатив будущее вино сегодня, уже завтра мы получим огромную прибыль только от того, что вовремя отдали деньги производителю. Проводив товарищей, наша троица поехала за бочками, которые делали почти тут же, всего в двух кварталах от мастерских, занимающихся производством телег.

— Пока три купим — ещё раз подтвердил своё решение винодел, — остальные будем брать по мере созревания нового урожая. Нам всё равно на одну телегу больше этого не поставить.

— А сколько вы всего предполагаете приобрести бочек? — спросил его дядя Стёпа, обратившись к специалисту на «вы».

— Меньше двадцати брать не стоит. С другим количеством возиться, только баловаться.

— А в литрах это сколько получится? — перешёл Степан на более близкие ему цифры.

— Трудно сказать. Каждая бочка имеет разный объём — продемонстрировал Ваня свои познания в математике.

— Ну хотя бы примерно вы можете это определить? — не отставал от него дядя.

— Думаю три тысячи литров в этом количестве поместится — сделал свой прогноз Иван, чем то отдалённо напоминавший моего родственника.

— Это очень неплохо. Таким объёмом продукта мы сможем обеспечить мой аппарат сразу на несколько месяцев вперёд — сказал Степан тоном главного инженера, какогонибудь крупного предприятия.

— Я чего то не помню, ты вчера говорил мне, сколько стоит одна бочка или это ещё только предстоит нам узнать? — поинтересовался я у винодела.

— Не говорил — спокойно ответил он, — потому что стоят они все по разному. На каждую, мастер отдельную цену назначает.

Три бочки и гора глиняных кувшинов, которые мы положили в них, предварительно завернув хрупкие изделия в ткань, купленную Степаном для нужд своего производства, почти полностью опустошили мои карманы. А нам, кроме этого, предстоит покупать мёд, воск, различную живность, семена, на которые мой дядя давно положил глаз и много ещё такого, без чего переезжать на новое место он не решался.

— На сегодня всё — поставил я в известность спутников о своей финансовой несостоятельности. — Домой поехали. Вы отдыхать, а я в «Одиночку» сметаюсь, за очередной порцией медяков.

— Может мне с тобой сходить, Владик? — спросил меня Степан. — Всё таки ты с такими деньгами обратно возвращаться будешь.

— Не надо, у меня от бандитов противоядие имеется — погладив рукоятку ножа,

висевшего на моём поясе, отказался я от его предложения.

Кроме зеркальца, различных мелких запчастей, болтов и гаек, которые дядя Стёпа накидал в свою старую сумку, для сдачи у меня имелась лишь мелочь. Инструменты мы решили оставить себе, в хозяйстве без них никак. С железом тоже не всё так однозначно, его здесь в любой момент оторвут с руками в первой же попавшейся на глаза кузне, да и не хотел бы я гайки с болтами сдавать, вдруг понадобятся, где их потом искать. Зеркала я только день тому назад продавал, стало быть для сдачи у меня остались лишь наши дензнаки, за которые медяков, навряд ли, много отвалят. Скупка, в отличие от Дена, обычно платит половину стоимости товара, а вторую пытается заработать сама.

— У тебя по карманам ничего такого, не завалилось? — спросил я Степана, в надежде на то, что у него найдётся чегонибудь эдакое, чем можно было бы удивить неуступчивых продавцов.

— Мобильник остался, но он старый и не знаю работает ли ещё — спокойно заявил Степан Сергеевич.

— А ну ка, давай его сюда — вспомнив, как нехорошо расстался со своим аппаратом, попросил я дядю.

— Сейчас, принесу. Он у меня в кармане брюк лежит.

Я не знаю каким образом, но аккумулятор старенького телефона сумел зажечь его экран, который я тут же погасил.

— Да он у тебя просто монстр какой то — удивился я такой работоспособности этого давно устаревшего экземпляра.

— А толку то. Здесь же всё равно связи нет — сказал Степан.

— Ничего, для местных и весёлые картинки за радость будут. Они же такого никогда не видели. Мне главное успеть толкнуть его, пока он не разрядится окончательно.

Сложив в карман некоторое количество мелочи, полтинник двадцать четвёртого года, о котором вспомнил, ковыряясь в мешке с нашими деньгами, телефон, свои часы и золотое кольцо с огромным рубином, в качестве последнего аргумента, бодро зашагал в сторону верхнего города, надеясь успеть в оставшееся до темноты время смотаться до «Одиночки», поторговаться там и вернуться обратно.

В пункте приёмки ценностей меня встретили, как старого знакомого, но работать со мной всё равно не стали без начальства. Возможно помня о моих прошлых заходах в эту часть магазина, один из продавцов сразу же пошёл за руководителем.

— Чего приволок? — спросил он меня вместо приветствия, заняв своей габаритной фигурой весь дверной проём.

— Вот — выложил я на прилавок телефон, от которого хотел избавиться в первую очередь.

— А чего это? — взяв бесполезную игрушку в руки, спросил старший продавец.

— Телефон — не стал я делать тайны из этого предмета.

— А для чего он нужен? — задал мне Тролль, на его взгляд, очень простой вопрос.

— Я толком не знаю — решил я не тратить время на объяснение того, о чём сам ничего не должен был бы знать. — Видел такой в одном старом журнале, а для чего он не знаю.

— И, как нам его тогда продавать? — спросил продавец, стоявший ко мне ближе остальных.

— Дай — попросил я Тролля, державшего вещь Степана в руках и у всех на глазах произвел не полную разборку устройства. — Вот, тут крышка снимается, здесь шутики есть

такие, их тоже вынуть можно.

Я достал аккумулятор и симку, показал их всем, потом без спешки собрал всё обратно и сказал:

— А теперь смотрите внимательно. Вот на эту пупырышку нажимаешь и всё заработает. Только сразу предупреждаю, как это долго продлится я не знаю.

Обманывать людей, с которыми ещё не раз придётся встречаться, не хотелось, лучше сразу рассказать всё, как есть.

Народ ахнул, при появлении на экране картинки, посмотрел в глаза друг другу и мне, после чего я тут же снова выключил невиданный здесь ранее предмет, и объявил о временном окончании его работы.

— Всё. Если хотите ещё чего то увидеть, покупайте, а за просто так я его снова оживлять не буду. Это вам не зеркало, в которое можно смотреться бесплатно.

— Он ещё чего то, кроме этого, умеет? — спросил меня Тролль, заинтересованно поглядывая на чёрную коробочку.

— Умеет. Возьмёте, покажу — ответил я, не выпуская аппарат из рук.

Старший скупки задумался и пока он думал я выложил на прилавок полтинник, о цене которого хотел бы поговорить с кемнибудь из рядовых сотрудников.

— Тебе чего, разменять? — заметив монету, спросил меня один из них.

— Ага — сказал я, не очень понимая, что значит разменять.

Парень взял в руки серебряные пятьдесят копеек, со всех сторон рассмотрел их, а потом небрежно кинул, жутко старую вещь себе в ящик. Мне же выдал ровно двадцать местных сторублёвиков, чем заставил задуматься о произошедшем. Выходит так, что я сейчас отдал монету достоинством аж в две тысячи медяков и мне за неё просто напросто отдали двадцать более мелких дензнаков?

— Давай так — не позволил мне до конца разобраться с обменом Тролль, — я возьму у тебя этот твой, как ты говоришь, телефон. Дам за него ровно тысячу, без торга. Хочешь бери медяки, а не нравится цена, забирай свою хреновину обратно и не таскай её больше к нам.

— Идёт — сразу же согласился я, понимая, что вскоре эта вещь и даром никому не нужна будет.

Возиться с мелочью не стал, хватит и этого. Время поджигает и скоро начнёт основательно темнеть, а болтаться по городу ночью, не зная, как в свете последних событий на поздних прохожих реагируют жители и городские власти не хочется, не хватало ещё чтобы меня приняли за вора или того хуже, душегуба какогонибудь.

По пути домой было о чём подумать, оказывается я толком ещё не разбираюсь в созданной здесь платёжной системе, а уже пытаюсь участвовать в открытии подпольного цеха по производству самогона. Не выльется ли мне такая поспешность боком? Нагоним мы его и куда дальше наш замечательный продукт девать? Самим продавать или просить местных торговцев наливать его любителям выпить, из под полы? Мне даже неизвестно нужна ли здесь лицензия на работу со спиртосодержащими жидкостями или можно обойтись без неё?

— Влад!? — услышал я громкий вопрос, мгновенно прервавший мои размышления.

— Да — ответил я, поворачиваясь назад, в ту сторону, откуда говорили.

— Здравствуй — поздоровалась со мной женщина, стоящая шагах в десяти от меня, разглядеть которую толком, из-за опустившихся на нижний город сумерек, не получалось.

— Здравствуй — растягивая слово ответил я, так и не понимая с кем разговариваю и

лишь после того, как догадался, кто передо мной стоит, назвал имя женщины: — Клеопатра.

— А я смотрю ты это, или не ты, в темноте сразу не разобрала — объяснила бывшая жительница дальней общины, своё запоздалое обращение ко мне.

— Я — подтвердил я неоспоримый факт моего присутствия на этой улице и спросил: — А ты чего здесь делаешь?

— Живём мы тут, у знакомой. Временно — тихо ответила женщина.

— Почему только временно? Ты же вроде бы собиралась в город на долго перебираться.

— Собиралась, да вчера передумала. Не прокормить мне здесь свою ораву, домой пойдём, к отцу с матерью, там точно все живы будут.

— Про Софию ничего не узнала? — выслушав женщину, задал я ей вопрос, который так и продолжает меня до сих пор мучить.

— Нет. Никто не видел её и ничего не слышал о ней. Говорят, что люди здесь сами по себе не пропадают и всё. Но к властям обращаться не советуют, мол всё равно никто искать её не будет.

— Так они значит думают, что с ней чего то по дороге назад случилось?

— Ничего никто не думает и не о чём думать не хочет. Зачем им это? Это же наша печаль. Да я и сама устала, об этом голову теревить. Мне сейчас о другом думать надо.

— Когда из города собираешься уходить? — быстро перевёл я тему разговора, что бы не расстраивать женщину больше, чем она сама себя расстроила.

— Как только денег на дорогу заработаю, так сразу и уйдём — ответила Клеопатра и замолчала, но почти сразу, не дав мне и рта открыть продолжила: — Не скоро это будет. До холодов, наверное, не успеем.

Я не раздумывая достал из кармана кожаный кошелёк, с завязками и стал развязывать его, одновременно с этим мелкими шагами приближаясь к женщине. Когда расстояние между мной и её сгорбленной фигурой сократилось до минимума, отсыпал в ладонь медяков столько, сколько в неё влезло и сказал:

— Завтра уходите. Этого вам хватит и на дорогу, и на то, чтобы дома обустроиться.

Утренние подсчёты наличности показали, что у нашей общины в настоящее время имеется всего тысяча двести медных монет, о чём я незамедлительно проинформировал своих товарищей, по всему видно, сильно расстроив их таким положением дел.

— А чего, за телефон так мало дали? — спросил меня понизив голос Степан после того, как рядом с нами никого не оказалось.

— Совсем его брать не хотели. Ели уговорил принять за сто медяков — соврал я ему понимая, что ложь эта была во благо.

— И чего делать тогда будем? — задал мне дядя один из двух вечных вопросов. — Нам этого на всё, что решили сегодня купить, точно не хватит, если судить по вчерашним ценам.

Я конечно мог бы ещё раз сбегать в скупку, чтобы не расстраивать его, а заодно и всех остальных членов, нашего сообщества, но делать этого не стану. Пора обходиться тем, что осталось на счету. Ещё даже намёка нет на то, что мы сможем в ближайшее время чего то заработать на самогоне, а народ уже требует такого количества местной валюты, которого простому смертному и за год не заработать.

— Берём всё самое необходимое и сегодня же уходим отсюда. Хватит расслабляться, пора бы и настоящим делом заняться — ответил я ему фразой, которая в последнее время постоянно крутится у меня в голове.

За самое необходимое сочли мёд, воск, семена и кое что из продуктов, их взяли совсем

немного и в основном то, что можно приобрести лишь в этом месте. Остальное заберём у Дена, чего то сами наловим, про одежду так и вовсе никто не заикнулся, с ней у нас пока полный порядок. Вот, когда начнёт холодать, тогда и задумаюсь над вопросом: «Чего будем одевать сверху?» Но сначала посмотрю, что тут у них за холод считают и только после этого определюсь, есть ли смысл утепляться. Сейчас главное добраться до места, разобраться со всем, что досталось в наследство от предыдущих хозяев и прижиться на нём, а с остальным будем решать по мере его поступления.

Плотно пообедав в доме родителей Драпа и не обременяя себя долгим прощанием с ними, мы почти сразу же, как только встали из-за стола, вышли на дорогу, вытянув на неё всех ослов и запряжённые в них, плотно загруженные, телеги. Такие наши действия вызвали переполох среди многочисленных соседей, тут же изъявивших желание срочно выяснить, кто это и главное куда, переезжает. Их удивлённые взгляды скользили по нам и нашему имуществу, а недоуменные возгласы говорили лишь о том, что никто из присутствующих на этом стихийном митинге не может понять, куда это можно срываться с такого тёплого и годами насиженного места. Родители Драпа с нами ехать категорически отказались, приняв на себя роль провожающих и сейчас они, вместе с остальными, за компанию, глазели на нас. О их ближайшем будущем, любящий сын, всё же позаботился, как только мы вернулись из поездки по торговым рядам он забрал у меня остатки медных монет и вручил их всплакнувшей матери. Получилось что то около сотни, такой суммы старикам, при их бережливости, должно на пару месяцев хватить, а там, все мы на это очень надеемся, у него появиться возможность ещё чего то подкинуть престарелым родственникам.

Ослы по пыльной дороге практически всё время бежали, подгоняемые умелыми действиями Ивана и Алексея, торопившимися побыстрее попасть на новое место жительства. Давно у них не было своего дома, вот и торопятся люди, всего пару дней назад ощутившие, что такое действительно полная свобода, вновь обрести его. Да и дядя Стёпа не отставал от этих бывших бродяг, ему тоже порядком надоело жить в автомобиле и слоняться по съёмным квартирам. Он, как и местные, годами не имевшие возможности спать спокойно, также хочет наконец то оказаться дома, каким бы чужим он на первый взгляд не показался. А вот я особо никуда не тороплюсь. Слова Клеопатры, про проклятое место у меня так и не вылетают из головы. И даже если считать, что это обычная болтовня, и предрассудки, мне всё равно предельно ясно, ждать в ближайшее время лёгкой жизни не стоит, неоткуда ей свалиться на мою, так и не подстриженную голову.

Дорога заняла необычно много времени, к месту, откуда можно было разглядеть наш новый дом, добрались лишь к полудню следующего дня. Первым вышел на обзорную площадку, опередив более молодых членов образовавшейся несколько дней назад общины, раскрасневшийся во время подъёма, Степан.

— Красота то какая! — донеслось до нас его восхищение увиденным.

— И чего он там такого узрел? — спросил меня Драп, тащивший за верёвку, нашего самого упрямого осла.

— Может и ничего такого. Просто радуется человек, что наконец то добрался до места, которое сможет назвать своим домом — ответил я ему, подгоняя доверенное мне, более покладистое животное.

Возможно я ещё что нибудь сказал другу по этому поводу, если бы мог ему доверить свою тайну и если бы был полностью уверен в том, что он поймёт меня. Но уверенности такой у меня нет, а говорить про своё прошлое и тем более про внезапное перемещение во

времени, посчитал преждевременным, поэтому и не сказал ему больше ничего. А вот у Степана, которого вскоре все мы нагнали на вершине горы, спросил и то так, чтобы нас никто не услышал:

— Ну чего старик, доволен увиденным?

— Устал я Владик, хочется осесть уже на одном месте и никуда с него не уходить. Надоело бегать по местным лесам и ходить по пригородам, совсем на них не похожим — ответил он мне и заметив на моём лице улыбку добавил: — Вот, даст бог, доживёшь до моих лет, тогда поймёшь о чём я говорю. А сейчас можешь улыбаться, сколько тебе угодно.

Местные мужики, пока мы с дядей Стёпой топтались возле телег с грузом и размышляли над тем, с чего бы начать, по быстрому осмотрели дома, разобрались с загоном, проверили курятник, по хозяйски взглянули на грядки, и вынесли свой вердикт устами Ивана:

— Хорошее место. Всё сделано по уму, переделывать ничего не придётся и испортится ничего не успело. Можем прямо с завтрашнего дня начинать грядки под семена готовить, лозу высаживать и погреб для бочек копать.

— А погреб, это обязательно? — внимательно выслушав винодела, спросил я.

— Тут имеется свой, но у него вход очень узкий — начал объяснять мне Иван, — ёмкости нашего размера туда не пролезут. Можно, конечно, попытаться его расширить и углубить, но тогда там не останется места для овощей. Я же так понимаю, Стёпа хочет их много выращивать?

— Да, у меня большие планы по огурцам и картошке — подтвердил свои намерения Степан. — И морковку с помидорами я тоже думаю здесь в промышленных масштабах выращивать.

Мы дружно посмотрели на моего дядю. Часть его фразы, та в которой говорилось про «промышленные масштабы», понравилась всем, естественно каждому по своему.

— Ну что же, копать так копать, завтра этим и займёмся — согласился я, тяжело при этом вздохнув. — А сейчас выбирайте, где, кто жить хочет и к разгрузке приступим.

Степан, я и мой верный друг с оригинальным именем, Драп, стоявший рядом с нами, вошли в тот дом, который был расположен между двух других, на расстоянии примерно метров в двадцать от каждого из них. Открыв ставни, запиравшиеся изнутри, запустили в небольших размеров помещение с печкой, свежий воздух, свет и не спеша принялись изучать его техническое состояние. Больших изъянов никто из нас не обнаружил, хотя у нас с дядей претензий хватало, а вот у Драпа наоборот, с языка слетали лишь одни лестные высказывания по поводу лиц построивших такой «замечательный», каменный дом, в котором летом прохладно, а зимой, как сказал мой местный товарищ, наверняка тепло. Уже через пять минут, не придиричивого осмотра, нами было принято коллективное решение поселиться в этом маленьком, по моим представлениям, домике. Два других на много меньше этого и жить в одном из них втроём, будет ещё хуже, да и сколько длится здесь, та зима, когда ночевать придётся в помещении, перекантуемся, какнибудь в этой сараюшке, а потом опять на свежий воздух.

Иван с Алексеем также определились с местом дальнейшего проживания. Они заняли крайний, стоящий ближе к грядкам и к пологому склону одной из возвышенностей, дом. Выбор мне их понятен, люди хотят жить рядом с работой, по которой соскучились за столько лет вынужденного перерыва.

Покидав вновое жильё мешки с личным имуществом, дружно приступили к разгрузке

телег. Ваня и Лёша занялись саженцами винограда, а мы со Степаном начали освобождать от глиняных сосудов бочки, перетаскивая емкости различного размера, которые потом будут заполнены продуктом из далёкого прошлого, в пока никем не занятый дом. Драп, по состоянию здоровья, не может ещё вместе с нами заниматься поднятием тяжестей, но без дела и он не остался. Предупредив, что сегодня его очередь заботиться об ужине, наш раненый товарищ пошёл в ближайшие заросли разыскивать чтонибудь подходящее для него.

Когда пустота деревянной тары ни у кого больше не вызывала сомнений, настала очередь снимать с телег и эти огромные, как нам со Степаном Сергеевичем сразу показалось, разнокалиберные бочки. Для их разгрузки пришлось задействовать почти весь списочный состав нашей маленькой общины, так как вдвоём скатить такие громадины, без ущерба для них, у нас бы навряд ли получилось. Успешно осуществив и эту, совсем не простую, операцию, мы с дядей Стёпой остались здесь же и приступили к выгрузке ящиков с мёдом и воском, а наши новые друзья продолжили перетаскивать саженцы будущих виноградников, количество которых для меня так и осталось тайной, ближе к тому месту, где они вскоре будут расти. Через какое то время, покончив и с пчелиной продукцией, я заставил своего старшего товарища воспользоваться краткосрочным перерывом, так как его внешний вид вызывал у меня беспокойство. Сам же от отдыха отказался и взялся за освобождение телеги перевозившей инструменты, стеклянную тару и предметы особого назначения, которые бережно переносил в дом, в тот, где на земляном полу в ряд выстроились поделки местных мастеров. После этого несложного занятия перетаскивал в погреб продуктовые запасы, а ещё позже, так и продолжавший сидеть на пороге нашего дома Степан, предложил мне поискать, у подножия одной из возвышенностей, плоские камни определённого размера, для нужд его агрегата. Сам же специалист по самогоноварению, приступил к более ответственному делу, сборке своего секретного механизма, запускать который в работу нам предстоит лишь через несколько недель.

Уже по окончании сытного ужина, сидя у затухающего костра, когда желающих смотреть на его слабое пламя, кроме нас со Степаном, больше не нашлось, человек, ставший мне здесь родственником, как бы между делом произнёс фразу, которая заставила нас замолчать и задуматься.

— Вот Владик мы с тобой и добрались до дома — сказал он тихо, глядя на разлетающиеся от потрескивающих углей искры. — Теперь у нас есть и крыша над головой, и прописка местная, и даже соседи появились. Только почему то всё равно, не радостно мне от этого.

Сочувственно глядя на дядю Стёпу попытался было открыть рот, чтобы сказать ему, что не всё так плохо, что впереди нас ждёт лишь одно хорошее, а плохое уже позади, но заметив, как откровенно блестят глаза старика, как суетливо забегали по карманам его руки, передумал это делать. Стоит ли обманывать его и себя, в придачу? Не будет нам здесь ни легко, ни просто, как бы не хотелось в это верить. Столько ещё предстоит сделать и пережить, для того, чтобы стоящий позади нас дом, стал действительно домом, а родная земля, в которой сейчас без труда можно отыскать примесь какойнибудь испанской или французской, снова стала относиться к нам по отечески.

Больше книг на сайте - Knigolub.net